

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HARVARD COLLEGE LIBRARY

Bought with the income of
THE KELLER FUND

Bequeathed in Memory of
JASPER NEWTON KELLER
BETTY SCOTT HENSHAW KELLER
MARIAN MANDELL KELLER
RALPH HENSHAW KELLER
CARL TILDEN KELLER

ПОВЕДЪ

ВЪ КИРИЛЛО-БѢЛОЗЕРСКІЙ МОНАСТЫРЬ.

ВАКАЦІОННЫЕ ДНИ

ПРОФЕССОРА С. ШЕВЫРЕВА

ВЪ 1847 ГОДУ.

Въ двухъ частяхъ.

(Съ 25-ю литографированными рисунками).

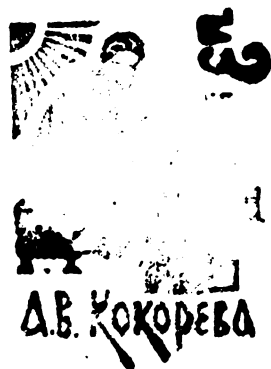
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

Въ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1850.

Slav 3078.50.5 (1-2)

HARVARD UNIVERSITY
LIBRARY

Келлер

ПЕЧАТАТЬ ПОВЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. Москва. Января 15-го дня, 1850 г.

Ценсоръ Ст. Сокът. и Кавалеръ И. Смирновъ.

ТРОИЦКАЯ ЛАВРА.

Цѣль поѣздки и описанія. — Путешествія по Россіи. — 24-е Іюня. — Воспоминанія по дорогѣ къ Троицѣ. — Мытими. — Село Пушкино. — Хатьковъ монастырь. — Странники. — Дорога до Троицы. — Лавра. — Юродивый съ хлѣбомъ. — Литургія у раки Препод. Сергія. — Мысль всей жизни Преп. Сергія. — Трапеза. — Картины на стѣнахъ и странники. — Иконы. — Ризница. — А. В. Горскій. — Его Исторія Флорентійскаго собора. — Ученые Московскои Духовнои Академіи. — Библіотеки: Академіи и Лавры. — Новое открытіе А. В. Горскаго о годѣ изобрѣтенія Славянскои грамоты. — Рукописи. — Ф. А. Голубинскій. — Двойной характеръ его бесѣды. — Мысли о нѣмецкихъ философахъ. — Богоугодныя заведенія при Лаврѣ. — Визанія. — Церковь. — Домъ Митрополита Платона. — Геесиманія.

Мнѣ нуженъ былъ отдыхъ отъ трудовъ академическаго года. Я хотѣлъ согласить его съ занятіемъ по сердцу. Ни на чемъ такъ нельзя отдохнуть человѣку, утомленному кабинетною жизнью, какъ на пути скромъ и дѣятельномъ. Здѣсь мысль, не прерывая своего занятія, живетъ вышними предметами. Впечатлѣнія смѣняются быстро: душа, освѣжившись, бодрѣй возвращается въ свой внутренній міръ.

Давно желалъ я взглянуть на предѣлы нашего сѣвера. Особенно хотѣлось мнѣ посѣтить бѣлозерскія мѣста, съ которыми связана память преподобнаго Кирилла, одного изъ просвѣтителей тамошнихъ краевъ въ эпоху Татаръ. Лѣтомъ 1847 года, удалось мнѣ исполнить это желаніе. Кратокъ по времени былъ мой отдыхъ и путь; но много впечатлѣній прошло по душѣ; много новыхъ свѣдѣній собрала память: не хочу, чтобы это пропало даромъ, и рѣшаюсь передать читателямъ.

Въ дорогѣ все случайно: не знаешь, на что наступишь; не знаешь, съ кѣмъ встрѣтишься и что заметишь.

Я имѣлъ нѣль предположенную въ своей поѣздкѣ, но не пренебрегалъ ничѣмъ, что любопытнаго попадалось на пути. Пускай рассказъ мой будетъ вѣрною, незатѣйливой копіею съ самаго странствія. Мыслящая бесѣда съ замѣчательнымъ человѣкомъ, живыя рѣчи простолюдиновъ, мѣстность природы, впечатлѣнія городовъ и сель, памятники древней Руси, монастыри, храмы, иконы и хартии, дѣятельность Россіи новой, обычаи и нравы, преданія, языкъ народный и его физиогномія — все взойдетъ въ мой рассказъ, безъ строгаго порядка и связи, все какъ случилось. Спутникъ мой, Н. В. Б., владѣющій карандашемъ съ такою же граціей, какъ и стихомъ, снялъ нѣсколько очерковъ, за которые я ему весьма благодаренъ. Пускай они очевиднымъ напоминаніемъ оживятъ мое слово.

У насъ есть люди, готовые осмѣять даже мысль о путешествіи по Россіи. Выдавая себя за строгихъ поклонниковъ запада, они въ этомъ случаѣ однако позволяютъ себѣ отступать отъ него, потому что западъ не только не пренебрегаетъ такими путешествіями, но ввелъ ихъ въ моду и непрерывно обогащаетъ свою литературу ихъ описаніями. Мы также весьма охотно читаемъ ихъ, но въ этомъ чтеніи насъ не столько занимаютъ рассказы объ нашемъ отечествѣ, сколько мнѣніе, какое объ насъ составили западные путешественники. Данныя мы всегда признаемъ невѣрными, неосновательными, и даже извиняемъ въ томъ: гдѣ же иностранцу, говоримъ мы, не знающему ни языка, ни исторіи нашей, собрать вѣрные факты о землѣ и народѣ? Но мнѣніе, не смотря на то, для насъ все таки имѣетъ великую цѣну и важность, хотя логически слѣдовало бы такъ заключить: данныя неосновательны, слѣд. и мнѣніе, изъ нихъ выведенное, таково же. Но подобное заключеніе требуетъ другаго условія. Надобно имѣть для того мнѣніе о самихъ себѣ, какъ націи, а мы покамѣстъ его еще не составили — и потому дорожимъ мнѣніемъ другихъ, точно такъ какъ всякій человѣкъ, не имѣющій о себѣ самостоятельнаго мнѣнія, хотя съ вида и стойкій, зависитъ отъ постороннихъ.

Есть еще причина, почему поклонники запада считают невозможнымъ путешествіе по Россіи. Эта причина, надобно съ ними согласиться, самая основательная; она состоитъ въ недостаткѣ комфорта, великаго плода Европейской цивилизаціи, столько лестнаго самолюбію нашей, человеческой природы. Справедливо говорятъ: въ Россіи можно только ѣздить по дѣламъ, а путешествовать не лзя. Въ самомъ дѣлѣ, вы путешествуете только за границей: путешествіе тамъ сопровождалось, по крайней мѣрѣ прежде, всякой день, прекраснымъ завтракомъ, вкуснымъ обѣдомъ, мягкой постелью. Странствуя по Россіи, вы непрерывно подвергаетесь тѣмъ лишеніямъ, которыя для инаго, скованнаго привычками воспитанія, просто невыносимыя несчастія, удары судьбы; вы на самихъ себѣ, и ночью и днемъ, чувствуете почти всякой часъ, какъ отстали мы въ комфортѣ жизни передъ другими — и выносите чувство неприятное, могущее повредить всякой пользѣ, еслибы эта польза была даже возможна. Съ этимъ не лзя не согласиться. Кто противъ этого можетъ спорить?

24-го Іюня я выѣхалъ изъ Москвы, въ Крестовскую заставу. Ивановъ день сказывался вѣнками цвѣтовъ на поярковыхъ шляпахъ фабричныхъ шеголей Московскихъ. Красныя рубашки, синіе халаты и черныя кудри подъ увѣчанной шляпой мелькали непрерывно. Весела физіогномія нашего промышленника, котораго кормитъ Москва своею работой; его довольство блещетъ въ его нарядѣ; праздникъ принадлежитъ ему — и онъ не чувствуетъ тяжелой нужды продать его за деньги. Но лицо его слишкомъ рано теряетъ цвѣтушую краску юности; рано морщины втираются въ него и разрушаютъ свѣжесть тѣлесную; глаза темнѣютъ и тупѣютъ; подъ наружнымъ забытьемъ и весельемъ таится что-то болѣзненное и мрачное. Причина всему — вино.

Катясь по Троицкому шоссе, наслаждаешься выгодами Европейской гражданственности и въ тоже время вспоминаешь старинную Русь съ ея царскими походами. Вотъ на лѣво Марьяна роща и поле, гдѣ подъ шатрами отдыхалъ

Царь Алексѣй Михайловичъ съ своею Царицею. Вотъ древнія главы церкви села Алексѣвскаго! Вотъ Тайнинское—забава Царя Алексѣя Михайловича! Путевыя впечатлѣнія И. М. Снегирева—необходимая книжка для мыслящаго странника къ Троицѣ: они оживляютъ дорогу памятью минувшаго.

Но какъ изгладились слѣды его! Ужъ нѣтъ дворца въ Алексѣвскомъ, гдѣ Карамзинъ съ какою-то любовію смотрѣлъ на тѣ вещи, которыя принадлежали еще къ характеру старой Руси; съ какимъ-то неизъяснимымъ удовольствіемъ брался рукою за дверь, думая, что нѣкогда отворялъ ее родитель Петра Великаго, или Канцлеръ Матвѣевъ, или собственный предокъ его, служившій Царю, и чувствовалъ, что въ немъ не простыла Русская кровь! Въ селѣ Тайнинскомъ нѣтъ уже давнымъ давно дворца Елисаветы Петровны, который еще при Карамзинѣ продавался на съезъ! Въ Братовщицѣ — ни деревянной церкви, ни царской вышки, въ которой на мягкихъ перинахъ отдыхалъ Царь Алексѣй Михайловичъ.

Въ Мытищахъ Европейская цивилизація вамъ напомнитъ обычай заграничныхъ дорогъ. Вы приведете на память этотъ Нѣмецкій Schein, который васъ такъ часто будилъ ночью! Не худо замѣтить для новичка-странника по этимъ Европейскимъ дорогамъ, что ярлыкъ, который дадутъ вамъ за ваши деньги, надобно сберечь на дальній путь, еслибы даже сторожъ и сказалъ вамъ, что вы можете сдѣлать съ нимъ все что хотите. Помню, за границей, мнѣ всегда хотѣлось на самомъ ярлыкѣ прочесть, что съ нимъ дѣлать, на примѣръ: *отдать на такой-то станціи.*

Самоварная промышленность предлагаетъ вамъ отвѣдать чаю изъ самой лучшей подмосковной воды. Преданіе именуетъ родникъ *громовымъ колодеземъ*; такое названіе нерѣдко встрѣчается въ Россіи; народъ вѣрилъ, что небесная молнія открывала лучшую воду людямъ. Есть еще у насъ *святыя колодцы*: они вырыты руками святыхъ мужей, потрудившихся для здравія народнаго. Эти колодцы открыты также святымъ вдохновеніемъ съ неба.

Село Пушкино, какъ говорятъ, славится своими хоровами. Думая, что въ Ивановъ день они соберутся, мы остановились здѣсь напиться чаю. Но хороводовъ не было. Сосѣдняя фабрика отнимаетъ праздничные дни у народа. Трудъ, конечно, полезнѣе пѣсенъ. Нѣсколько дѣвушекъ въ нарядныхъ платьяхъ сидѣло на залавкѣ у одного богатаго крестьянскаго дома. Не вдалекѣ отъ нихъ стоялъ молодой щеголь села, хозяйской сыгъ, видный собою, въ плисовой сборчатой коротенькой поддѣвкѣ, которая сжимала стройный станъ его; изъ подъ нея видна была цвѣтная пестрая рубашка; русыя кудри вились изъ подъ шляпы; сложивши руки, гордо стоялъ онъ и поглядывалъ на дѣвицъ; видно было, что онъ щеголялъ собою и своимъ нарядомъ. — «Что не водите хоровадь, дѣвушки?» — Да вотъ мѣлодцы не затѣваютъ, отвѣчали онѣ, указывая на щеголя. — «Что же, другъ, не позовешь ихъ?» — Да куда мнѣ звать? это нашъ домъ: вотъ онѣ сами пришли ко мнѣ въ гости и незванья. — Вотъ и еще успѣхи цивилизаціи, подумалъ я. Ужъ это нравы прямо изъ современныхъ Парижскихъ воедевилей, гдѣ мѣръ теперь выводится наизнанку и дѣвушки волочатся за мужчинами. Я думалъ, что вижу передъ собою сцену изъ *Fièvre brûlante* въ подмосковныхъ костюмахъ.

Грудные младенцы на рукахъ у матерей и ребятишки, бѣгавшіе около нихъ, привлекли мое вниманіе. Какъ они блѣдны и тощи! Какой болѣзненный видъ! Прежде это случалось съ барскими дѣтьми. Нравы родителей видны на дѣтяхъ. Грустно!

Я прошелся по селу. Его веселая наружность мнѣ полюбилась. Вошелъ на колокольню. Прекрасенъ видъ на окрестность; извивы рѣки Учи его оживляютъ. Волновались поля будущею жатвой. Вдали видна фабрика. Она отняла у насъ хоровадь; но спасибо ей за то, что кормить народъ и приучаетъ его къ честному труду.

Соседей съ колокольни, мы гуляли вдоль по селу. По дорогѣ тянулся обозъ отъ Троицы. Впереди ѣхала кибитка. Въ ней сидѣлъ священникъ. Насъ поразила благообразная красота его. Никогда еще не встрѣчалъ я такого чуднаго

лица, котораго черты намѣкали бы такъ ясно на божественный ликъ, коему мы поклоняемся на иконахъ. Кстати такой прекрасный даръ удѣленъ служителю алтаря, особливо если черты души отвѣчаютъ чертамъ лица. У насъ, по какому-то предразсудку, совѣстно остановить вниманіе на прекрасномъ лицѣ, какъ будто бы это не созданіе Божіе, достойное изумленія. — Духовенство наше отличается вообще крѣпостью тѣлосложенія и свѣжестью силъ: добрый признакъ его чистыхъ нравовъ. Пускай иноземцы укоряютъ у насъ это сословіе въ томъ, что оно слишкомъ отдѣлено отъ другихъ. И прекрасно: такимъ только образомъ можетъ оно уберечь себя и свои тѣлесныя силы.

Идучи по селу, я вмѣшался въ народный разговоръ. Крестьянинъ всегда радъ бесѣдѣ съ нами — и весьма радушно принимаетъ наше слово. Въ этомъ всего лучше выражается его добрая душа. Полетъ воздухоплавателя еще былъ здѣсь свѣжею новостью. Памятно мнѣ слово одного простолюдина: «Самъ себѣ смерть покупаетъ.» — Что бы вамъ такъ? спросилъ я. Вѣдь вотъ вы сколько трудитесь, сколько работаете, а толи дѣло? слеталъ на воздухъ, да взялъ себѣ денежки.—«Нѣтъ, баринъ, страшно.»—Да вѣдь ты пойдешь же на смерть, если отдадутъ въ рекруты? — «Та ли это смерть, баринъ? Это служба великому Государю.» — Величаво было это слово — и величавъ видъ, съ какимъ произнесено оно.

Люблю я бесѣду съ нашимъ народомъ. Она для меня всегда поучительна и мыслію и словомъ. Мысль его свѣжая, незаученная; таково и слово. Кромѣ того, послѣднее нерѣдко бываетъ для меня отголоскомъ изъ памятниковъ древняго языка. Одинъ Владимірскій плотникъ говорилъ мнѣ недавно: вмѣсто взялися — *ялмся* все сдѣлать. Мнѣ такъ и припомнилось выраженіе изъ Несторовой летописи — *ялмся* по дань. Но Владимірцы сознаютъ однако, что рѣчь Московская чище: — «у насъ во Владимірской губерніи *говорять сырѳ*», такъ выражаются они, и, приходя въ Москву на работу, стараются поскорѣе перенять наше произношеніе и складъ рѣчи. Москву они уважаютъ и

любить за то, что она их кормит; но у них есть на нее и пословица, не совѣмъ выгодная: *Москва кому мать, кому мачиха*. Въ городѣ у насъ считаютъ они себя чужими, а потому и ходять сѣрдъ — не щеголяютъ; но за то у всякаго на селѣ, у того мать, у другаго жена, бережетъ красную рубашку да синій халатъ къ его возврату: придетъ плотникъ съ Москвы къ сѣнокосу домой — и тогда-то наряжается онъ въ береженое платье, и щеголемъ идетъ къ обѣднѣ въ сельскую церковь, гдѣ увидать его люди свои, знающіе его и по имени и по рожденію.

И. П. Сахаровъ въ Сказаніяхъ Русскаго народа говоритъ, что пѣсня: *Не будите меня молоду*, поется въ селѣ Пушкинѣ съ какимъ-то народнымъ торжествомъ, и что Московскіе жители нарочно ѣздить туда слушать эту пѣсню. Мнѣ хотѣлось повѣрить это на дѣлѣ—и я обратился къ одному изъ первѣихъ мастеровъ хороводныхъ пѣсень, который сказалъ мнѣ, что эта пѣсня поется здѣсь, какъ всякая другая, и что въ ней нѣтъ ничего особеннаго. Неужели такъ скоро измѣнятся обычаи?

Было пора ѣхать въ дорогу. Хозяйка на прощаньѣ приглашала опять на возвратномъ пути. »Къ намъ заѣзжаютъ—де все лучшіе господа; мы эдакъ изъ простаго народа никого къ себѣ не пускаемъ, какъ другіе; у насъ не такой-де домъ; оно, знаете, *тово-вотко* нечисто».... А! вотъ и аристократія въ сельскихъ нравахъ!

Когда своротилъ съ большой дороги на Хатьковъ, мѣста дѣлаются живописнѣе.

Рано утромъ, перешедъ рѣчку Вору, я пошелъ въ монастырь, просѣлкой лѣса, вверхъ по горѣ. На мосту, передъ самымъ монастыремъ, встрѣтили мы многихъ странниковъ изъ Москвы. Я спрашивалъ: кто откуда? Тотъ съ Воробьевыхъ горъ, другой изъ подъ Боровска, этотъ изъ Рязска. Особенно заняла меня старушка изъ Каширы: она въ болѣзни дала обѣщаніе сходить къ Угоднику—и теперь его исполняетъ: «не было бы рукъ, ни ногъ — каткомъ бы покатила къ чудотворцу.» На мосту сидѣли нищіе: не проходилъ ни

одинъ богомолецъ, какъ бы самъ бѣденъ ни былъ, не подавши имъ милостыни, деньгами, хлѣбомъ, сухаремъ. Вотъ и у моей старушки въ буракѣ были размоченные водой сухари, ея насущная пища; деревянной ложкой зачерпнула она ихъ и положила въ чашку нищаго, сопровождая даръ крестнымъ знаменіемъ и молитвой.

Не умолкають паннихиды у раки блаженныхъ родителей Преподобнаго Сергія. Какъ въ этомъ обычаѣ до сихъ поръ выражается мысль проповѣдника Пресвятыя Троицы, который и теперь, приглашая къ себѣ странниковъ, даетъ имъ на пути урокъ благочестія семейнаго и сыновнихъ обязанностей! Какъ ни алкала его душа иноческой жизни и пустыннаго уединенія, но онъ внялъ голосу больныхъ и престарѣлыхъ родителей, и служилъ имъ до конца ихъ жизни, и тягостная житейская нужда ихъ сдерживала въ немъ даже порывъ высокаго призванія! Эти отношенія семейныя составляютъ прекрасную человѣческую черту въ характерѣ Преподобнаго Сергія, черту, которой особенно сочувствуетъ нашъ народъ.

Толпы нищихъ, въ оградѣ монастыря, избалованныхъ милосердіемъ странниковъ, непрерывно упражняютъ въ нихъ эту добродѣтель: вѣдь это также занятіе. Слѣпая съ трехъ лѣтъ отъ рожденія сидитъ у воротъ монастырской ограды. Восемьдесятъ семь лѣтъ служила она тутъ и именемъ Христовымъ питала себя, и вѣроятно, семью свою.

Дождикъ ливня лилъ, когда отправились мы къ Троицѣ. Заволокло со всѣхъ сторонъ — и на сплошномъ сѣромъ небѣ ни трещинки, которая общала бы перемѣну къ лучшему. Но мнѣ было не скучно: я говорилъ съ извоищикомъ. Малой, 21-го года, не женатый, рассказывалъ мнѣ, какъ учила его читать и писать монахиня Хатькова монастыря, когда было ему еще девять лѣтъ. Мнѣ припомнились времена древней Руси, когда монастыри наши были первоначальными школами для всѣхъ сословій. Видно и теперь грамотность нашихъ крестьянъ, даже и подъ Москвою, въ томъ же завѣдывашии обителей. Мѣщане учатся

болѣе въ уѣздныхъ и приходскихъ училищахъ. Выучка чтенію стоила отцу его 20 рублей ассигнаціями, да за письмо столько же.

Парень весело рассказывалъ мнѣ о ихъ осеннихъ и зимнихъ посидѣлкахъ. Карты проникли и въ хижины нашихъ поселянъ. Парни съ дѣвками играютъ въ свои козыри и въ короли. Особливо веселить ихъ послѣдняя игра, когда король раздастъ разныя приказанія, угодныя ихъ вкусу. Въ хороводахъ любимыя пѣсни: *Замыка, Взойди красно солнце, ни низко ни высоко*. Пѣсни старыя лучше новыхъ, говорилъ представитель молодаго поколѣнія. А кто сочиняетъ у васъ эти пѣсни?—Да такъ, другъ дружкѣ сказываемъ, другъ у дружки перенимаемъ, повторилъ онъ мнѣ отвѣтъ, который слыхалъ я и прежде въ разныхъ концахъ Россіи. Иногда заѣзжіе въ деревню завезутъ новую пѣсню въ гости. Парни болѣе учатся у дѣвушекъ. Языкъ извощика былъ для меня урокомъ въ нашей Московской народной рѣчи. Особенно останавливало мое вниманіе обиліе уменьшительныхъ нарѣчій, какъ напримѣръ: *теперичка, тутотка*. Едва ли какойнибудь языкъ простираетъ до того страсть свою уменьшать всѣ слова, какъ нашъ народный. Въ этомъ сходимся мы съ другими Славянскими племенами. Болгары уменьшаютъ иѣстоименіе личное: *азъ до нельзя—азика, азикана, азиканака*. Мнѣ этимъ объясняется наша простонародная откличка: *ась?* которая конечно есть нашъ славянскій *азъ* т. е. я. Народъ и его уменьшаетъ и превращаетъ очень граціозно въ *асенька*.

Видно, что парень мой былъ охотникъ до пѣсенъ, но отъ Хатькова до Троицы никогда не раздается пѣсня извощика. «Не хорошо пѣть пѣсни на такомъ святомъ пути,»—сказалъ мнѣ скромный юноша. Этотъ путь, богомольный странникъ долженъ посвятить поминанію родителей Св. Сергія. Блинки, которые предлагаютъ на дорогѣ, какъ Русское лакомство, указываютъ на древній обычай поминанія. На походахъ Царей къ Троицѣ подносилсь и имъ блинны, согласно тому же обычаю. Въ лѣсу раздается иногда чтеніе Псалтири, совершаемое благочестивыми бого-

мольцами, поселившимися около этихъ святыхъ мѣсть. Это также голосъ вѣковаго поминанія.

Дождь не переставалъ во время нашего разговора. Вдали, на закатѣ, у края неба, стало прочищаться. Но лишь только мы выѣхали изъ лѣса на поляну и по-несли по березовому проспекту, влѣво семицвѣтная дуга двойною окружностью охватила небесный сводъ. Давно уже не видалъ я такого зрѣлища. Мы остановились передъ нимъ. Радуга надъ Москвою ломается о верхи колоколенъ и домовъ. Здѣсь оба конца ея очевидно упирались на чистое поле—и всѣ семь цвѣтовъ ея горѣли ярко, ярко. Влѣво сіяла Лавра въ лучахъ заходящаго солнца своими золотыми главами. Нельзя было найти счастливѣе минуты для вѣзда въ святу обитель.

На другой день утромъ юродивый даритъ васъ хлѣбомъ. Даръ его безкорыстенъ. Денегъ онъ не беретъ, а если кто насильно и дастъ ему, онъ раздастъ тотчасъ нищей братіи. Въ этомъ дарѣ выражается уваженіе Русскаго человѣка къ хлѣбу, какъ высшему дару Божию на землѣ, который удостоивается быть тѣломъ Христовымъ. Уронить хлѣбъ на полъ считается грѣхомъ у корешнаго Русскаго человѣка. Не могу не вспомнить, что Германскій мыслитель Баадеръ весьма сочувствовалъ этой чертѣ нашего народа.

Невозможно проводить время отдыха лучше, какъ я проводилъ его у Троицы. У меня было тамъ три занятія: богомолье, изученіе памятниковъ древности, бесѣда съ учеными мужами.

Каждая четверть-часа, отъ ранняго утра до поздней обѣдни, въ которомъ нибудь изъ многочисленныхъ храмовъ и придѣловъ, начинается литургія. Такъ гостепріимна Лавра къ своимъ богомольцамъ, что всякой, взошедъ въ нее утромъ, въ какое угодно время, не долго прождетъ духовной трапезы. Нищіе, баловни народа, роящіеся какъ мухи около храмовъ, вамъ скажутъ, гдѣ начинается обѣдня. Миѣ же, собиравшемуся въ долгой путь, кстаті досталось выслушать первую литургію въ церкви Божіей Матери Одигитри (путеводительницы).

Есть особенная отрада въ мысли, что молишься въ этихъ благолѣпныхъ храмахъ, окруженный пришельцами со всѣхъ краевъ нашего Отечества. Каждый принесъ сюда свою задушевную мысль, свою просьбу, свою благодарность Богу. Здѣсь живѣе чувствуешь въ себѣ, что ты членъ великой Русской семьи, которой всякое единство возможно только въ ненарушимой полнотѣ единства церковнаго. Въ тѣсной толпѣ богомолцевъ изъ всѣхъ сословіи пріятно мнѣ было встрѣчать синіе воротники нашихъ студентовъ, усердно путешествующихъ къ Троицѣ-Сергію.

Благолѣпіе и неистощимая глубина церковнаго богослуженія во всякомъ Русскомъ храмѣ поразительны; но мысль особенно проникается ими, когда стоишь подлѣ раки того, кто не въ храмахъ, облитыхъ серебромъ и золотомъ, а въ деревянной церквцицѣ, не въ жемчужныхъ, а въ крашеныхъ ризахъ, часто безъ кадила наго епископа, при блескѣ сосновой или березовой лучины, до того мысля и чувствами углубляясь въ небесныя тайны богослуженія, что молитвами своими низводилъ Ангеловъ съ неба и удостоился посѣщенія Владычицы. Внутренній трепетъ благоговѣнія чувствуешь, когда въ храмѣ, гдѣ почиваютъ нетлѣнные останки ученика Пресвятыя Троицы, раздаются слова литургіи: *Возлюбимъ другъ друга, да единомыслиемъ исповѣмъ Отца и Сына и Святаго Духа, Троицу единосущную и нераздѣльную.*

Въ этихъ словахъ сосредоточивается мысль цѣлой жизни Преподобнаго Сергія. По благочестивому преданію, онъ пророчилъ объ этой мысли еще въ утробѣ матери. Потому вся жизнь его была непрерывнымъ ея выраженіемъ. Онъ училъ народъ исповѣдывать Пресвятую Троицу, народъ, который въ частныхъ поклоненіяхъ, дозволяемыхъ Церковію, готовъ иногда потерять изъ виду основную истину Христовой Вѣры. Безъ великой мысли нѣтъ великаго подвига жизни, нѣтъ и блага народу. Безъ этой мысли не углубился бы Сергій въ чашу лѣсовъ, не побѣдилъ бы дикихъ силъ природы, не ископалъ бы студентовъ, не пришла бы къ нему братія и не признала бы его достойнымъ

за всѣхъ «предстоять престолу Святыя Троицы» и «возсы-
 лать къ Богу серафимскую трисвятую пльсю;» не протоп-
 тали бы народъ, Князья и Цари безчисленныхъ путей въ
 эти дебри и чащи, не загремѣла бы Донская битва, не
 возсіяла бы Лавра своими звѣздными главами, не совер-
 шился бы 1612 годъ съ славною осадою.... Да, все, все
 сотворила здѣсь одна верховная мысль Христіанства, ка-
 мень его премудрости, мысль о Пресвятой Троицѣ. Ею-то
 угодила Препод. Сергій Богу и народу Русскому, который
 съ именемъ Бога въ Троицѣ поклоняемаго соединяетъ и
 имя Ея ученика. Не богословскимъ трактатомъ запечатлѣлъ
 онъ поклоненіе Пресвятой Троицѣ, но молитвой, богослу-
 женіемъ, примѣромъ, любовью къ народу, милостыней, цѣ-
 леніями, нищетою, трудами, словомъ и поученіемъ.

Въ палаткѣ Серапіоновой или кельѣ Преподобнаго
 Сергія, гдѣ онъ удостоился посѣщенія Богоматери, я съ
 особеннымъ благоговѣніемъ поклонился десной рукѣ и вла-
 самъ моего Ангела, первомученика Стефана. Великолѣпнень
 Успенской Соборъ. Размѣрами онъ напоминаетъ Московской.
 Во время богослужеія, по огромному ея пространству,
 летали голуби. Народъ любитъ, когда эти птицы приле-
 таютъ къ нему на храмовую молитву: онъ читъ въ нихъ
 символъ Святаго Духа.

Послѣ литургіи я любилъ посѣщать трапезу странни-
 ковъ и освѣдомляться: откуда кто? Охотно высказываютъ
 они это — и всѣмъ какъ будто пріятно слышать, что вотъ
 они, съ разныхъ концовъ Русской земли, сошлись сюда.

Обширная трапеза передъ церковью Преподобнаго
 Сергія вся исписана живописью. Есть здѣсь школа худож-
 ника Мальшева, которая трудилась надъ этими картинами,
 подъ руководствомъ самаго мастера. На потолокъ изображе-
 ны: Страшный Судъ; Вознесеніе Божіей Матери и Апо-
 столы внизу около трапезы, гдѣ приготовленъ и Богоро-
 дицынъ хлѣбъ или такъ называемая панагія; Спаситель,
 изгоняющій изъ храма торжниковъ. Рисунокъ смѣлъ и
 композиція величава. Большое поле и для великихъ худож-
 никовъ. Кругомъ по стѣнамъ, изображенія милосердія изъ
 притчей Евангельскихъ. Одинъ добрый человѣкъ, одѣтый

по нашему, ходилъ съ крестьянами — странниками и объяснялъ имъ эти картины. Надобно было видѣть, съ какою жадностію внимала ему толпа. И старики и старухи тѣснились около него, и старались быть къ нему ближе. — Пріятно ли вамъ это слушать? спросилъ я у одного странника. — Какъ же, батюшка, отвѣчалъ онъ мнѣ, все услышишь доброе слово. — Народъ нашъ готовъ поучаться, какъ видно, лишь бы являлись ему добрые учителя. При объясненіи духовныхъ картинъ, сколько полезныхъ истинъ Церкви можно передать народу. Живопись — языкъ очевидный и для всѣхъ понятный. Все Евангеліе въ лицахъ можетъ здѣсь онъ увидѣть. Мнѣ показалось, толкователь не одинъ ли изъ молодыхъ ученыхъ Академіи, по волѣ начальства, принявшій эту обязанность передъ народомъ; но нѣтъ — это былъ посторонній образованный богомолецъ, который раздавалъ странникамъ добровольную милостыню поучительнаго разсказа о святыхъ предметахъ, изображенныхъ въ трапезѣ.

Иконы въ храмахъ Лавры достойныбы были особеннаго изученія, по древности своей и красотѣ стиля. Усердіе обложило ихъ здѣсь, какъ и повсюду, серебряными и золотыми окладами, не позволяющими видѣть живопись. По указанію Путевыхъ впечатлѣній И. М. Снегирева, я обратилъ вниманіе на образъ Живоначальныя Троицы, стоящій по правую сторону Царскихъ вратъ Троицкаго собора. Въ дорогихъ окладахъ мнѣ были видны только лики трехъ Ангеловъ. Письмо Византійское превосходное. Необычайная красота и грація разлиты по этимъ ликамъ, чисто греческимъ. Очертанія лицъ, глазъ и волосъ имѣютъ волнистое движеніе. Всѣ три Ангела съ любовью склоняютъ другъ къ другу головы и составляютъ какъ бы одно нераздѣльное цѣлое, выражая тѣмъ символически мысль о любвеобильномъ единеніи лицъ Пресвятыя Троицы. Когда смотришь на величавыя и прекрасныя иконы Греческаго стиля, тогда приходитъ на умъ: ужь не содѣйствовали ли мы его искаженію, даже и въ такъ называемой Строгоновской школѣ, которая удалилась отъ величія типовъ греческихъ, отъ красоты

очертаній, и пустилась въ мелочи, въ сладочки одеждъ и въ постороннія архитектурныя украшенія. Отець Намѣстникъ, учредившій въ Лаврѣ школу иконописи, въ заботахъ своихъ о томъ, чтобы дать поприще для дѣятельности новому искусству, не забываетъ сокровищъ и древняго. Нерѣдко подъ новою живописью онъ открываетъ древнія иконы. Такъ указалъ онъ мнѣ на глубокомысленный символическій Образъ примиренія человѣка съ Богомъ во Христѣ. Въ Вознесеніи Спаситель представленъ возносящимъ съ собою души праведныхъ. Мнѣ видѣлись въ этомъ изображеніи слова изъ проповѣди Кирилла Туровскаго на Вознесеніе: «Имѣяшеть же съ собою Господь и душа человѣчскы, яже възнесе на небеса въ даръ своему Отцу, ихъ же въ горнемъ градѣ усели.» Живопись наша, какъ и духовная поэзія народа, одушевлялась словомъ проповѣдниковъ Церкви.

Въ Рязницѣ, вниманіе ваше, утомленное золотомъ, серебромъ, жемчугами, драгоценными камнями, бархатомъ, парчою, съ благоговѣніемъ устремляется къ деревяннымъ сосудамъ Преподобнаго Сергія, покрытымъ красною краскою. Изъ нихъ-то самъ вкушалъ онъ хлѣбъ жизни и предлагалъ его народу. Эти сосуды видомъ своимъ напоминаютъ простую сельскую красную посуду, которую упогребляютъ крестьяне и которая, издревле, въ большомъ количествѣ производится въ Троицко-Сергіевскомъ посадѣ. Напоминая простому народу его бѣдную домашнюю утварь, они тѣмъ для него дороже. Смотря на ихъ скудость, на крашенинные ризы Сергія, и потомъ на все великолѣпіе другихъ ризъ, престоловъ, митръ и проч., видишь, какъ въ очю совершаются слова Евангелія: ищите прежде Царствія Божія—и сія вся приложатся вамъ. Такова исторія нашей Церкви, если взять ее со стороны внѣшняго ея обогащенія. Первые подвижники ея никогда не думали о земныхъ благахъ,—а только служили народу молитвой и дѣломъ—и народъ со всѣми державными представителями своими сыпалъ на обители, ими основанныя, золото, серебро и жемчуги безъ числа и дарилъ ихъ многолюдными селами. У насъ Церковь стала богата не потому, что любила при-

обрътатъ , а потому что была безкорыстна въ главныххъ своихъ представителяхъ. Правда , умноженіе этихъ сокровищъ, движимыхъ и недвижимыхъ , произвело ношу, которая стала отяготительною для духовнаго существа Церкви и ослабляла полезное дѣйствіе ея на народъ. Но все это было только временно, а истиннаго вреда не могло произойти отсюда, потому что источникомъ обогащенія Церкви была любовь народа , незнавшая чѣмъ угодить ей , слѣд. чувство прекрасное и безкорыстное, а доброе начало чувства, если бы иногда и перешло за границы , не можетъ быть предосудительнымъ.

Роскошь украшеній , состоящая въ безъотчетномъ богатствѣ , начинается у насъ особенно со времянъ Патриаршества. Можетъ быть , еще прежде внесла это Византия, но все не столько. Борисъ Годуновъ весьма тому содѣйствовалъ. Нерѣдко дарилъ онъ царскія свои порфиры на ризы обителямъ. Великолѣпнѣйшіе покровы на раку Преподобнаго Сергія начинаются съ него. Пренія пелены древней Руси представляютъ намъ смиренный образъ Угодника въ простыхъ одеждахъ, шитый шелками. Изумительна крѣпость ткани изъ крученаго шелка: куда дѣвалось это прочное искусство, которое поспорить съ самымъ лучшимъ непромокаемымъ макинтошемъ? Крѣпость вѣковѣчная ткани, засвидѣтельствованная четырьмя или тремя столѣтіями , и смиренная простота изображенія , выражаютъ совершенно подвигъ Угодника, который въ смиреніи нищеты трудился для вѣчности. Новые покровы: золото, серебро, камень, жемчуга, бархатъ. На пеленѣ, подаренной въ 1499 году Царевною Царегородскою , Великою Княгинею Московскою , Софіею Ооминишною , надписи видно вышиты были людьми неграмотнымъ. Въмѣсто μητήρ θεοῦ (Мр̄ Θεοῦ), Матерь Божія , вы читаете мар — еу; андрѣй вмѣсто Андрей напоминаетъ выговоръ Суздальской , какъ въ Лаврентьевскомъ спискѣ Несторовой лѣтописи, а Оама, вмѣсто Оама, наше Московское произношеніе, слышное здѣсь въ памятникѣ конца XV вѣка.

Рукописные Служебники и Евангелія требовали бы здѣсь особеннаго изученія тѣмъ болѣе, что всѣ обозначены годами и потому важны въ филологическомъ отношеніи. Служебникъ Пр. Никопа, содержащій въ себѣ чинъ православной литургіи, можетъ быть, одинъ изъ древнѣйшихъ, какіе мы имѣемъ съ означеніемъ года. Текстъ Евангелія Симеона Іоанновича Гордаго, относящагося къ 1344 году и современнаго Пр. Сергію, замѣчательнъ своею любовью къ буквѣ ъ, которая встрѣчается даже въ прошедшемъ времени: — вмѣсто лъ читаете ѡ. Эта особенность противорѣчитъ сильно мнѣнію Добровскаго, который въ своей Грамматикѣ считаетъ ерикъ особеннымъ признакомъ рукописей XI и XII вѣка. Вотъ послѣ этого, утверждайте признаки языка для памятниковъ словесности Словенно-Русской по столѣтіямъ: такое требованіе могутъ объявить только люди, никогда не заглядывавшіе въ нашу древнюю письменность. Если положенія Добровскаго непрерывно опровергаются новыми открытіями, то кто же возьметъ на себя утвердить эти признаки, когда еще большая часть памятниковъ, на основаніи которыхъ надобно сдѣлать это утвержденіе, остается въ неизвѣстности?

Давно желалъ я познакомиться лично съ Профессоромъ Церковной Исторіи при Московской Духовной Академіи, Александромъ Васильевичемъ Горскимъ. Я питалъ уже къ нему уваженіе за важныя открытія, сдѣланныя имъ въ древней Словесности Русской: мы обязаны ему сочиненіями Иларіона, перваго Митрополита изъ Русскихъ. Онъ же объяснилъ въ Москвитянинѣ Житія Кирилла и Меодія, почти современныя первоучителямъ грамоты. Недавно выдалъ онъ Исторію Флорентійскаго собора. Книга Сиропула на Греческомъ языкѣ, которою до сихъ поръ мало пользовались, послужила для него главнымъ источникомъ. Но безпристрастный авторъ не оставилъ безъ употребленія Исторіи, написанной Дороеемъ, Митрополитомъ Митиленскимъ, и признанной со стороны Римской Церкви. Соборы XV столѣтія на западѣ: Констанскій, Павійскій, Сіенскій

и наконецъ Базельскій, столько страшный для Евгенія IV-го, свидѣтельствуютъ, что «Церковь Западная, какъ говоритъ Авторъ, путемъ долговременныхъ бѣдствій, стала возвращаться къ той древней церковной, по всегда ненавистой для властолюбія папскаго, мысли, что видимою вселенскою властію въ Церкви должна быть власть Вселенскихъ Соборовъ.» Признаніе необходимости осьмаго Вселенскаго Собора было великою уступкою со стороны Папъ, на которую они рѣшались безсознательно.

Весьма подробно и ясно изложены здѣсь прѣнія обѣихъ сторонъ. Какъ торжествуетъ сила церковнаго догмата въ устахъ Марка Ефесскаго, въ его краткомъ и разумномъ словѣ, которое умоляетъ тогда только, когда всѣ доводы истощены, и дѣло переходитъ въ ухищренныя слова и кривыя толкованія. Хорошо отгѣненъ краснорѣчивый и лукавый Виссаріонъ, который употреблялъ истину средствомъ для цѣлѣвъ краснорѣчія, а потомъ отошелъ отъ нея изъ видовъ честолюбивыхъ. Маркъ съ двумя товарищами отстаивалъ истину за духовенство. Когда же измѣнники возвратились въ свои земли, въ Царь-градѣ народъ первый вступился за истину православія, въ Москвѣ Великій Князь Василій Темный.

Смиранный труженикъ не выставляетъ имени своего на прекрасныхъ трудахъ своихъ—и я прошу у него извиненія въ томъ, что нарушаю его скромность. Въ его обществѣ я имѣлъ удовольствіе познакомиться съ Г. Казанскимъ, который извѣстенъ сталъ въ послѣднее время новыми разысканіями о жизни и трудахъ Іосифа Волоцкаго; съ Г. Соколовымъ, Авторомъ статьи о сношеніяхъ Армянской Церкви съ Православною Восточною касательно соединенія; съ Г. Амфитеатовымъ, Профессоромъ Словесности, который также извѣстенъ своими трудами и котораго братъ въ Кіевѣ издалъ недавно прекрасную книгу о Словесности Церковной.

Ученые духовной Академіи представляютъ для насъ примѣръ трудолюбія въ соединеніи со смиреніемъ, не приносящимъ своей личности. Здѣсь за добросовѣстнымъ тру-

домъ скрыто лицо. Это самоотверженіе великій подвигъ, объясняемый изъ лучшей стороны нашего народа.

А. В. Горскій показалъ мнѣ ту древнюю пергаменную рукопись, подъ заглавіемъ: Златая Чепь, въ которой Авторъ Исторіи Русской Церкви открылъ четыре слова Серапіоновы. Подъ его просвѣщеннымъ руководствомъ взглянулъ я и на библіотеки.

Въ Троицкой Лаврѣ двѣ библіотеки древнихъ рукописей: одна духовной Академіи, другая собственно Лавры. Первая помѣщена въ самомъ зданіи Академіи. Помѣщеніе очень хорошо для лѣта и напомнило мнѣ своею простотою и полусвѣтомъ отчасти Гёттингенскую библіотеку; но для зимы оно неудобно, потому что нѣтъ теѣла. На столѣ лежитъ Евангеліе, какъ первая книга. Печатныхъ томовъ до 20,000. Весьма замѣчательно Еврейское пятикнижіе, рукопись XII вѣка, подаренная Преосвященнымъ Гавріиломъ, которому въ Одессѣ поднесли ее Караимы. Славянскихъ рукописей до 200. А. В. Горскій показалъ мнѣ здѣсь книги Пророковъ съ толкованіями, рукопись, о которой упоминаетъ Востоковъ въ своемъ предисловіи къ Остромирову Евангелію. Она писана въ XV вѣкѣ, но съ рукописи, относящейся къ 1047 году, слѣд. ранѣе Остромирова Евангелія. Писавшій сію послѣднюю попь *Упиръ мхым*. Многія слова, отмѣченныя Профессоромъ въ текстѣ, примѣчательны: *мечка* вмѣсто *медвѣдица*, *рзаніе* вм. *ржаніе*. Но всего любопытнѣе для меня было открытіе, которое сдѣлано А. В. Горскимъ и которое онъ до сихъ поръ таитъ подъ спудомъ, не смотря на то, что оно обрадовало бы многихъ филологовъ и во главѣ ихъ Шаффарика. Въ одной рукописи, содержащей въ себѣ переводъ Шестоднева и Небесъ, сдѣланный Іоанномъ Экзархомъ Болгарскимъ, встрѣчается между прочимъ и извѣстное Слово о письменехъ Черноризца Храбра. Это одно изъ древнѣйшихъ свидѣтельствъ о изобрѣтеніи Христіанской нашей грамоты Кирилломъ и Меѳодіемъ и о томъ, что до нея у языческихъ Славянъ были вмѣсто письменъ *черты и рпзы*. Свидѣтельство тѣмъ особенно важно, что оно ясно опредѣляетъ годъ изобрѣтенія грамоты 855, а именно за

три года до крещенія Бориса Царя Болгарскаго и боляръ его въ 858 году, какъ говоритъ наша лѣтопись. Черезъ 6 лѣтъ намъ придется праздновать тысячелѣтiе Христіанской нашей грамоты — и оно же кстати совпадаетъ съ столѣтнимъ юбилеемъ Московскаго Университета (1855). До сихъ поръ не знали, къ какому времени отнести это свидѣтельство черноризца Храбра. Древнѣйшій списокъ его, найденный Калайдовичемъ, принадлежитъ XIV вѣку. Смѣлѣе другихъ, Шаффарикъ относилъ Автора къ XI-му столѣтiю. Въ рукописи Академіи А. В. Горскій указалъ мнѣ на слѣдующія слова, которыя не встрѣчаются въ другихъ: *суть бо еще живи, иже суть видѣли ихъ*, т. е. Кирилла и Мееодія, изобрѣтателей грамоты, слѣд. извѣстіе черноризца Храбра объ нихъ почти имъ современное. Отсюда очевидна важность означенія года изобрѣтенію. Какъ свидѣтельство современника, оно неоспоримо. Кромѣ того, есть и другія отмѣны въ текстѣ. По изданію Калайдовича читается: «нрѣжде оубо Словѣне не имѣху книгъ, но чертами и рѣзами *чьтъху* и *гатааху*, погани суще.» Въ текстѣ рукописи академической слова *чьтъху* нѣтъ, а просто *гадаху*.

Замѣчательна еще огромная рукопись Св. Григорія Богослова. У насъ въ глубокой древности, любили этого проповѣдника, и много отличныхъ и весьма древнихъ экземпляровъ его Словъ дошло до насъ. — Лѣтвичникъ съ толкованіемъ за подписью Митрополита Кипріана. — Прекрасный экземпляръ Златоструя Сүмеона Царя Болгарскаго. Пора бы издать это произведеніе Сүмеона, премника Бориса, крестившагося въ Вѣру Христову и крестившаго свой народъ. — Сочиненія Максима Грека, экземпляръ неполный. Къ сожалѣнію, Лавра не имѣетъ полного экземпляра сочиненій Блаженнаго Максима, который въ ней окончилъ жизнь свою и страданія. Въ пергаменномъ Евангеліи находятся Греческіе обороты ранѣе временъ Максима Грека. Вообще въ Славянскомъ текстѣ Писанія Церковь наша всегда допускала большое разнообразіе въ буквѣ текста, давая тѣмъ разумѣть, что не въ этомъ настоящее единство, а во внутреннемъ смыслѣ содержанія.

Библиотека Лавры содержитъ въ себѣ до 800 рукописей. Она помѣщается на огромномъ чердакѣ, надъ трапезною церковію. По стропиламъ крыши церковной пробирались мы въ это книгохранилище, обеспеченное отъ пожара, но не отъ холода и сырости. Стаи голубей поднимались отъ шума нашихъ шаговъ. Памятно мнѣ будетъ гостепріимное радушіе бібліотекаря Отца Иларія. Книги размѣщены по содержанию. Отличные экземпляры пергаменные Григорія Богослова и житія Нифонта, переводъ съ Греческаго. Собранія канонѡвъ замѣчательны по языку. Одно изъ нихъ писано Грекомъ по Славянски съ весьма затѣйливыми фигурами, которыя разгадываетъ опытная начитанность отца Иларія. Кромѣ тѣхъ грамотъ, которыя стоятъ въ фоліантахъ и были пересмотрѣны Археографической Экспедиціей, Библіотекарь открылъ новыя, приведенныя имъ въ порядокъ. Замѣчательна между прочимъ просьба одного инока Мардарія временъ Царя Михаила Ѣеодоровича: онъ, какъ видно, провинился противъ устава монастырскаго и проситъ прощенія у обители.

Въ числѣ лучшихъ моихъ духовныхъ пріобрѣтеній у Троицкой Лавры я считаю личное знакомство и троекратную бесѣду съ Ѣеодоромъ Александровичемъ Голубинскимъ. Въ Ильинскомъ предмѣстіи, за рѣчкой Садовой, въ укромномъ домикѣ живетъ почтенный представитель Хрістіанской философіи у насъ. Простота и смиреніе осѣняютъ его мирное жилище. Меня поразило высокое чело нашего отшельника-мудреца. Лицомъ и особенно глазами напомнилъ онъ мнѣ Шеллинга, котораго я видѣлъ въ первый разъ также въ сельскомъ уединеніи, около Мюнхена. Таже ясная голубизна въ глазахъ, таже дума. У Шеллинга еще возможна личная страсть; въ чертахъ Русскаго мудреца господствуетъ спокойное самоуглубленіе. Такова и тихая рѣчь его, которая всегда тепла, но вспыхиваетъ живѣе при выраженіи радушія и участія.

Въ сельскомъ пріютѣ своемъ Ѣ. А. Г. живетъ, окруженный тремя сыновьями, изъ которыхъ двое съ отличнымъ успѣхомъ проходятъ курсъ въ Виѣанской семи-

нарин, а третій еще готовится дома. Я слышалъ одинъ урокъ. Мнѣ особенно понравилась ясная кротость наставника семинариста, противоположная крикливой настойчивости, которая не даетъ разума ученію.

Кругомъ по стѣнамъ приѣмной комнаты развѣшаны портреты нѣкоторыхъ лицъ, просіявшихъ духовною жизнію. Тутъ вы увидите Тихона Воронежскаго, Серафима, отшельника Саровской пустыни, Павсіа—портретъ, присланный старцами Оптиной обители, усердно посвятившей себя памяти этого мужа, изъ Молдавіи столько дѣйствовавшего на духовную жизнь и въ нашихъ предѣлахъ. Особенно остановилъ меня портретъ Георгія Алексѣевича, затворника Задонскаго. Онъ былъ военнымъ, но воспитанный набожною матерью, рано почувствовалъ призваніе къ иночеству и прославился своею духовною жизнію. Онъ не имѣлъ столько учености, какъ Отецъ Макарій Болховскій блаженной памяти, но имѣлъ столько же любви — и писалъ письма, исполненные умиленія, которыя изданы однимъ изъ старцевъ Оптина. Благообразное и разумное лицо Георгія весьма поразительно.

Многіе гости изъ Москвы, любя бесѣду Ѳ. А. Г., навѣщаютъ его здѣсь охотно. Ему передаютъ они вѣсти о шумномъ движеніи западнаго міра. При мнѣ говорили о чудѣ въ Греноблѣ, объ Эдгарѣ Кине, о Мишеле. Съ участіемъ внимаютъ всему радушный хозяинъ, но и съ спокойствіемъ, котораго ничто не взволнуетъ. Эта тишина мысли и слова въ человѣкѣ, привыкшемъ къ самоуглубленію, дѣйствуетъ успокоительно на насъ, людей, живущихъ въ томъ мірѣ, гдѣ разумъ неразлученъ со страстью и почти всегда подчиненъ ей.

Рано началось классическое ученіе для Ѳ. А. Г. Первые занятія дѣтства были устремлены на поэзію. Десяти лѣтъ, онъ уже прочелъ пять пѣсенъ Виргиліевой Энеиды. Занятія Философіею онъ избралъ по собственному влеченію. Лекціи Исторіи Философіи, имѣ читанныя въ духовной Академіи, существуютъ въ рукописяхъ. Нѣкоторыя написаны имъ самимъ, другія составлены его учениками. Теннеманнъ и Риттеръ служили ему для его лекцій. Перваго онъ предпочитаетъ въ томъ, что касается до изложе-

нія системъ, за исключеніемъ одностороннихъ мнѣній Кантіанскихъ; Риттеръ не столько вѣренъ въ изложеніи. Но главною основою для Ѳ. А. Г. было конечно собственное изученіе, руководствомъ при которомъ служило начало, тѣсно сопряженное со всею его жизнію.

Бесѣда Ѳ. А. Г. имѣетъ двойной характеръ. Я никогда не встрѣчалъ человѣка, который бы умѣлъ такъ строго править силами души въ своемъ разговорѣ и такъ разграничивать сферы, въ которыхъ вращаются его мысли. Этихъ сферъ — двѣ: Религія и Философія, живущія въ духѣ его слитно и согласно. Изъ обѣихъ сферъ равно почерпаетъ онъ предметы для своихъ бесѣдъ, обѣ равно ему доступны. Когда говоритъ онъ отъ Философіи, въ рѣчи его выражается ясное и спокойное сознаніе разума, въ расположеніи мыслей господствуетъ строгая логическая отчетливость, и каждое слово точно и опредѣлительно. Когда говоритъ онъ отъ Вѣры, онъ весь полнота умиленнаго чувства и слово его растворено любовію, а украшено одною простотою, истекающею изъ глубокаго искренняго смиренія. Тогда слово его понятно будетъ ребенку и простолюдину.

Въ такомъ случаѣ онъ любитъ рассказъ или притчу. Не могу здѣсь не вспомнить одного событія, которое онъ мнѣ передалъ. Оно случилось еще при Императрицѣ Екатеринѣ II. Одинъ сельской священникъ пересталъ служить вовсе обѣдню, потому что никто изъ прихожанъ не ходилъ въ церковь. Тогда настоятель сосѣдняго монастыря, узнавъ о томъ, далъ ему совѣтъ служить для Ангеловъ, говоря, что они шепнутъ своимъ и приведутъ ихъ за собою. Священникъ послушался совѣта, началъ служить — и въ самомъ дѣлѣ церковь мало по малу опять наполнилась прихожанами.

Наша мысль, увлекаемая свободою разговора, весьма часто переходила изъ одной сферы въ другую. При этихъ переходахъ, въ особенности, могъ я видѣть опытность мудреца, превосходно владѣющаго логическимъ разумомъ и теплымъ чувствомъ въ своемъ словѣ. Всѣ системы Германской философіи ясно проносятся въ его головѣ. Изло-

женіе его, когда говоритъ онъ о наукѣ, сохраняя ученый характеръ, вовсе чуждо темноты и ясною глубиною свидѣтельствуесть о совершенномъ знаніи предмета. Вотъ нѣсколько отрывочныхъ мыслей, собранныхъ мною изъ поучительной бесѣды, о разныхъ великихъ лицахъ, славныхъ въ исторіи Нѣмецкой философіи.

Въ Шеллинговомъ ученіи было точно такое начало, которое могло вести къ примиренію Философіи съ Религіею. Доказательство тому всѣ ученики его, чувствовавшіе эту потребность: Клейнъ, Канне и другіе. Потенціи его, которыми онъ въ послѣднее время силится логически доказать догматъ Пресвятыя Троицы, показываютъ только безсилную попытку разума вмѣстить въ формулу невмѣстимое.

Баадеръ принадлежитъ къ такимъ мыслителямъ, которые сами не строятъ системъ, но своими сочиненіями въ другихъ разшевеливаютъ, возбуждаютъ мысль. Надо же быть и такимъ мыслителямъ.

Съ уваженіемъ и сочувствіемъ говорилъ Ф. А. Г. о Якоби, котораго и въ Германіи называли новѣйшимъ Платономъ. Онъ великъ тѣмъ въ особенности, что Шеллингу предсказалъ всѣ послѣдствія его первоначальной философіи, которыхъ Шеллингъ не принялъ, но которыя дали пищу Гегелеву ученію. Весьма важно сочиненіе Якоби о Спинозѣ.

Въ ученіи Спинозы проведено повсюду логически начало необходимости. У него нѣтъ понятія о злѣ. Отсюда невозможность и нравственной Философіи. У Гегеля въ его построеніи философскихъ наукъ также нѣтъ нравственной философіи, которая есть у Канта. Гегель смѣялся надъ Кантомъ въ этомъ отношеніи, приписывая нравственную сторону его системы вліянію его набожной матери и предразсудкамъ, навязаннымъ ему издѣтства.

Гегель признаетъ развитіе, но вотъ задача, которой онъ не разрѣшаетъ: какъ въ развитіи его изъ предъидущаго развивается послѣдующее? Откуда берется новое въ жизни? Гдѣ источникъ этому истеченію? Это можетъ быть объяснено тогда только, когда въ основу развитія полагается полнота бытія, а у Гегеля бытіе равное небытію,

да и самое его *Scyn*, по его же собственному выраженію, *eine schlechte Unendlichkeit*.

О сомнѣніяхъ прѣкрасно выразился Хрістіанскій мудрецъ. Важны и значительны сомнѣнія мужественныхъ душъ, а не сомнѣнія натянутыя, ни изъ чего не вытекающія, разыгрываемыя. Сомнѣвался и блаженный Августинъ. Сомнѣвался и Декартъ. Изъ такихъ сомнѣній можетъ выработаться знаніе истины, убѣжденіе.

Прошу извиненія у почтеннаго мудреца въ томъ, что взялъ на себя изложить нѣкоторыя мысли, особенно врѣзавшіяся въ моей умственной памяти. Принимаю на себя всю отвѣтственность въ томъ, если далъ какой нибудь неправильный отгѣнокъ тому, что слышалъ. Миѣ было пріятно заслушиваться этой рѣчи разумной, ученой и ясной, которая вливала мысль въ мой разумъ, свѣдѣнія въ память и тишину въ сердце. Я позволялъ себѣ думать: что еслибы эти уста отверзались для того, чтобы передать исторію науки наукъ не одному академическому, но и университетскому нашему юношеству? Съ какою жадностію оно бы стало слушать ученаго старца? Сколько бы пользы произошло отсюда? А передавать науку такъ легко для его опытности; такъ кажется, все готово и все созрѣло здѣсь для передачи, и съ какимъ радушіемъ сообщается знаніе его владѣльцемъ, какъ будто это не личная его собственность, а достояніе всѣхъ.

Много расточено великихъ и прекрасныхъ силъ по нашему Отечеству, которыя не сознаны; много свѣтильниковъ, таящихся подъ спудомъ, а не горящихъ на свѣщникѣ. Русское смиреніе часто укрываетъ таланты Божіи — и люди, призванные быть благовѣстниками истины, готовы тратить силы свои и время на такое служеніе, которое за нихъ всякой другой могъ бы легко исправить. Какъ часто у насъ тамъ не сознается личность, гдѣ она является сосудомъ мысли свѣтлой, божественной, и сознается сильно тамъ и кричитъ на всю Россію, гдѣ она только сосудъ самолюбія, а иногда и того хуже!

Я видѣлъ В. И. П-ву въ скромномъ ея уединеніи. Здѣсь у святыни Троицкой имѣетъ она пріютъ. Дѣти пра-

вославаго Грека, Турецкаго подданнаго, страдавшаго за вѣрность Православію, нашли въ ней мать и воспитательницу. Последнее отдаетъ она этимъ сиротамъ въ чужбинѣ, возбуждающимъ искреннее участіе къ судьбѣ своей. Вотъ какъ Церковь соединяетъ насъ до сихъ поръ узами духовнаго родства съ тѣмъ народомъ, отъ котораго мы приняли Вѣру (*). Кромѣ этой малолѣтней усыновленной семьи, у В. И. П-вой есть другая престарѣлая, которая ее не меньше любить. Отъ обители содержится богадѣльня для ста и болѣе старушекъ, состоящая подъ начальствомъ Княжны Елисаветы Дмитріевны Циціановой. Удобно, спокойно и тепло помѣщаются онѣ въ особенныхъ покояхъ. Руководѣе по силамъ составляетъ ихъ занятіе. Чистота, опрятность, миръ, тишина и молитва поселились здѣсь, въ этомъ пріютѣ женской старости. Ежедневно, за обѣдомъ и ужиномъ, В. И-на читаетъ для нихъ жертвенникъ, т. е. житія Святыхъ Отецъ, и правила. Подъ ея руководствомъ обошелъ я эти покои. Пріятно было видѣть, съ какою радостію богадѣленки принимали молитву и привѣтствіе сердобольной послушницы, и съ какою ласкою бросались къ рукѣ ея. При богадѣльнѣ находится и больница. Въ сію послѣднюю принимаютъ мѣщанокъ и крестьянокъ изъ окружныхъ и дальнихъ мѣстъ. Тутъ Дмитровская мѣщанка, мать семейства, лишенная движенія руками и ногами, нашла врачевныя пособія. Сюда изъ Витебска безногая дѣвка приползла на четверенькахъ въ полномъ смыслѣ этого слова! Лавра имѣетъ своего безмезднаго врача-инока, отца Анастасія, который со всѣмъ безкорыстіемъ, приличнымъ его званію, и со всею добросовѣстностію ученаго посвятилъ себя Медици. Онъ неутомимо посѣщаль университетскія лекціи и клиники. Слава его простирается на сотни верствъ въ окружности и привлекаетъ къ нему множество больныхъ. — Кромѣ богадѣльни, для приходящихъ Богомолокъ есть страннопріимная палата, состоящая подъ особымъ наблюденіемъ Юліи Самойловны Головинской. Лавра дѣйствуетъ, какъ

(*) Къ сожалѣнію, судьба съ тѣхъ поръ разлучила В. И. П-ву съ ея усыновленною семьей.

дѣйствовали наши обители, которыя кормили народъ во время голода, давали прибѣжище больнымъ, страннымъ и престарѣлымъ. Но много пособій нужно еще нашему народу. Не всѣ обители въ состояніи тоже дѣлать, что дѣлали прежде.

Въ трехъ верстахъ отъ Лавры, по дорогѣ въ Александровъ, немного въ сторону лежить Виванія. Память Митрополита Платона здѣсь всегда жива. Почти не умолкаютъ панихиды надъ его гробомъ. Два храма возвышаются, одинъ надъ другимъ: внизу во имя Господа, воскресившаго Лазаря, вверху во имя Господа преобразившагося. Храмоздатель самъ въ одномъ изъ словъ своихъ такъ выразилъ таинственное соотношеніе этихъ двухъ храмовъ. «Храмъ сей посвященъ святѣйшему имени преобразившагося Господа: а сущій подъ нимъ храмъ посвященъ тому же Господу, воскресившему Лазаря изъ мертвыхъ. Одинъ храмъ къ другому имѣетъ близкое отношеніе. Ибо между Воскресеніемъ и Преображеніемъ есть союзъ таинственный. Не говорю я о Воскресеніи и Преображеніи Христовомъ: но о воскресеніи и преображеніи нашемъ. Ибо Христосъ и воскресъ для нашего воскресенія, и преобразился для преображенія нашего....

«Выходя изъ нижняго сего храма, восходимъ на сей верхній. Такъ выходя изъ гроба воскресеніемъ, восходимъ мы въ храмъ славы, преобразуясь изъ тлѣнія въ нетлѣніе. Не можно удостоиться преображенія, доколѣ не удостоимся воскресенія.»

Основная мысль этого двоякаго храма, какъ мысль, внушенная Вѣрою, принадлежитъ всѣмъ вѣкамъ. Но на формѣ ея исполненія лежитъ печать XVIII столѣтія, которое любило блескъ фантазии и игру эффектовъ. Предстатели Церкви считали у насъ за нелишнее снисходить этой слабости. Отсюда объясняю этотъ искусственный Оаворъ, изображающій самую гору съ ея потоками. Въ верхнемъ храмѣ два предмета особенно замѣчательны: комнатная икона Людовика XVI, та, передъ которой, можетъ быть, онъ изливалъ душу свою не за долго до смерти; она стоитъ на самомъ престолѣ; снятіе со Креста — образъ

новой Италіанской живописи, привлекающей давно молитвы богомольцевъ и славный чудотвореніями. Церковь соединяетъ у насъ все во имя высшей истины, и первая подаетъ примѣръ противъ всего исключительнаго. Въ нижнемъ этажѣ, въ сторонѣ, близъ могилы храмоздателя, хранится тотъ деревянный гробъ, въ которомъ пребывали нетлѣнные останки Преп. Сергія. Простота его, окруженная великолѣпіемъ прошлаго вѣка, и здѣсь напоминаетъ ту духовную силу, безъ которой не блистала бы и Вифанія.

Домъ Митрополита Платона напомнилъ мнѣ видомъ Фернейской замокъ Вольтера. Сближеніе покажется страннымъ, но оно касается одной вѣщности: есть у каждаго вѣка свое особенное въ наружномъ быту, въ украшеніяхъ, въ приемахъ. И тамъ и здѣсь вы находите портретъ Императрицы Екатерины: въ Фернеѣ вышитъ шелкомъ и подаренъ самою Государыней; здѣсь вырѣзанный изъ бумаги весьма искусно и подаренный Потемкинымъ. Тамъ картины, относящіяся къ жизни Вольтера; здѣсь также, къ жизни хозяина. Но тутъ противоположность. Вольтеръ, какъ будто язычникъ, находитъ убѣжище у Аполлона, которому подноситъ свою Генрияду. Платонъ, въ тяжкую минуту жизни, утѣшенъ Ангеломъ, подносящимъ ему сердце съ надписью: «горь сердца!»

Преосвященный любилъ природу. Прекрасные виды на окрестность, оживленные прудами, окружаютъ его домикъ. Вмѣсто ландшафтовъ служатъ зеркала. Зеркало въ шкафѣ отражаетъ видъ на Лавру. Въ опочивальнѣ его также зеркальной потолокъ. Много любопытныхъ воспоминаній хранится о частной жизни покойнаго. Въ лѣтней спальнѣ вы найдете его соломенную шляпу. На картинѣ изображенъ его поварь, у котораго вытаскиваютъ занозу изъ ноги. На другой портреты его пѣвчихъ, которые духовными концертами услаждали его въ минуты грусти: тутъ же и Турокъ, воспитанный имъ и обращенный въ Православіе. Въ алтарѣ домовой церкви хранится стулъ съ Китайскими изображеніями.

Домовая церковь при покояхъ—во имя Сочествія Св. Духа. Въ ней только двѣ иконы—и то малыя. Смысль

Ветхаго и Новаго Завета изображенъ словами: «Законъ Моисеевъ данъ бысть; благодать же и истина Иисусъ Христомъ.» Здѣсь Митрополитъ, при служеніи, исправлялъ должность причетника.

Выходя изъ этихъ покоевъ съ живымъ воспоминаніемъ о личности усопшаго хозяина, вы невольно остановитесь мыслію на надписи главнаго крыльца: «Да благословить Господь входъ и исходъ твой отнынѣ и до вѣка,» какъ будто бы Преосвященный простиралъ и теперь свое благословеніе на всѣхъ посѣщающихъ его скромное убѣжище. Но послѣ этой молитвы, прочтете съ боку и Русскую благоразумную пословицу: *не выноси сору изъ дому.*

Уѣзжая изъ Виѳаніи, я взглянулъ на новый домъ Семинаріи: это великолѣпные чертоги.

По той же дорогѣ, которая ведетъ въ Виѳанію, влѣво вы посѣтите пустынное уединеніе Геосиманіи, вновь учрежденное Преосвященнѣйшимъ Архимандритомъ Лавры. Высокія и густыя лѣсныя сѣни окружаютъ его. И въ немъ, какъ въ Виѳаніи, пускай самъ Хозяинъ и Учредитель объяснить намъ мысль учрежденія, своими же словами:

«Если памятнику свойственно возвращать мысль ко временамъ и предметамъ, которые ознаменованы памятникомъ: то, прости мнѣ, великая Лавра Сергіева, мысль моя съ особеннымъ желаніемъ устремляется въ древнюю пустыню Сергіеву. Чту и въ красующихся нынѣ храмахъ твоихъ дѣла Святыхъ, обиталища святыхи, свидѣтелей праотческаго и современническаго благочестія; люблю чинъ твоихъ богослуженій, и нынѣ съ непосредственнымъ благословеніемъ Преподобнаго Сергія совершаемыхъ; съ уваженіемъзираю на твои столпостѣны, непоколебавшіяся и тогда, когда поколебалась—было Россія; знаю, что и Лавра Сергіева и пустыня Сергіева есть одна и та же, и тѣмъ же богата сокровищемъ, то есть, Божіею благодатію, которая обитала въ Преподобномъ Сергіи, въ Его пустынѣ, и еще обитаетъ въ Немъ и въ Его мощахъ, въ Его Лаврѣ: но *при всемъ томъ желалъ бы я узрѣть пустыню, которая обрѣла и стяжала сокровище, наслѣдованное потомъ*

Лавроу. Кто покажетъ мнѣ малый деревянный храмъ, на которомъ въ первый разъ наречено здѣсь имя Пресвятыя Троицы? Вошелъ бы я въ него на всюнощное бдѣніе, когда въ немъ съ трескомъ и дымомъ горящая лучина свѣтитъ чтенію и пѣнію; но сердца молящихся горятъ тише и яснѣе свѣщи, и пламень ихъ досягаетъ до неба, и Ангелы ихъ восходятъ и нисходятъ въ пламени ихъ жертвы духовной. Отворите мнѣ дверь тѣсной келліи, чтобы я могъ вздохнуть ея воздухомъ, который трепеталъ отъ гласа молитвъ и воздыханій Преподобнаго Сергія, который орошенъ дождемъ слезъ его, въ которомъ впечатлѣно столько глаголовъ духовныхъ, пророчесственныхъ, чудодѣйственныхъ.»

Еще прямѣе выражена мысль духовнаго убѣжища въ другомъ Словѣ, говоренномъ при освященіи храма его: «Если для любви къ совершенному безмолвію и въ обителяхъ часто бываетъ тѣсно, и въ дикихъ пустыняхъ не всѣмъ свободно, а доставить ей благопріятное для нея убѣжище должно быть полезно и нынѣ, какъ полезно было прежде; то гдѣ мы поселимъ ее нынѣ, въ семь вѣкъ молвы многія? *Не будетъ ли, можетъ быть, ей пріятно поселиться въ малой, простой, уединенной, отъ молвы по возможности огражденной обители, подъ тѣнью обители великой, подобно какъ нѣкогда безмолвствующій Варсонофій Великій обиталъ въ совершенномъ уединеніи, подъ тѣнью аввы Серида?»* (Слова. ч. II. 512).

На это убѣжище духовнаго успокоенія и молитвы не употреблено ничего изъ тѣхъ матеріаловъ, которые добываются въ нѣдрахъ горъ. Одна растительная природа, наиболѣе доступная человѣку, предложила свое простое вещество. Деревянная церковь, напоминающая самое первоначальное церковное зодчество у насъ, взята изъ села Подсосеня. Она была сложена повелѣніемъ Архимандрита Діонисія. Сосновые срубы ея, не смотря на 200 слишкомъ лѣтъ, остались невредимы. Въ верхнемъ храмѣ во имя Успенія Богоматери иконы частію древнія, а другія вновь написанныя въ древнемъ стилѣ. На южныхъ дверяхъ находится изображеніе спасеннаго разбойника. Замѣча-

тельны правильность и жизнь въ тѣлесныхъ очертаніяхъ. Стилъ напоминаетъ Перуджинову кисть, создавшую изображение Св. Севастіана. Крестъ вырѣзанъ изъ дерева, служившаго для престола прежней церкви. По обѣимъ сторонамъ на стѣнахъ храма, иконы и вмѣстѣ портреты Преподобнаго Архимандрита Діонисія, строителя прежняго храма, и Святителя Димитрія Ростовскаго. Нѣтъ ни одного украшенія, которое бы противорѣчило мысли цѣлаго.

Въ нижнемъ храмѣ престолъ во имя Страстей Христовыхъ. Здѣсь, для изображенія ихъ, допущено и новое искусство. Всякую пятницу, какъ день посвященный воспоминанію о смерти крестной Спасителя, совершается литургія. Неумолкаемо раздается чтеніе Псалтири.

Такъ все, все знаменуетъ здѣсь сознательное возвращеніе къ разуму первоначальной нашей Церкви: — внѣшнее великолѣбіе и блескъ затмились передъ простотою и смиреніемъ, отъ которыхъ пошла и сила нашей Церкви, и сила жизни народа и царства.

Послѣднія минуты въ Троицкой обители провелъ я въ прогулкѣ по стѣнамъ двухъ-этажной ея ограды съ А. В. Г-имъ. Окрестная природа рисуетъ мирные ландшафты въ амбразурахъ стѣнъ; память историческая предлагаетъ грозныя воспоминанія, которыхъ отголосокъ живъ въ каждомъ камнѣ. Нижній этажъ далъ трещины во многихъ мѣстахъ отъ того, что толща ограды строена въ два приѣма. Ограда, охранявшая обитель и Россію отъ враговъ, теперь служитъ для мирныхъ и торжественныхъ шествій благополучной Церкви, которая по ней носитъ свои хоругви и иконы, сопровождаемая клиромъ и толпами усерднаго народа. Да иногда, молодые ученые духовной Академіи гуляютъ подъ массивною тѣнью этихъ сводовъ, какъ философы древности въ своихъ портикахъ, закрытыхъ отъ солнца.

АЛЕКСАНДРОВЪ.

Дорога отъ Троицы къ Александрову. — Слотино. — Новгородское нарѣчіе. — Александровъ. — Наружность города. — Уѣздное училище. — Успенской дѣвичій монастырь. — Соборная церковь монастыря. — Единоглавіе. — Иконостасъ. — Васильевскія двери. — Успенскій храмъ. — Остатки покоевъ Іоанна. — Подвалы. — Италіянскіе часы. — Основаніе обители. — Память сестеръ Петра Велікаго. — Усыпальни. — Монастырская ризница. — Н. О. Барановъ. — Отсутствіе устныхъ преданій о Грознамъ.

На сорокъ верстъ отстоятъ Александровъ отъ Троицы. Дорога не большая, но проѣзжая. Колеи такія, что способу нѣтъ, а когда грязь, такъ не приведи Господи! Сначала однообразно тянется она перелѣсками, потомъ нѣсколько оживляется. Путь сокращалъ мнѣ извозчикъ Ѳаддей, очень умный малый, котораго подрядилъ я въ Троицкомъ посадѣ до Александрова. Память Святаго жива въ народѣ. — «Потрудился Сергій Чудотворецъ для народа, говорилъ мнѣ крестьянинъ, всѣмъ послужилъ. Колодцевъ съ десять онъ все вырылъ. Вѣдь тутъ вездѣ былъ лѣсъ дремучій; звѣри жили; людей никого. Безъ Сергія Чудотворца не было бы и намъ ничего, а теперь имъ мы живы. У него, говорятъ, всего было довольно; кто-то ему въ келью накладывалъ; придетъ и наложить, а кто незнамо. Вѣстимо, что чай были Ангелы.»

Что Владимірцы-то въ Александровѣ какъ говорятъ? по вашему? — «Нѣтъ, тамъ говорятъ не такъ чисто, какъ у насъ. Бывалые въ Москвѣ, конечно, говорятъ почище, а тутошніе въ Александровѣ *присцокиваютъ*.» — Смѣетесь вы надъ ними? — «За чѣмъ же смѣяться? Вѣдь и мы не лучше противъ ихъяго скажемъ.» — Мнѣ понравился этотъ отвѣтъ смиренный, это благоволеніе къ другому нарѣчію,

хотя оно и противно уху. Крестьянинъ дальній, наѣзжая часто въ Москву, самъ добровольно подчиняется звукамъ и чистотѣ образованнаго нарѣчія Москвы; но Москвичъ не будетъ смѣяться надъ пріѣзжимъ провинціаломъ.

Поводомъ къ этому разговору было село Слотино, которое мы проѣзжали. Странно мнѣ было вдругъ встрѣтить здѣсь нарѣчіе Новгородское. Женщина, у которой мы спросили квасу, сильно *цавокала*. Вотъ вамъ *цашецка*—говорила она. Крестьянинъ, мужъ ея, говорилъ чище чѣмъ она: виденъ человекъ ѣзжалый. Это привело меня къ тому заключенію, что нарѣчія мѣстныя изучать надобно отъ женщинъ домоѣдокъ, которыя не покидали родины. Отъ мужика же въ рѣдко услышите чистое первоначальное нарѣчіе его села или деревни. Чуждое вліяніе всегда уже будетъ замѣтно въ его рѣчи.

Какъ зашло сюда нарѣчіе Новгородское? Слотино существовало уже во времена Грознаго. Когда Царь выселился изъ Москвы въ Слободу, грозя оставить царство,—тогда Епископы, поѣхавшіе къ нему туда уговаривать его о возвращеніи, остановились въ Слотинѣ. Здѣсь же остановился Князь Владиміръ Андреевичъ съ женою и дѣтьми, когда ѣхалъ на оправданіе къ Грозному; сюда явился разъяренный Царь съ толпою всадниковъ; эту деревню они окружили съ обнаженными мечами; въ одномъ изъ сельскихъ домовъ скрылся Царь; сюда привели къ нему Князя Владиміра съ его семействомъ — и здѣсь онъ погибъ жертвою его неистовыхъ подозрѣній. Никакъ нельзя вообразить, чтобы это село, болѣе похожее на деревушку, могло быть когда нибудь свидѣтелемъ такихъ трагическихъ событій.

Но откуда же взялось Новгородское нарѣчіе? Іоаннъ III, покоривъ Новгородъ, выселилъ изъ него болѣе осьми тысячъ Бояръ, имениныхъ гражданъ и купцевъ, получившихъ земли во Владиміръ, Муромѣ, Нижнемъ, Переславлѣ, Юрьевѣ, Ростовѣ, Костромѣ. Не къ тому ли времени относится и Новгородское населеніе Слотина?

Историческія воспоминанія пріятно соединять съ живою Русью, которая олицетворяется для васъ въ каждомъ простолюдинѣ. Я заслушивался рассказовъ Ѳаддея. Мнѣ любопытна была жизнь его. Сиротинкой остался онъ годочку послѣ отца, на рукахъ у вдовы матери. Ей не на что было воспитать сына; она должна была собирать для него милостыню и воспитала его около Троицкой Лавры однимъ Христовымъ подаяніемъ, и снарядила ему домикъ. Теперь онъ ее поить да кормить, да покоить, а она бабушка и няня дѣтей его. — А какъ ты женился, Ѳаддей? — «Да тоже взялъ за себя сиротинку. Ужь такъ пришлось, одинъ къ другому. Жили двѣ дѣвушки; съ ними тетка, крестная мать ихъ; у нихъ была изба. Вотъ я и взялъ одну изъ дѣвушекъ за себя, а сестру ея тоже къ себѣ въ домъ, съ тѣмъ, чтобы выдать за мужъ и себѣ получить избу. Такъ и сдѣлалъ.» Дѣйствительность-то здѣсь выше той натянутой и брюзгливой поэзіи, которая сама плоше всякой плохой дѣйствительности.

Ну, а сколько у тебя теперь лошадокъ, Ѳаддей? — «Да четверня, по милости Божіей.» — А которую лошадку ты больше другихъ любишь? — «Да что — всѣхъ равно люблю.» — Нѣтъ, ужъ у васъ всегда есть любимая. — Да вотъ развѣ эту; эта будетъ *послѣвнѣ*. — А рассказываютъ ли у васъ на посадѣ сказки? — Бываетъ иногда. — Да гдѣ же больше рассказываютъ? — Да по трактирамъ шлеются такіе сказочники; веселятъ народъ.

Дорога мрачностію соотвѣтствуетъ слободѣ Александровой и ея грознымъ воспоминаніямъ. Мѣста лѣсisty; конечно, это малые остатки отъ лѣсовъ прежняго времени. По сторонамъ открывались иногда виды довольно живописные. Замѣчательны имена урочищъ. У Троицы есть рѣчка Торгошь и Кѣнчура. А вотъ тутъ передъ селомъ Коринскимъ рѣчка Пѣчура! Самое Коринское также село древнее. Производятъ его отъ каръ Грознаго; но, конечно, это производство поэтическое. Вѣрнѣе то, что село Коринское упоминается въ 1609 году. Въ немъ Сапѣга встрѣтилъ передовую дружину Князя Михаила Скопина.

По мѣрѣ того, какъ подъѣзжаете къ Александрову, мѣста становятся мрачнѣе и лѣсъ гуще. Но передъ тѣмъ, какъ открыться городу, лѣсъ, раздвигаясь, уступаетъ мѣсто обширной полянѣ. Вдали виденъ городокъ, сначала какъ будто въ лощинѣ; потомъ выше, живѣе и красивѣе вытягивается онъ, особенно горною своею стороною. Какія-то развалины съ башенкой возвышаются надъ новыми зданіями: это остатки славнаго коннаго завода, который былъ основанъ при Елисаветѣ, великолѣпно построенъ при Екатеринѣ, сгорѣлъ и не возобновленъ.

Въѣзжая въ городъ, по яркой пестротѣ цвѣта на одеждахъ простолюдиновъ вы замѣтите, что городъ оживленъ фабричною промышленностью, что народъ въ довольствѣ, что красивыя бумажныя издѣлья, которыми снабжаетъ Александровъ Россію, служатъ и населенію самого города. На улицахъ пріятно было встрѣчать лица свѣжія, женщинъ прекрасной наружности, дѣтей здоровыхъ и веселыхъ. Вотъ здѣсь фабрики, видно, съ пользою дѣйствуютъ на низшій классъ, не изнуряя силъ его, но питая его и довольствуя.

Остановившись въ гостинницѣ, довольно скромной для промышленнаго города, у хозяина-извозчика, я направилъ шаги прежде всего въ уѣздное училище, къ своимъ сослуживцамъ. Насъ провожалъ по городу хозяйскій племянникъ, одинъ изъ учениковъ школы, хорошенькой и умный мальчикъ, лѣтъ 12-ти. Дорогою, чтобы не терять времени, я экзаменовалъ его. Весьма толково сказалъ онъ мнѣ навзусь всѣ 12 членовъ Символа Вѣры, хорошо знаетъ начатки Катихизиса, Краткую Священную Исторію, Географію Европы и Россіи. Объ учителяхъ своихъ и товарищахъ, особенно о старшемъ ученикѣ, говорилъ онъ съ уваженіемъ и любовью. Всѣ историческія примѣчательности города извѣстны 11-ти лѣтнему мальчику: и усыпальницы въ монастырѣ, и гробницы Маргариты и Θεодосіи, сестеръ Петра Великаго, и охотный дворъ Императрицы Елисаветы. Отъ товарища по ученю слышалъ онъ, что отецъ его имѣетъ книгу, печатанную въ Александровой Слободѣ, при

Царь Грозномъ : вѣдь здѣсь , баринъ , прежде была типографія . Мальчикъ изумлялъ меня своею смѣтливостью , проворствомъ , знаніями , хотя и смѣшалъ въ отвѣтахъ Ревекку съ Саррою . Послѣ оказалось , что онъ совсѣмъ не изъ лучшихъ учениковъ училища , что нерѣдко лѣнится въ классахъ , а между тѣмъ и онъ могъ служить хорошимъ аттестатомъ для всей школы . Я поручилъ ему отыскать старинную книгу ; но послѣ онъ отвѣчалъ на вопросы мои объ ней съ какимъ-то смущеніемъ , которое обнаруживало , что онъ , въ порывѣ дѣтской откровенности , проговорился о томъ , чего не вѣлно было ему сказывать . Такимъ образомъ слѣдъ любопытный старинной книги пропалъ у меня изъ виду . Можетъ быть , кто нибудь другой , счастливецъ меня , ее откроетъ .

Рѣка Сѣрая дѣлитъ городъ на двѣ части . Имя рѣкѣ дано по цвѣту , который еще сталъ сѣрѣе отъ фабрикъ , искажающихъ красоту Божія міра для потребностей человѣческихъ . Училище — маленькой свѣтлой домикъ — помѣщено на гѣрной сторонѣ Александрова . Прекрасный видъ открывается оттуда на широкой , пространной лугъ и на городъ , лежащій вправо . Ученье только что было закрыто передъ моимъ приѣздомъ , но Штатный Смотритель И . Ѳ . Милославовъ привелъ ко мнѣ лучшихъ учениковъ . Они , отвѣтами на мои вопросы , подтвердили мнѣ еще болѣе то доброе мнѣніе , которое составилъ я объ училищѣ по мальчику , мною случайно встрѣченному . Грамматика , Священная и Русская Исторія очень тверды . Экзаменъ былъ сдѣланъ невзначай , безъ всякихъ приготовленій , по желанію начальника школы , обрадовавшагося Профессору , который можетъ взглянуть своими глазами на его ревностныя усилія . Училище такъ содержится опрятно , какъ будто бы ждали кого-то . Карты географическія для черченія развѣшаны въ классахъ . Училищъ 4 . Въ Уѣздномъ 30 учениковъ , въ приходскомъ 61 , въ частной школѣ 40 , въ женской 22 ученицы . Число учениковъ къ народонаселенію относится какъ 1 къ 14 . Учащееся мальчики , по большей части , ограничиваются одною грамотой и по-

ступаютъ на работу. Рѣдкой изъ нихъ пройдетъ всѣ классы школы. Часто порядокъ ученія нарушается тѣмъ, что мальчикъ по цѣлой недѣлѣ не ходитъ въ школу. Блѣдность родителей нерѣдко тому виною. Промышленность также отнимаетъ учениковъ у школы въ работники для своихъ фабрикъ, а сама не радитъ о ученіи народа. Мы думаемъ, что она, съ теченіемъ времени, больше получила бы и матеріальныхъ выгодъ, не говоря уже о нравственной пользѣ, если бы поступала иначе и умѣла бы согласовать требованія просвѣщенія съ своими вещественными видами.

Вся древность города сосредоточена въ стѣнахъ Успенскаго первокласнаго дѣвичьяго монастыря, который съ своею пространною оградой возвышается на другой сторонѣ города за рѣкою, на гористомъ мѣстѣ. Вечеромъ я успѣлъ только быть у всенощной. Народу въ церкви было не много, особенно для такого большого праздника, какъ день Св. Апостоловъ Петра и Павла. Правда, есть еще въ городѣ большая соборная церковь. Но надобно сказать и то, что фабрики утомляютъ народъ, и немногіе, освободившись поздно отъ тѣлесныхъ трудовъ, рѣшаются еще на продолжительное стояніе во храмѣ Божіемъ. Промышленность должна бы быть предупредительна — и наканунѣ большихъ праздниковъ дать хотя два часа отдыха передъ всенощною, чтобы народъ могъ, отдохнувъ немного, посвятить послѣдніе часы дня и вечера Богу. Плоды духовной жизни въ народѣ, конечно, принесли бы пользу и самой промышленности, которая на нравственности народной, основѣ порядка и благоустройства, выгадала бы тѣ два часа, которые уступила бы здѣсь въ пользу Религіи и Церкви.

Отъ монахини привратницы узналъ я, что въ монастырѣ сто монахинь, которыя живутъ на общинѣ. Игуменья Аполлинарія, отошедъ на покой по лѣтамъ, предоставила строеніе монастыря Игуменѣ Елисаветѣ, весьма дѣятельной и бодрой. — «А какъ у васъ будетъ завтра поздня обѣдня, матушка, въ которомъ часу? — Да вѣдь мы не по вашему считаемъ часы, а по Русски. — Какъ это, ма-

тушка?» — Да, у насъ есть на башнѣ свои часы, Русскіе. Вотъ какъ заходитъ солнце, это значитъ 24 часа, а по захожденіи, идетъ первый часъ, тамъ второй, и далѣе. Такъ и бьютъ они. Это Русскіе часы. — «Ну, матушка, такъ у васъ часы не Русскіе, а Итальянскіе. Такъ до сихъ поръ считаютъ часы въ Римѣ. Завтра можно видѣть ваши часы?» — Можно, можно, сударь. У насъ такъ они и заводятся. — Итальянскіе часы въ Александровѣ монастырѣ! Должна быть непремѣнно древность отдаленная.

На другой день, послѣ литургіи, осмотрѣлъ я соборную церковь. Она обѣ одной главѣ. Наружною архитектурою напомнила она мнѣ бывшую церковь Никола Явленного на Арбатѣ, несомнѣнно строенную при Іоаннѣ Грозномъ, которая недавно была сломана. Только размѣрами она гораздо простираннѣе. Время строенія положительно неизвѣстно; но есть признаки, что также при Іоаннѣ Грозномъ. Одноглавыя церкви у насъ вообще древнѣе пятиглавыхъ, но и пятиглавіе ведетъ начало свое тоже отъ глубокой древности. Въ 1158 году Князь Андрей Боголюбскій во Владимірѣ «заложилъ церковь камяну святой Богородици... сверши же церковь 5 верховъ, и всѣ верхи золотомъ украси, и створи въ ней епископью.» Верхи здѣсь конечно означаютъ главы. Но многія церкви, какъ Переславскій соборъ, какъ Спасъ на Бору, были одноглавыя. Любопытнѣе вопросъ: когда у насъ, съ какихъ поръ, начали перестраивать древнія одноглавыя церкви въ пятиглавыя и тѣмъ искажать красоту размѣровъ и внутреннее освѣщеніе храмовъ, и съ какою цѣлью эти передѣлки совершались? А въ исторіи нашего храмоваго зодчества это искаженіе церквей — фактъ несомнѣнный.

Здѣсь единоглавіе, къ счастью неискаженное, представлялось мнѣ во всемъ своемъ превосходствѣ касательно внутренняго дѣйствія храма. Свѣтъ падалъ сверху изъ продольныхъ стеколъ шеи купола и чудно озарялъ весь иконостасъ: давно не испытывалъ я подобнаго впечатлѣнія. Вся великая тайна Бога Слова, предвѣчно рожденнаго, земное воплощеніе, Царь міра и сонмы небесныя Церкви,

склоняющіеся съ обѣихъ сторонъ передъ неисповѣдимою тайною Христовой Вѣры: Богоматерь, Предтеча, Ангелы, Апостолы, мученики, исповѣдники, праотцы, въ лучахъ дневнаго свѣта, являлись мнѣ во всѣхъ подробностяхъ и производили на меня то впечатлѣніе, которое долженъ производить иконостасъ храма — это видимое таинственное небо нашей Церкви. Въ другихъ храмахъ недостатокъ свѣта, или золотыя украшенія, въ которыхъ самоуслаждалась или личность золотыхъ дѣлъ мастера или щедролубивое усердіе доброхотнаго дателя, мѣшаютъ тому высокому созерцанію, которое такъ необходимо для молитвы. Здѣсь же мнѣ все было ясно, доступно, близко.

Надпись, видная въ алтарѣ на исподѣ иконы Владимірской Богоматери, которая находится по лѣвую сторону священника, предстоящаго престолу, свидѣтельствуешь, что иконостасъ поставленъ и возобновленъ при Царяхъ Іоаннѣ, Петрѣ и Правительницѣ Софіи. Слѣдовательно, если онъ только возобновленъ живописью, то стало быть древнѣе Царя Алексѣя Михайловича: ибо нельзя предположить, чтобы потребовалось возобновленіе въ малый промежутокъ времени отъ Царя Алексѣя до троихъ дѣтей его.

Но главное доказательство въ пользу древности храма, такъ называемыя Васильевскія двери, находящіяся въ южномъ входѣ въ Соборную Церковь. Этому памятнику 511 лѣтъ. Онѣ названы Васильевскими по имени Новгородскаго Архіепископа Василія, который устроилъ ихъ въ церкви святой Софіи въ 1336 году, какъ сказано въ Новгородской лѣтописи («Боголюбивый архіепископъ Василій у святѣи Софіи двери мѣдяны золочены устроилъ»). Іоаннъ Грозный, послѣ разгрома Новгородскаго въ 1570 году, вывезъ эти ворота въ свою Слободу. Должно думать, что тогда же онѣ и поставлены въ церкви.

Я осмотрѣлъ этотъ памятникъ по описанію Н. Н. Мурзакевича, которое нарочно взялъ съ собою. Описаніе составлено вѣрно и добросовѣстно. Весьма немногія поправки и дополненія случилось мнѣ сдѣлать. Содержаніе изображеній на дверяхъ относится къ жизни Богоматери

и Иисуса Христа. Они начинаются плачем Иоакима о неплотди и молитвою Анны о зачатіи, и кончаются изображеніемъ Пресвятой Троицы. Обѣ половины дверей, затворенныя вмѣстѣ, представляютъ какъ бы нѣкоторый порядокъ въ событіяхъ, но не безъ отступленій. Видно, квадраты изготовлены прежде, а потомъ совокуплены невѣждою въ одно цѣлое. Преображеніе слѣдуетъ послѣ Воскресенія: это напомнило мнѣ знаменитое выраженіе профессора Сорбонны, Эдгара Кине: *la resurrection, et puis le Thabor*. Впрочемъ художникъ дверей не имѣлъ ли въ виду сказанія Евангельскаго, что Преображеніе Спасителя было обнаружено зрителями его по Воскресеніи? Въ надписяхъ на дверяхъ, Славяно-церковныя формы языка мѣшаются съ Новгородскимъ нарѣчіемъ: *мече* вмѣсто *мещеть* или *мечеть*. Нѣкоторыя слова закрыты прикрѣпленными сверху золотыми листами: очень жаль, потому что скрыто много любопытнаго.

Внизу на дверяхъ, послѣ всего того, что относится къ жизни Иисуса Христа и Богоматери, видны изображенія, съ отношеніемъ къ Царской власти. Давидъ, какъ образецъ Царя, вѣрнаго Церкви, поражаетъ Голиаѳа и несетъ торжественно ковчегъ Завета. Рядомъ съ нимъ примѣръ другой: Царь міра Иисусъ Христосъ сидитъ на престолѣ; ликъ его закрытъ прибитыми желѣзными листами; но вы отгадываете сидящаго по Евангелію и кресту, которые передъ Нимъ лежатъ на алтарѣ, съ орудіями страданій по одну сторону, и чашею по другую. Кентавръ, символъ любострастія, держитъ правою рукою маленькую фигуру и какъ бы кидаетъ ее далеко отъ Царя Бога: въ надписи сказано, что царь братъ Кентавра и что Кентавръ *мечеть (мече) братомъ своимъ на обитованную землю*. Тутъ же другое нравоучительное изображеніе: мужчина сидитъ на деревѣ, отягощенномъ плодами, и наслаждается ими; внизу двѣ мыши подтачиваютъ корни дерева. Не могу согласиться съ почтеннымъ авторомъ описанія, что будто бы два различные мастера, Грекъ и Русскій, работали эти двери и что искусство одного уступаетъ искусству другаго. Люди

въ одеждахъ изображены лучше, чѣмъ нагѣ: такъ бываетъ всегда въ первоначальномъ искусствѣ. Воскресеніе І. Х. и побѣда Давида надъ Голиафомъ весьма благообразны, потому что здѣсь тѣло покрыто одеждами. Не лѣзя того же сказать о крещеніи Спасителя, потому что художникъ не въ силахъ былъ рисовать наготу тѣла (*). Въ складкахъ же одеждъ видны вкусъ и нѣкоторое искусство.

По другую сторону у сѣвернаго входа есть образъ Спасителя съ Греческою надписью, которая какъ видно принадлежитъ Русскому невѣждѣ: вмѣсто τὸ φῶς τοῦ κόσμου (свѣтъ міра) читаете: τὸ φῶς τοῦ βοσμου. Всѣ малыя панникадила передъ мѣстными иконами серебряныя — даръ Царевнѣ Маргариты и Θεодосіи Алексѣевнѣ, какъ это можно видѣть по надписямъ, ихъ окружающимъ. Въ алтарѣ есть еще маленькой придѣлъ Сумеона Богопріимца.

Успенскій храмъ, по мнѣнію молодаго священника, весьма образованнаго, заключаетъ въ себѣ наибольшую древность монастыря; но не столько самая церковь, сколько то зданіе, изъ котораго она построена. Главная церковь во имя Успенія Богоматери, котораго икона весьма ува-

(*) См. Журн. Мин. Нар. Пров. 1837. Декабрь. Васильевскія двери въ городѣ Александровѣ. Сдѣлаю нѣкоторыя дополнительные замѣчанія къ дѣльному описанію Н. Н. Муракевича. Если двери затворить, то не будетъ такого безпорядка въ постепенности изображеній, какой замѣченъ Авторомъ, хотя правда не во всеѣ. При распятіи у креста присутствуетъ Іоаннъ и потому должно читать.... аннѣ, а не анны (стр. 609). Никодимъ, сидя у подножія креста, не держится за веревку, а клещами вынимаетъ гвоздь изъ ноги Спасителя. Въ Сошествіи Св. Духа на Апостоловъ внизу изображенъ побѣжденный царь тьмы въ коронѣ, отдѣленной отъ верхней картины круговидною чертою. Подобное изображеніе встрѣчается не рѣдко на иконахъ того же содержанія. Тоже видѣлъ я въ Троицкомъ Соборѣ Лавры на паперти. Въ воскресеніи Лазаря слуга не пособляетъ встать воскресшему, а спинаетъ съ него пелены. Иконы съ изображеніемъ Богоматери, ярадушей воу (стр. 621), встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ, какъ напримѣръ въ Кіевѣ. Вотъ все, что я могъ замѣтить въ знакъ уваженія къ труду почтеннаго археолога, безъ котораго не ясны бы для меня были Александровскіе ворота.

жаема, подновлена усердіемъ И. О. Баранова. По бокамъ два придѣла, Іоанна Предтечи и Св. Маріи Египетской. Въ послѣднемъ придѣлѣ иконостасъ замѣчательнъ красотою своей иконописи: особенно поразилъ меня необыкновенною граціею образъ Архидіакона Стефана на сѣверныхъ дверяхъ, съ кадилломъ въ правой рукѣ и съ камнемъ въ лѣвой. Живопись, должно думать, времянь Царя Феодора Алексѣевича, при которомъ было сильно Итальянское вліяніе. Все это зданіе всѣми подробностями своими показываетъ, что оно первоначально назначено было не для церкви. Окна и двери не на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ бы слѣдовало имъ быть; углубленія въ стѣнахъ безъ всякой причины. Подобныя я видѣлъ послѣ въ Твери, въ церкви Отроча монастыря, передѣланной изъ келліи Митрополита Филиппа. Въ трапезѣ большой церкви съ праваго краю и во всемъ придѣлѣ Маріи Египетской вы видите остатки деревяннаго пола, составленнаго изъ сосновыхъ квадратовъ. Это, конечно, полъ прежняго зданія. Внѣшнія части зданія при церкви, подъ одною съ нею кровлею, показываютъ также, что оно все вмѣстѣ когда-то составляло одно цѣлое: при передѣлкѣ же его въ церковь съ двумя придѣлами, нѣкоторыя части не вошли въ новый планъ — и теперь въ нихъ жилия комнаты. Конечно, опытный въ храмовомъ нашемъ зодчествѣ архитекторъ могъ бы окончательно рѣшить вопросъ о первоначальномъ назначеніи этого зданія. Не здѣсь ли былъ монастырь Грознаго? Не тутъ ли кельи его опричниковъ? Священникъ сказывалъ мнѣ, что по преданіямъ и догадкамъ, тутъ и полагаютъ покои Іоанновы.

Еще болѣе убѣждаютъ въ вѣроятности этого предположенія подземные своды или подвалы, которые находятся подъ этимъ зданіемъ и занимаютъ огромное пространство. Тутъ теперь монастырскіе погреба. Своды сложены изъ бѣлаго камня, точенаго въ большихъ размѣрахъ. Кладка, по признакамъ, очень древняя. Въ одномъ мѣстѣ стѣны, какъ бы впадина нарочно сдѣланная, и выдаются какіе-то два бруса съ обѣихъ сторонъ: трудно рѣшить, для какой цѣли это устроено? Тѣ, которые предполагаютъ, что въ

этомъ мѣстѣ была обитель Іоаннова, спрашиваютъ: не для пытки ли какой? Въ самые нижніе подвалы спускаться довольно трудно по обвалившимся ступенямъ, въ глубокой темнотѣ, при свѣтѣ лучины. Здѣсь чуть-чуть проникаетъ свѣтъ въ самыя узкія отверстія, которыя сдѣланы надъ землею. Мѣстами на камняхъ сводовъ я замѣчалъ слѣды буквъ: м, р. Подъ другою церковью Покрова Богоматери, гдѣ теперь хлѣбня и запасы муки для монастыря, находятя другіе своды и подвалы. Въ глубинуходы такіе, что спускаться страшно. Входятъ въ тѣ, которые служатъ магазинами, а на дальніе только показываютъ съ ужасомъ, предполагая, что здѣсь были какіе нибудь тайники или подземные проходы. Подозрительный Іоаннъ любилъ ихъ. Вообще вся эта подземная сторона гадательно напоминаетъ о темномъ пребываніи здѣсь Царя Грознаго.

Надъ церковью Покровà устроены тѣ часы, которые въ монастырѣ слываютъ Русскими и которые, начиная счетъ времени отъ заката солнечнаго, обличаютъ Итальянское происхожденіе. Старушка живетъ при часахъ, ежедневно заводитъ ихъ, свѣряетъ съ солнцемъ и завѣдываетъ ихъ механикой, которая, судя по наружности ея и устройству, должна быть первоначальная. Надобно слышать, съ какимъ заботливымъ участіемъ говоритъ старушка о своихъ часахъ. Посредствомъ двухъ деревянныхъ дощечекъ, она какъ-то устроила правильное движеніе маятника, который было испортился. Вся жизнь ея въ этихъ часахъ. Впрочемъ для монастыря они чрезвычайно важны, потому что всѣ занятія монастырской общины распределены по нимъ. Когда эти часы сдѣланы или откуда привезены? неизвѣстно. Если они устроены уже по основаніи монастыря, то въ эти времена у насъ были свои Русскіе часовщики. Изъ юридическихъ актовъ мы знаемъ, что Петръ Кузьминъ Печонкинъ, Тихвинецъ, посадской человекъ, въ 1655 г., взялся для одного дѣвичьяго монастыря своими работными людьми собрать казенные часы боевые, поставить ихъ на колокольнѣ наготово, какъ имъ бытъ на четверо часы по четвертежъ, безмятежно, указать ихъ

монастырскому человеку и вывести кругъ указной, по чемъ ихъ водить и знать, и впредь шесть мѣсяцевъ починивать ихъ *безволокидно*, а все это за *полята рублн.* (Акты Юрид. № 199).

Должно думать, что все это мѣсто, послѣ смерти Грознаго, оставалось въ запустѣннн до самыхъ тѣхъ временъ, когда здѣсь была основана женская обитель. Время основанія оной не опредѣлено. Въ Исторіи Россійской Іерархіи сказано, что Царь Алексѣй Михайловичъ въ 1651 году разрѣшилъ грамотою для старицъ строить при церкви кельи и ограду. Но древнѣйшая грамота, хранимая въ самомъ монастырѣ, относится къ Феодору Алексѣевичу. Есть преданіе о старцѣ Лукіянѣ, который имя свое далъ пустынь, лежащей въ 10 верстахъ отъ Александрова, что онъ, съ благословенія Патріарха Іоакима, основалъ и освятилъ эту женскую обитель. Протоіерей соборной церкви сказывалъ мнѣ, что есть о томъ рукописное сочиненіе, которое ходитъ по рукамъ любителей старины. Вѣроятно, для обители воспользовались существовавшею уже церковью Успенія Богоматери и зданіями Іоанна Грознаго, которыя отличались необыкновенною твердостью, какъ это можно видѣть изъ многихъ памятниковъ его времени.

Здѣсь-то жили въ инокиняхъ двѣ сестры Петра Великаго: Марѳа (Маргарита) и Феодосія Алексѣевны. Первая преставилась въ 1697, а вторая въ 1713 году. Память ихъ есть древнѣйшее и священное преданіе монастыря. Ихъ смиренныя, низменныя кельи пристроены къ колокольнѣ. На нихъ показываютъ съ благоговѣніемъ. Ими устроены деревянные усыпальницы, или похоронные погреба, гдѣ и теперь хоронятъ монахинь, ставя гробъ на гробъ. Мы видѣли нѣсколько гробовъ, поставленныхъ одинъ надъ другимъ, съ воткнутыми въ нихъ вербами отъ заутрени вербнаго воскресенія. Откуда взялся обычай усыпальницъ — не знаю. Онъ напомнилъ мнѣ обычай погребенія, прежде существовавшій въ Римѣ, хоронить въ подземныхъ погребкахъ и также ставить гробъ на гробъ. Въ этихъ же усыпальницахъ похоронены были и Царевны, согласно ихъ соб-

ественному желанію, вмѣстѣ съ другими монахинями; но потомъ перенесены были ихъ гробы въ другую отдѣльную усыпальницу, подѣ церковь Срѣтенія Господня. Здѣсь на двухъ гробницахъ горятъ неугасимыя лампы — и народъ чтитъ память Царевнѣ — инокинь частыми панихидами. Передъ входомъ, у окна, вы видите портретъ Маргариты, имѣющей большое сходство съ Петромъ Великимъ и Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ.

Монастырская ризница хранитъ также память Царевнѣ. Богатыя ризы, шитыя жемчугами, серебромъ и золотомъ, ихъ рукодѣлье. Замѣчательны: крестъ, построенный въ церковь Царицею Натальею Кирилловною въ 1694 году за здоровье ея, Петра Алексѣевича и Царевича Алексѣя Петровича; ложка столовая Царевны Софьи Алексѣевны: съ буквами ея имени, — и блюдо серебряное, вѣсомъ фунтъ и 5 золотниковъ, которое Царю Алексѣю Михайловичу поднесли Голландцы съ надписью: «21 весъ фунт. 5 зол. Государю челомъ удари Галанскіе торго немцы давидъ микула товарищи PHS Оев. вѣ.» 7156—1648, въ 12-й день Февраля, т. е. на праздникъ Алексія Митрополита, но это не былъ день именинъ Царя. Именинникомъ бывалъ онъ 17-го Марта, какъ значится въ царскихъ выходахъ: Марта въ 17 день слушалъ Государь всенощную, на свой Государевъ ангель, въ Алексѣевскомъ монастырѣ. Жаль, что въ выходахъ 1648 года весь Февраль утраченъ, а не то, можетъ быть, мы и прочли бы что нибудь о приношеніи Давыда Микулы съ товарищи.

Тутъ же въ ризницѣ хранится нѣсколько кожанныхъ лоскутковъ, т. е. старинныхъ денегъ, тѣхъ самыхъ, которыя изъ этого же монастыря присланы были въ наше Историческое Общество. Это маленькіе четверугольнички изъ толстой кожи съ знакомъ въ родѣ загнутаго гвоздя. Я помню: наши скептики, тогда бывшіе еще въ большой силѣ, ихъ оподозрили и объявили поддѣлкой. Но что же за нужда была городу Александрову ихъ поддѣлывать? Отъ ризничей слышалъ я, что этихъ кожанныхъ лоскутковъ можно много найти и по городу. Гдѣ открыты они были — неизвѣстно.

Отъ памятниковъ древней Руси возвращаясь къ новой, не могу не сказать, что нынѣшній городокъ Александровъ всюю жизнію и дѣятельностью своею обязанъ своему гражданину, всѣми уважаемому, Ивану Ѳедоровичу Баранову (*). Я и прежде слышалъ объ немъ отъ Барона А. К. М—фа, какъ объ человѣкѣ ума и просвѣщенія необыкновеннаго, съ великими замыслами, могущими принести честь торговлѣ и промышленности Русской. Къ моему сожалѣнію, И. Ѳ. былъ въ Петербургѣ, куда поѣхалъ за сыновьями, которые воспитываются тамъ въ высшемъ Коммерческомъ училищѣ. Я не могъ познакомиться съ нимъ, чего весьма желалъ.

И. Ѳ. Барановъ здѣсь главный двигатель торговли и промышленности, не смотря на то, что есть купцы въ Александровѣ и богаче его. Онъ понялъ, что Россія въ своихъ торговыхъ замыслахъ должна имѣть въ виду Европу и Азію: Европу, какъ образецъ, съ которымъ не только должно сравняться, но даже его превзойти; Азію, какъ неисчерпаемый источникъ для матеріала, и какъ средство для сбыта. Крашеные бумаги и ситцы — главное его занятіе; промышленность народная, соответствующая потребностямъ всѣхъ классовъ. Народъ нашъ любитъ свѣтлыя одежды и яркость красокъ: красный и розовый — его любимые цвѣта. Промышленникъ долженъ примѣняться и къ народному вкусу, если хочетъ успѣха и выгоды. И. Ѳ. учредилъ въ селѣ Карабановѣ новую ситцовую фабрику, съ цѣлью превзойти всѣ иностранныя издѣлья въ этомъ родѣ. Марену вывозить онъ изъ Хивинскаго царства, и въ обработкѣ ея вошелъ въ соперничество съ Элберфельдомъ, этимъ Манчестеромъ Германіи, который одинъ до сихъ поръ завѣдывалъ ею въ Европѣ: маренá Барановская являлась уже на Лейпцигской ярмаркѣ и состязалась съ Элберфельдскою. Изъ Хивы же выписалъ онъ въ нынѣшнемъ году 35,000 пудъ хлопчатой бумаги. Г. Чихачевъ

(*) Къ несчастію, Александровъ лишился съ тѣхъ поръ своего благодѣтельнаго гражданина.

въ своей статьѣ, которую читалъ въ Географическомъ Обществѣ 3-го Декабря: *объ изслѣдованіи верхняго бассейна Сыръ-и Аму Дары*, относительно торговли нашей съ Азіею, выражаетъ ту мысль, которую Г. Барановъ давно уже исполняетъ на дѣлѣ. «Главная польза замѣны Американской хлопчатой бумаги и заморской марены Азіатскими, говоритъ онъ, состояла бы въ томъ, что Россія платила бы за нихъ своими мануфактурными издѣліями и что притомъ доставкой хлопчатой бумаги и марены занимались бы не иностранцы, но большею частію сами Русскіе, которые перевозили бы также и свои издѣлія на Азіатскіе рынки.» То и дѣлаетъ И. Ѡ. Барановъ. Виды его простираются на Кавказъ въ слѣдъ за нашимъ оружіемъ: ужь онъ ведетъ большой торгъ и въ Тифлисѣ.

Въ такомъ славномъ нашемъ фабрикантѣ пріятно найти благочестиваго и добраго человѣка. Придѣлъ въ соборной церкви Александра отдѣливается на его счетъ, со вкусомъ и великолѣпіемъ. Во всемъ околodкѣ раздаются отъ народа единогласныя похвалы И. Ѡ. Баранову за его добро. «Да, онъ не побойтса, какъ другіе, говорилъ мнѣ извощикъ, чтобы у него фабрика сгорѣла. Нѣтъ того бѣднаго человѣка, кому бы онъ не сдѣлалъ добра. У мужика коровка свалилась, коровку дать. Къ нему вѣдь какіе гурты-то гоняютъ по осени!» Такой голосъ — лучшая награда доброму дѣлателью.

Гдѣ воспитался И. Ѡ. Барановъ, умѣвшій соединить Европейскія мысли съ такою чистою Хрістіанскою основою? Въ какойнибудь Академіи, въ высшемъ училищѣ? Нѣтъ, мнѣ говорили, что Александровъ былъ его колыбелью и мѣстомъ воспитанія.

Я старался развѣдать: не сохранилось ли въ народѣ какихънибудь преданій объ Іоаниѣ Грозномъ, о его пребываніи здѣсь, объ Александровской слободѣ, которая, по сказанію одного древняго житейника, хотя по слову и означала тоже что свобода, а была *горше Египетской работы*. Одинъ почтенный старожилъ, Семень Антипѣвичъ, сказывалъ мнѣ, что онъ ничего не слыхалъ отъ своихъ пред-

ковъ. Мои сослуживцы по учебному вѣдомству также не могли мнѣ сообщить ничего. Народъ помнитъ конный заводъ Елисаветы Петровны, охотный лугъ, гдѣ охотилась сама Императрица, эта прекрасная всадница, какъ воспѣлъ ее Ломоносовъ; по все, касающееся до Иоанна, покрыто, по видимому, забвеніемъ. На мѣстѣ его чертоговъ и келлій стоятъ памятники благочестія. Одни мрачныя каменные подземелья гадательно напоминаютъ объ немъ. Въ народѣ не ходитъ ни сказки, ни пѣсни, ни преданія о грозномъ царѣ въ томъ мѣстѣ, которое было свидѣтелемъ его жестокостей и причудъ. Вотъ еще добрая черта нашего народа! Онъ не злопамятенъ; исторія злопамятнѣе его, какъ сказалъ Карамзинъ. Чтò, думаетъ онъ, помнитъ дурное о царяхъ и сочинять на это сказки? Лучше забыть, да помолиться на томъ мѣстѣ, гдѣ совершено какое зло. Извѣстно, что даже сыноубійство Иоанново въ одной народной пѣсни, касающейся этого событія, исправлено — и казнь, повелѣнная царемъ палачу Скуратову, не исполняется усердіемъ добраго боярина. На мѣстахъ крови и зла, мы издревле любили ставить неobeliski и не пирамиды Египетскіе, но храмы и кресты. На западѣ, въ подобномъ случаѣ, стояла бы какая нибудь башня съ привидѣніями, и рассказывалась бы страшная легенда о Грозномъ, въ вѣчное отищеніе его памяти, и путешественникъ — собиратель обрадовался бы такому разсказу и передалъ бы его читателямъ, украсивъ его съ своей стороны какими нибудь цвѣтами. Что касается до меня, то я радъ былъ за нашъ народъ, что не нашелъ въ немъ никакой памяти о злодѣйствахъ Иоанновыхъ. Не знаю, впрочемъ, можетъ статья, другой путешественникъ будетъ несчастнѣе меня въ отношеніи къ мнѣнію моему о нашемъ народѣ и счастливѣе въ отношеніи къ романической занимательности своего разсказа объ Александровѣ.

ПЕРЕСЛАВЛЬ ЗАЛЪСКОЙ.

Дорога въ Переславль.—Озеро Плещеево.—Слѣды пожара въ городѣ.— Древности Переславля.— Проводникъ Акимъ Алексѣевъ.— Новый соборъ.— Преданіе о Купалѣ.— Древній соборъ Спасопреображенскій.— Иконы.— Изображеніе таинства брака 1682 года.— Гробницы.—Храмъ Петра Митрополита.— Видъ съ колокольной собора.—Птицы-рыболовы.—Житіе Някиты Переславскаго, слышанное изъ устъ неграмотнаго мѣщанина.— Монастырь Горницкій.— Рыбацкая Слобода.— Даниловъ монастырь.— Вельсково.— Гремячъ.— Ботикъ Петра Великаго.— Указъ Петра В.— Видъ на озеро.— Училища.— Проектъ изданія древностей Владимирскихъ.

Неразговорчивъ былъ извозчикъ, который везъ насъ изъ Александрова въ Переславль, до станціи. Онъ не *възжамый* человекъ, не покидалъ своего Холопова, или какъ онъ произносилъ Фолопова, мѣняя букву х на ф и тѣмъ доказывая, что онъ вѣрноп своему мѣстному произношенію. Вообще замѣтилъ я, что мужики, мало ѣздившіе, а болѣе сидѣвшіе въ деревняхъ своихъ, неразговорчивы, необразованы. Оно и естественно. Общеніе съ людьми прежде всего образуетъ человекъ. Красивый, высокій мущина смѣнилъ его на станціи. Крестьяне въ Петровъ день разговѣлись: кто молочкомъ, а кто побогаче — говядиной.

Плохихъ лошадей, измученныхъ работой, мы должны были смѣнить въ другомъ селѣ. Сельской писарь, умный малой, вывезъ на лихой тройкѣ. «У насъ окружный-то, говорилъ онъ мнѣ, вотъ кажется и со всякимъ младенцемъ поговорить. Никого словомъ не *обездомилъ*.» — Въ день Петра и Павла бываетъ праздникъ у ботика Петрова на озерѣ Переславскомъ, и гулянка у крестьянъ села Вельскова. — Объ озерѣ рассказываетъ народъ, что оно все выплескиваетъ, что бы въ него ни бросили, хотя бы въ

самую середину. Отъ того и названо, конечно, Плещеевымъ. Разъ везли по озеру камень во сто пудъ: — онъ упалъ въ воду какимъ-то образомъ. Озеро не въ силахъ было волнами своими выплеснуть его на берегъ: такъ весною, когда ломало ледь, *икрами* вытерло его на то мѣсто, гдѣ его и показываютъ. Икрами называются огромныя льдины. Дно всего озера чистый песокъ: въ немъ нѣтъ ни ила, ни растеній. Вода такъ прозрачна, что въ ней рѣшительно видно все, на какой бы глубинѣ что ни кинули, какъ говоритъ народъ и подтверждаютъ очевидцы. Чистота воды даетъ и рыбѣ вкусъ превосходный.

Ночью приѣхали мы въ Переславль. Вдали бѣлою полосой лежало озеро. Передъ гостинницей, гдѣ мы остановились, виднѣлись обгорѣлыя развалины каменныхъ домовъ послѣ пожара, недавно бывшаго. Въ городѣ это было еще свѣжимъ грустнымъ событіемъ. Но вмѣстѣ съ несчастіемъ рассказывали и о благотворительныхъ подвигахъ купечества. Первый помогъ Алексѣй Петровичъ Столбовъ, старѣйшій изъ гражданъ Переславскихъ. За тѣмъ помогъ изъ Москвы племянникъ его, Константинъ Алексѣевичъ Куманинъ. Ждали, что приплюютъ Киселевы изъ Шуи, а они родня Темерину-Додонову, головѣ, котораго фамилія старинная въ Переславлѣ; домъ его также сгорѣлъ. Честь и слава доброму нашему купечеству! — оно, первое, является на помощь въ подобныхъ бѣдствіяхъ.

Рано утромъ пошелъ я осматривать древности Переславля. Въ то время, когда на улицѣ затруднился я въ проводникѣ и разговаривалъ о томъ съ мальчикомъ гостинницы, замѣтилъ мое затрудненіе шедшій по улицѣ мѣщанинъ. — «Что вамъ угодно, баринъ?» — спросилъ онъ у меня. — Да вотъ взглянуть на вашу древность, на ваши соборы и монастыри. — «Извольте, баринъ, я вамъ все покажу. Какъ намъ не знать своего города?» — Да у тебя, можетъ быть, есть дѣло. — «Ничего, ничего, батюшка. Радъ вамъ послужить.» — Этотъ Переславской чичероне Акимъ Алексѣевъ, мѣщанинъ Федоровской слободы. Я

рекомендовалъ бы его всякому , кто бы захотѣлъ познакомиться съ Переславлемъ : преумный малый , знаетъ въ городѣ все , старое и новое , а грамотѣ не учился . Я не расставался съ нимъ цѣлый день .

Въ новомъ соборѣ нѣтъ ничего древняго , кромѣ двухъ иконъ . Одна — Владимірской Богоматери . Объ ней существуетъ слѣдующее народное преданіе , рассказанное мнѣ Акимомъ . Въ Переславлѣ народъ поклонялся идолу Купалу . Когда Владиміръ внесъ Христіанскую вѣру , Переславцы хотѣли все - таки продолжать свое языческое поклоненіе . Но Владиміръ прислалъ къ нимъ икону Пресвятой Богоматери и тѣмъ удалилъ ихъ отъ кумира . Потому и празднуютъ ей наканунѣ того дня , какъ праздновали Купалу . А икона въ народѣ слыветъ до сихъ поръ Купальницей . — Другая икона Спаса Нерукотвореннаго , также весьма уважаема народомъ , какъ древняя святыня . Она была обожжена въ какомъ-то пожарѣ . Протоіерей полагаетъ , что перенесли ее изъ стараго собора . Судя по стилю , этотъ образъ долженъ напоминать самыя первоначальныя времена Переславля . Въ сохраненіи его нѣтъ ничего необыкновеннаго . Во время пожаровъ , конечно , прежде всего спасали святыню .

Но вотъ неподалеку отъ новаго собора , близъ высокаго вала , древній соборъ Спасопреображенскій , сложенный изъ бѣлаго камня , обѣ одной главѣ . Поразительны простота и гармонія этого зданія . Можете взглянуть на изображеніе его въ Русской Старинѣ , Г. Мартынова , и на прилагаемый рисунокъ , но здѣсь ясна будетъ для васъ одна внѣшняя его форма , а не стройность размѣровъ , которую можно передать только посредствомъ архитектурнаго рисунка . Въ 1152 году , говоритъ Никонова лѣтопись , Великій Князь Юрій Долгорукій «градъ Переславль отъ Клещина пренесе , и созда болши старого , и церковь въ немъ постави камену святаго Спаса.» Стало быть , древнѣйшій городъ находился на берегу озера Плещеева , въ старину Клещина или Клешнина ; теперешній же городъ отдаленъ отъ него , а валъ , окружавшій древній городъ , строенный Княземъ Юріемъ , еще далѣе отъ озера . Соборъ

стоять почти у самого вала. Отъ вала обращенъ онъ на востокъ. И. М. Снегиревъ въ описаніи этого храма передалъ намъ историческія воспоминанія, соединенныя съ нимъ.

Иконы внутри храма, большею частію, древнія. Замѣчательнѣйшая Спаса Милостиваго: по сторонамъ Спасителя Богоматерь и Іоаннъ Креститель. Лицо сего послѣдняго — типъ превосходный, чисто Византійскій. На свиткѣ, находящемся въ рукахъ его, надпись, по стилю буквъ и языку древняя: «Се агнецъ Бжїи взямаи міру грѣхи.» Буква жъ необыкновенной формы; буква з по Востокову весьма древняя. Замѣчательнъ дательный падежъ: міру грѣхи — вмѣсто грѣхи міра — также древній Славянскої оборотъ, котораго нѣтъ и въ Остромировомъ Евангеліи на этомъ мѣстѣ. Снятіе этой иконы можно бы рекомендовать художнику-археологу, который захотѣлъ бы у насъ заняться собраніемъ иконъ замѣчательныхъ. Здѣсь же есть удобство для такого изученія, чего нѣтъ въ другихъ храмахъ; иконы безъ окладовъ и доступны во всей ихъ цѣлости.

По правую сторону отъ царскихъ дверей, вторая мѣстная икона весьма примѣчательна не столько древностію своею, сколько содержаніемъ. На верху читаете надпись: Образъ Распятія Господа — Семь Таинствъ. По серединѣ иконы изображенъ Спаситель, распятый на крестѣ, а вокругъ Него семь Таинствъ. Шесть изображено въ кружкахъ, и лица самаго мѣньшаго размѣра. Но видно, что на Таинство брака живописецъ обратилъ вниманіе гораздо бѣльшее. Оно представлено внизу и какъ бы указываетъ поводъ, по которому икона была написана. Іерей благословляетъ чету, богато одѣтую, соединяя руки жениха и невѣсты, на которыхъ одежды древне-Русскія. Возлѣ невѣсты стоитъ женщина не молодая, также въ богатомъ нарядѣ, подъ фатою, и въ лѣвой рукѣ у нея свѣча, а правою держитъ она вѣнецъ на головѣ невѣсты, которая, съ распущенными волосами по обычаю, даже теперь существующему у нашихъ крестьянокъ около Москвы, подаетъ правую руку жениху, въ лѣвой же держитъ ширинку. На шеѣ и на груди ея много монистовъ и

драгоценныхъ каменевъ. На платѣ изъ парчи узорочной обозначена талія поясомъ съ геродками. Женихъ, съ подобранными волосами на головѣ, въ нарчевой ферязи съ петлицами, изъ-подъ которой виденъ зипунъ, подаетъ правую руку невѣстѣ. При женихѣ стоитъ мушина, еще наряднѣе одѣтый чѣмъ самъ женихъ, судя по узорамъ ферязи, съ длинными волосами, вьющимися по плечамъ, и какъ у женщины, въ одной рукѣ у него свѣча, другою же онъ держитъ вѣнецъ на головѣ жениха. Вѣнцы жениха и невѣсты различны: на послѣдней онъ имѣетъ видъ пламени, бьющаго къверху. Кругомъ всего образа написаны стихиры, которыя поются на Воздвиженіе Креста. Надъ Тайнствомъ же брака большая надпись: Тайна седьмая святаго бракосочетанія. Надъ головою жениха: Бракъ есть таинство, въ которомъ слугитель церковный обручаетъ два сочетавающихся лица. Надъ головою невѣсты: О ниже речено еже Богъ сочетаетъ, человекъ да не разлучаетъ и будете оба въ плоть едину. Въ самомъ же низу иконы читаете: *Въ лето 394* ($\frac{1190}{1682}$) *поставилъ сей образъ всоборный и Апльстей црквомъ Преображенія Спасова по обѣщанію своему подъячей Никита Ведерницынъ. Писалъ иконописецъ Стеванъ Казариново.* Вѣроятно, этотъ образъ имѣетъ отношеніе къ браку подъячаго. Совершеніе обряда и древнія наши одежды, особенно женскія, большая у насъ рѣдкость, весьма любопытны. При невѣстѣ дружкою женское лицо, не какъ теперъ. Письмо иконы Фряжское. Краски весьма ярки, но съ желтизною. Эта икона стоить того, чтобы снять съ нея копію, особенно съ нижней ея части. Прилагаемая здѣсь литографія послужитъ живымъ объясненіемъ къ моему разсказу (*).

(*) Весьма радъ, что мое описаніе иконъ Спасопреображенскаго собора, равно и нѣкоторыя другія подробности перешли въ описаніе Переславыя, составленное Г. Савельевымъ-Ростиславичемъ послѣ полугодичнаго его пребыванія въ этомъ городѣ и напечатанное въ 6-й книжкѣ Сына Отечества 1848 года.

Т Бра́кѡ сочетаніа.

А. С. Соболев

Въ алтарѣ церкви гробница: думаютъ, что здѣсь погребенъ Князь Іоаннъ Дмитріевичъ Переславскій, внукъ Невскаго, основываясь на лѣтописи, которая расточаетъ ему большія похвалы, не означая однако мѣста погребенія. Въ самой церкви двѣ гробницы: предполагаютъ, что похоронены его предшественники. Но впрочемъ все это гадательно, потому что надписей нѣтъ. Древняя Русь не считала нужнымъ, какъ видно, надписывать имена лицъ на надгробныхъ камняхъ.

Не подальку отъ древняго собора находится церковь Св. Петра Митрополита, вторая по своей древности. Новая пристройки безобразятъ, къ сожалѣнію, ея изящную архитектуру. Особенно красива верхняя часть ея: осьмугольникъ съуживается къ верху и оканчивается главою, которая имѣетъ сходство съ Архіерейскою Митрою. Нѣтъ ли въ этой формѣ какогонибудь символическаго значенія? Не было ли у насъ различія въ образахъ церковной архитектуры, смотря по посвященію храма? Въ Угличѣ я видѣлъ древнюю церковь во имя св. Алексія Митрополита, точно такого же вида, какъ Переславская. На древнихъ Спасскихъ соборахъ глава также всегда одинаковой формы. Символика нашего древняго зодчества — тайна еще не разгаданная у насъ, но тутъ не можетъ быть случайности. Все, конечно, было опредѣлено. Внутри церкви иконопись до того подновлена, чѣмъ-то усердіемъ, что не осталось и слѣдовъ ничего древняго. Грустью отзывалось мнѣ въ сердцѣ слово: *поусердствовали!* которое я нерѣдко слыхалъ въ монастыряхъ и древнихъ нашихъ храмахъ. Конечно, никто не осмѣлится порочить благочестивыхъ побужденій въ такомъ священномъ дѣлѣ; но если хотите построить или украсить храмъ Богу: то зачѣмъ же непременно вамъ надобно разорить для того или заново измѣнить какоенибудь зданіе, которое служитъ памятникомъ молитвы вашихъ предковъ и прожило нѣсколько столѣтій? Вы стрѣдите въ XIX вѣкѣ: архитектура храма должна отвѣчать новымъ потребностямъ времени. — Еще ужасно видѣть, какъ рука новаго живописца размазываетъ на древнихъ иконахъ свои новыя, румяныя и дебелыя, изображенія, въ которыхъ.

самоулаждается его развитая личность. Да не ужели же нѣтъ для того простаго дерева? Зачѣмъ же надобна непременно для такихъ подвиговъ древняя икона, на которой печать вѣковъ? Великій художникъ, конечно, не совершить такого святотатства, а совершить его можетъ одинъ и . . . а, съ развитою безусловно личностью.

Въ церкви я нашелъ одну только древнюю икону — Святителя Петра, висающую на стѣнѣ съ лѣвой стороны, и та сохранена, какъ сказывалъ мнѣ священникъ, по приказанію Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Цесаревича.

День былъ свѣтлый. Я взомель на колокольню новаго собора, и оттуда открылся мнѣ прекрасный видъ на озеро, городъ и его окрестности. Озеро Плещеево стелется вдаль, ясное и лазоревое, и шумитъ, весело плеща своими волнами. По небесному цвѣту поверхности вы видите, какъ чисто должно быть песчаное дно его. По краямъ видны сѣла: слѣва Веськѣво, памятное ботикомъ Петра Великаго, Соломино, справа Борисоглѣбское, Воронцово, а тамъ далеко, далеко за озеромъ, село Купань (*). Къ озеру отъ города прикнула рыбацья слобода, гдѣ лѣнивый и грязный Трубежъ вливаетъ свою мутную волну въ его лазоревую и чистую влагу. Городъ весь виденъ, какъ на ладони. Отсюда вы легко можете обѣжать глазами весь зеленый валъ, который образуетъ параллелограммъ промежъ домовъ и церквей. Взгляните отсюда, какъ были малы древніе города! За валомъ лежали слободы и посады. Живописно, но нескладно разметанъ городъ по ровному мѣсту. Новыя улицы отличаются отъ древнихъ прямизною. Двадцать двѣ церкви возвышается надъ домами: изъ нихъ замѣтнѣе красотою стиля древній соборъ и церковь Петра Митрополита! Обиліе Божіихъ храмовъ — принадлежность древнихъ городовъ. Церкви,

(*) Въ Москвитянинѣ я было напечаталъ Купань, хотя мнѣ и назвали село, какъ записано у меня въ дневникѣ, Купань. Г. Савельевъ-Ростиславичъ меня поправилъ. Но считаю обязанностію оправдаться. На картѣ стоитъ Купань. Я повѣрилъ картѣ, думая, что, можетъ быть, ослышался, и записалъ невѣрно, а вышло такъ.

сады, огороды, дома каменные, деревянные, домики, хижины, лачуги, площади, улицы, пустыри, извилины рѣки, зеленая трапеція вала — все это въ живомъ разнообразіи перемѣшано произвольно и изображаетъ вамъ нескладное раздолье самой жизни. За городомъ, въ разныхъ сторонахъ, возвышаются монастыри: всѣхъ живописнѣе слѣва на горѣ упраздненный монастырь Горницкій, гдѣ прежде былъ архіерейскій домъ, а теперь развалина; подалѣе монастырь дѣвичій Феодоровскій; основанный Грознымъ въ 1557 году, въ память рожденія сына его Феодора и во имя Св. Феодора Стратилата; ближе къ городу, у вѣзда отъ Москвы, монастырь Св. Даниила Переславскаго, а на право-вдаль монастырь Св. Никиты Столпника. Съ одной стороны глаза разбѣгаются по голубой равнинѣ озера; съ трехъ другихъ сторонъ — по полямъ и горамъ, которыя оживлены нивами, лугами, лѣсами, деревнями. Это одинъ изъ свѣтлыхъ, привлекательныхъ видовъ, которые не такъ часто встрѣчаются въ нашемъ краю. Надъ всѣмъ городомъ и надъ озеромъ летаетъ изумительное множество бѣлыхъ рыболововъ. То даютъ они широкіе круги — надъ домами, во всѣ стороны города; то рѣютъ какъ бѣлыя точки въ небѣ надъ озеромъ; то, завидя рыбку, бросаются стремглавъ на воду.

Замѣчательно изобиліе этихъ птицъ въ Переславлѣ. Онѣ очень красивы: малы тѣломъ, бѣлы какъ Мартовскій снѣгъ на солнцѣ; клювъ и лапки у нихъ розовые. Такіе же ручные, какъ голуби въ Москвѣ, но еще ласковѣе и дружелюбнѣе къ человѣку. Летаютъ по домамъ, по дворамъ, садятся на окнахъ; иногда такъ пролетятъ надъ вашею головой, что чуть-чуть не задѣнутъ. Народъ ихъ любитъ, кормитъ и не бьетъ. Рыбаки считаютъ даже грѣхомъ убить рыболова, не смотря на то, что конечно эта птица поѣдаетъ здѣсь множество рыбы. Но Русскій человекъ не жаденъ, не корыстенъ — и любитъ давать волю прекрасному Божию созданію, которое своимъ полетомъ оживляетъ для него мертвую природу. Мы еще не дожили до того, чтобы птицамъ бояться промышленности нашего народа.

Изъ собора мы отправились въ монастырь Данила Переславскаго. Акимъ былъ нашимъ спутникомъ. Хоть онъ и не грамотенъ, а чего не знаетъ въ Переславлѣ, и про старое, и про новое время. Житія Переславскихъ чудотворцевъ ему извѣстны подробно. Сначала разсказывалъ онъ мнѣ о Св. Даниилѣ, какъ онъ изъ Горичкаго монастыря смотрѣлъ часто на то мѣсто, гдѣ теперь стоитъ его обитель; потомъ заговорилъ о Никитѣ Столпникѣ — и то передавалъ мнѣ живую устною рѣчью, что я самъ только что прочелъ въ рукописномъ житіи Никиты, которое было со мною. Вотъ то, что я слышалъ отъ него.

«Никита жилъ въ Переславлѣ и былъ другъ мытаря.» — А кто такіе мытари? — «Да сборщики податей, батюшка. Сбирали подати княжескія, и промышляли воровствомъ и разными неправдами. Вотъ Никита разъ пошелъ на рынокъ купить мяса: купилъ, приноситъ женѣ своей. Жена начала варить его въ горшкѣ. Смотритъ въ печку: бьетъ изъ горшка страшная пѣна и всплываетъ то голова, то рука, то нога человѣческая. Сказала она о томъ мужу: Никита пришелъ въ ужасъ, покаялся и сказалъ женѣ: иду въ монастырь.»

Никита Переславскій жилъ въ XII столѣтіи. Этотъ разсказъ, записанный въ житіи и до сихъ поръ живущій въ устахъ народа, указываетъ на свирѣпыя нравы времени.

«Вотъ приходитъ Никита въ монастырь къ игумну и открываетъ ему грѣхъ свой. Никиту въ монастырь не принимаютъ. Онъ пошелъ, да и легъ въ ближнее болото, во стѣ саженьяхъ отъ монастыря. Лежитъ онъ день, другой, третій, не ѣстъ и не пьетъ.... Вдругъ увидѣли монахи: надъ болотомъ столпъ комаровъ и мошекъ вьется отъ земли до самаго до неба. Вздивились они тому, пришли до того мѣста, смотрятъ: лежитъ Никита — они и взяли его съ собою. Тамъ онъ и постригся. Донинѣ, батюшка, на праздникъ Никиты Переславскаго, 26-го Мая, если случается ведряное время, столпъ комаровъ и мошекъ вертится на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ болотѣ лежалъ Никита, а въ другіе дни этого не бываетъ.»

«Не долго прожилъ въ монастырѣ Никита. Онъ заключилъ себя въ столбѣ, что стоитъ у большой дороги, и носилъ вериги. Сталъ служить народу, изцѣлять и творить чудеса, и много людей начало къ нему стекаться со всѣхъ сторонъ. Вотъ мытари, его бывшіе *содружебники*, позавидовали ему, что къ нему много народу приходитъ, и убили его. Вериги-то на немъ считали они золотыми или серебряными, сняли ихъ, повезли въ Ярославль; какъ привезли и увидѣли, что онѣ были желѣзныя, бросили ихъ въ рѣку Которость.... Вериги-то поплыли.»

Какія нравственныя мысли почерпаетъ народъ изъ этого разсказа? Гражданинъ, неправдами и разбоемъ достигшій крайнихъ предѣловъ порока, вдругъ раскаявается и въ сирадномъ болотѣ очищаетъ свое злодѣяніе. Постригшись въ монастырѣ, онъ не остается однако въ затворѣ обители. Заключивъ себя въ придорожномъ столбѣ, онъ служитъ народу словомъ, совѣтомъ, поученіемъ, врачевствомъ, милостыней. Чистая слава его и польза сзываютъ къ нему всѣхъ, но и порождаютъ зависть. Онъ, очищенный и прославленный, убитъ прежними своими друзьями, свидѣтелями его прежнихъ злодѣйствъ. И вотъ природа сама нарушаетъ для него законъ, чтобы почтить святаго, и желѣзо, удручавшее его тѣло, не тонетъ на водѣ, а сохраняется на память народу. Такъ самоочищеніемъ отъ всякой мерзости и благодѣяніями народу снискалъ Никита святость: онъ продолжаетъ служить ему и теперь.

Церковь во имя Князя Андрея Смоленскаго, гдѣ покоются его мощи, не сохранила ничего древняго. Усердіе поновило все.

Съ особенною грустью вспоминалъ мой Акимъ о прошломъ великолѣпнѣ Горницкаго монастыря, когда тамъ былъ Архіерейской домъ и когда Амвросій Бантынь — Каменскій положилъ въ немъ основаніе Геесиманіи. Теперь уже все опустѣло — и только изрѣдка бываетъ служеніе. По мѣрѣ того, какъ идешь къ Данилову монастырю, и Горницкой вправо растетъ по горѣ и виднѣтся яснѣе и красивѣе.

Отъ времянь древнихъ мѣ въ разговорѣ переходили и къ новымъ временамъ. Главный доходъ города — рыба, говорилъ Акимъ. Но рыбой завѣдываетъ не городъ, а особая рыбацья слобода. Рыбы столько въ озерѣ, что можно наловить, по крайней мѣрѣ, на 60,000 ассигнаціями въ годъ. Такъ по расчету Акима, конечно, въ пять разъ преувеличенному его воображеніемъ противъ статистической дѣйствительности, которую предлагаютъ Владимірскія Губернскія Вѣдомости.—«Рыбаки, продолжалъ онъ, еще въ озерѣ запродали рыбу. Рыбаки Переславскіе не Русскіе, а все Чухна: переселены Петромъ Великимъ. У нихъ рѣчь-то хоть и Русская, да лица то вовсе не Русскія. Ростомъ малы, безобразны. Съ нами Русскими они не водятся — да и мы тоже съ ними. У нихъ и обычай другой, и нравы другіе, чѣмъ наши.» — Это замѣчаніе Акима мнѣ подтвердилось совершенно на томъ рыбацѣ, которому заказалъ я копченыхъ сельдей и лодку на озеро. Лицо у него чухонское, ростъ маленькой. Въ обращеніи смѣсь низости съ грубостью. «Сто разъ поклонюсь въ ноги, а не обидьте,» говорилъ онъ мнѣ, не будучи доволенъ никакою платою за своихъ сельдей. Никогда не скажетъ этого Русской простолюдинѣ — и не будетъ кланяться въ ноги изъ лишняго алтына.

Я сдѣлаю замѣчаніе, относительно сближеній Русскаго народа съ иностранцами. Когда переселяется къ намъ человекъ отдѣльный изъ другаго народа, мы за него беремся и въ третьемъ поколѣніи претворяемъ его въ нашу собственную народность. Когда же переселяется цѣлое племя или колонія, тогда оно остается неприкосновеннымъ и никакъ не смѣшивается съ народонаселеніемъ Русскимъ. Возьмите въ примѣръ Нѣмецкихъ колонистовъ въ южныхъ губерніяхъ; возьмите Татаръ, Цыганъ, Чувашей, Мордву; сюда же относятся и Корелы, переселенные Петромъ Великимъ въ Переславскую рыбацью слободу. Они потеряли свой языкъ, но сохранили наружность и характеръ. Народъ нашъ не восприметъ въ себя другаго народа, изъ уваженія какъ къ своей собственной народности, такъ и къ чужой.

Въ монастырѣ Даниловѣ я, къ сожалѣнію, не нашелъ Настоятеля. Въ Ризницѣ не могли показать мнѣ ничего

примѣчательнаго. Любопытнѣйшія грамоты напечатаны въ описаніи обителя, которое составлено изъ подлинныхъ монастырскихъ бумагъ и издано въ 1834 году. У раки Преподобнаго Даниила я увидѣлъ почтеннаго старца, который молился: сѣдой какъ лунь, высокаго роста, сложенія исполнскаго. Но старость брала уже свое въ его нетвердыхъ движеніяхъ. Этотъ поклонникъ Святаго, схоронившій жену свою въ монастырѣ и часто посѣщающій ея могилу, — тотъ самый Алексѣй Петровичъ Столбовъ, который помогъ погорѣлымъ Переславцамъ. Воспоминаніе о мѣстѣ, гдѣ почиваетъ Преп. Даниилъ, слилось въ моемъ воображеніи съ величавымъ видомъ благочестиваго старца.

Акимъ возилъ меня на своей тележкѣ въ Веськѣво, село, близъ котораго хранится ботикъ Петра Великаго. Народъ изготавлялъ дорогу для сановнаго лица. Влѣво на горѣ виденъ Горницкій монастырь во всей красотѣ своей. За Веськѣвымъ на мѣстѣ, называемомъ Гремячъ, находится домикъ, достроенный Августа 1-го дня 1803 года, и въ которомъ, по желанію Переславскихъ дворянъ, разрѣшено было хранить ботикъ Петра Великаго. Березовая аллея ведетъ къ нему. На этомъ самомъ мѣстѣ былъ дворецъ Петра. Остатки его вовсе не существуютъ, но кой-гдѣ на землѣ видны еще слѣды основаній зданію. Березы, саженыя Петромъ Великимъ, срублены чьею-то рукою. Осталось двѣ, но это едва ли не внучки прежнихъ. Акимъ, который все знаетъ, увѣрялъ, что въ этомъ дворцѣ, когда онъ былъ цѣль, жили фрейлины Ягужинскія; послѣ онѣ постриглись въ Фѣдоровскомъ монастырѣ. Ботикъ поставленъ въ большой залѣ: вотъ зерно Русскаго флота! вотъ игрушка отважнаго Петра, которому Переславское озеро было первою школою мореплаванія! Сюда уѣзжалъ онъ изъ Москвы отъ матери, подъ предлогомъ, что ѣдетъ молиться къ Троицѣ. Здѣсь тѣшилъ юный духъ свой и воображалъ себѣ море. Число Августа 1-е, выставленное на домикѣ, напоминаетъ тотъ крестный ходъ на озеро 1692 года, когда Царь самъ, при погруженіи креста въ воду, палилъ изъ пушекъ съ своихъ фрегативъ.

Прочная постройка ботика весьма примѣчательна. Огъ вмаѣ пророчить что-то великое. Тутъ навалены якори, мачты, топоры, канать, разныя снасти.... Объ этомъ-то корабельномъ хламѣ народъ говоритъ, какъ я слышалъ отъ извощика, что все тутъ есть, всякое снадобье, все дѣлалъ Царь, все самъ — и даже лапотъ крестьянскій шлепъ да не доплелъ: сказалъ, что это самая трудная работа.

Въ верхнемъ этажѣ домика хранятся остатки оконъ изъ слюды отъ прежняго дворца. По слюдѣ изображены красками войны и горожане въ разныхъ костюмахъ, Русскихъ, но болѣе Голландскихъ. Вѣроятно, дѣланы въ Голландіи.

Тутъ же въ особомъ столѣ хранится и указъ Петра Великаго, писанный его собственною рукою :

Указъ Боеводамъ Переславскимъ.

«Надлежитъ вамъ беречь остатки кораблей, яхтъ и галеры, а буде опустите, то взыскано будетъ на васъ и на потомкахъ вашихъ, яко пренебрегшихъ сей указъ.»

Петръ.

Въ Переславль, въ 7 день Февраля 1722 года.

Строгой указъ, какъ видимъ, строго и исполняется.

Когда выйдешь изъ этого домика къ берегу, открывается очаровательный видъ на озеро, на городъ вдали, на монастырь Горицкой. День былъ прекрасный, вѣтеръ совсѣмъ утихъ, ровно и спокойно разстилалось голубое озеро и напоминало своимъ цвѣтомъ отчасти лазурь средиземную. До сихъ поръ я помню это впечатлѣніе. Странно, какъ мы не умѣемъ наслаждаться тѣмъ прекраснымъ, которое у насъ подъ рукою. Подумаешь: во 120 верстахъ отъ Москвы, по гладкому шоссе, которое скоро вполнѣ будетъ окончено, лежитъ это прекрасное озеро съ своими окрестностями. И никто изъ насъ никогда не вздумаетъ прокатиться сюда, чтобы полюбоваться на его чудныя волны, заглянуть въ его серебряное дно, посмотреть на прекрасныя виды, его окружающіе. Когда Русская жизнь внутри отечества забьетъ сильнѣе, когда мы сознаемъ красоты и блага земли своей, когда отъ одного пустаго комфорта, вкусныхъ обѣдовъ и безконечнаго преферанса перейдемъ

къ чистымъ и благороднымъ наслажденіямъ мыслящей жизни: тогда, подъ тысячами весель, заплещутъ волны Переславскаго озера, заперстрѣютъ разноцвѣтные флаги судовъ, раздастся одна полная хоровая пѣсня — и будутъ пѣть ее тысячи голосовъ! Это мечта — скажутъ мнѣ? Нѣтъ, это сбудется непременно. Не все же намъ дремать въ празднои скукѣ! Не понапрасну же Богъ растечилъ по землѣ Русской красоты Своей природы! Не для однихъ же сельдей существуетъ Переславское озеро. Гуляла же по немъ яхта Петра Великаго — и раздавалась его потѣшная пальба. Церковь совершаетъ по Трубежу и по водамъ озера торжественное плаваніе въ лодкахъ съ хоругвями и иконами, въ шестое воскресенье послѣ Пасхи, при звонѣ всѣхъ колоколовъ Переславскихъ, при пѣніи клира, въ сопровожденіи многочисленнаго народа. Если Церковь въ своихъ торжественныхъ молитвахъ освящаетъ намъ красоты природы, отъ чего же мы не пользуемся ими для благородныхъ общественныхъ наслажденій — и дремлютъ понапрасну воды озера, какъ дремлетъ тамъ и наша Русская жизньъ безъ мысли, безъ чувства, безъ пѣсень и безъ чистыхъ радостей? Отъ чего такъ сонны и праздно и скучны наши красивые города? Отъ чего какъ будто не для нихъ эти голубыя, многоводныя рѣки? не для нихъ густая тѣнь лѣсовъ и широкое раздолье полей?

Последніе часы въ Переславлѣ провелъ я въ бесѣдѣ съ почтенными представителями Владимірскаго и Переславскаго Дворянства. А. А. Б., слушавшій у меня лекціи Словесности на первомъ курсѣ, теперь Почетнымъ Смотрителемъ Переславскихъ училищъ. Въ уѣздномъ 84 учепика — и въ томъ числѣ 12 дворянскихъ дѣтей; въ двухъ приходскихъ по 56; въ женскомъ 42 дѣвочки. Молодые дворяне наши, живущіе по деревнямъ семейно, весьма охотно занимаются земледѣліемъ, не по системамъ западной Европы, а практически, согласно съ потребностями жизни и края. Отвлеченныя статьи журналовъ, по большей части, не удовлетворяютъ ихъ. Лучше бы было, если бы они писали сами по своимъ собственнымъ опытамъ и наблюденіямъ и обмѣнивались другъ съ другомъ такими свѣдѣніями.

Губернскій Предводитель Владимірскаго Дворянства сообщилъ мнѣ много дѣльныхъ свѣдѣній о своей губерніи, которую, какъ видно, онъ изучаетъ внимательно. Есть мысль прекрасная: составить мѣстное археографическое общество для того, чтобы совокупными силами привести въ извѣстность, сохранить и поддержать, описать и издать въ рисункахъ всѣ памятники древности, которыми такъ богата Владимірская губернія. Пожелаемъ отъ души, чтобы это благородное предпріятіе исполнилось.

Встрѣчаются иногда такія прекрасныя мысли въ нашемъ просвѣщенномъ сословіи. Но есть препятствія къ исполненію ихъ — и болѣе всего заключаются они въ томъ, что западная цивилизація породила въ насъ множество нуждъ роскоши, удовлетвореніе которыхъ для насъ необходимо, потому что вошло въ привычку и даетъ намъ признаки внѣшней образованности, а между тѣмъ обходится намъ чрезвычайно дорого и отнимаетъ средства для исполненія другихъ высшихъ потребностей.

РОСТОВЪ.

Монастырь Никиты Переславскаго. — Преданіе объ изцѣленіи Князя Михаила Черниговскаго. — Шоссе.—Ярлыкъ. — Іаковлевскій монастырь.— Видъ на озеро. — Училища. — Гостиницы. — Соборная церковь. — Ростовскіе чудотворцы. — Гробницы. — Иконы. — Измѣненіе одной главы въ пять главъ. — Солнечныя часы. — Соборная колокольня и ея звонъ. — Ростовскій Кремль. — Церковь крестовая въ Архіерейскомъ домѣ. — Место кончины Святителя Димитрія. — Палаты: бѣлая и красная. — Исидоръ Христа ради юродивый. — Аврааміевъ Боговавленскій монастырь.— Преданіе о сокрушеніи идола Валеса. — Другія преданія о Св. Аврааміи. — Петровскій монастырь. — Житіе Петра Царевича. — Собраніе портретовъ въ келліяхъ О. Архимандрита Поликarpa. — Ризница монастыря Іаковлевскаго. — Колесница Святителя Димитрія.—Вечерній видъ съ башни на озеро и городъ.— Оцѣны изъ народной жизни.

Солнце клонилось къ закату, когда мы выѣзжали изъ Переславля. Вдѣво разстигалось гладкое озеро, облитое солнечнымъ свѣтомъ. Монастырь Св. Никиты Переславскаго возвышался ближе къ озеру на пригоркѣ, окруженный болотистою почвою, которая напоминаетъ о чудѣ Святаго. Не подалеку отъ дороги каменная часовня и въ ней крестъ, поставленный въ память изцѣленія Черниговскаго Князя Михаила.

Князь былъ одержимъ тяжкимъ недугомъ. Члены тѣла его расслабли. Много имѣнья раздавалъ онъ церквамъ Божиимъ. Не было помощи. Вотъ услышалъ онъ о чудотворцѣ Никитѣ и его изцѣленіяхъ. велѣлъ изготовить себѣ лошаковъ, взялъ съ собою двухъ бояръ да нѣскольکو слугъ, поѣхалъ къ Переславию, расположился станомъ у города и забылся сномъ. Изъ монастыря Св. Никиты выходитъ бѣсъ въ видѣ чернца, какъ будто за какою-то потребою. Князь повелѣлъ спросить его о святомъ старцѣ: бѣсъ называлъ Никиту обманщикомъ и скрылся. Въ отчаяніе впалъ Князь Михайлъ, не зная что и дѣлать, еще мало прошелъ

пути: опять встрѣтилъ того же бѣса подъ видомъ другаго чернца, который сказалъ ему тоже слово и прибавилъ, что напрасно Князь трудился проходя такой долгой путь, сказалъ и исчезъ. Тогда Михаилъ замѣтилъ козни дьявольскія и продолжалъ свой путь. За версту до монастыря нашель онъ мѣсто прекрасное, и приказавъ раскинуть на немъ для себя шатерь, послалъ боярина къ старцу, увѣдомить его о своемъ приходѣ. Снова тотъ же бѣсъ попался на встрѣчу боярину, въ образѣ рыжаго и криваго чернца, съ заступомъ въ рукахъ, и скавалъ уже, что старецъ умеръ и онъ его зарылъ. Но бояринъ запретилъ ему молитвою преподобнаго чудотворца, и бѣсъ сталъ недвижимъ. Дошедъ до столпа, гдѣ заключенъ былъ Никита, бояринъ повѣдалъ ему о приходѣ Князя, о тяжкомъ его недугѣ, и получилъ цѣлительный жезлъ отъ Никиты. Князь, взявъ жезлъ, возвратилъ внезапно силы, самъ пошелъ къ столпу, принявъ благословеніе отъ старца, и передалъ ему клеветы и козни бѣса. Святой наказалъ сего послѣдняго тѣмъ, что велѣлъ ему три часа стоять, прилѣпясь къ стѣнѣ столпа; бѣсъ сознавался въ своихъ обманахъ, клялся, что не будетъ дѣлать пакостей людямъ, и отосланъ былъ въ бездну къ отцу своему сатанѣ. Князь же велѣлъ поставить крестъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ прощенъ отъ недуга, и одаривъ монастырь, уѣхалъ во свояси. А преподобный Никита не переставалъ, и днемъ и ночью, молиться за него, за священниковъ, за иноковъ, за всѣхъ Православныхъ, о плодоношеніи земли, о избавленіи отъ иноплемецныхъ.

Крестъ, водруженный въ часовнѣ, стоящей на мѣстѣ шатра, съ изображеніями по стѣнамъ внутри, напоминаетъ о чудѣ изцѣленія. Самый столпъ Никиты стоитъ у большой дороги, которая и теперь пролегаетъ согласно древнему преданію.

Чудное шоссе катилось подъ нами ровной гладью, да мы-то къ сожалѣнію не могли по немъ катиться. Обывательская тройка тащила насъ очень вяло. Везъ крестьянинъ, живущій отъ Переслава за 50 верстъ. Онъ никогда не

бывалъ въ этой сторонѣ, и все окружавшее приводило его въ такое изумленіе, что онъ самъ не понималъ, гдѣ находится. Между тѣмъ дѣятельно убиралась дорога. Мужики скашивали по ней мураву. Рвы выравнивались въ ниточку. Почтовые лошади тяжелымъ, огромнымъ каткомъ укатывали дорогу и крушили свѣжій щебень.

Новый европейскій путь много измѣнилъ впечатлѣнія, васъ окружающія. Миѣ было тринадцать лѣтъ, когда я въ первый разъ ѣхалъ изъ Переславля въ Ростовъ. Помню, какъ изъ одного села мы переѣзжали въ другое. Теперь дорога пуста. Села отошли въ сторону. Соображенія инженерныя требовали такихъ измѣненій. Новыя деревни, новыя села выстроются по новой дорогѣ. Въ одномъ мѣстѣ, шоссе катится по топи непроходимой, гдѣ, конечно, никогда не бывала человѣческая нога. Это чудо инженернаго искусства. Пасъ шоссе на нѣсколько сажень возвышается надъ болотами, которыхъ влажныя испаренія обдавали пасъ пронзительной сыростью. Не лзя не любоваться этой смѣлой насыпью. Петровскъ, заштатный городокъ, гдѣ станція, выигралъ много отъ шоссе. Домики такъ и поднимаются другъ за дружкой. Домъ станціонный очень красивъ и хорошо убранъ. Вездѣ смотрители учтивые, предупредительныя, съ новыми формами цивилизаціи. Все пришлось по новой дорогѣ.

Последнюю станцію къ Ростову ѣхали мыг ночью. Европейская цивилизація гладкимъ путемъ своимъ убаюкивала меня въ моемъ тарантасѣ и обезпечивала мой сонъ отъ толчковъ и другихъ болѣе непріятныхъ приключеній. Но вдругъ и она разбудила меня неожиданнымъ образомъ. У шоссейнаго шлагбаума потребовали Мытищенскаго ярлыка, о которомъ солдатъ сказалъ, что могу съ нимъ сдѣлать все что угодно. Какъ что угодно? Вотъ гдѣ его надобно отдать. Смотритель, въ просонкахъ, настойчиво требуетъ ярлыка съ меня, также полусоннаго. Давай искать, шарить по всѣмъ карманамъ, и въ портфѣлѣ, и въ записной книжкѣ. Нѣтъ какъ нѣтъ. Надобно было вновь заплатить что-то. Въ другой разъ, коль случится, будемъ помнить.

Ночь лишила насъ возможности любоваться издали на Ростовъ, на его озеро, на монастырь Іаковлевскій. За пять верстъ до города, отъ Песочнаго, какъ говорятъ, или Песоцкаго, какъ напечатано на картѣ, начинается этотъ видъ. Былъ часъ ночи. Лишь только стали мы подъѣзжать къ самой гостинницѣ монастыря, насупротивъ стѣнъ его, какъ тарантасъ мой повалился на бокъ. «Ось съ трескомъ пополамъ!..» Ужъ если надобно было сломаться оси, то нельзя же было сломаться ей благоразумнѣе, какъ въ двухъ шагахъ отъ гостинницы. Случись это верстъ за пять отъ города, каково бы? — Непріятное приключеніе не помѣшало мнѣ, однако, любоваться бѣлыми стѣнами, башнями и главами обители, которыя, какъ величавые призраки, подымались въ ночи передо мною.

Утро было прекрасное: солнце свѣтило во все небо. Давно монастырскій колоколъ призывалъ къ молитвѣ. Раннюю обѣдню выслушалъ я въ придѣлѣ Св. Іакова, строенномъ на иждивеніи Графини А. А. Орловой. Церковь потому и называется Орловскою. Убранство ея великолѣпное. Вся она росписана Ярославскимъ мастеромъ Медвѣдевымъ. На потолкѣ изображенъ Соборъ всѣхъ Святыхъ. Характеръ живописи Итальянскій. Слѣдъ академическаго вліянія прошелъ вездѣ. Вѣдь есть же у насъ поприще для художниковъ. Благочестивые вельможи платятъ богато. Церковь своими превосходными преданіями предлагаетъ богатѣйшее содержаніе. Художники не скованы ни требованіями, ни особенными условіями. Искусству дана свобода. Отъ чего же нѣтъ великихъ произведеній? Отъ того, что одно подражаніе не создастъ ихъ. Нуженъ свой духъ, своя жизнь.

На паперти вы поклонитесь гробницамъ Амфилохія гробоваго и Иннокентія Архимандрита, недавно почившаго. Войдя въ главный соборъ, я вспомнилъ мое дѣтство, когда въ первый разъ съ благоговѣніемъ преклонялся передъ ракою Святителя Димитрія. Тогда былъ 1818 годъ, годъ вступленія моего въ Университетскій пансіонъ. Помню святое, изможденное лицо семидесятилѣтняго старца Амфилохія,

который тогда благословилъ меня. Въ 1824 году скончался онъ, какъ значитъ на его гробницѣ, у которой горитъ передъ образомъ неугасимая лампада.

Съ монастырской колокольни я любовался утреннимъ видомъ на озеро Ростовское или Неро. Оно цвѣту темнаго, не такъ какъ Плещеево. Сорокъ селъ прилегаютъ къ нему кругомъ. Храмы ихъ возвышаются отовсюду. Между ними село Порѣчье, съ высокою колокольней, лежитъ все въ цвѣтушихъ садахъ и зеленѣющихъ огородахъ. Городъ Ростовъ тянется по озеру на далекомъ пространствѣ. Онъ построенъ раздольно, какъ всѣ наши древніе города. Двадцать двѣ церкви составляютъ его благолѣпіе. Среди озера виденъ островъ, покрытый травой. Онъ принадлежитъ Дѣвичьему монастырю. Сѣнокосъ простирается и сюда.

Прежде всего познакомился я съ своими сослуживцами. Штатный Смотритель А. В. Ушаковъ сообщилъ мнѣ, что въ уѣздномъ училищѣ 84 ученика, а въ двухъ приходскихъ по 56-ти; въ женскомъ учебномъ заведеніи 42 ученицы. Изъ дворянъ учениковъ нѣтъ. Обиліе церквей и грамотнаго духовенства причиною тому, что число учениковъ въ училищахъ не умножается. Многіе горожане предпочтительно отдадутъ дѣтей своихъ на выучку дяконамъ и причетникамъ. Древняя довѣренность къ духовному сословію еще сохранилась въ народѣ относительно образованія. Къ тому же и желаютъ болѣе наставленія церковнаго, нежели ученія свѣтскаго.

Наши монастыри въ старинныхъ городахъ продолжаютъ еще имѣть свое вліяніе, даже въ отношеніи къ первымъ потребностямъ городской жизни. Есть въ городѣ двѣ гостинницы, на большой площади: онѣ называются Европа и Россія, и соперничаютъ другъ передъ другомъ. Судя по именамъ, можно бы было подумать, что и въ Ростовъ проникли два направленія: Западное и Русское. Но лучшая гостинница все-таки принадлежитъ монастырю. Плата остается на произволѣ добраго усердія къ обители. Экипажа вы не можете панять въ городѣ. Извозчиковъ нѣтъ. А между тѣмъ разстоянія огромны. Гостепріимство Архиман-

дрита обители и здѣсь удовлетворяетъ вашей потребности. Я буду всегда съ признательностію помнить радушный пріемъ и обязательныя услуги достопочтеннаго Отца Архимандрита Поликарпа, племянника Иннокентіева, который теперь правитъ монастыремъ.

Мнѣ пріятно было познакомиться съ Протоіереемъ Успенскаго Ростовскаго собора, Андреемъ Тимофеевичемъ Тихвинскимъ, въ которомъ я нашелъ просвѣщеннаго любителя и знатока Ростовской древней святыни. Подъ его руководствомъ осматрѣлъ я соборъ, который составляетъ первую несомнѣнную древность города и строеніемъ своимъ относится къ 1230 году, при Константиѣ Всеволодовичѣ. Подробное описаніе всей святыни, въ немъ содержащейся, было напечатано въ Чтеніяхъ Историческаго Общества. Къ нему отсылаю любопытныхъ (*).

По величавости стила и благоговѣйному впечатлѣнію цѣлаго зданія, Ростовскій соборъ есть одно изъ прекраснѣйшихъ произведеній нашего храмоваго Зодчества. Имена Святителей и Чудотворцевъ Ростовскихъ: Леонтія, Исаіи и Игнатія, почивающихъ въ соборѣ, неумолкаемо раздаются въ молитвахъ, къ нимъ возсылаемыхъ Леонтію, первый, стойкостью своего характера, распространилъ ученіе Христово среди невѣрныхъ Ростовцевъ, и видя, что старцы упорны, старлся посадить его въ младенцахъ. Въ похвалѣ ему, сопровождающей Житіе его, читаемъ слова, написанныя въ подражаніе тѣмъ, какими Св. Иларіонъ восхвалялъ Св. Владиміра, крестителя Русской земли: «Хвалить бо Римская земля Петра и Павла, Греческая земля Константина Царя, Кіевская земля Владиміра Великаго Князя; Ростовская же земля вся тебе хвалить, великій Святителю Леонтіе, ублажаетъ створшаго дѣло равно Апостоломъ: радуйся!» Исаія, наслѣдникъ Леонтія, совершилъ его дѣло—водвореніе Христіанства въ Ростовской землѣ; а Игнатій правилъ паствою въ тяжкое время Татарщины. Въ алтарѣ храма поклоняются

(* См. Годъ третій. № 2. Древнія святыни Ростова Великаго. Сочиненіе Графа М. Толстаго.

еще частямъ животворящаго древа Креста Господня и мощей другихъ Ростовскихъ Чудотворцевъ и иныхъ Святыхъ. Пелена древняя, шитая при Василии Васильевичѣ Темномъ, съ изображеніемъ Святителя Леонтія, была отыскана и восстановлена Протоіереемъ. Въ церкви подъ спудомъ почитаетъ Св. Феодоръ, племянникъ Преп. Сергія Радонежскаго, строитель Симонова монастыря и въ немъ предѣстникъ Кирилла Бѣлозерскаго. Гробницы Митрополитовъ Ростовскихъ тутъ же привлекаютъ вниманіе путника: съ особеннымъ любопытствомъ остановишься передъ гробницею Митрополита Іоны Сысоевича, этого неутомимаго храмоздателя, который своею дѣятельностію столько украсилъ Ростовъ.

Владимірская икона Богоматери, вышедшая чудомъ изъ мастерской Алипія иконописца Кіевопечерскаго и спасенная отъ столь многихъ пожаровъ и разрушеній, наканунѣ 1-го Іюля, отправилась въ Ярославль. Такія шествія совершаетъ она ежегодно въ это самое время. Замѣчательно сходство сего установленія съ подобнымъ ему въ Москвѣ, гдѣ также икона Богоматери Владимірская посѣщаетъ различныя обители и церкви. Здѣсь же эти шествія совершаются всенародно по большимъ дорогамъ.

Изъ другихъ иконъ замѣчательно Распятіе, окруженное изображеніями страданій І. Х. въ маломъ видѣ. Нѣкоторыя прекрасны, особенно снятіе со Креста. Образъ писанъ на стеклѣ по основѣ золотой и мозаиковой. Икона относится ко времени Царя Михаила Феодоровича.

А. Т. Тихвинскій сообщилъ мнѣ любопытныя свои наблюденія относительно архитектуры храма. По всѣмъ признакамъ теперешняго строенія ясно видно, что соборъ первоначально построенъ былъ объ одной главѣ, а послѣ уже придѣланы четыре другія и измѣнена крыша (*).

(*) Этому подтвержденіе находятъ Графъ Толстой въ описаніи пожара, который былъ въ Ростовѣ въ 1408 году и описанъ въ чудесахъ Святителя Леонтія. «Комары жъ великия падоша и лобъ церковный позащещенный паде внутрь.» Авторъ статей о святыняхъ Ростова переводитъ это мѣсто такъ: пала внутрь своды и глава. По мнѣнію автора, Лобъ.

Отсюда произошла темнота въ храмѣ, потому что продолжные окна шеи купола были задвинуты боковыми главами. Иконостасъ не могъ быть уже такъ ясно освѣщенъ, какъ былъ прежде. Равно и внутренность всего храма утратила надлежащее освѣщеніе. Вотъ почему оказалось нужнымъ прорубить въ стѣнахъ окна, гораздо шире противъ прежняго. Это обезобразило архитектуру. Узкія окна, сквозь которыя врѣзаются лучи солнца, какъ воздушныя струны вдоль по зданію, гораздо приличнѣе характеру этого зодчества, чѣмъ широкія. Когда совершена эта перемѣна въ пользу пятиглавія, неизвѣстно. Протоіерей сказывалъ мнѣ, что если бы захотѣли возобновить этотъ храмъ въ древнемъ его видѣ съ одною главою, это было бы совершенно возможно, хотя, разумѣется, и сопряжено съ большими издержками: такъ явно сохранились еще слѣды прежней формы и послѣдовавшей перемѣны.

Вышедъ изъ собора, мы взглянули на солнечныя часы, устроенныя самимъ Протоіереемъ. На нихъ надпись: сдѣланы по руководству Протоіерея Андрея Тимофеевича Тихвинскаго, для широты $57^{\circ} 20'$, въ 1832 году. Широту опредѣлилъ самъ устроитель часовъ, занимающійся и астрономіей. Не имѣя отличныхъ инструментовъ, онъ сдѣлалъ что могъ. Эти часы служатъ повѣркою для часовъ всего города. Опытъ доказалъ ихъ вѣрность.

Соборная колокольня замѣчательна своимъ устройствомъ и музыкальными звонами колоколовъ своихъ. Звоны названы по именамъ учредителей: Іонинъ по имени Митрополита Іоны Сысоевича, который съ 1652 года по 1691, въ теченіи 39-ти лѣтъ, правилъ Митрополіею Ростовскою.

церковный значить глава. Академическій Словарь объясняетъ это слово церковнымъ сводомъ. Но два примѣра, приведенныя въ Словарѣ, не противорѣчатъ объясненію Гр. Толстаго, и едва ли оно совершенно не останется за нимъ, когда прочтемъ это слово въ слѣдующемъ мѣстѣ описанія чудеса Свят. Леонтія: «Григорію боголюбивому Епископу попеченіе веліе имѣюще о соборѣи церкви святаыя Богородица: еже содѣлати комары великія и *шею* и *лобъ* изгорѣвшія церкви отъ пожара.»

Георгіевскій, который особенно хорошъ, какъ говорятъ знатоки, принадлежитъ Архіепископу Георгію Дашкову, правившему Ростовомъ уже по уничтоженіи Митрополи съ 1718 года по 1731. Іоакимовскій по имени Архіепископа Іоакима (1731—1741). Колокола висятъ въ линію и различаются вѣсомъ: первый въ 2000 пудъ, второй въ 1000, третій въ 500 и т. д. до 20 пудовъ и менше. Всѣхъ колоколовъ 13. Звонари становятся такъ, что могутъ видѣть другъ друга и соглашаться въ тактѣ. Это одно изъ условій гармоніи. Митрополитъ Платонъ пріѣзжалъ слушать эти звоны и хотѣлъ учредить у себя такіе же въ Визаніи. Но ему сказали: дайте такую же колокольную и такіе же колокола.

Ростовскій Кремль, съ своею каменною обширною оградой, съ десятью круглыми башнями, съ крытою галлереей по стѣнѣ, съ пятью храмами и развалинами Архіерейскаго дома, не есть памятникъ Государственной и гражданской дѣятельности Ростова, какъ Московскій Кремль и Новгородскій, а памятникъ церковной іерархіи нашей, свидѣтель временъ Патріаршества, когда духовная власть въ Россіи стремилась къ тому, чтобы облечься величавыми образами власти свѣтской. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ подробнаго жизнеописанія Ростовскаго Митрополита Іоны III Сысоевича; но знаемъ, что онъ хиротонисанъ былъ въ Митрополиты въ тотъ самый 1652 годъ, когда Никонъ возведенъ былъ на престолъ Патріаршескій. Долговременное пребываніе его на одной и той же паствѣ и отдаленіе Ростова отъ Москвы давали ему возможность дѣйствовать самостоятельно.

Весь этотъ величавый Кремль, теперь развалина, обросшая кустами, травою и мхомъ, ограждаетъ домъ или правильнѣе, дворецъ Архіерейскій, гдѣ жила Митрополиты. Теперь это другая великолѣпная развалина, замѣчательная внѣшнимъ рисункомъ архитектуры. Есть различіе между нижнимъ этажемъ, который строенъ Митрополитомъ Іоною, и верхнимъ, который надстроенъ позднѣе Архіепископомъ Самуиломъ Миславскимъ, впоследствии Митрополитомъ Кіевскимъ. По всей вѣроятности, древнія зданія послужили

основаніемъ для всѣхъ этихъ построекъ. Церковь во имя Воскресенія Христова надъ вратами строена Митрополитомъ Іоною, о пяти главахъ. Здѣсь пятиглавіе очевидно задумано съ перваго раза, и нѣтъ слѣдовъ перестройки, какъ въ соборной церкви. Церковь Одигитріи строена при наслѣдникѣ Іоны, Митрополитѣ Іосафѣ Лазаревичѣ, объ одной главѣ. Церковь Св. Іоанна Богослова существовала въ древнія времена, но перестроена вновь Митрополитомъ Іоною. Церковь Св. Григорія Богослова воздвигнута, какъ предполагаютъ, на мѣстѣ бывшаго Григорьевскаго монастыря, гдѣ находилась древняя бібліотека, и гдѣ Стефанъ Пермскій, въ XIV вѣкѣ, учился Греческому языку, и могъ извлечь отчасти изъ Греческихъ книгъ свое посланіе къ Димитрію Донскому.

Всѣхъ замѣчательнѣе церковь Спасская, во имя Всемилостиваго Спаса, крестовая церковь Архипастырей Ростовскихъ, прилежащая къ самому дому. По развалинамъ стѣнъ или галлерей, мы должны были проходить къ ней, опасаясь проваловъ. Эта церковь, которой изображеніе приложено къ описанію Графа Толстаго, любопытна своимъ страннымъ расположеніемъ. Можно и на рисунокѣ видѣть, что не только алтарь, но и самый клиросъ, отдѣленъ отъ народа и церкви ступенями и перегородкою, утвержденною на большіхъ круглыхъ столбахъ. Это устройство храма таково, что почти совсѣмъ закрываетъ богослуженіе отъ глазъ народа. Когда стануть на обѣихъ сторонахъ клироса пѣвчіе, да сядетъ Архіерей, для котораго съ правой стороны есть мѣсто, то народъ можетъ видѣть только пѣвчихъ спиною къ нему стоящихъ, Архіерея сидящаго, также спиною, и Царскія двери; иконостасъ же, это небо храма, къ которому устремляются и въ которомъ соединяются молитвенные взоры народа, какъ взоры всего человѣчества встрѣчаются на свѣтилахъ небесныхъ, оставался бы совершенно закрытъ. Кругомъ всей церкви, гдѣ стоятъ народу, видны только одни страшныя изображенія казней за преступленія противъ Церкви. Всего же разительнѣе Страшный Судъ, представленный въ видѣ грозныхъ мученій, и прежде всего по-

ражающій взоры входящаго, даже прежде чѣмъ успѣть онъ обратить ихъ на святую церковь Божіей. Во всемъ этомъ расположеніи видно какое-то странное стремленіе отдѣлиться отъ народа, стремленіе, чуждое нашему Православію, по смыслу котораго молящійся въ церкви народъ также тѣсно соединенъ съ алтаремъ, какъ и сама церковь съ главою своимъ, Христомъ.

Покинувъ храмъ, мы видѣли издали въ развалинахъ дома Архіерейскаго тѣ покои, въ которыхъ жилъ Святитель Дмитрій, и тотъ самый уголь, гдѣ онъ въ молитвѣ отдалъ душу Богу. Хотя Самуилъ и перестроилъ эти комнаты; но мѣсто все-таки осталось извѣстнымъ. Лучи солнца ярко освѣщали его, падая въ отверстія, гдѣ прежде были окна. Кругомъ одно запустѣніе. Здѣсь-то Святитель слушалъ своихъ любимыхъ пѣвчихъ, которые пѣли ему духовныя пѣсни, имъ же сложенныя, и слушалъ ихъ въ самый день своей кончины, стоя у печки и «грѣясь сердцемъ.» Здѣсь, отпустивъ ихъ, остался онъ наединѣ съ любимымъ пѣвцомъ своимъ и помощникомъ въ трудахъ своихъ, разсказалъ ему, какъ онъ жилъ и какъ молился; прощаясь съ нимъ, земнымъ поклономъ благодарилъ его за труды въ переписываніи его сочиненій, отпустилъ слугъ своихъ, каждаго въ свое мѣсто, и самъ затворясь въ малой своей келліи, сталъ на колѣна, погрузился въ молитву и такъ умеръ.

Въ самомъ дворцѣ Архіерейскомъ всего лучше сохранились двѣ палаты: одна изъ нихъ называется *Блюю* и архитектурой напоминаетъ Московскую Грановитую. Остатки глѣбныхъ украшеній обнаруживаютъ большой вкусъ. Здѣсь была трапеза Митрополита, гдѣ угощалъ онъ все духовенство. Другая палата *Красная*, почти вся въ развалинахъ! Здѣсь угощаемы были свѣтскіе чины. Это почти царскіе чертоги, напоминающіе старину Кремлевскаго дворца. Вездѣ слѣды того же, что видимъ въ Исторіи Патріаршества: всѣ чины Двора, всѣ атрибуты власти окружаютъ Патріарха, хотя въ мѣньшихъ размѣрахъ. Въ этомъ великолѣпнѣмъ Кремлѣ Ростовскихъ Митрополитовъ и палатъ Дворцовыхъ тѣже мысли. Но такъ какъ онѣ нисколько не

принадлежали къ существу нашей Церкви, и властолюбие мірское могло быть только временнымъ поползновеніемъ нѣкоторыхъ лицъ духовныхъ, то и миновало все это безъ участія и сожалѣнія. Прахъ и развалины остались на этихъ мѣстахъ. Жаль однако, что архитектура этихъ, прежде жилыхъ зданій не возобновится для какого нибудь инаго, болѣе полезнаго назначенія для самой нашей Церкви, нежели царственное великолѣпіе ея Пастыррей. Жаль, что опустѣли нѣкоторые изъ этихъ благолѣпныхъ храмовъ. Кучи пустыхъ бочекъ лежатъ у развалинъ, напоминающихъ XVII столѣтіе.

Церковь Св. Вознесенія Хрїстова, гдѣ почиваютъ мощи Св. Исидора, Хрїста ради юродиваго, строена при Іоаннѣ Грозномъ, объ одной главѣ. Здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ, тому почти три столѣтія, было болото — и на немъ, въ хворостинной кущѣ, жилъ Исидоръ. Днемъ онъ юродствовалъ по улицамъ въ народѣ; ночью приносилъ молитвы Богу за народъ. Откуда пришелъ онъ къ намъ? Изъ Германіи, гдѣ родился отъ богатыхъ и славныхъ родителей, и воспитанъ въ Латинской вѣрѣ. И вотъ этого Нѣмца святая Вѣра такъ породила съ нами, что онъ сдѣлался народнымъ Святымъ. *Твердисловомъ* назвалъ его народъ — и Церковь величаетъ его въ стихѣ своемъ подъ симъ именемъ: «Твердисловъ въ правду тезоименно наречеса, утвердивъ убо умъ и со словомъ вкупѣ, еже къ Богу обща.» Жилъ онъ на болотѣ, а совершалъ чудеса вдали отъ Ростова. Вхалъ Ростовскій купецъ на кораблѣ по морю за товаромъ; поднялась буря; суевѣрные корабельщики умыслили на куца, и посадивъ его на доску, спустили въ море. Юродивый предсталъ на морѣ утопавшему земляку и спасъ его отъ погібели. — Въ другой разъ, въ Ростовѣ, Князь готовилъ угощеніе Епископу у себя въ домѣ. Приходитъ юродивый въ домъ и просить пить у дворецкаго, который занятъ былъ приготовленіемъ пѣра. Съ ругательствомъ отказалъ Исидору дворецкой. Но вотъ настаетъ пиръ. Епископъ обѣдаетъ у Князя. Подаются блюда — и подходитъ время къ пѣтію. Князь велитъ виночерціямъ подносить

питье, а питья нѣтъ ни въ одномъ сосудѣ. Ужаснулись слуги; рассказали что случилось; ищутъ по всему городу Сидора. Наконецъ, онъ самъ приходитъ; приноситъ Епископу просфору отъ Митрополита Кіевскаго, — и тотчасъ же всѣ пустые сосуды наполняются виномъ, и возрадовались Князь и Епископъ, и прославили о томъ Бога.

Исидоръ скончался въ 1474 году, 14-го Маія. По благоуханію, которое наполнило весь городъ отъ его кущи, узнали о его смерти. У тѣла его совершились многія чудеса. Человѣкъ отъ пьянства лишился ума; началъ бить людей; связали его; привели насильно ко гробу блаженнаго; онъ кричалъ, говорилъ нелѣпости, металъ на всѣхъ дикіе взгляды, двое насилу могли дотащить его до Чудотворцева гроба; но гнѣніе канона Св. Исидору укротило изступленнаго и возвратило ему разумъ.

Аврааміевъ Богоявленскій монастырь, гдѣ почиваютъ мощи Пр. Авраамія, напоминаетъ еще времена язычества въ Ростовѣ. Авраамій, съ помощію Іоанна Богослова, сокрушилъ идола Велеса. Такъ въ Житіи повѣствуется это величавое преданіе, которое обозначено здѣсь мѣстными памятниками:

«Чудскій конецъ поклонялся каменному идолу, въ которомъ жилъ злой бѣсъ. Волшебство заграждало къ нему пути, и никто не смѣлъ подойти къ нему. Авраамій сидѣлъ близъ идола и такъ молился Богу: «Господи Боже вышній, призри съ высоты святыхъ Своихъ на раба Твоего и дай мнѣ силу и благодать Святаго Твоего Духа: разорить многокозненнаго сего идола.» Но тщетно: не могъ онъ подступить къ нему; злое волшебство мѣшало; онъ недоумѣвалъ о томъ и сидѣлъ въ скорби. Вдругъ видитъ, что старецъ благоговѣйнаго образа идетъ къ нему. Преподобный пошелъ на встрѣчу. Оба поклонились другъ другу, помѣнялись благословеніемъ и сѣли. Началъ блаженный Авраамій къ старцу такую рѣчь: «Откуда ты, Отче, идешь? изъ какой ты страны, Святче Божій?» — Отвѣчалъ ему старецъ: я, Отче, родомъ изъ Царяграда, странникъ и пришелецъ на вашей землѣ. А ты, Отче, чего ради скорбя сидишь близъ многостраднаго сего идола Велеса?» — И

сказалъ блаженный Авраамій старцу : «Тщуся и молюся я къ Господу Богу разорить многострастнаго сего идола Велеса, и не возможно мнѣ; презрѣлъ Богъ мое моленіе,— и о томъ скорбя, я сидѣлъ.» — И сказалъ старецъ къ Авраамію: «Если хочешь получить желаемое, иди къ Царю-городу. Спроси въ томъ городѣ: гдѣ домъ Іоанна Богословца, и взойди въ домъ его, и помолись его образу, и не выдешь изъ него *тощъ*, а все желаемое получишь. Если же не пойдешь въ домъ Іоанна Богословца, то желаемого получить не можешь.» Печалила блаженнаго долгота пути, но старецъ утѣшилъ его тѣмъ, что Господь Богъ сократитъ ему путь малымъ временемъ. Авраамій исполнился Святаго Духа, взялъ благословеніе у старца и началъ путь, забывъ о долготѣ его. Перешелъ рѣку Ишню, и вотъ вышелъ къ нему на встрѣчу: человекъ *страшный*, благоговѣйный образомъ, безъ волосъ на темени, взлысый, съ бородою круглою и великою, и весьма прекрасенъ. Въ рукѣ у него была трость. Палъ къ ногамъ его блаженный. Поклонился ему *страшный мужъ* и сказалъ: «Куда, старецъ, идешь?»— Повѣдалъ ему Авраамій все по порядку, за чѣмъ онъ идетъ искать дому Іоанна Богослова. Сказалъ ему страшный мужъ: «Старецъ, подойди и возьми сію трость; возвратись къ идолу Велесу, приступи къ нему и избоди его сею тростию во имя Іоанна Богослова, и падетъ онъ во прахъ, окаянный.» Исчезъ страшный мужъ, и старецъ позналъ въ немъ Іоанна Богослова; одержимый страхомъ и радостью, возвратился онъ назадъ, подошелъ къ идолу безъ препятствій, пронзилъ его тростью во имя Іоанна Богослова, и идолъ Велесъ сталъ прахомъ. А на томъ мѣстѣ, гдѣ была блаженному встрѣча, поставилъ онъ церковь во имя Іоанна Богослова, которая стоитъ и до сихъ поръ, а на мѣстѣ идола другую церковь во имя Богоявленія.»

На мѣстѣ послѣдней церкви теперь монастырь; въ 4-хъ верстахъ отъ него деревянная церковь во имя Іоанна Богослова, благовѣстиемъ котораго, какъ видно, до конца сокрушено было язычество Ростовской области въ образѣ идола Велеса.

Когда Авраамій основалъ монастырь и привлекъ къ себѣ сердца народа, злой бѣсъ продолжалъ мстить ему. Однажды, когда Святой, готовясь къ Св. причащенію, хотѣлъ умыть руки изъ сосуда, дьяволъ взошелъ въ умывальницу, чтобы нанести старцу какой нибудь вредъ водою. Но онъ догадался, что въ сосудѣ лукавый духъ и положилъ на сосудъ крестъ и тѣмъ его заперъ. У Князей былъ обычай, возвращаясь съ охоты, заходить къ старцу подъ благословеніе. Такъ, однажды, Князья пришли къ нему, а старецъ мылъ въ это время власяницы для братіи. Князья прошли прямо въ келью старца. Одинъ изъ нихъ, увидя крестъ на сосудѣ съ водою, снялъ его, чтобы приложиться. Дьяволъ вышелъ изъ него, какъ дымъ смрадный и зловонный, и встрѣтивъ старца въ коридорѣ келліи, погрозилъ ему, что отомститъ за его заключеніе и заставитъ прокатиться на пѣгой ослицѣ и въ женскихъ сандаляхъ. Черезъ нѣсколько времени, бѣсъ принялъ видъ воина и оклеветалъ передъ Княземъ Владиміромъ старца Авраамія, что онъ волшебникъ, обманываетъ народъ, нашелъ въ землѣ мѣдный сосудъ, полный золота, и утаилъ отъ Князя, что у него и сосудовъ золотыхъ, и поясовъ и цѣпей золотыхъ, и серебра, и другихъ драгоценностей, многое множество. Князь Владиміръ велѣлъ воину привезти къ себѣ Авраамія. Воинъ захватилъ его въ одной власяницѣ, взялъ съ собою на коня, а дорогой отнял у селянина пѣгую ослицу да женскія сандалии, сандалии надѣлъ ему на ноги, посадилъ его на ослицу и такъ привезъ къ Князю Владиміру. Но старецъ молитвою обличилъ бѣса, сидѣвшаго въ воинѣ, въ присутствіи самаго Князя, который самъ же потомъ просилъ у старца прощенія.

Въ Житіи упоминаются имена Князей Владиміра и Бориса, при которыхъ основанъ монастырь Аврааміевъ, съ благословенія Епископа Иларіона. Исторія Россійской Іерархіи относитъ Авраамія ко временамъ Владиміра Святаго, но позднѣйшіе изслѣдователи къ временамъ Владиміра Мономаха, или даже еще позднѣе къ княженію Андрея Боголюбскаго.

Петровскій монастырь, за городомъ, по дорогѣ въ Ярославль, напоминаетъ Татарскія времена. Исидоръ былъ родомъ Нѣмецъ, котораго соединила съ нами Вѣра. Петръ Царевичъ—Татаринъ, обращенный въ православіе словомъ и чудесами Епископа Кирилла, въ XIII столѣтіи. Родъ его служилъ оградю Ростову отъ власти и грабежей Татарскихъ. Въ Житіи его содержатся многія весьма любопытныя подробности. Между прочимъ мы узнаёмъ, что въ XIII столѣтіи, въ Ростовскомъ соборѣ на правомъ клиросѣ пѣли по Гречески, а на лѣвомъ по Русски. Отсюда можетъ объясниться, почему въ XIV столѣтіи, при монастырѣ Григорьевскомъ сохранялось ученіе Греческаго языка, которымъ могъ воспользоваться Стефанъ Перискій. Вотъ этотъ отрывокъ изъ Житія: «Приде со владыкою въ Ростовъ; видѣ церковь, украшенну златомъ и жемчугомъ, и драгимъ каменіемъ, аки невѣсту Христову украшену, въ ней пѣнія доброгласная, аки ангельская. Бѣ бо тогда во церкви святыя Богородица лѣвой крилось греческыи пояху, а правыи роскый.»

Послѣ вечерни въ соборѣ монастыря Іаковлевскаго, достопочтенный Отецъ Архимандритъ Поликарпъ пригласилъ меня къ себѣ. Покои, въ которыхъ онъ живетъ, старинные, строенные еще Амфилохіемъ въ концѣ прошлаго столѣтія. Въ нихъ замѣчательно собраніе портретовъ. Въ одной комнатѣ вы находите портретъ Святителя Димитрія, съ котораго пишутся иконы его, также портреты Варлаама Ясѣнскаго (Ясинскаго) и Лазаря Барановича, двухъ сѣдовласыхъ старцевъ, величавой и доброй наружности. Въ залѣ портретъ Стефана Яворскаго, черноволосаго, съ выразительною южною фizioноміей, писанъ какимъ-то живописцемъ Стефаномъ: внизу стихи, воспѣвающіе дружбу Яворскаго съ Святителемъ Димитріемъ. Въ кабинетѣ Отца Архимандрита замѣчательны портреты: Саввы Туптало, Малороссійскаго Сотника, отца Святителя Димитрія, погребеннаго въ Кіевскомъ Кирилловѣ монастырѣ, и Тимофея Архипова, который былъ иконописцемъ при Дворѣ Царицы Прасковьи Феодоровны, матери Императрицы Анны Іоанновны,

оставил иконопись, перешелъ къ юродству, продолжалъ все-таки жить въ домѣ у Царицы и преставился въ 1731 году. Последний портретъ написанъ довольно искусно.

Ризница монастырская помѣщена прекрасно. Примѣчательнѣйшее въ ней относится къ памяти Святителя Димитрія. Здѣсь митра, найденная на головѣ его, когда открыты его мощи; платокъ, положенный съ нимъ во гробѣ; слово, его рукою написанное и говоренное въ Москвѣ, но когда уже онъ былъ на Ростовской паствѣ; полотенцо, присланное ему въ даръ Цареградскимъ Патріархомъ Филоѳеемъ; великолѣпные покровы, драгоценные сосуды—дары благочестія Русскихъ Государей. Библиотека при ризницѣ состоитъ изъ однихъ только печатныхъ книгъ. Рукописи сочиненій Святителя не сохранялись здѣсь потому, что онъ завѣщалъ предать ихъ землѣ вмѣстѣ съ своимъ тѣломъ, а многочисленная его библиотека отослана была въ Москву, для присоединенія къ Патріаршей.

Въ сараяхъ монастырскихъ хранится древняя колесница Святителя Димитрія, въ которой ѣзжалъ онъ по городу, благословляя народъ. Она устроена не совсѣмъ удобно, но такъ, чтобы Митрополитъ могъ быть совершенно открытъ и виденъ всему народу. Знаменія креста осягаютъ экипажъ внутри и съ боковъ. Теперешній хозяинъ обители намѣренъ выставить эту замѣчательную колесницу въ одной изъ галлерей ограды монастырской, на мѣстѣ болѣе видномъ.

Не могу забыть получасу, проведеннаго мною на угольной башнѣ монастыря со стороны Московской дороги. Солнце начинало склоняться къ западу, но было еще довольно высоко. Озеро, ровнымъ зеркаломъ, разстилалось подъ стѣнами обители. Полосы, то голубыя, то серебряныя, то темныя, рисовались по его поверхности. Вдали видѣлся зеленый островъ: инокини въ лодкахъ подплывали къ нему для уборки сѣна. Благолѣпные храмы обители Іаковлевской возвышались прямо передъ нами; красивая ограда съ своими разнообразными башенками и галереями облегла ихъ

ровнымъ четверугольникомъ. Игривая и легкая архитектура ихъ согласовалась съ веселымъ впечатлѣніемъ окружающей природы. Монахи убрали сѣно по огромному двору монастыря. Вдали виднѣлся, вдоль озера, древній городъ Ростовъ. Всѣ обители и церкви, память которыхъ соединена съ самыми древними Хрістіанскими преданіями Ростова, ясно обозначались отсюда. Какъ прекрасна природа въ этомъ окруженіи святыни! Благословеніе Божіе и чистая красота ея дружатся въ мысли созерцателя. И сама природа какъ будто преобразуется, и благословеніе Божіе, сообщаясь намъ черезъ красоту ея, становится доступнѣе земнымъ нашимъ чувствамъ. Отсюда объясняю, почему основатели монастырей любили красивыя мѣста. Святая Вѣра наша исполнена сочувствія къ природѣ, какъ къ Божію созданію. Въ словахъ Божественнаго Учителя сколько прекрасныхъ образовъ, изъ нея взятыхъ! Только Самъ Творецъ полевой лиліи могъ выразиться объ ней такъ, что и Соломонъ во всей славѣ своей никогда такъ прекрасно не одѣвался.

Вечеромъ, въ сумерки, бродилъ я по закоулкамъ посада, прилегающаго къ монастырю. Бѣдная старушка выщипывала травку по улицѣ, передъ своимъ полуразвалившимся домикомъ, и выметала ее прилежно, сожалея о томъ, что не можетъ она по прежнему бѣлить своихъ полотень на травкѣ-муравкѣ, которая зеленѣла когда-то передъ ея лачугой. — Чѣмъ вы кормитесь? спросилъ я труженицу. — Пухъ щиплемъ, а братъ псаломщикомъ въ монастырѣ, жалованье получаетъ. Живемъ троечко; онъ съ женой, да я при нихъ.

Вниманіе мое въ одномъ изъ переулковъ привлечено было одною пьяною женщиной, около которой толпились ребятишки, теребя ее и смѣячись надъ нею. Пьяная просилась въ домъ ночевать, но ея не впускали. Мальчики говорили объ ней, что она прежде была богата, а теперь все относить въ кабакъ, всѣ свои перстни и кольца, и все пропиваетъ. Каждый день является она въ этомъ разврат-

номъ видѣ передъ ребятами, рассказывающими о не-
пріятныхъ слѣдахъ ея пьянства, и служить для нихъ по-
смѣшищемъ. Давши урокъ мальчикамъ, чтобы они не смѣя-
лись надъ несчастною, я отозвалъ одного изъ нихъ, кото-
рый велъ себя скромнѣе чѣмъ другіе, и спросилъ его,
учится ли онъ? Онъ только-что перешелъ изъ приходскаго
училища въ уѣздное. Я сдѣлалъ ему нѣсколько вопросовъ
изъ Священной Исторіи — и онъ весьма хорошо отвѣчалъ
мнѣ о сотвореніи міра и паденіи перваго человѣка. Мнѣ
пріятно было приписать его поведеніе, болѣе скромное въ
сравненіи съ другими, не ходившими въ школу, вліянію
добраго ученья, которое, будучи хорошо направлено, во
всѣхъ сословіяхъ даетъ человѣку возможность лучше со-
знавать свое нравственное достоинство, а потому и лучше
вести себя.

ЯРОСЛАВЛЬ.

Дорога къ Ярославлю. — Видъ изъ селенія Крестъ. — Русскіе кругозоры. — Видъ на Ярославль. — Виды древнихъ городовъ Русскихъ. — Слова Блазіуса о людности улицъ и красотѣ жевцинь. — Волга и бурлацкая пѣсня. — Памятникъ Демидову. — 3-е Іюля. — Праздникъ Василія и Константина. — Владимірская икона Богоматери изъ Ростова. — Церковный ходъ. — Рубленый городъ. — Разговоръ съ мѣщаниномъ. — Любитель старины. — Разговоръ съ судовщиками. — Толгскій монастырь. — Разные роды судовъ на Волгѣ. — Грамоты въ монастырѣ.

Тоже чудное шоссе катится изъ Ростова до Ярославля. Дорога передъ нами красовалась, какъ невѣста, снаряженная къ вѣнцу. Все на ней было прибрано до послѣдняго камешка. Щебенъ лежалъ въ стройныхъ кучахъ, складенныхъ ровными гребешками съ обѣихъ сторонъ. Я замѣтилъ солдата, который съ точностію и примѣрнымъ усердіемъ вновь прокладываетъ свалившіеся камешки. На всей дорогѣ было что-то праздничное.

По чудному шоссе мы не могли ѣхать быстро, потому что, за недостаткомъ почтовыхъ, насъ везли обыкновенскія лошади, не знающія овса. Сначала дорога идетъ болотами и лѣсомъ; но отъ Семибратскаго она становится все живописнѣе. Кругозоръ раздвигается: чѣмъ ближе къ Ярославлю, тѣмъ шире и далѣе, во всѣ три стороны. Съ Кошкардовой горы начинаетъ быть виденъ Ярославль влѣво; а Волга вправо, сначала, обозначилась песчанымъ своимъ берегомъ, потомъ голубою волной и судами. Лѣса, долины, села, горы, пески, глина, нивы — все это мѣшаясь, теряется въ глубокомъ отдаленіи. Изъ селенія Крестъ, у церкви, видъ очаровательный! Сколько простран-

ства обнимаетъ взоръ, перелетая полукругомъ отъ одного края до другаго. Прекрасно село Лучинское, ближе къ дорогѣ замыкающее этотъ полукругъ. А дальніе склоны неба теряются глубоко, глубоко....

Эти необъятные кругозоры, по которымъ любить разбѣгаться зрѣніе странника, въ нашемъ отечествѣ, составляютъ живописную особенность Русской Сѣверной природы. Земля подъ вами какъ будто стелется плоско да плоско, а вдругъ незамѣтно подниметъ васъ на такую высоту, съ которой вольно вашему взору гулять по безграничному пространству. Въ этихъ кругозорахъ, непрерывно поднимающихся, есть что-то завлекающее все далѣе и далѣе. Это свойство нашей почвы можетъ объяснить отчасти, какъ предки наши, еще кочуя по раздольному пространству будущей Россіи, болѣе и болѣе захватывали всю глубину дальняго Сѣвера. Многообъемлющій небосклонъ физическій Русскаго человѣка да будетъ, со временемъ, залогомъ такой же всеобъятности его небосклона умственнаго!

Ярославль подымается изъ лощины со всѣми своими церквями. Главы соборовъ и монастырей возвышаются. Горятъ золотомъ куполъ соборнаго храма. Бойкая, широкая дорога съ горы катится къ городу по красивому березовому проспекту. Два вала сходятъ къ ней, усаженные дерномъ. Это предисловіе къ городу—плодъ новаго вліянія Европейской цивилизаціи — прекрасно. Между тѣмъ и городъ стройно вытягивается весь передъ подѣзжающимъ. Вотъ широко раздвинулось зданіе казармъ. Теченіе Волги обозначилось чернымъ лѣсомъ мачтъ. Но храмы Божіи возвышаются надъ всѣмъ и возносятъ самый городъ къ небу. Вотъ монастырь Спасскій съ своей колокольней!... Таковы всѣ города Россіи, и особенно древніе. Мысль ихъ прежде всего стремится къ небсамъ и выражается въ этомъ ликѣ храмовъ, вѣнчающихъ городъ и увѣнчанныхъ золотыми крестами. Москва—колоссальный образецъ для всѣхъ городовъ нашей Руси. Геніальная женщина, гонимая геніальнымъ мужчиной, нашла у насъ временное убѣжище отъ его деспотизма, простиравшагося на весь западъ Европы, и въ

благодарность за гостеприимство, назвала нашу Москву Татарским Римомъ. Мы готовы были, въ слѣдъ за Госпожею Сталь, повторять знаменитое выраженіе: Rome tartare, которое показывается только, что и умная женщина можетъ молвить неразумное слово, когда возмется говорить о томъ, чего не понимаетъ. Чтѣ же Татарскаго могла найти Христіянка въ этихъ безчисленныхъ крестахъ, главахъ, церквахъ и ихъ архитектурѣ?

Чтѣ Москва внѣшнимъ видомъ своимъ представляетъ въ огромномъ цѣломъ, тѣ разсѣяно по лицу всей Россіи. Тамъ изъ-за желтой нивы, тамъ изъ-за лѣсу, изъ за-пригорка, выглядываютъ повсюду церкви Божіи. То вдругъ разбросанныя соберутся въ одинъ ликъ на горѣ — и вотъ вамъ городъ. По большей части, въ скромномъ селѣ, вы не найдете другаго благолѣпія, другаго каменнаго зданія, какъ храмъ Божій, — а золото видно только на крестѣ его, да на окладахъ иконъ, и добрый селянинъ не ищетъ другаго.

Не должно думать, чтобы каменное зодчество нашихъ храмовъ въ древнихъ городахъ принадлежало древней Руси. Нѣтъ, древняя Русь строилась болѣе изъ дерева. Въ ней каменныя зданія, даже церковныя, бывали очень рѣдки. Это можно доказать свидѣтельствами. Каменная Россія, даже и въ Божіихъ храмахъ, есть уже плодъ новаго времени, плодъ нашего промышленнаго развитія, даръ тѣхъ новыхъ силъ, которыя мы раскрыли, двинутые гениемъ Петра Великаго. Хорошо то, что мы первые плоды этого образованія умѣли принести нашему древнему Божественному началу, которымъ возрасло наше могущество. Древняя Русь воспитала въ нашихъ городахъ Божію мысль, а новая облекла ее въ эти каменныя громады, и вознесла эти храмы къ небу, создавъ такимъ образомъ лучшую красу нашихъ городовъ на древней, непоколебимой основѣ.

Переѣхавъ Которость по мосту, мы взобрались на крутую гору, у Семинарской церкви красно-кирпичнаго цвѣту. Весьма удобная гостинница, съ вкуснымъ обѣдомъ и особенно славными кислыми щами, приняла насъ. Огром-

ная площадь, похожая на поле, видна из оконъ. Для чего такъ огромны площади нашихъ городовъ? Судя по народу, который по нимъ ходитъ, это кажется совершенно лишнимъ. Если бы какой нибудь Англичанинъ, охотникъ до статистическихъ наблюдений, сталъ считать всѣхъ, которые пройдутъ по ней въ теченіи дня, — не начелъ бы много. Смотри на эту площадь и на прилегающую къ ней улицу, и перечитывая то что Блазиусъ, въ своемъ Путешествіи по сѣверной Россіи, говорить объ Ярославлѣ, я рѣшительно не могъ понять, откуда почерпнулъ онъ матеріалы для слѣдующей гиперболы: «Подобно шуму на рынкахъ, только правильнѣе, является жизнь и на улицахъ. Кто взглянетъ на эти движущіяся массы людей, которыя стремятся другъ черезъ друга по самымъ противоположнымъ направленіямъ, тотъ подумаетъ, что все народонаселеніе вышло на улицу. Когда же идешь по бокамъ широкихъ улицъ, то часто увлеченъ бываешь невольно густою толпою пѣшеходовъ, а перебѣжать улицу не лзя, не подвергаясь опасности, что въ тѣснотѣ наѣдутъ на тебя быстрыя дрожки или кареты. И въ этой массѣ людей едва ли можно найти хотя одного, въ чертахъ котораго не выражалась бы неудержимая торопливость занятаго человѣка. О мечтающихъ празднотцахъ, о гуляющихъ для удовольствія или для созерцанія природы — и рѣчи быть не можетъ. Кто не привыкъ съ молодыхъ лѣтъ къ такой поспѣшности и движенію, тому весьма трудно бываетъ въ улицахъ богато-населеннаго Русскаго города придти къ желанному спокойствію духа и къ ясному сознанію!» Изъ этихъ словъ Г. Блазиуса можно заключить только, что онъ самъ не выѣзжалъ изъ какого нибудь городка Германіи, гдѣ человѣкъ на улицѣ есть необыкновенное явленіе, а наши большіе города наблюдать въ просонкахъ. Еще о красотѣ Ярославскихъ женщинъ нашелъ онъ древнюю народную пословицу, въ которой изображенъ будто бы идеалъ Русской фантазіи: «бѣла и румяна какъ Ярославка!». Въ городѣ красавицъ я не видалъ, хотя и присутствовалъ при большомъ стеченіи народа. Ярославскіе мушкетеры, кажется, вообще красивѣе женщинъ. Впро-

чемъ это могутъ повѣрить только Ярославскіе, и не пристрастные, старожилы.

Прекрасное гулянье устроено на набережной Волги. Здѣсь снова, послѣ долгой разлуки, я увидѣлъ эту рѣку, на берегу которой родился, которая была однимъ изъ первыхъ впечатлѣній моего дѣтства. Здѣсь она не имѣетъ ширины, какъ у насъ въ Саратовѣ; но все у нея тотъ же величавый, царственный видъ, какъ у молодой царевны, еще не примѣрившей вѣнца и порфиры къ своей державной осанкѣ. Тутъ услышалъ я вновь, давно уже неслышанную мною, Волжскую пѣсню, и защемило сердце какимъ-то далекимъ, роднымъ и сладкимъ воспоминаніемъ, и припомнился мнѣ нашъ старый домъ на Саратовскихъ горахъ—у берегу Волги—мѣсто моей колыбели и развалина послѣ пожара, гдѣ мой престарѣлый отецъ любилъ пить чай на пепелищѣ, и мои родители, и братья, и сестры, и серебряная Волга передъ нами, и лунная ночь надъ нею, и суда у береговъ, и скрышь мачты, по которой взлѣзалъ бурлакъ, и таже бурлацкая пѣсня.

Ни Демидовскаго лица, ни Гимназіи, я не могъ видѣть, потому что лѣтомъ оба зданія перестроивались по нашему обычаю. На площади, передъ Лицеємъ, возвышается колонна — памятникъ его основателю, Демидову. Отъ надписи остались только немногія неясныя слова, но имя того, кому онъ воздвигнуть, уже не существуетъ: урокъ для соорудителей памятниковъ, что надписи всего прочнѣе вырѣзныя, а не накладныя. Желая знать, извѣстно ли народу имя благодѣтеля просвѣщенія, я спросилъ у извозчика: кому поставленъ этотъ памятникъ? — Онъ отвѣчалъ мнѣ: а кто его знаетъ? кажись, Петру Великому.— Такъ на имя Петра Великаго сводитъ народъ всѣ неизвѣстные ему памятники. Спрашивалъ я и у мѣщанъ, проходившихъ по площади: и они не могли мнѣ назвать Демидова. Одинъ только служивый инвалидъ его назвалъ — и я нѣсколько успокоился за народную славу покровителя наукъ,

котораго имя такъ скоро исчезло съ пьедестала и изгладилось изъ памяти Ярославскихъ простолюдиновъ.

Мы приѣхали наканунѣ соборнаго праздника: 3-го Іюля празднуется память Св. Василія и Константина Всеволодовичевъ, которыхъ мощи почиваютъ въ соборѣ. 2-го Іюля приходитъ икона Владимірской Богоматери изъ Ростова и проводитъ ночь въ церкви за Которостью. 3-го же Іюля встрѣчаетъ ее духовенство собора и другихъ церквей съ хоругвями, — и совершается ходъ въ соборъ. Утромъ мы поѣхали на встрѣчу къ Богоматери и увидѣли ее еще за Которостью. Встрѣтивъ ее, вмѣстѣ съ народомъ отправились въ соборъ. Народу было довольно.

Въ соборѣ три древнія Греческія иконы на столбахъ: Спасителя, Богоматери Ярославской и Николая Чудотворца. Есть преданіе, что онѣ перенесены изъ дому тѣхъ Князей, которыхъ мощи здѣсь почиваютъ. Тому, кто захотѣлъ бы собрать въ одно списки древнѣйшихъ иконъ нашихъ Греческаго письма, слѣдуетъ обратить на эти иконы вниманіе особенное. Рѣзное изъ дерева изображеніе Николая Чудотворца, весьма уважаемое народомъ, перенесено изъ приходской церкви.

Послѣ литургіи совершается ходъ кругомъ собора по чертѣ такъ называемаго *рубленаго* города, которая сохранилась только въ преданіи этого хода. Прощедъ въ Волжскіе ворота для того, чтобы пристать къ шествию, мы встрѣтились съ мѣщаниномъ, который замѣтивъ, что мы въ Ярославлѣ люди новые, вошелъ самъ въ нашу рѣчку и рассказалъ вкратцѣ преданіе о построеніи Ярославля.

«Вотъ, батюшка, гдѣ теперь ходъ пройдетъ, тутъ былъ сначала весь Ярославль, *рубленный* городъ. Коль хотите узнать его, идите за ходомъ. Тутъ-то и зачало нашему городу. А вотъ на мѣстѣ, гдѣ мы теперь идемъ съ вами, прежде текла рѣчка Медвѣдица. Здѣсь-то Ярославъ убилъ медвѣдя—отъ того и рѣчка такъ названа. Она текла между Которостью и Волгою. Вотъ и мѣсто видно. Тутъ вотъ между двумя рвами насыпь, а прежде былъ тотъ же ровъ, и мы еще помнимъ мостъ. Вотъ церковь Іліи Пророка :

эта церковь у насъ самая древняя, нѣтъ ея древнѣе во всемъ Ярославѣ. А за ней, по древности, вторая вонь эта, Михаила Архангела.» — А нѣтъ ли у васъ въ городѣ любителей старины и охотниковъ до старыхъ книгъ и рукописей? — «Спросите у соборнаго Протоіерея. У него былъ отецъ охотникъ до всего этого и все собиралъ. А теперь ужъ все досталось сыну. Покойникъ велъ записки— и записывалъ каждый день все что въ городѣ дѣлалось.»

Вездѣ, во всякомъ древнемъ нашемъ городѣ, вы находите мѣщанъ, которые, вообще говоря, лучше чѣмъ дворяне, знаютъ исторію своего роднаго города и передаютъ изъ устъ въ уста извѣстныя объ немъ преданія. Стало быть такихъ мѣщанъ много, потому что они мнѣ случайно попадались на улицахъ и весьма дружелюбно сообщали все что сами знаютъ о городѣ. Мостъ, о которомъ говорилъ мѣщанинъ, упоминается и въ географическомъ словарѣ Щекатова. Тамъ же находятся и преданія о медвѣдѣ, убитомъ Ярославомъ, хотя въ лѣтонисяхъ того и нѣтъ. Нерѣдко слыхалъ я преданіе, и въ другихъ городахъ, изъ устъ народа, что церковь Ильи Пророка всегда самая древняя, что нѣтъ ея древнѣе. Оно объясняется уваженіемъ, которое нашъ народъ питаетъ къ Ильѣ Пророку. Въ Ярославѣ же оно противорѣчитъ лѣтописному свидѣтельству, по которому извѣстно, что первая церковь, построенная Ярославомъ въ этомъ городѣ, была во имя Апостоловъ Петра и Павла. Другіе же мнѣ называли церковь, о которой говорилъ мѣщанинъ, именемъ Св. Тихона Чудотворца, но правда, что въ ней придѣлъ Ильи Пророка и на фронтонѣ изображено его имя.

Противишись съ добрымъ мѣщаниномъ, мы послѣдовали за ходомъ, вокругъ рубленаго города. Четыре раза останавливался ходъ, какъ бы на четырехъ углахъ древняго Ярославля, и четыре литіи было совершено: Спасителю, Богоматери, Ильи Пророку и Святымъ Василию и Константину. Такъ установлено по старинному преданію.

Въ Ярославѣ, до сихъ поръ еще, въ названіи *рубленаго* города сохранился живой отголосокъ древняго выраженія, встрѣчаемаго въ Несторовой лѣтописи: *рубить городъ*.

Такъ называемая Медвѣдица была вѣроятно каналомъ, сдѣланнымъ изъ рва, гдѣ, можетъ быть, протекалъ маленькій ручеекъ подобнаго имени. Каналь, соединяя обѣ рѣки, могъ защищать и съ этой стороны городъ, огражденный съ тѣхъ двухъ сторонъ Которостью и Волгою: ибо, какъ видно, городъ былъ срубленъ Ярославомъ на самомъ мысѣ, образуемомъ впаденіемъ Которости въ Волгу. За рубленнымъ городомъ слѣдуетъ земляной, обнесенный валомъ: это, конечно, уже позднѣйшій.

По окончаніи хода, я былъ у отца Протоіерея, А. Н. Головщикова, семидесятилѣтняго старца, который обошелся со мною весьма гостепріимно; но записокъ покойнаго родителя своего онъ мнѣ не показалъ, говоря, что онѣ содержать въ себѣ только одно домашнее и потому не могутъ быть пущены въ публику. Слышалъ я послѣ, что описаніемъ древностей Ярославля и Ростова занимается особенно здѣшній купецъ С. А. Серебренниковъ, помѣщавшій многія статьи объ нихъ въ Ярославскихъ губернскихъ Вѣдомостяхъ, а рисунки для его изданія готовитъ весьма искусный художникъ, Романовскій мѣщанинъ Бѣлоноговъ. Желательно бы было, чтобъ это изданіе вышло скорѣе въ свѣтъ.

Въ Спасопреображенскомъ Ярославскомъ монастырѣ, гдѣ находится теперь домъ Архіепископа, я поклонился Св. мощамъ Благовѣрнаго Князя Феодора Чернаго и дѣтей его, Давида и Константина. Весьма замѣчательнъ колоссальный деревянный гробъ, въ которомъ найдены были его мощи. Онъ свидѣтельствуетъ объ огромности его роста. Въ древней церкви, внизу, гдѣ хранится эта гробница, есть также иконы, весьма рѣдкія по своей древности.

Гуляя по набережной Волги, я не могъ не зайти на суда, стоявшія на рѣкѣ, и не поговорить съ судовщиками. Судно богатаго купца Крашенинникова привезло изъ Моршанска 4,000 пудъ хлѣба и прокормило 120 человекъ бурлаковъ, которые были, по большей части, Касимовцы да Рязанцы. Берутъ они каждый по 50 и по 60 рублей ассигнаціями. Бурлаки народъ веселый. Пѣсень у нихъ

множество — и есть всегда любимыя. Когда судно *идеть ходомъ*, т. е. вверхъ, то обыкновенно двѣ лодки закидываютъ впереди, каждая по якорю, и притягиваютъ къ нимъ судно. Въ то время какъ тянуть бурлаки, они разгоняютъ скуку труда разными причетами. Когда же тянуть мимо какого нибудь села, то поютъ шутивыя пѣсни для дѣвшекъ и женщинъ. Какъ дошли до мѣста, не остаются на судахъ, а тотчасъ, или переходятъ на другія, или берутъ лодки и ѣдутъ назадъ. Кромѣ правовъ бурлацкихъ, здѣсь же я узналъ настоящее значеніе слова: *плесо*. Плесомъ называется, объяснилъ мнѣ судовщикъ, все пространство вдоль по рѣкѣ, которое плаватель можетъ окинуть взглядомъ. Отсюда ясенъ и смыслъ пословицы: «Рыбакъ рыбака далеко въ плесѣ видитъ.» Еще замѣтилъ неизвѣстное слово: *отрыснуть*, значить: отплыть въ другую сторону отъ мѣли. Последняго нѣтъ въ академическомъ словарѣ. Первое же объяснено не такъ и не объясняетъ приведенной выше пословицы: «плесо — ровное и чистое пространство воды у береговъ, или между островами.»

По набережной, около рыбнаго ряду, самую свѣжею новостью было, что поймали стерлядь въ 11 вершковъ, и рыбаки продали ее купцу въ лавку за 90 руб. асс., а купецъ вѣроятно перепродаетъ ее на богатый столъ не дешевле 150 руб. асс. Но меня во всемъ этомъ болѣе занялъ эпитетъ стерляди, что она была *нагульная*: такъ называется стерлядь желтая, жирная, и вообще хорошая рыба. Вотъ и еще слово для академическаго словаря, въ прибавокъ къ *нагулу* и *нагулку*, которые въ немъ находятся.

Поговорилъ съ бурлакомъ изъ многолюднаго села Парамзина Симбирской губерніи. Имя села объяснило мнѣ отчасти происхожденіе Симбирскаго имени Карамзина. Молодой бурлакъ жену да троихъ дѣтей оставилъ на родинѣ. Объ женѣ отзывался онъ очень неучтиво, называя ее козой. «Жѣнамъ-то хорошо сидѣть дома: что имъ дѣлается? а намъ-то каково весь вѣкъ скитаться на чужой сторонѣ!» Чувство чело-вѣка, отлученнаго отъ семьи, выражалось въ немъ какою-то грустью, досадою и насмѣшкой. Отъ него же услышалъ

я пословицу: «Безъ числа (иначе, безъ толку) молиться, только грѣшить.»

Послѣ обѣда, любезный С. И. Л. повезъ насъ въ Толгской монастырь, который отстоитъ отъ города въ 7-ми верстахъ водою, въ 9-ти сухимъ путемъ. Здѣсь, когда мы переѣзжали Волгу, я обогащалъ словарь свой разными техническими терминами судовъ. *Славнымъ* судномъ пазывается то, которое идетъ внизъ; *ходовымъ*, идущее вверхъ. Этихъ значеній нѣтъ въ словарѣ академическомъ. Вотъ именования различныхъ судовъ, которыя ходятъ по Волгѣ: *моксианомъ* называется довольно большое судно: такъ названо по рѣкѣ Мокшѣ; *расшивка* судно поменьше; *гусянка*, *подчалокъ*, *дощаникъ*. Всѣ эти имена есть въ академическомъ словарѣ, но вотъ тѣ, которыхъ нѣтъ: *ладушечка*, *романовка* по городу Романову, *тихвинка* по г. Тихвину, *орловка* по селенію этого имени, *сурлкъ* по р. Сурѣ, *машина* самое большое судно. Вѣроятно, это названіе новаго происхожденія и принадлежитъ въ особенности пароходамъ.

Прекрасно мѣстоположеніе Толгскаго монастыря по ту сторону Волги. Память Патріарха Никона соединена съ этою обителью: не далеко отъ нея, по Волгѣ возвращаясь назадъ, скончался онъ, у Туговой горы. Но памяти о немъ никакой въ монастырѣ не сохранилось. Ректоръ семинаріи сказалъ мнѣ, что есть здѣсь какая-то любопытная книжка, соединенная съ памятью Никона; но никакой книжки мнѣ не показали. Ризничій принесъ однако три древнія грамоты, касающіяся обители. Древнѣйшая 1578 года, дарственная Царя Іоанна Васильевича монастырю на деревни: Чюрово и Тихарево, которыя еще до сихъ поръ, какъ мнѣ сказывали, существуютъ; другая 1623 г. Царя Михаила Ѳеодоровича также дарственная на деревни,—и третья привилегія монастырю, чтобы монастырскихъ Толгскихъ крестьянъ никто не смѣлъ судить, опричь Приказа большаго двора на Москвѣ, кромѣ татбы и разбоя. Последняя грамота написана потому, что Ярославскіе посадскіе люди обижали, какъ видно, монастырскихъ крестьянъ, и хотѣли ихъ судить судомъ своего воеводы, и даже заключали въ тюрьмы.

Храмъ соборный великолѣпенъ, богатъ; но не сохранилъ ничего древняго, кромѣ чудотворнаго образа Толгской Богоматери, который есть виновникъ всего этого великолѣпія. Въ саду растутъ многолѣтніе Сибирскіе кедры, мрачные и величавые. Узнавъ о моемъ пріѣздѣ, изъ келлій монастырскихъ вышелъ ко мнѣ съ дружелюбнымъ привѣтствіемъ Кн. Ш., отдыхающій здѣсь лѣтомъ отъ суеты и шума столичной жизни. Его пребываніе въ обители напомнило мнѣ старину временъ Грознаго, когда наши Бояре находили убѣжище въ стѣнахъ монастырскихъ; но, конечно, почтенный Князь не подходитъ подъ участь Бояръ Іоанновыхъ и не вводитъ сюда тѣхъ обычаевъ, какіе вводимы были тогда Князьями и боярами въ монастыри, за что и досталось имъ въ посланіи Грознаго, а вѣроятно, самъ служить образцомъ молитвы, смиренія и воздержанія.

ДОРОГА ВЪ ВОЛОГДУ. — ГРЯЗОВЕЦЪ.

Впечатлѣнія по дорогѣ въ Грязовецъ. — Монастырь Препод. Корнилія Комельскаго. — Братія и Игумень. — Жизнь Преподобнаго. — Древности и грамоты монастыря. — Желѣзные ключи. — Заповѣданное дерево. — Извощикъ Иванъ. — Современная народная пѣсня. — Грязовецкій слѣпецъ — Математикъ: М. А. Серебряковъ. — Вечернія духовныя чтенія жителей Грязовца. — Папорзокъ: слово изъ Слова о полку Игоревѣ.

Хорошъ видъ на Ярославль, когда переѣзжаешь черезъ Волгу по Вологодской дорогѣ. По валу вытягивается городъ съ своими храмами и зданіями. Вотъ Спасскіе, а воишь Волгскіе ворота. По ту сторону Волги, село Тверицы составляетъ предмѣстіе Ярославля.

За заставой природа внезапно измѣняется. Мрачный сосновый лѣсъ тянется долго по песчаной почвѣ. Далѣе смѣняется онъ однообразной дорогой, по которой березы въ два ряда закрываютъ видъ. Трупъ какого-то несчастнаго лежалъ на дорогѣ. Его сторожили двѣ бабы до приѣзда начальства. Куриво курилось не подалеку, чтобы очищать воздухъ отъ смрада. Въ первой станціи, Вокшерѣ, уже измѣняется нарѣчіе. Женщины говорятъ особенно дурно. Городъ Даниловъ торгуетъ холстами и славится мѣднымъ заводомъ купца Пушкова. Между Даниловымъ и Семеновской станціей, деревни имѣютъ странныя имена: слобода Телячья, Хитрая баба, а на картѣ Чистая баба.

Въ пяти верстахъ отъ Грязовца находится монастырь Преподобнаго Корнилія Комельскаго. Въ мѣстѣ весьма уединенномъ, окруженномъ передѣсками, на рѣчкѣ Нурмѣ, возвышаются стѣны монастыря и главы его храмовъ. Оби-

тель бѣдна. Она оживлена теперь дѣятельностью отца Игумна Арсенія, который недавно поступилъ сюда. Когда мы пріѣхали въ монастырь, вся братія вмѣстѣ съ Игумномъ была на работѣ: колотили сваи на рѣчкѣ Нурмѣ. Это напомнило мнѣ времена древнія.

Преп. Корнилій Комельскій жилъ 82 года, отъ 1455-го до 1537-го. На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ обитель, имъ основанная, и почиваютъ подъ спудомъ его мощи, пребывалъ онъ 41 годъ. Житіе его писано неизвѣстно кѣмъ, но видно, что его современникомъ, который слышалъ многое изъ собственныхъ устъ его. Родился Корнилій въ Ростовѣ, отъ родителей благородныхъ и богатыхъ. Служилъ при Дворѣ Великой Княгини Маріи, супруги Василия Темнаго, въ инокиняхъ Марѣи. Здѣсь былъ помѣщенъ Корнилій дядею своимъ, Лукьяномъ, человѣкомъ весьма набожнымъ. Оба они, и дядя и племянникъ, оставивъ Дворъ, постриглись въ монастырѣ Св. Кирилла Бѣлозерскаго. Корнилію было тогда 20 лѣтъ. Въ Кирилловѣ, кромѣ другихъ работъ, занимался онъ писаніемъ книгъ, которыя до сихъ поръ сохраняются тамъ, какъ говорить его жизнеописатель.

Послѣ многихъ трудовъ и искуса, будучи 41-го года, пришелъ онъ на Комельскій лѣсъ, въ 1497 году. Лѣсъ былъ вертепомъ разбойниковъ. Жилище одного изъ нихъ послужило кельей для Святаго. Разбойники нападаютъ на него, но кромѣ книгъ ничего не находятъ, однако берутъ и книги. Они побѣждены Святымъ. Много препятствій одолѣть было надобно; но все уступаетъ его волѣ. Первая мысль его—построить хотя малую деревянную церковь. Дикій лѣсъ падаетъ передъ нимъ; но однажды, дерево ранило ему, сонному, голову. Клевета и навѣты отъ своихъ и чужихъ мѣшаютъ святому дѣлу. Но число братіи умножается. Средства растутъ. Всѣ мысли сосредоточены около строенія большой церкви. Такъ раздѣлены и занятія. Однимъ поручено *художество*: воздвигать стѣны, другимъ *мудрость*: писать иконы, тѣмъ же—честные кресты и книги. И вотъ, черезъ 19 лѣтъ послѣ того, какъ пришелъ на дикое мѣсто Корнилій, трудами братіи, постомъ и слезами ихъ, воз-

неслася благолѣпная церковь, и украсили ее какъ невесту образами святыхъ иконъ и книгами. За тѣмъ послѣдовалъ храмъ во имя Св. Антонія. А тамъ уже возникли и келліи, и стоятъ посреди ихъ церкви, «какъ нѣкія очи, взирая повсюду.» Поставлены также больница и страннопріимница для странныхъ и нищихъ. Вотъ началъ стекаться во множествѣ народъ къ Святому: кто идетъ за благословіемъ, кто за совѣтомъ, кто съ вопросомъ, кто съ недугомъ тѣлеснымъ, кто съ душевнымъ. Толпы нищихъ собираются около него — и онъ одѣляетъ ихъ просфорами, калачами и деньгами. Житіе ведется въ обители строго. Ни одинъ трудъ не совершается безъ молитвы и священнаго пѣнія. Учредитель обители своею рукою пишетъ строгій уставъ— и отдаетъ его братіи, а самъ удаляется въ пустыню, за 70 верстъ отъ монастыря.

Такъ, по примѣру Антонія, къ которому Корнилій пыталъ особенное благоговѣніе, поступали многіе основатели монастырей. Братія тужить о своемъ начальникѣ. Великій Князь Василій Ивановичъ съ супругою своею Еленою, по дорогѣ въ Кирилловъ монастырь, заѣзжаетъ и въ обитель Жомельскую. Братія просятъ Государя убѣдить Корнилія къ возвращенію въ обитель. В. Князь приказываетъ ему возвратиться изъ пустыни въ монастырь и дожидаться пріѣзда его изъ Кириллова. Корнилій съ тремя братьями встрѣчаетъ Великаго Князя на Вологдѣ и кланяется ему до земли. Василій Ивановичъ бесѣдуетъ съ пустынникомъ на пользу душъ, поручаетъ ему молиться о разрѣшеніи жены его отъ неплодія, убѣждаетъ старца не оставлять обители, но старецъ противится тому, ссылаясь на свою старость, немощи и заботы о собственномъ спасеніи. Онъ молитъ Великаго Князя отпустить его въ пустыню, чтобы тамъ плакаться о грѣхахъ своихъ. Государь не въ силахъ противиться его моленію и отпускаетъ его. Но не совсѣмъ оставляетъ онъ обитель. Нерѣдко является въ ней, говорить поученія братіи. Одинъ братъ Закхей приходитъ къ Преподобному въ мантіи, вязанной лыкомъ, и проситъ его, чтобы онъ приказалъ измѣнить ее на лучшую: Корнилій

отдаетъ ему свою, а самъ надѣваетъ на себя Захееву, вязанную лыкомъ, и долгое время ходитъ въ ней. Передъ кончиною старецъ постѣтилъ ту обитель, въ которой принялъ постриженіе, но скончался въ той, которую самъ основалъ, завѣщавъ ученикамъ своимъ сохранять его преданія. «Заповѣди Божія сохраняйте и мои преданія, яже написахъ вамъ своею рукою, держите сія начастѣ, прочитайте «на воспоминаніе.» Преданія о чудесахъ Преподобнаго соединены съ именами нѣкоторыхъ урочищъ, существующихъ теперь неподалеку отсюда. Такъ упоминается крестьянинъ изъ деревни Кебашъ, веси Обнорской, которая и теперь находится недалеко отъ Обнорскаго яма. Замѣчательны также Русскія имена монастырскихъ крестьянъ: Дубовикъ, Шестакъ, дѣти которыхъ получили изцѣленіе у раки Преподобнаго.

Сѣдовласый монахъ, одинъ оставшійся дома, потому что не въ силахъ былъ колотить сваи, служилъ для насъ молебень Преподобному. Храмы монастырскіе весьма бѣдны. Древнѣйшія украшенія ихъ относятся ко временамъ Бориса Годунова, ибо мощи Преподобнаго открыты при Патріархѣ Іовѣ. Крестъ на мощахъ — вкладъ Борисовъ, о чемъ свидѣтельствуемъ и надпись.

Въ монастырѣ сохранены грамоты, относящіяся къ его исторіи. Ризничій хорошо читаетъ ихъ, что не во всѣхъ монастыряхъ встрѣчается. Древнѣйшая ставленая Корниліева (въ поны), дана Симономъ Митрополитомъ въ 1501 году. Она напечатана въ Исторіи Россійской Іерархіи. Другая Патріарха Іова, свидѣтельствующая объ открытіи мощей Св. Корнилія. Отецъ Игуменъ, разбирая архивъ монастырскій, открылъ новыя. Всѣмъ составлена опись. Одна касается до подводъ Патріарху Никону; есть любопытныя грамоты объ *ямчужномъ дѣльѣ*, т. е. объ селитряныхъ варяхъ. Я просилъ Отца Игумена найденныя вновь грамоты отправить въ Археографическую Коммиссію. Но Уставъ, писанный рукою Корнилія Комельскаго и напечатанный въ Исторіи Россійской Іерархіи, въ его обители не сохранился, и нѣтъ ничего, писаннаго его рукою, но

смотря на то, что онъ, какъ видно изъ его жизни, любить книжныя занятія.

Братія, утомленная работою, сошлась въ кельяхъ Игумена и пила чай. Мнѣ полюбилась эта патріархальная простота нравовъ, напоминающая древнюю жизнь и самаго Корнилія, который, говоря словами Житія его, «печашеся о братіи, яко отецъ чадолюбивъ, истинный пастырь радяше о овцахъ.»

Недалеко отъ монастыря находятся желѣзистые ключи, которые могутъ быть полезны въ иныхъ болѣзняхъ, но ими однако не пользуютя. Въ народѣ живутъ чудесныя преданія объ одномъ деревѣ, которое растетъ не далеко отъ монастыря. Его хотѣли срубить, но не беретъ его никакая сила. Топоры ломались объ него, а отъ дерева вылетали такія искры, что наводили страхъ на покушавшихся. Это дерево заповѣдано было Преподобнымъ Корниліемъ.

Преданіе рассказываетъ намъ извошникъ Иванъ, который насъ везъ отъ Семенковской станціи. Весьма красивый юноша, съ греческимъ профилемъ; правильность носа удивительная; почти нѣтъ выема у бровей, какъ на фигурахъ этрусскихъ вазъ; какимъ образомъ этотъ профиль зашелъ къ намъ сюда? Видно все есть въ нашей огромной Россіи. Карандашъ поэта, вѣрно и съ большимъ вкусомъ, передалъ его черты, которые можно видѣть на рисункѣ. Мы просили Ивана спѣть намъ самую модную, любимую пѣсню, какая теперь поется у нихъ въ народѣ. Онъ намъ спѣлъ ее. Вотъ она:

Захотѣлось мнѣ провѣдать,
Гдѣ любезная живетъ:
Гдѣ живетъ моя милая,
Та привольна сторона.
Разливалась, растекалась
Быстра рѣченька по ней,
Быстра рѣченька по ней,

Съ круты́мъ бережкомъ ровна́;
 Черезъ эту по́лу воду
 Легку лодочку найму́;
 Легку лодку, бѣловѣрку,
 Переѣду за рѣку
 На привольну сторону́.
 На привольной, на веселой,
 Я повыстрою терѣмъ,
 Я повыстрою терѣмъ
 Со широкимъ со дворомъ.

Съ горя ноженъки не ходять,
 Глазки на свѣтъ не глядятъ.
 Нѣтъ на свѣтъ того хуже,
 Что женатаго любить:
 Онъ женатой вожеватой,
 Его жизнь больно бѣдна,
 Его женушка вольна:
 Не отпустить погулять,
 Хотъ отпустить, глазъ не спустить,
 Все въ окошечко глядить.
 Нѣтъ на свѣтъ того лучше
 Съ холостымъ любовь водить;
 Я тогда дружку повѣрю,
 Какъ сама стану гулять;
 Я сама стала гулять,
 Стала милаго жадѣть.

Не весело пѣлъ Иванъ. Причина была проста. Хозяинъ его скупъ и кормить плохо. Съ утра онъ не ѣлъ. На греческой его физиогноміи было выраженіе какой-то грусти и задумчивости. Не смотря на голодъ, онъ оживился, когда проѣзжалъ по селу своему, и проскакалъ лихо, во всю прыть, заглядывая въ окна избъ, откуда высовывались женскія головы, вѣроятно думая про себя: ай-да нашъ Иванъ! какъ лихо скачетъ!

Грязовець, уѣздный городъ Вологодской губерніи, прежде бывшій селомъ Грязовецы, вѣроятно, такъ названъ по грязямъ своимъ, причиняемымъ глинистою почвою. Дурная погода, предшествовавшая нашему приѣзду, способствовала еще болѣе къ тому, чтобы объяснить происхожденіе его имени. Мнѣ хотѣлось познакомиться въ этомъ городѣ съ слѣпцомъ-математикомъ, Грязовецкимъ мѣщаниномъ, Михайломъ Алексѣевичемъ Серебряковымъ. Я зналъ объ немъ прежде по его биографіи, перепечатанной въ Москвитянинѣ изъ Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостей, и по собственному письму его, напечатанному въ томъ же журналѣ. Въ этомъ городкѣ родился этотъ замѣчательный Русскій простолюдинъ; вскорѣ послѣ рожденія, ослѣпъ невѣжествомъ своей пѣстуньи и отца, и потомъ раскрылъ столь необыкновенныя математическія дарованія, что своимъ собственнымъ способомъ рѣшалъ важныя математическія задачи и даже обратилъ на себя вниманіе нашего перваго математика, Михаила Васильевича Остроградскаго.

Когда обратился я къ хозяину гостиницы съ вопросомъ о Грязовецкомъ слѣпцѣ, — онъ обрадовался мнѣ, какъ будто давно знакомому, и съ нѣкоторою гордостью отвѣчалъ, что Серебряковъ его пріятель и сей-часъ ко мнѣ явится. Не прошло десяти минутъ, какъ слѣпецъ сидѣлъ уже передо мною, въ своемъ длинномъ, засаленномъ сюртукѣ, во всѣхъ признакахъ своей безпомощной бѣдности, съ замѣчательно умною сократическою физиогномією. Прибытіе мое было для него радостью. Онъ принесъ мнѣ статью свою о Сократѣ, которую диктовалъ въ это время, и отрывки изъ своей Психологіи, которою занимался онъ уже давно, по совѣту почтенныхъ ученыхъ Вологодской Гимназіи.

Кратковременно было свиданіе мое съ Грязовецкимъ слѣпцомъ. Не болѣе часу провелъ я въ бесѣдѣ съ нимъ. Но послѣ, уже въ Москвѣ, я имѣлъ случай короче съ нимъ познакомиться и узнать о томъ духовномъ образованіи, которымъ онъ обязанъ родному своему городу и тому сословію, изъ коего вышелъ. Серебрякова узнали и радушно

приняли въ нашей столицѣ многіе почтенные люди, ученые, литераторы, свѣтскіе. Появленіе его въ Московскомъ обществѣ доказало, что у насъ не такъ раздѣлены сословія, какъ мы воображаемъ, и что во имя высшихъ началъ духовнаго образованія могутъ соединяться люди, не смотря на то, что по отношеніямъ гражданскимъ они поставлены другъ отъ друга на весьма далекомъ разстояніи.

Лѣта, умѣряющія пылкость и силу воображенія вычисляющаго, недостатокъ средствъ слѣпому, да притомъ бѣдняку, заниматься математикою, и другія наклонности, впоследствии развившіяся, заставили Серебрякова оставить науку числа и мѣры и обратиться къ другимъ занятіямъ, болѣе свойственнымъ его положенію и возрасту. Міръ души открыть еще болѣе для слѣпаго, нежели для зрячаго— и вотъ куда устремляются его мысли.

Но не каждый могъ бы устремиться туда, безъ предварительнаго приготовленія. Грязовецкій слѣпецъ, къ счастью, получилъ его. Родной его городъ не могъ предложить ему тѣхъ наукъ, которыми мы воздѣлываемъ наши способности, однако и оцъ удовлетворилъ его, хотя въ малой мѣрѣ. За то онъ далъ ему начала другаго высшаго, духовнаго образованія, — и эти начала вынесъ онъ изъ круга тѣхъ мѣщанъ и крестьянъ, среди которыхъ воспитался. Въ біографіи слѣпца, напечатанной въ Москвитинѣ, не было о томъ упомянуто. Здѣсь я передамъ слова самаго слѣпца. Они знакомятъ насъ съ лучшею стороною жизни самаго низшаго изъ сословій нашихъ и дадутъ объясненіе тому, какъ могъ быть развитъ духовный разумъ въ мѣщанинѣ, который заслужилъ вниманіе всеобщее.

«Жители Грязовца, говорилъ слѣпецъ, очень набожны. Въ воскресный или праздничный день всѣ бывають, отъ мала до велика, въ церкви, и если случится когда во время все-ношнаго бѣднія или обѣдни проходить по улицѣ, то городъ, по безмолвію, кажется какъ будто пустымъ или вымершимъ; сверхъ того, очень любятъ заниматься Св. Писаніемъ. Есть дома, въ которыхъ каждый день собираются любители Слова Божія и болѣе изъ нихъ умѣющій читаетъ, а прочіе

его слушаютъ; а въ праздничные дни, нерѣдко участвуютъ въ слушаніи Св. Писанія и крестьяне окольныхъ деревень; сверхъ того, и по деревнямъ есть таковыя же чтенія Св. Писанія. Мнѣ случалось бывать на деревенскихъ бесѣдахъ, — и вотъ какъ представлялась мнѣ эта бесѣда: въ чистой Русской избѣ сидятъ по лавкамъ и скамейкамъ старцы и юноши, женщины и дѣвушки, — и глава семейства, какъ нѣкій патриархъ, за простымъ деревяннымъ столомъ, читаетъ толстую книгу, при сальной свѣчѣ, а нерѣдко и при лучинѣ; и такъ этотъ чтець, то бойкой, то иногда чуть-чуть разбирающій, съ любовью возвѣщаетъ слушателямъ Слово Божіе. Ни бѣдность, ни неумѣнье чтеца, ниже самая молодость нѣкоторыхъ слушателей, ничто не препятствуетъ питаться этою небесною манною. Я въ это время переносился мыслію ко временамъ Апостольскимъ, и думалъ: не такова ли была и Церковь первенствующихъ Христіанъ?....

«Случалось мнѣ бывать свидѣтелемъ и не столь величавыхъ, но не менѣ трогательныхъ явленій, когда отецъ семейства, вечеромъ на праздничный день, зажигаетъ передъ образомъ восковую свѣчу и говоритъ: «Дѣти! пора Богу молиться», — и вотъ все семейство стекается въ одинъ кружокъ, и отецъ беретъ чѣтки, и всѣ тому послѣдуютъ, и начинается тихая, но, можетъ быть, самая пламенная молитва, которая достигаетъ до престола Вседержителя. — О чемъ эта молитва? — знаетъ одинъ Сердцевѣдецъ. — Но сколько мнѣ случалось слышать тихій, молитвенный шопотъ, онъ состоялъ въ томъ: «Господи, отпусти наши согрѣшенія.» — Я думалъ: добрые люди, да есть ли у васъ согрѣшенія-то? — Потомъ отецъ, какъ бы намѣренно, скажетъ свою молитву погромче обыкновеннаго: «уроди, Господи, хлѣба и соли; создай, Господи, тихую и теплую росу;» — а какъ всегда при большихъ семействахъ находится одинъ или два человѣка въ солдатахъ, то отецъ молится также: «спаси Господи Христіолюбивое воинство и батюшку Царя православнаго.» — И какъ эдакой молитвѣ не достигнуть небесъ?»

На этихъ-то бесѣдахъ слѣпецъ, лишенный возможности читать, слушалъ кромѣ чтенія Св. Писанія, Творенія Святыхъ Отцевъ, Иоанна Златоустаго, Василия Великаго, Четии — Миней Святителя Димитрія Ростовскаго, — и отсюда понятно, какъ разумъ его прежде всего могъ укрѣпиться въ истинахъ духовнаго міра. Не могу удержаться, чтобы не передать здѣсь имена тѣхъ почтенныхъ Грязовецкихъ чтцовъ Слова Божія, которыя мнѣ сообщены были благодарнымъ слѣпцомъ: деревни Креста казенный крестьянинъ Александръ Горячевъ; деревни Баранцева казенный крестьянинъ Павелъ Васильевъ; въ Грязовцѣ мѣщане Александръ Зюнзинъ, Александръ Морозовъ, Василий Гудковъ; кушцы Василий Посадскій, Иванъ и Иванъ Комаровы, отецъ съ сыномъ. Любовь къ чтенію не оканчивается однимъ лицомъ, но простирается на все семейство, — и переходитъ отъ одного поколѣнія къ другому, какъ это видно на семействѣ Комаровыхъ.

Какъ жаль, что недостатокъ духовныхъ книгъ препятствуетъ иногда удовлетворенію такой высокой потребности! Какъ бы полезно было, если бы при волостныхъ управленіяхъ заведены были такія библіотеки, изъ которыхъ грамотные крестьяне могли бы, для своихъ благочестивыхъ упражненій, брать Четии-Миней, Розыскъ, Алфавитъ Духовный, и всѣ напечатанныя у насъ Творенія Святыхъ Отцевъ. Эти книги могли бы быть собраны при каждой волости, въ числѣ нѣсколькихъ экземпляровъ. А богатые помѣщики могли бы также озаботиться собраніемъ такихъ полезныхъ библіотекъ для своихъ крестьянъ. Много, много добра можно сѣять на той прекрасной почвѣ, которая готова въ сердцахъ и умахъ нашего добраго народа, просвѣщеннаго если не ученымъ разумомъ, то еще высшимъ разумомъ Вѣры.

Скученъ, грязенъ, плохъ показался мнѣ Грязовецъ снаружи. Но когда я познакомился съ замѣчательнымъ питомцемъ этого города, когда этотъ питомецъ раскрылъ мнѣ лучшую сторону внутренней жизни его, — тогда, признаюсь, я сталъ вспоминать объ этомъ городкѣ съ чувствомъ уваженія.

День склонялся къ вечеру, когда я оставилъ Грязовецъ. Извозчикъ, который повезъ насъ до слѣдующей станціи, былъ, какъ сказали мнѣ, отличный пѣсенникъ. Но онъ не хотѣлъ пѣть пѣсенъ ради завтрашняго воскресенья и всендщной. Добрый парень послужилъ мнѣ однимъ словомъ, которое сказалъ онъ о подстрѣленномъ рыболовѣ. «Видно баринъ-то угодилъ ему въ *папорзокъ*.» Папорзокъ тоже что папоротокъ: косточки въ птичьихъ крыльяхъ, находящіяся между плечикомъ и кистью, какъ объяснено въ Академическомъ Словарѣ. Это слово изъ устъ народа отозвалось мнѣ тотчасъ выраженіемъ въ Словѣ о полку Игоревѣ: «суть бо у ваю желѣзныи *папорзи* подъ шеломи Латинскими.» Д. Н. Дубенскій такъ и объясняетъ его посредствомъ *папортокъ* (*). Но только ему неизвѣстна была народная форма слова, которая еще ближе къ объясненію. Подъ именемъ желѣзныхъ *папорзовъ* должно разумѣть желѣзные наплечники и даже латы. Но *папорзами* они названы сравнительно съ птицами, ибо передъ тѣмъ говорено о соколѣ. Устный языкъ народа нерѣдко помогаетъ намъ при объясненіи словъ въ древнихъ памятникахъ.

(*) Но прежде его, И. М. Снегиревъ объяснилъ это слово изъ употребительнаго у народа *подпапорки*, части тѣла, лежащая по бокамъ пупка между нижними ребрами и подвздошною костью.

ВОЛОГДА.

Гостинница Лондонъ. — Слова Блазіуса. — Наружность Вологды. — Древнее значеніе города. — Соборъ. — Мысль о его возобновленіи. — Директоръ Гимназіи: А. В. Башинскій и Инспекторъ: Ф. Н. Фортунатовъ. — Бесѣда съ ними. — Дѣйствіе журналовъ. — Дѣйствіе гимназій. — Разсужденіе Ф. Н. Фортунатова о воспитаніи. — Батюшковъ. — Селенія Вологодской губерніи. — Семисотлѣтіе Вологды. — Статистическія таблицы города за 1836 годъ. — Пространство Вологодской губерніи. — Монастырь Спасо-Прилуцкій. — Убѣжище церковныхъ сокровищъ Москвы въ 1812 году. — Надписи въ память о томъ. — Архіепископъ Ириней. — Дрежности ризницы. — Бесѣды съ Преосвященнымъ. — Три мысли, намеченныя изъ бесѣды его. — Всеградская церковь Спаса обыденнаго. — Церковь Усыпковенія Іоанна Предтечи. — Законоучитель Гимназіи П. В. Васильевскій. — Память Преосвященнаго Инокентія. — Церковь Св. Феодора Стратилата. — Память объ Іоаннѣ Грозномъ и Петрѣ Великомъ. — Остатки дома 1704 года. — Часовня на мѣстѣ стоявшихъ мощей Митрополита Филиппа. — Церковь Свв. Елены и Константина. — Икона Св. Феодора Стратилата. — Церковь Архангела Гавріила. — Преданіе о бѣлоризцахъ. — Древнѣйшій храмъ Вологды во имя Св. Троицы и Св. Герасима. — Мощи Угодника. — Домъ хущовъ Цытышевыхъ. — Три духовныя ограды Вологды.

Утромъ на разсвѣтѣ, пріѣхали мы въ Вологду, гдѣ гостинница Лондонъ, уже успѣвшая съ тѣхъ поръ стоять, мирно приняла насъ въ свои стѣны. Скоро яркое солнце, свѣтившее во всѣ окна, не завѣшанныя ничѣмъ, и воскресный звонъ нѣкоторой части изъ 400 колоколовъ древняго города, считающаго до 50-ти церквей, разбудили усталыхъ путниковъ. Хотя гардинъ и не было на окнахъ гостинницы, но я не знаю, за что такъ немилосердо опочинилъ ее Блазіусъ въ своемъ Путешествіи. «Обритые, многочисленные, синеблѣдно-лицыя половые» показались ему «грязны и отвратительны»; комнаты «нечисты, пусты, зловонны»; «услуженіе медленно»; кушанье «сносно развѣ для голоднаго.» Все это можетъ быть справедливо только въ воображеніи такого иностранца, который ѣздитъ по Россіи съ тай-

нымъ чувствомъ ненависти ко всему, что ни видишь, и не столько приносить пользы себѣ и другимъ, сколько раздражаетъ бѣдную желчь свою. Я имѣлъ случай повѣрять книгу Блазуса на мѣстахъ, — и нѣсколько разъ обнаруживалась для меня очевидная невѣрность его показаній, — а онъ еще казался добросовѣстнѣе другихъ путешественниковъ и былъ окруженъ такими людьми, которые могли предложить ему просвѣщенное руководство для познанія нашего отечества.

Наружность Вологды поразила меня своею древностью. Но въ этой древности было и что-то мрачное. Особенно стѣны и башни ея съ черными куполами бросились мнѣ въ глаза прежде всего. Вологда издревле была городомъ торговымъ, который позднѣе связывалъ Москву съ Архангельскомъ. Англійскія посольства всегда проѣзжали черезъ нее. Она стояла на богомольномъ пути древнихъ Царей нашихъ въ Кирилловъ монастырь. Вологда была изстари и мѣстомъ изгнанія.

Садъ, раскинутый на площади передъ гостинницей, представлялъ что-то недоконченное. Эстетическая мысль какого нибудь заботливаго градоначальника какъ будто не достигла полного своего развитія и осталась заброшенной. Первымъ движеніемъ моимъ было идти въ Соборъ. Хотя Вологду жители ея и считаютъ пятымъ городомъ въ Россіи по числу Божіихъ храмовъ, но соборъ ея отличается ветхостью и сыростью. Строенъ онъ первоначально при Иоаннѣ Грозномъ, но, вѣроятно, былъ передѣльваемъ послѣ. Живопись кромѣ алтаря, говорятъ, относится къ 1688 году, но она весьма пострадала. Характеромъ своимъ, впрочемъ, она не такъ примѣчательна. Дѣятельный и неутомимый въ служеніи Вологодскій Архипастырь, Преосвященный Евлампій, возымѣлъ мысль обновить этотъ храмъ, — и должно думать, что воззваніе его къ гражданамъ Вологды встрѣтить въ сердцахъ ихъ сильный отголосокъ. Между иконами замѣчательна икона Пресвятыя Троицы съ Зырянскою надписью: она стоитъ въ соборѣ у стѣны, съ праваго боку. Надпись не разобрана. Но Зырянскимъ языкомъ

мы не занимаемся. Въ Германіи выходятъ Зырянскія грамматики, но не у насъ, гдѣ самый языкъ существуетъ. Познакомить съ языками племень, въ Россіи обитающихъ, будетъ, конечно, дѣломъ Географическаго Общества.

Не далеко отъ собора течетъ рѣка Вологда, вѣроятно, давшая названіе и городу, а лѣвѣе отъ собора прилегаеть къ ней публичный садъ. Изъ собора поспѣшилъ я въ Гимназію. Никогда не забуду радушнаго гостепріимства Директора А. В. Башинскаго и Инспектора Ф. Н. Фортунатова. Съ послѣднимъ я былъ уже знакомъ лично, и кромѣ того по статьямъ его, напечатаннымъ въ Москвитянинѣ. Пріятно было встрѣтиться мыслями съ почтенными учеными Вологды и найти здѣсь полное сочувствіе къ тому направленію, которому я постоянно слѣдовалъ въ наукѣ и литературѣ. Здѣсь, по этимъ устнымъ сближеніямъ съ людьми, трудящимися на одномъ съ нами поприщѣ, можно видѣть важность того дѣйствія, которое производятъ журналы на развивающіяся поколѣнія. Мысли, выражаемыя съ каедръ, остаются въ стѣнахъ университетовъ и приносятъ плодъ, развѣ черезъ многіе годы. Мысли же, распространяемыя посредствомъ журналовъ, дѣйствуютъ немедленно и приносятъ плоды самыя быстрые, хотя и непрочныя. Соединеніе ученой дѣятельности съ литературною необходимо для каждаго изъ насъ. Я всегда такъ думалъ, и еще болѣе убѣдился въ справедливости моего мнѣнія послѣ бесѣды съ тѣми достойными людьми, которые, болѣе чѣмъ мы, имѣютъ возможность наблюдать эти дѣйствія на опытѣ.

Вліяніе гимназій на просвѣщеніе нашихъ губернскихъ городовъ есть одинъ изъ пріятныхъ результатовъ того движенія, которое дано было просвѣщенію въ наше время. Кромѣ воспитанія и ученія, гимназій наши много содѣйствуютъ распространенію свѣдѣній историческихъ и статистическихъ о тѣхъ городахъ, гдѣ онѣ устроены. Если этого и не лзя сказать обо всѣхъ гимназіяхъ безъ исключенія, то оно совершенно справедливо въ отношеніи къ Вологдѣ.

Пріятно было мнѣ встрѣтить въ двухъ начальникахъ гимназій такую единодушную волю, такое согласіе въ мысляхъ, которыми крѣпится дѣло ученія и польза юношества. Инспекторъ *Θ. Н. Фортунатовъ* напечаталъ нѣсколько статей своихъ о воспитаніи, составляющемъ постоянную тему его рѣчей на актахъ гимназій. Особенно замѣчательны два его разсужденія: 1) Каковъ долженъ быть наставникъ. 2) Источники успѣховъ нравственнаго воспитанія въ общественныхъ заведеніяхъ. Первое изъ этихъ разсужденій все проникнуто глубокимъ, искреннимъ сознаниемъ того высокаго назначенія, которое имѣетъ наставникъ. Оно выражено Евангельскими словами въ заключеніи: *«Тако да прослѣтитя свѣтъ вашъ предъ чловѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, мже на небесѣхъ,»* сказалъ Спаситель ученикамъ, отпуская ихъ на проповѣдь, а въ лицѣ ихъ сказалъ и намъ всѣмъ, наставникамъ и воспитателямъ.» Чтобы быть достойнымъ учителемъ, надобно быть, по мнѣнію Христіанскаго педагога, самому ученикомъ Спасителя, единственнаго учителя и наставника. Многолѣтній опытъ внушилъ автору Разсужденія много полезныхъ совѣтовъ, напримѣръ слѣдующій: «Разгоряченный наставникъ превращаетъ для себя и для дѣтей часы ученія въ часы мученія и скуки; безъ всякой пользы онъ разстрониваетъ себя, и часто не только не исправляетъ, но еще болѣе ожесточаетъ дѣтей.» — Опасаться должно въ ученіи сухости механизма; безъ него обойтись нельзя; но одинъ механизмъ превращаетъ ученіе въ форму. И противъ этого даетъ прекрасное средство опытный руководитель. *«При любви къ своему долгу,»* говоритъ онъ, *нѣтъ механизма.»* Это суцая правда. Только любовь можетъ оживить ученіе: безъ нея—оно сухой и скучный механизмъ, который можетъ надоесть и надоедаетъ большей части учениковъ. Не слишкомъ знающій учитель, но съ чувствомъ любви, долженъ быть всегда предпочтенъ самому знающему, но безъ нея. Когда познакомишься лично съ тѣмъ, кто предлагаетъ эти совѣты, то убѣдишься, что въ этихъ сло-

вахъ не одна отвѣченная теорія, а голосъ жизни и лучшихъ убѣждений душевныхъ, потому что о томъ, кто писалъ ихъ, можно сказать его же словами: «душа проглядываетъ во всемія.» — Въ другомъ Разсужденіи своемъ: *объ источникахъ успѣховъ нравственнаго воспитанія*, я весьма сочувствую педагогу въ тѣхъ мысляхъ, которыя относятся къ соединенію семейнаго воспитанія съ общественнымъ или государственнымъ. Все то, что говоритъ онъ, обращаясь къ родителямъ, превосходно. Но глубоко задумаешься надъ совершенною правдою этихъ словъ, которыя поставлены почти въ заключеніи: «Много есть такого, чего слабый умъ разрѣшить не можетъ. Отъ чего у добрыхъ и попечительныхъ родителей бываютъ иногда дурныя дѣти? Отъ чего дѣти однихъ и тѣхъ же родителей, не одинаковы въ качествахъ своихъ? Дѣти порочныхъ родителей, по видимому, лишеныя добраго воспитанія, бываютъ нравственнѣе тѣхъ, за которыми неслабно слѣдятъ въ дѣтствѣ и юности?» «Да, это случается, и не признавъ высшей воли, никто не разрѣшитъ этой тайны. Туже самую мысль, но не такъ искусно выраженную, мнѣ случилось однажды слышать изъ устъ Русскаго крестьянина, который говорилъ со мною о воспитаніи дѣтей.

Ө. Н. Фортуатовъ своими дѣльными статьями много оживлялъ и Вологодскія Губернскія Вѣдомости, потому что исторія города и его памятниковъ, равно и статистика, ему хорошо извѣстны. Гораздо любопытнѣе и полезнѣе тѣ Губернскія Вѣдомости, которыя знакомятъ съ жизнью, какъ прошедшею, такъ и настоящею, самаго края. Бываютъ въ иныхъ мѣстахъ и такія, въ которыхъ говорятъ о ловлѣ тигровъ и китовъ: ужь въ такомъ случаѣ ловля волковъ, или даже зайцевъ, была бы гораздо привлекательнѣе и полезнѣе.

Подъ руководствомъ представителей отечественнаго просвѣщенія въ Вологдѣ, могъ я взглянуть на городъ и узнать то, что въ немъ особенно достопримѣнительнаго.

Прежде чѣмъ говорить о памятникахъ святыни Вологодской, разскажу объ одномъ грустномъ свиданіи, котораго желалъ я.

А. В. Башинскій повезъ мня къ начальнику Удѣльной Конторы, Г. А. Г-су, въ домъ котораго живетъ Константинъ Николаевичъ Батюшковъ, окруженный нѣжными заботами своихъ родныхъ. Болѣзненное состояніе его перешло въ болѣе спокойное и неопасное ни для кого. Небольшаго росту челоуѣкъ, сухой комплекціи, съ головкой почти совсѣмъ сѣдою, съ глазами ни на чемъ не остановленными, но непрерывно разбѣгающимися, съ странными движеніями особенно въ плечахъ, съ голосомъ раздраженнымъ и хрипливо-тонкимъ, предсталъ передо мною. Подвижное лицо его свидѣтельствовало о нервической его раздражительности. На видъ ему лѣтъ 50 или болѣе. Такъ какъ мнѣ сказали, что онъ любитъ Итальянскій языкъ и читаетъ иногда на немъ книги, то я началъ съ нимъ говорить по-Итальянски, но проба моя была неудачна. Онъ ни слова не отвѣчалъ мнѣ, разсердился и быстрыми шагами вышелъ изъ комнаты. Черезъ полчаса однако успокоился, — и мы вмѣстѣ съ нимъ обѣдали. Но, кажется, всѣ связи его съ прошедшимъ уже разорваны. Друзей своихъ онъ не признаетъ. За обѣдомъ, въ разговорѣ, онъ сослался на свои Опыты въ прозѣ, но въ такой мысли, которой тамъ вовсе нѣтъ. Говорятъ, что попытка читать передъ нимъ стихи изъ Умирающаго Тасса была также неудачна, какъ моя проба говорить съ нимъ по-Итальянски. Я упомянулъ, что въ Римѣ, на плаца Полп, Русскіе помнятъ домъ, въ которомъ онъ жилъ, и указываютъ на его окна. Казалось, это было для него не совсѣмъ непріятно. Также прочли ему когда-то статью объ немъ, напечатанную въ Энциклопедическомъ лексиконѣ: она доставила ему удовольствіе. Какъ будто любовь къ славѣ не совсѣмъ чужда еще чувствамъ поэта, при его умственномъ разстройствѣ!

Батюшковъ очень набоженъ. Въ день своихъ именинъ и рожденія онъ всегда проситъ отслужить молебенъ, но

никогда не дастъ попу за то денегъ, а подарить ему рѣзу или апельсинъ. Вкусъ его къ прекрасному сохранился въ любви къ цвѣтамъ. Нерѣдко смотритъ онъ на нихъ и улыбается. Любитъ дѣтей, играетъ съ ними, никогда ни въ чемъ не откажетъ ребенку, и дѣти его любятъ. Къ женщинамъ питаетъ особенное уваженіе; не стужетъ отказать женской просьбѣ. Полное вліяніе имѣетъ на него родственница его, Е. П-на Г. Для нея пѣтъ отказа ни въ чемъ. Нерѣдко гуляетъ. Охотно слушаетъ чтеніе и стихи. Дома любимое его занятіе — живопись. Онъ пишетъ ландшафты. Содержаніе ландшафта почти всегда одно и тоже. Это элегія или баллада въ краскахъ: конь, привязанный къ колодцу, луна, дерево, болѣе ель, иногда могильный крестъ, иногда церковь. Ландшафты писаны очень грубо и нескладно. Ихъ даритъ Батюшковъ тѣмъ, кого особенно любитъ, всего болѣе дѣтямъ. Дурная погода раздражаетъ его. Бываютъ иногда капризы и внезапныя желанія. Въ числѣ несвязныхъ мыслей, которыя выражалъ Батюшковъ въ разговорѣ съ Директоромъ гимназіи, была одна, достойная человѣка вполне разумнаго, что свобода наша должна быть основана на Евангельскомъ законѣ.

Царская милость льется и на эту развалину поэта, который въ свое время принесть славу Отечеству. Пожизненная пенсія отъ Государя обезпечиваетъ жизнь его.

Въ чертахъ лица можно найти еще хотя слабые остатки сходства съ тѣмъ портретомъ, который находится при его сочиненіяхъ. Приложенный рисунокъ дастъ вѣрное понятіе о его ростѣ и положеніи. Снять лицо было невозможно. Даже и за это, замѣтивъ приемы рисовальщика издали, поэтъ наградилъ его нѣсколькими дикими взглядами! Такой портретъ имѣетъ впрочемъ, хотя грустное, но вѣрное значеніе. Здѣсь уступаю перо тому, чей карандашъ уловилъ прилагаемыя черты. Оживленный рассказъ его о встрѣчѣ съ Батюшковымъ дополнить то, чего нельзя было передать въ рисунокѣ.

Встрѣча съ Батюшковымъ.

«8 Июля, поутру, я прѣхалъ къ Г. А. Г-су. Было около девяти часовъ. Въ домѣ еще не начинали двигаться и никто не встрѣтилъ меня, ни на крыльцѣ, ни въ передней. Я вошелъ тихо. Дверь, ведущая въ залу, была немного отворена и когда я взглянулъ туда: мнѣ мелькнула какая-то бѣлая фигура, ходившая изъ угла въ уголъ по комнатѣ. Я вглядѣлся: это былъ старичокъ, небольшого росту, въ бѣломъ полотняномъ сюртукѣ; на головѣ у него была бархатная темномалиновая ермолка; въ рукахъ бѣлый платокъ и серебряная табакерка; на ногахъ черные спальные сапоги. Я старался, какъ можно скорѣе, рассмотреть съ ногъ до головы этого старичка: мнѣ почему-то казалось, что это Батюшковъ; и въ самомъ дѣлѣ это былъ онъ. Я глядѣлъ на него только одинъ мигъ. Онъ сейчасъ услышалъ шумъ въ передней, подошелъ къ двери, взглянулъ на меня, и быстро повернувшись ушелъ. Я вошелъ въ залу; тамъ не было никого. По срединѣ стоялъ круглый столъ. Въ простѣнкахъ между окнами, которыя глядѣли на улицу, было два зеркала. По стѣнѣ стояли стулья. Я сѣлъ на одинъ, дожидаясь, что кто-нибудь войдетъ. На право какъ-разъ противъ одного зеркала, была отворенная дверь, которая, какъ мнѣ казалось, вела въ корридоръ. Не много погодя, по этому корридору раздались шаги, и въ залу вошелъ тотъ же бѣленькой старичокъ. Не глядя на меня, онъ пошелъ прямо къ зеркалу; я увидѣлъ тамъ его лице и страшные глаза, дико сверкавшіе изъ-подъ густыхъ бровей, какъ будто-бы онъ сердился; онъ также увидѣлъ меня; два раза окинулъ меня глазами; потомъ взглянулъ опять въ зеркало, снялъ ермолку, взъерошилъ волосы, совершенно бѣлые и низко подстриженные, надѣлъ опять ермолку, быстро повернулся и скорыми шагами вышелъ, или, можно сказать, выбѣжалъ вонъ. Все это произошло въ два, въ три мгновенія. Нечего было болѣе сомнѣваться: это Батюшковъ. Вскорѣ опять послышались шаги; вошелъ самъ

хозяинъ. Послѣ обыкновеннаго привѣтствія, онъ — знай, зачѣмъ я прїѣхалъ, сказалъ мнѣ прямо: «вы его видѣли; олъ тутъ ходилъ, бѣленькой, сѣдой старичокъ!» Я не могъ не замѣтить этихъ простыхъ словъ, хотя они были сказаны безъ всякой особенной мысли. Лучше всякихъ описаній они рисовали мнѣ настоящаго Батюшкова: имени нѣтъ; просто — олъ, бѣленькой, сѣдой старичокъ и только!....» Теперь онъ вѣрно не выйдетъ до самаго чаю — продолжалъ хозяинъ — онъ не любитъ, если приходятъ его смотрѣть. Пожалуйста не говорите съ нимъ: у насъ вчера умеръ человекъ; это его растревожило и онъ безпрестанно повторяетъ: «не шумите, Михайла умеръ!» — И въ самомъ дѣлѣ, не много погода, я услышалъ, какъ онъ говорилъ кому-то въ другой комнатѣ: не шумите, Михайла умеръ!

Вскорѣ потомъ подали самоваръ. Пришла хозяйка съ дѣтьми и мы всѣ усѣлись за круглый столъ, стоявшій по срединѣ комнаты. Константину Николаевичу сказали — и онъ вошелъ очень тихо, но все еще взглядывалъ на меня. Онъ прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ и, казалось, немного успокоился, какъ будто рѣшилъ, что я пришелъ не за тѣмъ, чтобъ его смотрѣть, а въ гости къ хозяину, пить чай. Только лицо его все еще было сердито. Наконецъ мы стали пить чай. Ему налили первому, и поставили чашку на круглый серебряный подносикъ. Онъ сѣлъ подлѣ меня, по лѣвую руку, и началъ пить, наливая на блюдечко и придерживая его пятью пальцами. Тутъ я старался рассмотреть, какъ можно лучше, черты его лица. Оно тогда было совершенно спокойно. Темносѣрые глаза его, быстрые и выразительные, смотрѣли тихо и кротко. Густыя, черныя съ просѣдью брови не опускались и не сдвигались. Лобъ раугладился отъ морщинъ. Въ это время онъ нѣсколько не походилъ на сумасшедшаго. Какъ ни взглядывался я: никакого слѣда безумія не находилъ на его смирномъ, благородномъ лицѣ. Напротивъ, оно было въ ту минуту очень умно. Скажу здѣсь и обо всей его головѣ: она не такъ велика; лобъ у него открытый, большой; носъ маленькой съ горбомъ; губы тонкія и сухія; все лицо худощаво, нѣ-

сколько морщиновато; особенно замѣчательно свою необыкновенною подвижностію; это совершенная молнія; переходы отъ спокойствія къ безпокойству, отъ улыбки къ суровому выраженію — чрезвычайно быстры. И весь вообще онъ очень живъ и даже вертлявъ. Все, что ни дѣлаетъ, дѣлаетъ скоро. Ходитъ также скоро и широкими шагами. Глядя на него, я вспомнилъ извѣстный его портретъ; но онъ теперь почти не похожъ, и тотъ полный лицомъ, кудрявый юноша ничуть не напоминаетъ гладенькаго, худенькаго старичка....

«Во время чаю, хозяинъ спросилъ у него: «Что это, Константинъ Николаевичъ, у насъ такая дурная погода? Не знаете-ли вы? Вотъ вамъ и гулять нельзя!»—Онъ отвѣчалъ только: «да!» и сталъ пить чай. Когда онъ допилъ чашку, его спросили, — не хочетъ ли онъ еще? Но онъ сказалъ отрывисто: нѣтъ! кофею!—Потомъ всталъ и ушелъ въ переднюю. Говорятъ, это его любимое мѣсто. Иногда онъ сидитъ тамъ по цѣлому часу. Не много погода, онъ вышелъ изъ передней и сталъ ходить по комнатѣ. Часто подходилъ къ окну, останавливался передъ нимъ, заложивъ руки назадъ, или скрестивши ихъ на груди, и смотрѣлъ на улицу. Потомъ опять начиналъ ходить. Онъ уже совершенно забылъ про меня. Лице его было спокойно, только брови иногда немного насупливались. Никто изъ домашнихъ не обращалъ на него никакого вниманія. Дѣти бѣгали по комнатѣ, и это его не безпокоило. Одинъ ребенокъ вдругъ подбѣжалъ къ нему и сталъ его затрогивать; онъ нагнулся, ласково потрепалъ дитя по щекѣ, взялъ за подбородокъ и улыбнулся; трудно сказать, какъ много было пріятности въ этой улыбкѣ... можетъ быть, потому, что не ждешь ея на этомъ постоянно суровомъ и, если не сердитомъ, такъ задумчивомъ лицѣ... Потомъ онъ опять подошелъ къ окну и сталъ глядѣть на улицу, но вдругъ засуетился, схватилъ откуда-то карандашъ и клочекъ бумаги и быстро—черкнулъ на немъ что-то; мнѣ показалось, кругъ, но это была уточка, нарисованная съ одного, или двухъ почерковъ. Здѣсь кстати упомянуть, что онъ часто

рисуеть картинки и больше красками, и то, что нарисуеть, отдаеть дѣтямъ. На картинкахъ его всегда одно и тоже изображение: бѣлая лошадь пьетъ воду; съ одной стороны деревья, раскрашенныя разными красками—желтой, зеленой и красной; тутъ же досталось иногда и лошади на долю; съ другой стороны замокъ; вдали море съ кораблями, темное небо и блѣдная луна.

Послѣ того онъ опять сталъ ходить по комнатѣ; вдругъ остановился и спросилъ: что же кофею? — Ему отвѣчали: сейчас! — и скоро потомъ налили и поставили чашку на прежнее мѣсто. Онъ сѣлъ опять подлѣ меня; началъ пить, но замѣтивъ, что и мнѣ налита чашка, подаль мнѣ ее и подвинулъ сливки. Въ это время вошелъ какой-то господинъ и направилъ шаги свои въ кабинетъ къ хозяину. Батюшковъ взглянулъ на него быстро и закричалъ вслѣдъ: Алексѣй Ивановичъ, принесите мнѣ бумажки потолще! И когда тотъ, немного погодя, проходилъ опять черезъ залу, Батюшковъ повторилъ снова: принесите-же бумажки потолще! — И, допивъ кофею, всталъ и началъ опять ходить по залѣ; опять останавливался у окна и смотрѣлъ на улицу; иногда поднималъ плечи вверхъ, что-то шепталъ и говорилъ; его неопредѣленный, странный шопоть былъ нѣсколько похожъ на скорую, отрывистую молитву, и можетъ быть онъ въ самомъ дѣлѣ молился, потому что иногда закидывалъ назадъ голову, и, какъ мнѣ казалось, смотрѣлъ на небо; даже мнѣ однажды послышалось, что онъ сказалъ шопотомъ: Господи!... Въ одну изъ такихъ минутъ, когда онъ стоялъ такимъ образомъ у окна, мнѣ пришло въ голову срисовать его сзади. Я подумалъ: это будетъ Батюшковъ безъ лица, обращенный къ намъ спиной, и я, вынувъ карандашъ и бумагу, принялся какъ можно скорѣе чертить его фигуру; но онъ скоро замѣтилъ это и началъ меня ловить, кидая изъ-за плеча безпокойные и сердитые взгляды. Безуміе опять заиграло въ его глазахъ, и я долженъ былъ бросить работу... Къ счастію, вскорѣ принесли бумагу, о которой онъ просилъ, и это его успокоило, онъ мгновенно измѣнился; весело схватилъ поданный ему листъ

бумаги, перервалъ пополамъ и половину сталъ отдавать старшему сыну хозяина, говоря: «не хочешь-ли, я тебѣ дамъ!»— И хотъ тотъ отказывался, онъ таки настоялъ на своемъ и заставилъ его взять бумагу, сказавши отрывисто: «на, возьми, возьми! у меня есть! Миѣ довольно!» Остальные поллиста разорвалъ на четвертушки, и потомъ на восьмушки, и ушелъ съ ними изъ залы, и больше не возвращался.

«Я пошелъ домой, и дордогой, долго послѣ, все думалъ о Батюшковѣ. Меня поразило это грустное явленіе. Это былъ первый съумасшедшій, котораго я видѣлъ... и какой человѣкъ! и какой урокъ человѣку!.. Миѣ часто приходитъ на память это славное лицо, эти глаза, въ которыхъ иногда какъ нарочно сверкаетъ что-то, напоминающее умъ, навѣки улетѣвшій изъ даровитой головы... Я живо вижу эту бѣлую фигуру у окна, съ руками, сложенными крестъ-на-крестъ, съ лицомъ, обращеннымъ къ небу; кажется, я слышу, какъ онъ шепчетъ что-то, какъ бы молитву, и миѣ все хочется спросить: если ты молишься, о чемъ ты молишься, старикъ?....»

Н. Б.

Разговоры съ Г. А. Г. о состояніи удѣльныхъ имѣній Вологодской Губерніи были для меня любопытны, хотя и не по моей части. Селенія находятся на огромномъ разстояніи другъ отъ друга и состоятъ, нерѣдко, только изъ одного, двухъ, или трехъ дворовъ. Сообщенія между ними, по причинѣ разстояній, ужасно трудны. Вся эта мѣстность влечетъ за собою нѣкоторыя неизбѣжныя особенности въ управленіи. Не лзя было довольно налюбоваться порядкомъ устройства самой Конторы, гдѣ всякая нужная бумага можетъ быть найдена въ нѣсколько секундъ и гдѣ каждый подвѣдомый ей крестьянинъ извѣстенъ ей совершенно со всѣмъ своимъ бытомъ. При Конторѣ находится богатая аптека, съ разными лѣкарственными пособіями для крестьянъ.

Вологда, въ 1847 году, вмѣстѣ съ Москвою въ одинъ годъ, праздновала свое семисотлѣтіе, потому что въ 1147

году 19-го Августа, Преподобный Герасимъ прибылъ въ нее съ горъ Кіевскихъ. Такъ говорится въ житіи Угодника, и по этому случаю въ первый разъ упоминается ея имя. Вологодская Гимназія не забыла этого событія. Ученикъ VII класса Зарляндъ, уроженецъ Гамбурга, лютеранинъ по вѣрѣ, читалъ на торжественномъ актѣ сочиненіе: *Семисотлѣтіе Вологды*. Почтенные наставники Гимназіи умѣютъ питать чувства уваженія къ мѣстнымъ историческимъ преданіямъ. Исторія Вологды и всего окружающаго ее края составляетъ постоянный предметъ изученія для питомцевъ Вологодскихъ. Темы для сочиненій на акты почерпаются отсюда. Кто полюбитъ исторію Вологды и будетъ уважать свой родной городъ, тотъ полюбитъ непремѣнно и исторію Россіи и будетъ благоговѣть передъ своимъ отечествомъ. Литературными бесѣдами развиваются дарованія учениковъ, и этимъ бесѣдамъ наставники стремятся дать отечественное направленіе.

Любопытны многія статистическія подробности города, собранныя О. Н. Фортунатовымъ за 1836 годъ. Всѣхъ жителей въ городѣ обоюго пола было тогда 16,278. Изъ нихъ духовнаго сословія 1,183, дворянъ 522, благородныхъ 1,024, купцовъ 490, мѣщанъ 6,121, дворовыхъ людей 2,359, крестьянъ 1,335. Учащихся 1,337 и всего болѣе въ Семинаріи, имѣвшей 414 учениковъ. Церквей 50, при нихъ придѣловъ 98, колоколовъ 400. Домовъ 1,310, изъ которыхъ каменныхъ только 64. Банъ публичныхъ 1, а частныхъ 950, по одной банѣ на 17 человекъ жителей. Есть и литографія одна, гостинницъ 8, лавочекъ распивочныхъ 20, винныхъ ренскихъ погребовъ 14, лавокъ съ товарами въ рядахъ 273 — и въ томъ числѣ ни одной книжной лавки. Но съ тѣхъ поръ, кажется, заведена одна, вѣроятно, стараніями ученыхъ Вологодской Гимназіи, но и то весьма медленно удовлетворяющая ихъ любознательности, алчной до современнаго чтенія. Не лзя не пожалѣть, что такого рода статистическія таблицы не ведутся постоянно. Въ нихъ была бы живая исторія развитія всякой общественной жизни въ городѣ.

Весьма сожалѣю, что я не имѣлъ счастья представиться Вологодскому Епископу Евлампію. Его Преосвященство въ то время объѣзжалъ свою огромную Епархію, которая, послѣ Архангельской, есть самая обширная во всей Европейской Россіи. Земли ея не измѣнены. Говорятъ, что онѣ заключаютъ 7,187 кв. миль, но это приблизительно. Самое большее протяженіе Вологодской губерніи въ длину составляетъ лѣтнимъ путемъ 2,000 верстѣ. Окружность же всей губерніи полагаютъ въ 5,000 верстѣ. Блазіусъ въ своемъ Путешествіи рассказываетъ о замѣчательномъ спорѣ, который происходилъ въ его присутствіи: одинъ говорилъ, что казеннаго лѣсу въ Вологодской губерніи 30 милліоновъ десятинъ, а другой, что только 12 милліоновъ. Блазіусъ замѣчаетъ, что первое число въ 50 разъ превосходитъ лѣса, находящіеся въ цѣлой Франціи.

Обозрѣніе достопамятностей Вологодскихъ я могъ совершить подѣ просвѣщеннымъ руководствомъ знатока ихъ, О. Н. Фортунатова. Мы начали обозрѣніе съ монастыря Спасо-Прилуцкаго, отстоящаго отъ Вологды въ 5 верстахъ. Кромѣ святыни и древности, меня привлекало въ эту обитель пребываніе въ ней Преосвященнаго Архіепископа Иринея, о назидательныхъ бесѣдахъ котораго я столько слышалъ.

Начало обители относится къ концу XIV вѣка. Св. Димитрій Прилуцкій, основатель ея, былъ современникомъ Димитрію Донскому. Икона Преподобнаго сопровождала Іоанна IV на походѣ его въ Казань. Въ 1811 году загорѣлась та церковь, гдѣ находится эта икона. Весь иконостасъ пылалъ. Монастырскій служитель бросился въ середину пламени и чудеснымъ усердіемъ своимъ спасъ ее отъ пожара. На другой годъ, 1812-й, въ томъ же Сентябрѣ мѣсяцѣ, когда случилось это несчастіе, та же церковь, бывшая сама еще свѣжимъ пепелищемъ послѣ пожара, приняла въ свои священныя стѣны драгоценности церковныя Москвы, вывезенныя изъ Патриаршей ризницы, изъ соборовъ,

Сергіевой Лавры и монастырей. Въ ночь на 1-е Сентября (*), до того какъ Французамъ вступить въ Москву, выѣхалъ обозъ съ этими сокровищами, обозъ, неохраненный никѣмъ, кромѣ немногихъ инвалидовъ, да нѣсколькихъ иноковъ. Видно, не дремала надъ нимъ охрана Божія. Здѣсь, въ соборной церкви Спасо-Прилуцкаго монастыря, лежало все это церковное богатство Москвы въ теченіи трехъ мѣсяцевъ. Всякому Русскому, но особенно жителю Москвы, не лзя не ощутить сердечнаго благоговѣнія въ этомъ храмѣ, при мысли, что онъ хранилъ въ году тяжкую все движимое благолѣпіе нашихъ церквей. До сихъ поръ, надпись, сдѣланная надъ кровлею поверхъ Архіепископскихъ келлій Игуменомъ Павломъ, блюстителемъ этой святыни, свидѣтельствуеть намъ о томъ. На верху, подъ всевидящимъ окомъ, изображенъ 1812 годъ, а подъ нимъ двустипіе отъ лица монастыря:

Безбѣдно Богъ меня въ сей лютой годъ хранилъ,
Москвѣ разсѣянной прибѣжищемъ я былъ.

Есть еще другая внутренняя надпись, которую написалъ карандашемъ Игуменъ У. на стѣнѣ одной изъ келлій, занимаемыхъ Пресвященнымъ Иринеємъ. Она хранится свято. Карандашъ замѣненъ чернилами. Вотъ она:

Въ то время, въ грозную для Церкви ту году,
Какъ новый Юліанъ въ надменности своей,
Безбожною рукой коснулся олтареи,
(Разбойникъ, взявъ Царя подложную личину),
Въ то время, въ лютой часъ пылающей Москвы,
Какъ сорванъ Крестъ Христовъ съ Ивановской главы,
Какъ града жители отъ буйствъ врага страдали,
(Ихъ крыло рубище — тирана вѣчный стыдъ),
Въ то время въ сихъ стѣнахъ спокойно пребывали

(*) См. Очерки жизни Московскаго Архіепископа Августина, соч. П. М. Спегирева. Москва. 1848. стран. 29. «Ночью Августины отправилъ по Ярославской дорогѣ въ Вологду съ Архимандритомъ Симеономъ Крыловымъ ризницы — Патріаршую съ ея бібліотекой, соборныя, вѣкторыя монастырскія вмѣстѣ съ ризницею Троицкой Лавры.»

Игуменъ и Архимандритъ:

Одинъ монастыря Угрѣшскаго Николы,
 Другой Святителя, что въ Греціи глаголы
 Въ желѣзныя сердца златые изливалъ
 И Златоустымъ свѣтъ котораго назвалъ.

О, адскихъ замысловъ коварный исполнитель!
 Прерви змѣиный тонъ, Парижанинъ Лессетъ!
 Насъ гласомъ матернимъ Москва къ себѣ зоветь.

Прости, священная обитель!
 Какъ ты покоила, какъ ты хранила насъ,
 Такъ да покоить Богъ тебя на вслкой часъ.

1812.

Гостепріимный Архипастырь принималъ насъ два раза въ той самой келліи, гдѣ авторомъ написаны, а имъ сохранны эти стихи, — два раза, потому что одинъ разъ самому торопливому путнику не лзя удовольствоваться его мыслеобильною бесѣдою. Въ первый разъ застали мы его гулявшаго въ саду, гдѣ лелѣялъ онъ любимыя имъ бѣлыя розы и дубъ, разбитый молніей, который сохранилъ онъ отъ гибели подъ пескомъ и известью. Въ другой разъ онъ окруженъ былъ толпой недужныхъ крестьянъ, которые приходили къ нему изо всѣхъ околныхъ сель и деревень за цѣлебными травами и помощью.

Прежде всего, поклонились мы въ нижней церкви мощамъ Преподобнаго Димитрія и Углицкаго Князя Иоанна, въ монашествѣ Игнатія, сосланнаго сюда Грознымъ и здѣсь принявшаго схиму. Церковь древняя вся подновлена. Прекрасенъ новый придѣлъ, построенный уже Пресвященнымъ Иринеемъ, во имя Усѣкновенія главы Иоанна Предтечи. Архитектура и живопись приносятъ честь вкусу руководителя при строеніи и самимъ художникамъ. Живописецъ Катинъ, котораго труды въ Вологдѣ нерѣдко встрѣчаются, умѣлъ соединить съ академическимъ образованіемъ религіозное вдохновеніе. Многіе ученики идутъ по слѣдамъ его. Въ ризницѣ замѣчательнъ серебряный ковшъ Дяка Скворцова, жалованный ему за Крымскую посылку.

Никогда не забуду я малыхъ часовъ , проведенныхъ мною въ бесѣдѣ съ Преосвященнымъ. Лучшіе дары, какіе можетъ ученый принять отъ духовнаго наставника, состоятъ въ тѣхъ благодатныхъ мысляхъ, которыя въ семъ послѣднемъ являются плодомъ постоянного самоуглубленія и высшаго размышленія духовнаго. Не могу здѣсь не записать трехъ мыслей, которыя считаю я до сихъ поръ лучшимъ угощеніемъ, предложеннымъ мнѣ отъ гостепріимнаго Архипастыря.

Первая тронула меня за живое, потому что коснулась науки и ученаго вообще. До сихъ поръ, казалось мнѣ, въ Евангеліи не было оправданія нашему дѣлу и званію. Я не помнилъ такихъ словъ Іисуса Христа, которыя бы прямо сюда относились. Архипастырь навелъ мою мысль на 13-ую главу Евангелія отъ Матвея. Здѣсь Спаситель, изложивъ притчи о царствіи небесномъ, обратился къ предстоявшимъ и спросилъ ихъ: поняли ли вы все сіе? Они сказали: поняли, Господи. Тогда сказалъ онъ имъ: *«сею ради всякъ книжникъ научився царствію небесному, подобенъ есть чловѣку домовиту, иже износитъ отъ сокровища своего новая и ветхая.»* Здѣсь, какъ мы видимъ, не презрѣна нисколько наука, не поставлена низко; но ученый, научившійся царствію небесному, уподобленъ домовитому хозяину, который изъ сокровища своего выноситъ новое и старое. Какая полнота знанія дана такому книжнику! Ученіе о царствіи небесномъ не есть ли такое ученіе, которое всегда ново и которое всегда можетъ обновлять науку?

Другая мысль касается важнѣйшей части Божественной литургіи — времени пресуществленія Евхаристіи. Изъ Исторіи Церковной нашей Словесности мнѣ извѣстенъ былъ споръ объ этомъ предметѣ, происходившій у насъ при Патриархѣ Іоакимѣ между Римско - Католическою партіею и представителями Православія. Преосвященный объяснилъ мнѣ всю силу различія между нашимъ Православнымъ и Римскимъ ученіемъ.

Третія мысль касалась извѣстнаго мѣста въ Пророкѣ Исаіи, гдѣ говорится о семи дарахъ Святаго Духа:

«И изыдетъ жезлъ изъ корене Иессеова, и цвѣтъ отъ корене его взыдетъ: и почиетъ на немъ Духъ Божій, Духъ премудрости и разума, Духъ совѣта и крѣпости, Духъ вѣдѣнія и благочестія. Исполнить Его Духъ страха Божія.» *Исаи* гл. XI, 1 — 3. Въ этомъ исчисленіи дары Св. Духа у Пророка Исаи поставлены такъ, какъ они Св. Духомъ сообщаются. Дѣйствіе Духа Божія начинается съ премудрости, съ разума, переходитъ въ волю, въ совѣтъ и крѣпость, потомъ соединяетъ вѣдѣніе и благочестіе, и наконецъ вся эта лѣствица на вершинѣ своей замыкается тѣмъ трепетомъ, какъ высшимъ чувствомъ, которое ощущаетъ уже весь человѣкъ, приближаясь къ Богу. Сего трепета не чужды самые Ангелы, по словамъ покаяннаго канона Церкви. (Его же трепещутъ Херувими и Серафими) (*). Такъ къ принятію даровъ Св. Духа призываетъ вѣрующихъ и сама Церковь, возглашая въ навечеріи на Богоявленіе: «Гласъ Господень на водахъ вошлетъ глаголя: прійдите, пріймите вси Духа премудрости, Духа разума, Духа страха Божія, явшагося Хріста.»

Вотъ тѣ три духовные дара, которые я вынесъ изъ назидательныхъ бесѣдъ съ Преосвященнымъ Иринеємъ.

Обозрѣніе древнихъ памятниковъ самаго города Вологды мы начали съ *Ө. Н. Фортунатовымъ* со Всеградской церкви Спаса - Обыденнаго — и тѣмъ соблюли обычай всякаго истинно православнаго Вологжанина, который не начнетъ никакого дѣла, не испросивъ прежде благословенія Божія въ этой самой церкви. Вотъ по какому случаю она была построена и названа обыденною. Въ 1655 году, при Царѣ Алексіѣ Михайловичѣ, моровое повѣтріе, свирѣпствовавшее въ Россіи три года, было занесено и въ Вологду. Жители города рѣшились единодушно однимъ днемъ построить во имя Всемилостиваго Спаса деревянный храмъ, и начали рубить его въ ночи на 18-е Октября, и срубили за два

(*) Сюда же относятся и слова перваго запрещенія, возглашаемаго въ молитвахъ при крещеніи (Его же трепещутъ Ангелы, Архангелы, престолы, господства, начала, власти, силы, многоочитіи херувими и шестокрилатіи серафими).

часа до свѣта, а святить начали въ пятомъ часу дня такъ, что въ сутки могли совершить въ храмъ и всѣ тѣ божественныя службы, которыя въ теченіи сутокъ совершаются. Эти подробности замѣчательны. Стало быть обыденное построеніе храма не заключалось только въ томъ, чтобы сложить стѣны, но заключало въ себѣ и внутреннее построеніе храма, относящееся къ его освященію и богослуженію въ немъ. Моровое повѣтріе вскорѣ послѣ того прекратилось. Съ той поры церковь слыветь Всеградскою. Ежедневно прибѣгають къ ней богомольцы. Но въ воскресные и праздничные дни она всегда полна народомъ. Деревянная церковь давно замѣнена каменною, которой построеніе началось еще въ 1691 году. Но и съ тѣхъ поръ, конечно, не разъ она подновлялась. Нѣтъ уже ничего древняго, кромѣ чудотворной иконы Спаса и еще нѣкоторыхъ иконъ. Въ числѣ сихъ послѣднихъ я замѣтилъ образъ, который въ 1715 году писалъ Лаврентій Григорьевъ сынъ Туфановъ. Въ Вологдѣ и по всей Вологодской губерніи вы находите множество образовъ, писанныхъ художниками, которыхъ имена обозначены на образахъ, равно и такія иконы, которыя были внесены вкладомъ въ храмы отъ горожанъ, посадскихъ или другихъ людей, съ надписями, отъ кого именно, кѣмъ и когда писаны.

Въ церкви Усѣкновеція Іоанна Предтечи древность сохраняется просвѣщеннымъ Протоіереемъ и Законоучителемъ Гимназіи П. В. Васильевскимъ. Не могу не радоваться, когда между духовными встрѣчаю лица, благоговѣющія къ нашей святынѣ въ ея древнемъ образѣ. Церковь эта обильна древними иконами и замѣчательна алтарнымъ иконостасомъ. Плашаница писана Катинымъ, не безъ религіознаго вдохновенія: въ образѣ умершаго Іисуса Хріста видна благочестивая дума живописца. Эта церковь есть вмѣстѣ и приходская Гимназіи. Въ ней хранится икона, которою Преосвященный Иннокентій, нынѣ Архіепископъ Херсонскій, благословилъ училище. На ней изображены всѣ Вологодскіе Чудотворцы. До сихъ поръ память Преосвященнаго Иннокентія живо и свято хранится въ наставникахъ и ученикахъ Гимназіи. Видно, что слово духовнаго сѣятеля пало здѣсь не на

каменистую почву. Въ праздничные и воскресные дни, во время причастнаго стиха, постоянно читаются его проповѣди въ гимназической церкви. Этимъ чтеніемъ замѣняется теперь живое слово дѣятельнаго Архипастыря, который такъ неутомимо назидалъ свѣтское училище. Памятно особенно то прощальное его слово, которое онъ заключилъ желаніемъ, чтобы Слово Божіе, постоянно оживляя духъ училища, вело внимающихъ ему путемъ истины туда, гдѣ не будетъ болѣе ни учителей, ни учениковъ. Крестъ драгоценный съ мощами составляетъ древнѣйшую святыню сего храма. Не могу не замѣтить также образа Святителя Митрофана, который написалъ учениками Гимназіи.

Церковь Усѣкновенія главы Предтечи соединена съ памятью Іоанна Грознаго, который три раза былъ въ Вологдѣ. Она основана въ память дия его Ангела. Другая церковь во имя Св. Феодора Стратилата напоминаетъ также объ немъ. Онъ нерѣдко строилъ храмы сему Святому, который былъ Ангеломъ сына его, Феодора. Въ сей помянутой церкви уже мало древняго, и живопись поновлена.

Близъ этой церкви находится домъ, соединяющій въ себѣ устныя преданія о пребываніи на этомъ мѣстѣ Іоанна Грознаго и Петра Великаго. Домъ принадлежитъ какому-то мѣщанину. Не знаю, почему къ глубокимъ подваламъ нижняго этажа присоединяется въ преданіяхъ воспоминаніе о Грозномъ. При немъ же устроено вдоль теченія рѣки Вологды, близъ соборнаго храма, огромное подземное зданіе, которое назначено было, какъ думаютъ, для царскаго казнохранилища. Подозрительный Іоаннъ любилъ тайники и подземелья. Не мудрено, что народъ приписываетъ ихъ Іоанну. Нижній этажъ каменный, 1704-мъ годомъ и гербомъ, напоминаетъ Петра Великаго. Верхній деревянный этажъ надстроенъ вновь.

Память Грознаго въ Вологдѣ соединена еще съ однимъ изустнымъ преданіемъ, которое рассказываетъ особенно въ Грязовцѣ, не весьма благоволящемъ къ ея жителямъ. Когда Іоаннъ былъ въ Вологдѣ, тогда будто бы Вологжане привели ему въ даръ жеребенка съ серебряными подковами. Іоаннъ остался недоволенъ подаркомъ и сказалъ: это не

жеребенокъ, а теленокъ, и велѣлъ Вологжанамъ съѣсть его. Вологжане, когда ѣли, то все сомнѣвались: въ самомъ дѣлѣ не теленокъ ли?—Но когда доѣли до подковъ, тогда только узнали, что въ самомъ дѣлѣ то былъ жеребенокъ. Сатирической анекдотъ объясняетъ пословицу: «*Вологжане телятники, жеребенка съ подковами съѣли.*»—Такъ въ Грязовицѣ подшучиваютъ надъ Вологжанами, которые въ свою очередь мстятъ ему тоже пословицей: «*пьяница Грязовица: семь кабакозъ, одна церковь.*» Въ этихъ колкихъ шуткахъ какъ бы отзываются древнія распри нашихъ городовъ, еще напоминающія время удѣловъ.

Проѣзжая по мосту рѣку Вологду, издали видѣлъ я часовню, которая, какъ говорятъ, воздвигнута на томъ мѣстѣ, гдѣ останавливались св. мощи Филиппа Митрополита, коимъ сопутствовалъ будущій Патріархъ, тогда Митрополитъ Новгородскій Никонъ.

На другомъ краю города, довольно обширнаго и разбросаннаго, какъ всѣ наши древніе города, находится древняя церковь во имя Свв. Елены и Константина. Спутникъ мой и руководитель съ особенною любовью говорилъ объ этой церкви, съ которою соединены всѣ его дѣтскія воспоминанія, какъ съ приходскою церковью его дома. Взошедъ въ нее и разсмотрѣвъ ея иконы, я понялъ, какимъ образомъ могла она воспитать въ человѣкѣ образованномъ чувство любви и благоговѣнія къ древней нашей святыни. Сюда не проникъ духъ подновленія. Бѣдность храма и причета оградила неприкосновенностію ея завѣтныхъ иконы. Серебро и золото не закрыли ихъ святомѣстныхъ ликовъ. Здѣсь все вѣетъ духомъ нетронутой древности. Иконоста съ чрезвычайно примѣчательнъ. Кромѣ того, много другихъ иконовъ. Въ нижней церкви есть такія, которыя не на мѣстахъ своихъ. Иныя съ надписями. Вотъ для примѣра: «Изволеніемъ Отца и споспѣшеніемъ Сына и совершеніемъ Святаго Духа написанъ сей святой образъ по обѣщанію Вологодскихъ посацкихъ людей Кошневыхъ. Писалъ иконописецъ Иванъ Григорьевъ 1710 г.» Образъ представляетъ распятіе Іисуса Христа. Помню икону, на которой вмѣстѣ изображены Пр. Игнатій, Александръ Свирскій, Димитрій Прилудскій,

Сергій Радонежскій, и другіе Святые. Въ сей - то сокровищницѣ древняго иконописанія поразила меня превосходная икона Св. Θεодора Стратилата, которой изображеніе прилагаю. Оно близко и вѣрно сдѣлано. Величавый ликъ воина носить на себѣ слѣды древняго, но живаго искусства, и обнаруживаетъ кисть мастера, разумѣваго святое дѣло иконописанія. Это величіе соединено здѣсь съ необыкновенною легкостью и граціею.

Въ церкви Архангела Гавріила живопись поновляется. Недалеко отъ нея, на полѣ, виденъ голубецъ. Съ этимъ мѣстомъ соединено преданіе о бѣлоризцахъ. Вологду осаждали Поляки. Ночью явились два челоуѣка въ бѣлыхъ ризахъ, напали на враговъ, побили ихъ множество, а другихъ принудили къ отступленію. Стражи видѣли со стѣнъ подвигъ неизвѣстныхъ воиновъ и на другой день объявили о томъ жителямъ Вологды, которые, желая узнать своихъ избавителей, искали ихъ повсюду и нашли ихъ мертвыхъ, подъ сосною, недалеко отъ города. По бѣлымъ одеждамъ они названы бѣлоризцами и погребены на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ найдены убитыми. Преданіе объ нихъ до сихъ поръ живетъ въ устахъ народа. На этомъ же мѣстѣ устроены были Убогіе дома для погребенія несчастно умершихъ. Мѣста, прославленныя чудесами избавляющей силы Божіей, ознаменовывались у насъ всегда памятниками хрістіанскаго милосердія.

Наконецъ вотъ тотъ храмъ, котораго основаніе современно началу Вологды и отъ котораго ведетъ она свое семисотлѣтіе. Это церковь во имя Пресвятыя Троицы и Герасима Угодника Божія, мощи котораго здѣсь и почиваютъ. Она находится недалеко отъ рѣки Вологды. Сюда пришелъ Преподобный Герасимъ изъ Кіева, или съ Кіевскихъ горъ, какъ сказано въ житіи его, 19-го Августа 1147 года, на память Св. Андрея Стратилата. Здѣсь пашель онъ небольшое селеніе и малый торжокъ на Лѣнливой площадкѣ. Здѣсь была первая земля, которую приобрѣлъ онъ для церкви Божіей и для монастыря. Въ житіи разсказывается, что онъ имѣлъ споръ съ купцомъ Пятышевымъ о небольшомъ участкѣ земли. Домъ, стоящій напротивъ церкви,

дѣйствительно принадлежалъ купцамъ Пятышевымъ, изъ которыхъ послѣдній по мужескому колѣну умеръ въ 1843 году. Вотъ одно изъ многихъ доказательствъ тому, какъ сохраняются у насъ роды. Преданіе прибавляетъ, что Преподобный Герасимъ предсказалъ Пятышеву, что родъ его будетъ ни богатъ, ни бѣденъ. Предсказаніе въ самомъ дѣлѣ сбылось. Церковь убрана пышно благочестіемъ жителей, ревнующихъ къ славѣ почивающаго въ ней основателя Вологды. Надъ гробницей, подъ балдахиномъ, есть икона, изображающая Преп. Герасима и Андрея Стратилата, съ надписью о самомъ событіи и съ молитвою къ Угоднику Божію. Икона писана въ 1713 году, по обѣщанію Вологодскаго посадскаго человѣка Евтухія Ѳедорова; писали изуграфы Иванъ Никифоровъ да Михайло Васильевъ.

Церковь наша давала духовную основу и крѣпость городамъ. И теперь у Вологды три такихъ духовныхъ оградъ: съ сѣверозапада храмъ Пресв. Троицы, съ мощами Преп. Герасима, гдѣ былъ монастырь его; съ сѣвера обитель Спасо-Прилуцкая съ мощами Свв. Димитрія и Игнатія; съ юга монастырь Духовъ съ гробницами Свв. Іоасафа и Галактіона. Я не имѣлъ времени посѣтить сей послѣдній. Галактіонъ былъ сынъ Ивана Бѣльскаго; послѣ казни отца, семи лѣтъ укрытъ у родственниковъ въ Старицѣ; перемѣнивъ прозваніе, онъ пришелъ въ Вологду, учился сапожному мастерству, жилъ потомъ своимъ домою, овдовѣлъ, выпросилъ у гражданъ земли, построилъ келью и послѣ монастырь, а убитъ Литовцами, во время нападенія ихъ на Вологду.

Сожалѣю, что время не позволило мнѣ долѣе пробыть въ городѣ, освященномъ многими древними воспоминаніями. Послѣ двухъ-дневнаго пребыванія, я оставилъ Вологду, съ чувствами особенной благодарности къ почтеннымъ ея ученымъ, гостепріимство и бесѣды которыхъ будутъ для меня всегда памятны. Не могу забыть также радушнаго угощенія и привѣта Н. С. С., который любить и уважаетъ свой родной городъ.

ДОРОГА ИЗЪ ВОЛОГДЫ ВЪ КИРИЛОВЪ.

Прилуцкіе калачи.—Пѣсни павощика.—Выговоръ.—Сѣла по дорогѣ.—Озеро Кубенское. — Село Кубенское. — Его храмы. — Сосуды и иконы въ храмахъ. — Видъ съ колокольни. — Кубена и Сухона. — Ловля рыбы въ озерѣ. — Промыслы Кубенцевъ. — Повѣрка показаній Блазіуса.—Обычай.—Женскій головной уборъ. — Село Нобленское. — Вопросы и отвѣты. — Копытово. — Преданіе объ Угодникахъ. — Мѣстность и растительность по дорогѣ въ Кириловъ. — Видъ на монастырь издали. — Толпа богомольцевъ.

Проѣзжая мимо села Прилукъ, прилегающаго къ монастырю Св. Дмитрія, не лѣзя было не купить калачей, извѣстныхъ въ народѣ подъ именемъ калачей Дмитрія Прилуцкаго. Конечно, постный ихъ видъ и вкусъ дали имъ право на такое названіе.

Извощикъ, который насъ везъ до села Кубенскаго, спѣлъ дорѣгой двѣ пѣсни. Въ одной изъ нихъ, относящейся къ семилѣтней войнѣ, главную ролю игралъ Король Прусскій, потерявшій свою армію. Другая начиналась красивымъ описаніемъ зимы; родники и ключи замерзли; съ деревьевъ облетѣли листья; птицы перестали пѣть, и соловей, вмѣсто роши, поетъ уже въ трактирной клѣткѣ, а дѣвушка поручаетъ *разпремилому* соловью въ трактирѣ милаго городка Питера сказать слово ея милому, который гуляетъ по городу и забылъ про нее. Дорѣгой, въ разговорахъ съ ямщикомъ я повѣрялъ особенныя слова Вологодскаго уѣзда, напечатанныя въ описаніи Вологодской губерніи Г. Пушкирева. Всѣ эти слова оказались вѣрными. Замѣчательно, что селитра здѣсь до сихъ поръ называется *емлуга*, откуда и объясняется ямчужное дѣло, часто встрѣчающееся въ древнихъ актахъ. Южнорусское и вмѣсто *ль* здѣсь замѣтно. «Въ селѣ Кубенскомъ *ричь* другая,» сказалъ мнѣ извощикъ.

На разстояніи 27 верстъ отъ Вологды до села Кубенскаго, вы видите по дорогѣ, въ разныхъ обителяхъ, пѣ-
стыняхъ и сѣлахъ, 17 церквей, которыя со всѣхъ сторонъ
поднимаются къ небу. Еще издали завидѣли мы озеро Кубен-
ское, которое въ длину простирается отъ 60 до 70 верстъ,
въ ширину отъ 8-ми до 12-ти. Къ нему примыкаетъ село
Кубенское, такъ названное по имени озера. Въ Исторіи
XVI вѣка упоминаются съ 1500 года Князья Кубенскіе.
Село принадлежало прежде Салтыковымъ. Царь Михаилъ
Феодоровичъ пожаловалъ его Окольному Боярину Михаилу
Михайловичу Салтыкову, отъ котораго перешло оно къ
сыну его, Петру Михайловичу. Называлось оно прежде
Ильинскимъ по храму Ильи Пророка, который и теперь
существуетъ, но древностію уступаетъ храму пресвятыя
Троицы.

Добрый семидесятилѣтній старецъ, Протоіерей Сте-
фанъ Ивановичъ Жиряевъ, теперь живущій на покоѣ, при-
нялъ меня со всѣмъ радушіемъ истинно-Русскаго госте-
примства. Семья благословенная. Одинъ изъ сыновей его
профессорствуетъ въ Дерптѣ, другой служилъ въ Министер-
ствѣ Народнаго Просвѣщенія. Священникомъ при церкви зять
его, отецъ Александръ, который и показывалъ намъ все
примѣчательное по древности въ двухъ храмахъ, холодномъ
и тепломъ. Строеніе обѣихъ церквей должно относиться
ко временамъ Императрицы Елисаветы Петровны. Но въ
ризицѣ есть кадило 1666 года, даръ бояръ Салтыковыхъ.
Вотъ надпись, вырѣзанная на немъ вязью и доставленная
мнѣ послѣ Н. Г. Лавдовскимъ (*). «Лѣта 7174 авгу-
ста въ 15 день бояринъ Михайло Михайловичъ да сынъ
его бояринъ Петръ Михайловичъ Салтыковы дали вос-
строение вперковь Пречистые Богородицы честнаго и слав-
наго Ея Успенія («это на верхней чашечкѣ кадила») да
впредель Всемиловитаго Спаса Нерукотвореннаго образа

*) Ник. Григ. Лавдовскому, бывшему учителю Русской Словесности во
2-й Московской Гимназіи, я обязанъ многими любопытными подробно-
стями о древностяхъ и другихъ примѣчательностяхъ Села Кубенскаго.

кадило серебряное чеканное при священникахъ Иване Оектистове да при Иване Корнилевома за Государское здорвье Бога молитъ.» (Это на нижней чашечкѣ кадила). На двѣ кадила по краю приписано: «и насъ въ своихъ молитвахъ не забывать и родители наши помянуть.» Эта припись простымъ почеркомъ, а не вязью, и безъ титлъ. Престарѣлый Протоіерей говоритъ, что у нихъ церковь никогда не бывала во имя Успенія, а равно не бывало и придѣла во имя Нерукотвореннаго образа. Стало быть, это кадило попало въ село Кубенское, изъ другой церкви, но какой? — неизвѣстно.

Есть и другіе дары позднѣйшіе изъ того же рода Салтыковыхъ: Евангеліе въ серебряномъ окладѣ въ два слышкомъ пуда, печатанное въ 1759 году, и сосудъ безъ года. Изъ устнаго преданія стариковъ извѣстно, что эти священные вещи привезены были изъ какой-то Московской церкви, вѣроятно, домовою Графа Салтыкова. 1759 годъ важенъ въ исторіи ихъ рода. Графъ Петръ Семеновичъ, въ 1759 году, одержалъ надъ Фридрихомъ Великимъ побѣду Кунерсдорфскую, за что пожалованъ Генералъ Фельдмаршаломъ.

Здѣсь весьма чтима пародомъ Чудотворная икона Богоматери Неопалимыя Купины. Въ 1696 году была въ с. Кубенскомъ моровая язва: корчило жилы въ человекѣ и ныли кости. Язва прекратилась, какъ скоро эта икона принесена была (по преданію — влачившимся на колѣняхъ пародомъ) изъ Вологды въ с. Кубенское.

Замѣчательна также икона Михаила Архангела со святыми Флоромъ и Лавромъ, Власіемъ и Модестомъ: внизу подводятъ къ нимъ коней и подъѣзжаютъ конные воины въ древнихъ одеждахъ и доспѣхахъ. Она также въ большомъ уваженіи у народа. Есть еще икона Римской Богоматери. На колокольнѣ главный колоколь литъ въ царствованіе Елисаветы Петровны. Видъ оттуда на озеро прекрасный. Двадцать двѣ каменныхъ церкви возвышаются вокругъ. Видны сѣла Устье и Святая Лука. При первомъ

Кубена впадаетъ въ озеро и даетъ ему имя. При второмъ Сухона вытекаетъ изъ озера.

Не таже ли это Кубена? Взаимное отношеніе этихъ двухъ рѣкъ представляетъ довольно странное явленіе, достойное изслѣдованія натуралистовъ. При истокѣ Сухоны есть перекость, сдѣланная родоначальникомъ Князей Бѣлозерскихъ, Глѣбомъ Васильковичемъ, который, во время плаванія своего изъ Бѣлозерска въ Устюгъ въ 1242 году, выйдя изъ о. Кубенскаго въ Сухону, замѣтилъ, что рѣка дѣлаетъ большію излучину, перешеекъ въ ширину на верженіе камня, и велѣлъ перекопать его. Озеро славится своею нѣлмушкой и сигамаи, но красная рыба лучше въ Бѣлозерѣ. Кромѣ обыкновенной рыбы, ловится еще сорога, уклев, казарки. Есть особенные термины у рыболововъ Кубенскихъ: *ятво* говорятъ они, когда попадетъ въ неводъ много рыбы; *нѣрость* значить у нихъ, когда рыба мечетъ икру и трется. Вологодская губернія своими областными словами можетъ доставить большіе матеріалы для словаря Русскаго, въ которомъ захотѣли бы объять всѣ наши мѣстныя нарѣчія. У Г. Лавдовскаго готово уже нѣсколько сотъ такихъ словъ.

По близости озера, а равно и потому, что оно было еще недавно собственностью Кубенцевъ, имъ ближе всего было бы заниматься ловлею рыбы, однако нѣтъ. Кубенцы (и то не многіе) ловятъ только молей ершовыхъ, окуневыхъ, сорожыхъ. Сушеные моли — сущь (что въ Москвѣ называются снятками) продаются свыше рубля сер. за пудъ, а сырые моли по 20 коп. сер. и дешевле. Изъ одного пуда сырыхъ молей засушивается около 7 ф. суша. Хорошую рыбу ловятъ не Кубенцы, а крестьяне другихъ деревень около о. Кубенскаго. Озеро не состоитъ на откупѣ и въ немъ можетъ ловить всякой, безданнымъ — безпощадно, съ тѣхъ поръ, какъ оно перестало быть собственностью Кубенцевъ. Въ старину, при Царяхъ, собиралась съ озера дань въ казну; а когда оно стало собственностью Салтыковыхъ, то этою данью пользовались Кубенцы. Они, развѣзжая по озеру, дѣлали большія притѣсненія и обиды

ловцамъ, не принадлежавшимъ къ ихъ вотчинѣ, брали тяжкія дани и т. п. Вѣроятно, съ тѣхъ поръ и стали они слѣть у сосѣдей *головоръзами*. Въ царствованіе Императрицы Екатерины, Великій Князь Павелъ Петровичъ, тронутый жалобами на разбойничество Кубенцевъ, ходатайствовалъ передъ Императорскою властью за обижаемыхъ мужиковъ, ловцовъ рыбы на Кубенскомъ озерѣ. Дѣло кончилось тѣмъ, что у Кубенцевъ озеро отнято и сдѣлалось собственностью всѣхъ и каждаго. Рыба ловится больше весною, когда бываетъ ея *нѣрость*.

Кубенцы, кромѣ сельскихъ работъ, занимаются разными промыслами. Есть торговцы, промышляющіе перевозкою клади изъ Рыбинска въ Петербургъ на своихъ судахъ и по наймамъ; мясники, отправляющіе зимою говядину въ Петербургъ и на разныя ярмонки; торговцы рыбою по Москвѣ — копчеными сельдями, навагой, снятками бѣлозерскими и т. д. О мелкихъ торгашахъ (по тамошнему, торгованахъ), разбѣзжающихъ по Вологодской губерніи, нечего и упоминать. Но не одни Кубенцы производятъ это движеніе: крестьяне окружныхъ деревень на обширное пространство принимаютъ въ томъ же дѣятельное участіе. Промышленный духъ оживляетъ все прибережное населеніе озера.

Оба храма и колокольня села Кубенскаго такъ понравились Блазіусу, что онъ приложилъ рисунокъ ихъ къ своему путешествію. Спасибо ему за вѣрность рисунка съ маленькимъ исключеніемъ, что рѣшетка перенесена имъ на другую сторону. Изъ любопытства я на мѣстѣ повѣрялъ нѣкоторыя показанія Блазіуса, черезъ распросы у туземцевъ. «Принадлежало ли когда ваше село помѣщицѣ Яковлевой?» — Никогда, принадлежало помѣщицѣ Ярославовой, а теперъ мы за Графомъ А. Ѳ. Орловымъ и его племянниками. — «Занимаются ли здѣшніе крестьяне рыбной ловлей въ здѣшнемъ же озерѣ и возятъ ли ее на продажу?» — Они торгуютъ рыбой, но не изъ озера, а возятъ навагу и копченныя сельди, которыя ловятся не здѣсь. — «А разводять ли у васъ по огородамъ салатъ?» — Кубенцы засмѣялись;

салату они и въ глаза не видали, а нѣмецъ видно не могъ не навязать салата Русскому селенію, которое ему полюбились. Едва ли возможно для него безъ салату существованіе челоуѣка, сколько нибудь образованнаго. — «Ну а воздѣльваются ли у васъ яблони?» — Воздѣльваются, не воздѣльваются, а родятся яблоки, какъ ихъ Богъ раститъ. — Распросы происходили на колокольнѣ. — «Ну а на колокольнѣ у васъ, говорятъ, 20 колоколовъ. Гдѣжь они?» — Нѣтъ, батюшка, неправда, пересчитайте! — Такъ невѣренъ Блазіусъ въ подробностяхъ описаній: что же въ цѣломъ? •

Есть въ селѣ примѣчательный обычай. Когда Кубенцы соберутся косить или жать, то, имѣя нужду въ работникахъ или работницахъ, наканунѣ торговаго дня съ вечера ударяютъ нѣсколько разъ въ большой колоколъ на колокольнѣ Ильинской церкви. Окрестные жители, по этому благовѣсту, немедленно являются на площадь посреди села, передъ церковью, и тутъ нанимаются въ работу у Кубенцевъ.

Женскій нарядъ въ селѣ Кубенскомъ имѣетъ мѣстную особенность. Зимой, женщины носятъ на головѣ чебакъ съ ушками, шитый золотомъ и серебромъ по шелку или бархату. Приложенный рисунокъ дастъ понятіе объ этомъ нарядѣ. Весь чебакъ опушенъ собольимъ мѣхомъ. Сзади банты изъ лентъ. Лѣтомъ же, а у кого нѣтъ чебака, и зимою, носятъ *сборнички*. Это родъ повойника. Чебакъ надѣваютъ надъ фатою, а сборничекъ подъ фатою. Женское платье — сарафаны и сушуну. Сажѣнкою называется родъ нарукавниковъ. Безъ сборничка не ходятъ къ Божіей церкви. Есть даже старинная пословица: «безъ сборничка не хорошо передъ образа встать.» «Прежде», говорила мнѣ старуха, «безъ волосничка не лзя было и на работу выйти. Свекоръ, бывало, забранить.» Теперь уже не то. Пошли другіе нравы. Вотъ еще примѣчательный сельскій обычай. Передамъ его словами старушки и подражая ея выговору: «Когда коровонька первичка принесеть, около рожковъ бѣленькую тасемочку обовьютъ и говорятъ: ты теперь маманька.» — При расчетъ старушка сказала: «що, мой доброхоть, самъ

положишь за всю *сколоту*.» Подъ именемъ сколоты разумѣются всѣ хлопоты хозяйки. Вотъ и еще слово изъ Несторовой лѣтописи въ устахъ народныхъ: яко бѣ Давидова сколота, т. е. смута.

Дорога отъ села Кубенскаго къ селу Нѡвленскому идетъ въ виду у озера, по которому рѣяли бѣлокрылыя лодки. Только издали могъ я видѣть Спасокаменный островъ. Въ селѣ Нѡвленскомъ много старообрядцевъ. Мы остановились въ домѣ не раскольническомъ, но у православнаго крестьянина, и здѣсь нашли вопросы и отвѣты, занесенные, вѣроятно, съ Поморья хозяиномъ, который съ рыбою далеко отправляется въ сѣверные края и котораго тогда не было дома. Съ грустью прочелъ я эти вопросы и отвѣты, писанные четко самымъ грубымъ и дикимъ варварствомъ и нечестиво названные бесѣдою тріехъ Святителей: Василя Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго. Что, кромѣ невѣжества и нечестія, почерпнетъ крестьянинъ въ этомъ писаніи, которое выставилъ въ избѣ своей, почти у св. образовъ, и постоянно держитъ передъ собою?

«Вопросъ. Кому первая грамота дана отъ Христа? Отвѣтъ. Каіафѣ Апостолу!!...» «Что есть попъ непоставленъ, дьяконъ отменникъ?» и прочее, что и писать страшно. — Какая грубость въ этой загадкѣ: что есть валъ корову родилъ? Адамъ родилъ себѣ жену Еву. — Какая дикость въ этомъ понятіи о Церкви: Что есть камень, прибѣжище зайцемъ? Камень церковь, а зайцы людіе. — Что за понятіе о лицѣ Божіемъ? Лице Божіе свѣща горитъ передъ образомъ Божіимъ. — Что за познанія въ анатоміи! «Много ли въ чловѣкѣ костей? 245. Много ли въ чловѣкѣ жилъ? 365.» Не привожу другихъ грубѣйшихъ загадокъ, которыя привести больно. Съ стѣсненнымъ сердцемъ я записалъ все это. Вотъ до какихъ дикихъ понятій доходитъ Русскій простолудинъ, какъ впрочемъ и всякой Русской въ противную сторону, удаляясь отъ чистаго и высокаго ученія Православной пашей Церкви!

Грустна была хозяйка въ своемъ одиночествѣ. Безъ слезъ не могла она говорить объ мужѣ и сынѣ, которые

въ извозѣ. При ней было еще какое-то существо въ женскомъ платьѣ, которое прислуживало, — по всей вѣроятности, питомица здѣшняго раскола, что-то безобразное, тупое, бессмысленное. Жители цавокаютъ здѣсь очень сильно. Вольноотпущенный, крестьянинъ Гладинъ, исполнитель канала Бѣлозерскаго или, какъ народъ выражается, канавы Бѣлозерской, изъ села Нѡвленскаго. Вотъ пріятнѣйшее, что я здѣсь узналъ.

Отъ Вологды до Кирилова считаютъ 120 верстъ. Въ деревушкѣ Копытовѣ, послѣдней станціи до Кирилова, я спросилъ у хозяйки дома: рассказываютъ ли у нихъ что нибудь объ Угодникахъ Бѣлозерскихъ? — «Рассказываютъ, отвѣчала она, что они другъ дружкѣ топорики подавали цасовинки строить. И Кирилль Бѣлозерскій, и Кирилль Новоезерскій, и Нилъ Сорскій, всѣ однимъ топорикомъ строили.» Избы здѣсь отличаются особымъ устройствомъ. Подъ печными полатями все мѣсто пустое: оно соединяется со всѣмъ нижнимъ этажемъ, въ которомъ держатъ сѣстные припасы, скотину, и мелютъ муку зимою. Вся эта часть избы называется *голубцомъ*.

Чѣмъ ближе къ Кирилову, тѣмъ болѣе и болѣе оживляется дорога. Поднимаются горы, пригорки съ группами деревьевъ, съ избышками, съ вѣтренными мѣльницами. Озеръ, большіхъ и малыхъ, безчисленное множество. Рѣки протекаютъ черезъ нихъ и связываютъ ихъ между собою; иногда же каналы. Припомню названія нѣкоторыхъ озеръ, удержавшіяся въ памяти: Никольское, Мелиховское, Вазерниковское, Кинешское, Перхинское. Изъ рѣкъ примѣчательна именемъ Славянка. Все это отпрыски той великой водной сѣверной системы, которой мѣсто здѣсь. Растительность чрезвычайно какъ оживлена этою водою. *Черемха*, ольха, вязъ, малина, шиповникъ или по здѣшнему *штишникъ*, смородина, *багула* или *багульникъ*, этотъ пушистый цвѣтъ, растущій кустомъ на высокомъ стеблѣ и издающій запахъ, подобный запаху цвѣта черемухи, — все это мѣшается очень живописно по берегамъ озеръ и по непрерывнымъ пригоркамъ, между которыми вьется неровная дорога.

Но вотъ вдали, еще версть за пять, забѣлѣли башни и стѣны монастыря Кириллова, и какъ бѣлые исполины, все растутъ выше и выше передъ вами, по мѣрѣ того, какъ вы къ нимъ приближаетесь. А тамъ, въ сторонѣ, поднялась, высоко надъ всею окрестностью, гора Маурина или Маура, гдѣ остановился Преподобный Кириллъ, когда съ нея увидѣлъ мѣсто, указанное ему въ видѣннн Божіею Матерью для будущей обители.

Передъ самымъ городомъ Кириловымъ находится по-клонная гора, гдѣ останавливаются пѣшіе богомольцы и кланяются Угоднику обители. Толпа странниковъ молилась на ней въ то время, какъ мы подъѣзжали. Ихъ всегда здѣсь много, потому что Кирилловъ монастырь лежитъ на пути къ великому богомолью Русскаго народа, къ Соловкамъ, и не обойдетъ Бѣлозерскаго Угодника ни одинъ странникъ-богомольецъ.

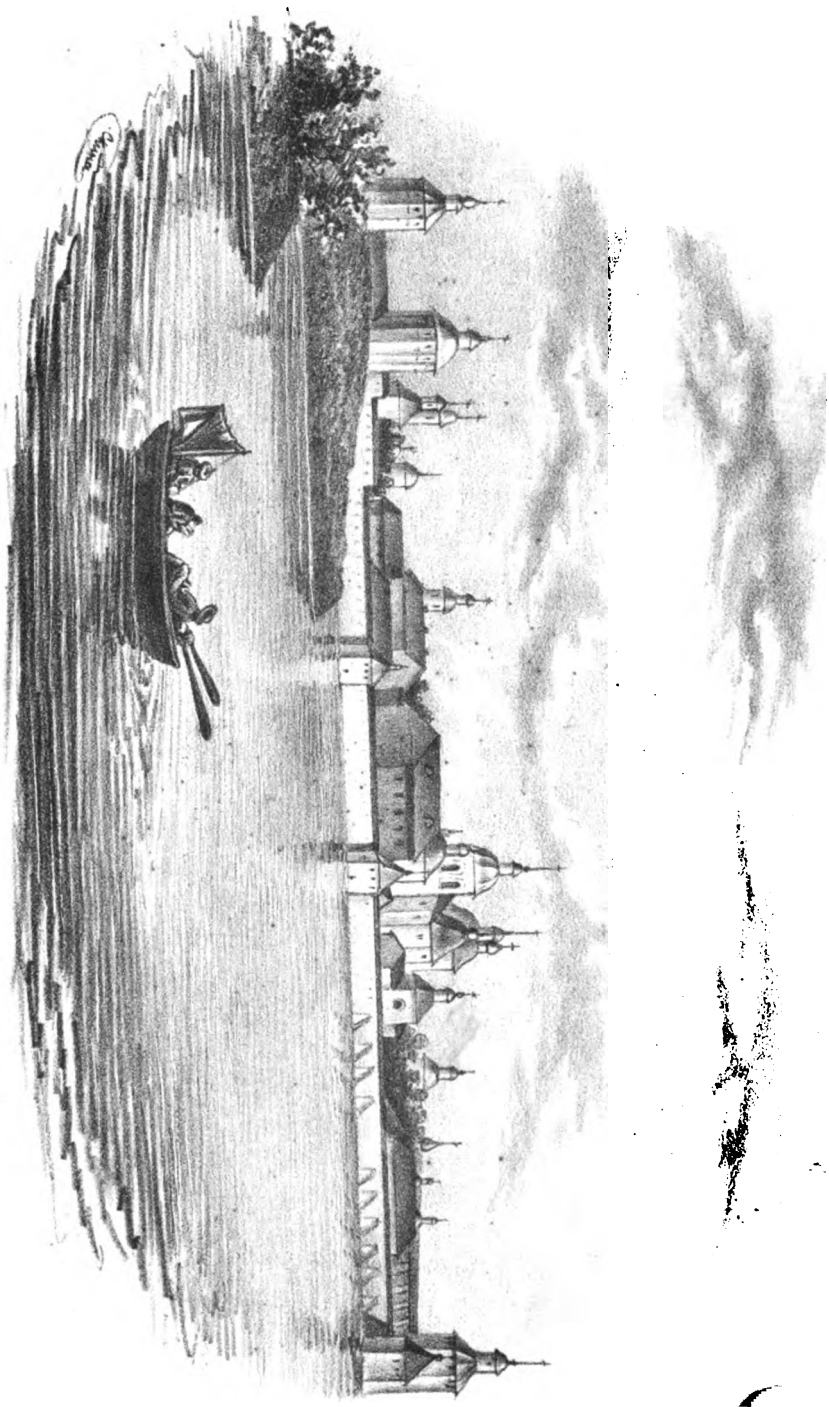

КИРИЛОВЪ МОНАСТЫРЬ.

Жизнь и посланія Угодника.

Городъ Кириловъ. — Видъ монастыря вблизи. — Внешній дворъ. — Внутренній. — Архимандритъ О. Ефремъ. — Мощи Преп. Кирилла Блговерскаго. — Житіе Святаго; время сочиненія. — Семейная жизнь Кирилла. — Постриженіе. — Послушаніе. — Бесѣды съ Препод. Сергіемъ. — Слава его. — Юродство. — Священникъ. — Архимандритъ. — Отреченіе отъ сего сана. — Безмолвіе. — Молитва о пустыни. — Голосъ и видѣніе. — Бесѣда съ Ферапонтомъ блговерцемъ. — Страстіе. — Находитъ мѣсто обителя. — Первые труды. — Борьба съ препятствіями. — Основаніе обителя. — Строеніе церкви. — Правила Устава. — Жизнь К. среди братіи. — Отношенія къ Князю Андрею Дмитр. Можайскому. — Кончина Преподобнаго. — Посланія Преп. Кирилла къ Князьямъ: Василію, Андрею и Георгію Дмитриевичамъ.

Прежде чѣмъ подъѣхать къ монастырю, вы проѣзжаете черезъ городъ Кириловъ. Въ 1775 году, Іюля 25, Губернаторъ, а впослѣдствіи Намѣстникъ Новгородскій, Яковъ Еве. Сиверсъ, весьма любимый ввѣренными ему городами Начальникъ, праздновалъ день своего рожденія въ Кириловѣ монастырѣ и заблагоразсудилъ здѣсь основать городъ. По плану 1777 года, въ этомъ городѣ предполагалось 4 площади и 40 улицъ. Прошелъ съ тѣхъ поръ 71 годъ; предположеніе не сбылось: нѣтъ ни одной порядочной площади, а улицы, и одной видной, не лзя бы было составить изъ 4-хъ или 5-ти существующихъ, потому что все домики деревянные, плохіе, каменныхъ же всего 7, но и то въ описаніи у Г. Пушкарева, а на дѣлѣ едва ли не менѣе. Ряды передъ монастыремъ, въ которыхъ помѣщается гостиный дворъ города Кирилова, похожи на тѣ деревянные прилавки, что строятся въ уѣздныхъ или сельскихъ ярмонкахъ для кочующихъ торговцевъ. Новый Губернаторъ, дѣятельно осматривавшій въ то время свою губернію, желалъ устроить эти ряды въ стѣнахъ первой монастырской ограды.

За этимъ незначительнымъ городомъ возвышается великолѣпный монастырь, имѣющій 740 сажень въ окружности, обнесенный съ востока, сѣвера и запада стѣною въ 16 аршинъ вышины, съ юга омытый озеромъ Сиверскимъ и огражденный стѣною вышины въ 9 аршинъ, съ своими 12-ю огромными башнями по бокамъ и съ 11-ю благолѣпными храмами внутри, монастырь и государственная твердыня во времена древнія, носящая еще слѣды ранъ отъ Литвы и Польши. Когда вѣзжаете вы въ первые ворота, вамъ открывается огромный дворъ или поле съ двухъ сторонъ, засѣянное хлѣбомъ и окруженное стѣнами, въ которыхъ видны еще мѣста прежнихъ 700 келлій. Въ нижнемъ этажѣ стѣнъ устроены соляные анбары, которые стерегутся солдатами. За тѣмъ слѣдуютъ другіе святыя ворота, украшенные живописью, изображающею событія изъ жизни Угодника. Здѣсь еще огромнѣе пространство открывается передъ вами. Оно занято храмами, колокольнями, зданіями, жилыми и запасными, садами, огородами, сѣнокосомъ; рѣчка Сіяга или Свирияга, какъ ее называютъ въ монастырѣ, протекаетъ по всему этому пространству, выбѣгая изъ затворовъ монастырскихъ въ прилегающее къ нимъ Сиверское озеро.

Мы остановились въ кельяхъ весьма опрятныхъ, вѣданныхъ въ южную ограду монастыря со стороны озера. Архимандритъ Ефремъ, бывшій прежде казначеемъ въ Московскомъ Симоновѣ монастырѣ, принялъ насъ весьма радушно. Въ первой бесѣдѣ съ нимъ, рассказывая ему о пути, мною совершенномъ, я узналъ отъ него, что онъ самъ былъ въ Прилукахъ съ сокровищами Симонова монастыря. «Везли на двухъ стахъ подводахъ; тутъ былъ весь жемчугъ, все золото, все серебро священное Москвы. А кто ихъ хранилъ? Два старыхъ инвалида, да по монаху при каждой изъ сокровищницъ. Все это лежало въ соборной церкви Прилуцкой, и мы жили въ монастырѣ, а вотъ теперь Богъ привелъ кончать свой вѣкъ въ Кирилловѣ.»

Послѣ того какъ представился я теперешнему хозяину обители, первую мыслію моею было поклониться нетлѣннымъ

останкамъ вѣчнаго ея Хозяина , Преподобнаго Кирилла. Мощи его почиваютъ подъ спудомъ въ стѣнѣ , между соборною церковью Успенія , и придѣломъ во имя Преподобнаго , въ ракъ , дарованной Царемъ Михаиломъ Θεодоровичемъ. Изъ келлій Архимандрита , я проходилъ мимо садовъ , засаженныхъ столѣтними кедрами , по мощенному двору. Пятыи двора привлекали меня своими надписями или обрывками надписей. Монастырь Кирилловъ послужилъ , какъ мѣстомъ временнаго убѣжища , такъ и мѣстомъ вѣчнаго успокоенія , для столь многихъ славныхъ родовъ древней Руси. Это , конечно , память тѣхъ могилъ , которыми удобрена земля обители. Съ благоговѣнiемъ палъ я передъ тѣломъ мужа святаго и передъ иконою Богоматери Одигитриц , которая сопутствовала Преподобному сюда въ 1397 году и теперь освящаетъ соборную церковь обители. Сбывалось мое давнишнее желанiе , которое питалъ я съ тѣхъ поръ , какъ ознакомился съ жизнiю и посланiями Св. Кирилла.

Здѣсь время теперь вспомнить эту жизнь и эти посланiя на самомъ мѣстѣ его святой , трудолюбивой дѣятельности , прежде чѣмъ осмотрѣть его обитель и всѣ ея сокровища.

Житiе Кирилла написано было Святогорскимъ Иеромонахомъ Пахомиемъ , при Великомъ Князѣ Василю Василевичѣ Темномъ и при Θεодосiи Митрополитѣ , которые сами приказали Пахомию отправиться въ обитель , чтобы узнать на мѣстѣ о чудесахъ Святаго. Житiе это составлено было при Игуменѣ Кассiанѣ , который , черезъ 16 лѣтъ и 5 мѣсяцевъ по смерти Кирилла , началъ править монастыремъ и правилъ имъ 22 года. Кассiанъ самъ , какъ очевидецъ , многое сообщилъ Пахомию о Святомъ. Кромѣ Кассiана , Пахомiй нашелъ въ монастырѣ и другихъ учениковъ Преподобнаго , которые въ жизни своей подражали своему учителю. Они много бесѣдовали съ Пахомиемъ о житiи и чудесахъ Кирилловыхъ , особенно же Мартинiанъ , который съ самаго молодого возраста жилъ при Св. Кириллѣ и подробно зналъ объ немъ. Всѣ эти свидѣтельства , приводимыя жизнеописателемъ , ручаются за достовѣрность его сказанiй

и объясняютъ намъ способъ, какимъ въ древности составлялись житія Русскихъ Угодниковъ Божіихъ.

Въ Москвѣ, въ 1337 году, отъ благочестивыхъ родителей родился мальчикъ Кузьма. Въ домѣ родительскомъ навѣкъ онъ божественному Писанію, и росъ въ чистотѣ и просвѣщенномъ разумѣ, отъ всѣхъ любимъ и почитаемъ. Рано скончались его родители и поручили Кузьму, еще отрока, сроднику своему Тимоѳею, который былъ Окольниковъ у Великаго Князя Димитрія и между вельможами отличался честію и богатствомъ. По смерти родителей, рано почувствовалъ Кириллъ призваніе облечься въ иноческую одежду, какъ многіе благородные юноши того времени; но никто не смѣлъ возложить на него руку, потому что игумены монастырей боялись вельможи Тимоѳея. Кузьма прилежалъ къ церкви Божіей. Тимоѳею любилъ Кузьму за его добрыя свойства. Когда Кузьма сталъ уже мужемъ совершеннымъ, тогда только сподобилъ его Тимоѳею сидѣть на трапезѣ съ собою, а потомъ и назначилъ его казначемъ къ своему имѣнію. Но у Кузьмы одно было на умѣ: какъ бы сдѣлаться инокомъ. Воспламененный любовью къ Богу, много печалился онъ о томъ; но никому не смѣлъ открыть своей тайны. Ходилъ по окрестнымъ монастырямъ, но понапрасну. Между тѣмъ и въ мірской одеждѣ, онъ совершалъ дѣла иноческія: постъ, молитва, милостыня, прилежаніе къ церкви Божіей, тѣлесная чистота и незлобіе, украшали его. Такими дѣлами былъ онъ уже инокъ, и безъ иноческой одежды. Но вотъ Богъ помогаетъ исполниться и его желанію. Приходитъ въ Москву Игуменъ Махрищскій, Стефанъ, мужъ въ то время всѣмъ извѣстный *великимъ* своимъ житіемъ. Кузьма, давно уже выжидавшій его прихода, лишь только узналъ о томъ, какъ съ радостію бѣжитъ къ нему, припадаетъ къ ногамъ его, плачетъ, выражаетъ ему мысль свою и молитъ возложить на него иноческій образъ. Стефанъ, видя усердіе и плачь Кузьмы, велѣлъ ему перестать плакать, и сказалъ: какъ угодно Богу, такъ и будетъ, а между тѣмъ самъ думалъ о томъ, какъ бы сдѣлать его инокомъ: сказать Ти-

моею, онъ не допустить; молить его, онъ и того не послушаетъ. Стефанъ рѣшился просто возложить на него, хотя еще не совершенно, иноческое одѣяніе, и назвать его Кирилломъ, а прочее предоставилъ волѣ Божіей. Сдѣлавъ такъ, приходитъ онъ къ Тимоѳею, въ самый полдень, когда тотъ собирався спать послѣ обѣда. Вотъ Стефанъ постучался въ двери. Возвѣстили Тимоѳею о приходѣ его, а Тимоѳею ииѣлъ большую къ нему вѣру. Всталъ Тимоѳею, вышелъ къ Игумну, поклонился ему и просилъ благословенія. Стефанъ сказалъ: богомолецъ вашъ Кириллъ благословляетъ. Тимоѳею спросилъ: а кто такой Кириллъ? Стефанъ отвѣчалъ: Кузьма, вашъ бывший сродникъ, а теперь инокъ, Господу работникъ и о васъ молещикъ.—Тяжко было это слово Тимоѳею: скорби и досады исполнился онъ, наказылъ грубостей Стефану, который отвѣчалъ ему на нихъ словами Христа: «Идѣже аще приѣмлютъ васъ и послушаютъ, ту пребывайте, а идѣже не приѣмлютъ васъ, ниже послушаютъ, исходяще оттуду и прахъ ихъ прилѣпшій оттрясите отъ ногъ вашихъ во свидѣтельство имъ»,—и вышелъ, не прибавивъ къ тому ничего.

Услышала это благочестивая и богобоязненная жена Тимоѳею, Ирина. Тяжело было для нея Стефаново, а еще болѣе Христово слово, и началà она мужа своего увѣщавать: какъ де могъ онъ оскорбить такого челоуѣка? — и повторяла ему слова Спасителя, произнесенныя Стефаномъ. Тимоѳею раскаялся въ словахъ, сказанныхъ имъ Стефану, котораго зналъ за мужа святаго,—и вотъ отправляетъ онъ посланнаго къ нему съ просьбою, чтобы возвратился. Приходитъ Стефанъ, Тимоѳею просить у него прощенія, Стефанъ прощаетъ его. Тимоѳею объявилъ, что Кузьма, нареченный Кирилломъ, остается на своей волѣ, какъ хочетъ. Стефанъ удалился въ радости, что приобрѣлъ брата, и принесъ эту вѣсть Кирилу, который возвеселился, восхвалялъ Бога, возблагодарилъ Стефана и тотчасъ же все имѣніе свое роздалъ нищимъ, ничего не оставивъ себѣ, даже и для тѣлесныхъ нуждъ своихъ, не помянувъ ни старости, ни продолженія лѣтъ своихъ.

Всѣ эти подробности, переданныя мною совершенно точно изъ Кириллова Житія, взятаго изъ библіотеки М. П. Погодина, переносятъ насъ во внутреннюю домашнюю жизнь благочестиваго Русскаго семейства XIV вѣка, гдѣ патриархальная власть начальника семьи уступаетъ свое право власти духовной. Въ житіяхъ Русскихъ Святыхъ мы находимъ иногда эти подробности внутренней жизни нашихъ предковъ, въ которыхъ отказываютъ намъ лѣтописи.

Послѣдуемъ теперь за Кирилломъ въ его монастырскихъ подвигахъ. Игуменъ Стефанъ ведетъ его въ Симоновъ монастырь, къ Архимандриту Θεодору, который и постригаетъ Кузьму настоящимъ образомъ и даетъ ему тоже имя Кирилла. Въ монастырѣ славился тогда великимъ житіемъ своимъ инокъ Михаилъ, впоследствии Епископъ Смоленскій. Θεодоръ вручаетъ Кирилла въ ученики Михаилу. Кириллъ ревностно во всемъ подражаетъ старцу: постъ вмѣняетъ въ наслажденіе, въ зимнее время нагота для него теплота. Ревность его простирается до того, что онъ проситъ старца позволить ему ѣсть черезъ два или три дни; но старецъ не позволяетъ ему, а приказываетъ ѣсть хлѣбъ съ братією, только не до сытости. Ночью, когда старецъ читаетъ Псалтирь, Кириллъ кладетъ поклоны. Въ соборѣ, еще до звона колокола, на пѣніе онъ является первый. Ночью, вмѣстѣ съ старцемъ Михаиломъ, стоитъ на его обычномъ правилѣ. Въ отсутствіи старца, дьяволъ разными образами соблазняетъ Кирилла, а иногда и при немъ во время правила стучитъ и толкается въ стѣну; но Кириллъ все побѣждаетъ молитвою.

Потомъ Архимандритъ приказываетъ Кириллу изъ кельи Михаила перейти на служеніе въ хлѣбню. Здѣсь Кириллъ носить воду, рубить дрова, предлагаетъ братьямъ теплыя хлѣбы, а отъ нихъ принимаетъ теплыя молитвы. И здѣсь ночи безъ сна проводитъ на молитвѣ; ѣсть столько, чтобы не быть голоднымъ, а иногда для того, чтобы братья не узнали о его воздержаніи, и пить одну воду.

Святый Сергій, уже бывший тогда въ великой славѣ, приходилъ иногда въ монастырь Симоновъ, для посѣщенія

племянника своего, Архимандрита Θεодора, и прочей братіи. Но прежде всего заходилъ онъ въ хлѣбню къ Кириллу и проводилъ съ нимъ многіе часы наединѣ, бесѣдуя о пользѣ душевной. Когда Архимандритъ съ братіею выходилъ къ Преподобному Сергію, Сергій, отдавъ имъ обычное цѣлованіе, оставлялъ ихъ и бесѣдовалъ съ Кирилломъ. Всѣ удивлялись, что Кириллъ удостоился такой славы; но ему тяжки были эти похвалы, и онъ желалъ отъ нихъ укрыться.

Изъ хлѣбни настоятель посылаетъ его въ поварню. Здѣсь, при печномъ огнѣ, Кириллъ размышляетъ объ огнѣ адской муки. Смиреніе его возрастаетъ еще болѣе. Слава не человѣка, но Ангела, проходитъ объ немъ по всей братіи. Но онъ, желая уклониться отъ нея, принимаетъ на себя юродство и поступками своими возбуждаетъ смѣхъ и глумленіе. Настоятель налагаетъ на него эпитимьи, сажаетъ его на хлѣбъ и на воду, на сорокъ дней и болѣе, и Кириллъ, по истеченіи срока, впадаетъ въ новое юродство, чтобы понести новое наказаніе. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока настоятель не узналъ настоящей причины его поступковъ.

Вотъ Святой пожелалъ безмолвія и помолился о томъ Богоматери. Архимандритъ велѣлъ ему выйти изъ поварни въ келью, и тамъ писать книги. Потомъ изъ кельи опять охотно онъ перешелъ въ поварню, гдѣ служилъ братіи въ теченіи 9 лѣтъ, и во все это время овечья кожа никогда не бывала на его тѣлѣ.

Наконецъ, сподобился онъ получить и священство, и правилъ недѣлю свою, какъ прочіе священники, а на свободное время отходилъ опять въ поварню. Потомъ въ кельи началъ безмолвствовать. Когда же Архимандритъ Θεодоръ переведенъ былъ на Ростовское Архіепископство, Кириллъ поставленъ былъ на его мѣсто. Труды и подвиги его умножились. Не возгордился онъ новымъ саномъ, старыхъ любилъ какъ братьевъ, юныхъ какъ дѣтей. Многіе Князья и вельможи приходили къ нему для бесѣды. Но безмолвіе кельи нравилось ему болѣе власти. Не смотря на просьбы братіи, онъ оставилъ мѣсто настоятеля и уединился

въ келліи. Архимандритомъ поставленъ былъ нѣкто Сергій Азаковъ, вполсѣдствіи Епископъ Рязанскій. Но чѣмъ болѣе Кириллъ, укрываясь въ безмолвіи, убѣгалъ человѣческой славы, — тѣмъ болѣе Богъ прославлялъ его — и вотъ всѣ приходили къ нему отъ различныхъ странъ и городовъ, и пресѣкали его безмолвіе, и въ сладость слушали его слово, растворенное солю. Такая слава Кирилла возбудила зависть въ Архимандритѣ Сергѣѣ, который въ уваженіи къ нему видѣлъ презрѣніе къ себѣ. Онъ не скрылъ своего негодованія; но Кириллъ уступилъ гнѣву Настоятеля и отошелъ въ древній монастырь Рождества Богородицы, что на старомъ Симоновѣ. Здѣсь, продолжая безмолвіе, молился онъ ко Пречистой, чтобы Она указала ему путь спасенія. Въ глубокіе вечера имѣлъ онъ обычай пѣть акаѣисть Богоматери. Вотъ, въ одну изъ такихъ ночей, молился онъ и пѣлъ по обычаю акаѣисть передъ Ея образомъ, и когда дошелъ до мѣста во ікосѣ: «Странное рождество видѣвше, устранимся міра, и умъ на небо преложимъ,» — вдругъ услышалъ голосъ, ему говорящій: «Кириллъ! иди отсюда на Бѣлоозеро. Тамъ уготовано Мною тебѣ мѣсто, въ которомъ ты можешь спастися.» И вмѣстѣ съ тѣмъ озарилась вся его келлія. Онъ отворилъ оконце, и видитъ свѣтъ великій, сіяющій къ полунощнымъ странамъ Бѣлоозера. А голосъ тотъ, какъ перстъ, показывалъ то мѣсто, гдѣ нынѣ монастырь стоитъ. Всю ту ночь провелъ онъ въ радости отъ сего голоса и видѣнія, и та ночь была для него свѣтлымъ днемъ.

Вотъ прошло немного времени, и явился къ нему единопостриженникъ его, Ферапонтъ съ Бѣлоозера. Кириллъ началъ его спрашивать: есть ли мѣста на Бѣлоозерѣ, гдѣ бы можно было безмолвствовать иноку? Ферапонтъ отвѣчалъ, что очень много прекрасныхъ мѣстъ для уединенія. Блаженный не открылъ ему своего видѣнія, а только такъ его спрашивалъ. Но вотъ, по времени, оба они согласились и вышли изъ монастыря вмѣстѣ, и направили свой путь къ Бѣлоозеру. Достигнувъ его послѣ многихъ дней странствія, они тамъ обходили разныя мѣста, но ни одно изъ нихъ не полюбили Святому: онъ все искалъ того мѣста, которое

было указано ему Пречистою, и наконецъ нашель и узналъ его, и возлюбиль его, и сотворивъ молитву, сказалъ : «Се покой мой въ вѣкъ вѣка ; здѣсь вселюся : тако изволила Пречистая. Благословенъ Господь Богъ отнынѣ и до вѣка, услышавшій мое моленіе.» Водрузивъ крестъ на томъ самомъ мѣстѣ и отпѣвъ благодарный молебенъ Пречистой, тогда только Кирилль повѣдалъ своему спутнику тайну голоса и видѣнія. Оба прославили вмѣстѣ Бога и Его Матерь.

Сначала они соткали сѣнь изъ деревьевъ, а потомъ начали копать въ землѣ келью. Нѣсколько времени провели вмѣстѣ, но потомъ разлучились. Кирилль остался тутъ, а Ѳерапонтъ отошелъ отъ него за 15 верстъ или болѣе, и нашель тамъ мѣсто близъ озера Паскаго, гдѣ поселился и создалъ церковь.

Кириллу было 60 лѣтъ, когда онъ пришелъ въ это дикое и безлюдное мѣсто и предпринялъ основаніе обители. Тридцать лѣтъ монастырской жизни, видно, воспитали въ немъ силу воли, готовую на подвиги болѣе тяжкіе. Постъ не изнуриль его тѣла, а воздержаніемъ приучиль его ко всѣмъ возможнымъ лишеніямъ. Въ тотъ самый возрастъ, когда другіе кончаютъ поприще, онъ, бодрый духомъ и силами тѣла, только что начинается новое—духовное просвѣщеніе страны дикой.

На мѣстѣ, гдѣ поселился Кирилль, былъ огромный боръ и чаща. Людей никого. Мѣсто малое и круглое, но прекрасное ; отовсюду, какъ стѣною, окружено водами. Вблизи того мѣста жилъ одинъ земледѣлецъ Исаія. За много лѣтъ до прибытія блаженнаго, слышался Исаіѣ звонъ отъ того мѣста, гдѣ надлежало быть монастырю, а передъ самымъ пришествіемъ его, не только раздавался звонъ, но и пѣвцы будто пѣли. Не одному Исаіѣ слышались эти звоны и голоса, но и многимъ, жившимъ въ окрестностяхъ. Они приходили къ тому мѣсту, откуда это раздавалось, чтобы узнать причину; но слышать слышали, а видѣть, не видали ничего.

Святой началъ подвиги свои въ подземной келліи. Два христіанина окрестныхъ мѣстъ, Авксентій Воронъ и Матейі Кукость, бывшій послѣ пономаремъ обители, приходятъ къ Святому и помогаютъ ему. Начинается его борьба съ дьяволомъ и съ препятствіями природы. Однажды, утомленный трудомъ, Кириллъ заснулъ въ лѣсу, не смотря на увѣщанія товарищей взять отдыхъ лучше въ кельѣ. Голосъ разбудилъ соннаго и велѣлъ ему бѣжать, и лишь только блаженный отскочилъ, какъ дерево навѣтомъ вражіймъ упало на то самое мѣсто, гдѣ онъ спалъ. Вырубилъ лѣсъ, очистилъ его, собралъ хворость и, желая на этомъ мѣстѣ посѣять что нибудь, зажегъ его. Дьяволъ воздвигъ вѣтеръ. Дымъ съ пламенемъ окружилъ отовсюду Святаго, и насилу спасенъ былъ онъ отъ пожара какимъ-то Тимоеемъ. Вотъ пришли къ нему два монаха изъ Симонова, его друзья и единомысленники, Зеведей и Діонисій. Обрадовался имъ Кириллъ. Они стали жить вмѣстѣ. За ними начали приходять и другіе, и просить Кирилла о постриженіи. Пришелъ и Наванайлъ, впоследствии келарь обители. Новый врагъ открывается у Святаго: какой-то Андрей, завидуя тому, что Святой поселился на такомъ мѣстѣ, покушается нѣсколько разъ зажечь его келью. Но тщетно: невидимая сила тушитъ огонь. Пораженный чудомъ, Андрей раскаялся, сознался во всемъ блаженному и принялъ отъ него постриженіе.

Но вотъ, когда собралась братія около Кирилла, одна мысль одушевила всѣхъ: какъ бы воздвигнуть церковь *ради общаго собранія*. Всѣ молятъ о томъ Кирилла. Какъ быть? мѣсто отъ человѣческихъ жилищъ далеко; плотниковъ нѣтъ. Кириллъ прибѣгаетъ съ молитвою къ Богоматери. Плотники, никѣмъ незванные, приходятъ — и поставлена церковь во имя Успенія.

Скоро распространилась молва о томъ, что и церковь построена, и обитель умножается. Заключили, что Кириллъ долженъ быть богатъ, что онъ много денегъ принесъ съ собою изъ Симонова. Какой-то бояринъ Феодоръ, видно промышлявшій разбоемъ, услышавъ объ этомъ, посылаетъ

ночью разбойниковъ съ тѣмъ, чтобы отнять сокровища у Святаго. Но двѣ noci сряду, приходятъ разбойники къ монастырю и видятъ, что окруженъ онъ воинствомъ, стрѣляющимъ изъ луковъ. Θεодоръ думалъ, не вельможа ли какой гоститъ въ монастырѣ; но узнавъ, что нѣтъ никого, понялъ чудо, пришелъ къ блаженному и раскаялся въ своемъ злодѣйствѣ. Кириллъ, утѣшая его, сказалъ ему: «повѣрь мнѣ, сынъ Θεодоръ, ничего я не имѣю, кромѣ этой ризы, которую на мнѣ видишь, да мало книжицъ». Съ тѣхъ поръ Θεодоръ никогда не приходилъ съ пустыми руками, а всегда передъ праздникомъ ловилъ рыбы на имя Кириллово, и приносилъ ему иногда одного осетра, иногда же двухъ.

Слава о блаженномъ Кириллѣ проходила повсюду. Имя его, какъ священное, произносилось всѣми. Перстами указывали на него за его добродѣтель. Одни хвалили его смиреніе, другіе воздержаніе, тѣ пользу отъ словъ его, тѣ нищету и простоту его. Въ числѣ иноковъ, постригшихся у Кирилла, былъ нѣкто Игнатій. Добродѣтелями своими онъ подражалъ Кириллу, но еще и тѣмъ прославился, что въ теченіи тридцати лѣтъ онъ никогда ни разу не ложился на ребрахъ, но стоя, а иногда немного присѣвши, спалъ.

Уставъ блаженнаго Кирилла былъ слѣдующій. Въ церкви никому нельзя было съ другимъ бесѣдовать, или выйти изъ храма прежде конца службы. По старшинству подходила братія поклоняться Евангелію и иконамъ. Самъ блаженный, стоя въ церкви, никогда не прислонялся къ стѣнѣ, не садился не во время. Ноги его были какъ столпы. Къ трапезѣ шли также по старшинству. Во время трапезы, раздавался только голосъ чтеца, при всеобщемъ молчаніи. Три кушанья было для братіи. Самъ Кириллъ ѣлъ только отъ двухъ — и то не до сытости. Питья не было другаго, кромѣ воды. Медъ и всякой напитокъ пьяный запрещено было вносить въ монастырь. Это запрещеніе простеръ Кириллъ и на время послѣ смерти своей. Вышедъ изъ-за трапезы, никто не смѣлъ заходить къ другому, кромѣ

Великой потребности. Кирилль однажды укорилъ за это покушеніе ученика своего, Мартиніана. Если кто получалъ въ монастырѣ письмо или поминокъ, долженъ былъ письмо нераспечатанное принести къ Кириллу, также и поминокъ. Такъ и изъ монастыря нельзя было написать письма, безъ его разрѣшенія. Ничего въ кельи нельзя было имѣть, или звать своимъ, а все было общее. Серебро и золото могло только принадлежать монастырской казнѣ, откуда братія все получала. Если кто чувствовалъ жажду, долженъ былъ идти въ трапезу, чтобы утолить ее. Воду позволялось держать въ келліи, только для умытія рукъ. Кому случилось въ келью зайти, ничего не могъ видѣть у монаха, кромѣ иконы или книги. Соревнованіе было одно только позволено — прежде другихъ придти въ Вожію церковь. Говорили между собою только изъ Писанія. Свое же любомудріе каждый хранилъ про себя молча. Руководльемъ занимались—все для монастырской казны, а на себя никто не смѣлъ ничего дѣлать. Одежду, обувь, все нужное, получали изъ казны. Самъ Кирилль носилъ ризу раздранную и *многощенную*. Послѣ заутренн, ходилъ въ поварню и помогалъ слугителямъ своими руками, только чтобы послужить братіи.

Когда совершалъ божественную литургію, или слушалъ чтеніе, или самъ читалъ, или стоялъ на своемъ келейномъ правилѣ, то не могъ удерживаться отъ слезъ. Случались недостатки въ монастырѣ, братія понуждала Святаго отнестись съ просьбою къ христіолюбцамъ. — Кирилль никакъ не соглашался и училъ братію не просить у мірскихъ милостыни. Благочестивая Княгиня Аграфена, жена Князя Андрея Можайскаго, хотѣла однажды угостить всю братію рыбою, но время было постное: Настоятель не позволилъ. Лицепрїятія у него не было. Зеведея, товарища по Симонову, который изъ первыхъ пришелъ къ нему, любилъ онъ; но когда замѣтилъ однажды красное лицо его въ окно своей келліи, то укорилъ друга и привелъ къ воздержанію.

Чудеса, въ числѣ многихъ другихъ, совершилъ онъ слѣдующія. Одинъ изъ братьевъ, Феодотъ по имени, ненави-

дѣлъ Святаго: Кириллъ прозорливостію своею отгадалъ въ немъ это чувство и смиреніемъ побѣдилъ мѣншаго брата. Изцѣлялъ бѣснующихся и больныхъ; кормилъ народъ во время голода изъ житницъ, въ которыхъ жито не изсякало.

У Христофора, ученика Кириллова, занемогъ другъ его Сосипатръ. Христофоръ передалъ свою скорбь Кириллу. Онъ сказалъ ему: «повѣрь мнѣ, что никто изъ васъ прежде меня не умретъ, а, по отшествіи моемъ, многіе послѣдуютъ за мною.» Видя свое изнеможеніе, частыя болѣзни, и предчувствуя близкую смерть, девяностолѣтній Кириллъ помыслилъ написать послѣднее посланіе къ Князю Андрею Дмитріевичу Можайскому, которому поручилъ свой монастырь и особое наблюденіе за тѣмъ, чтобы сохранялось въ немъ общее житіе, имъ учрежденное. Князь Андрей исполнилъ завѣщаніе Кирилла. Далъ обители и дома великіе и озера, и много книгъ положилъ въ церковь. Передъ самою смертію, Кириллъ созвалъ всю братію, а всѣхъ было тогда, съ нимъ Богу работавшихъ, 53 человекъ. Передъ всѣми вручилъ монастырь ученику своему Иннокентію. До конца исполнялъ келейное правило. Въ праздники, когда самъ не могъ на своихъ ногахъ ходить въ церковь, ученики приводили его, и онъ самъ совершалъ литургію. Въ послѣдній разъ совершилъ онъ ее въ день Святаго Духа, на память Св. Кирилла Александрійскаго, и послѣ того началъ ослабѣвать тѣломъ. Рыдала братія, скорбѣла объ отходящемъ, о обители, что оскудѣетъ безъ него. Кириллъ утѣшалъ ихъ: «не скорбите, если я угодилъ Богу, то мѣсто не оскудѣетъ, а еще болѣе распространится; только любовь имѣйте между собою.» Послѣднія слова его были: «не скорбите, братья и дѣти, въ день покоя моего; уже часъ мнѣ почити о Господѣ; предаю васъ Богу и Его Пречистой Матери: Онъ да сохранитъ васъ отъ всѣхъ искушеній лукаваго, а сынъ мой, Иннокентій, да будетъ вамъ Игуменомъ вмѣсто меня: почитайте его, какъ меня; онъ исправитъ ваши недостатки.» Послѣдняя забота его была о томъ, чтобы не разорилось общее житіе. Братія подходила къ нему, со слезами цѣловалась съ нимъ, прощалась съ нимъ,

просила благословенія. Онъ, какъ чадолюбивый отецъ, всѣхъ лобызалъ, всѣхъ ласкалъ, всѣмъ оставлялъ послѣднее благословеніе, и у всѣхъ самъ просилъ прошенья. Еще разъ причастился пречистыхъ Таинъ, и мирно и тихо отдалъ Господу свою святую и трудолюбную душу, «еще молитвъ въ устахъ его сущей.» 9-го Іюня 6935 (1427) года, братія, со многою честію и надгробнымъ пѣніемъ, покрыли землю многострадальное и трудолюбное тѣло его, сосудъ Пресвятаго Духа.

Отъ Кирилла Бѣлозерскаго осталось намъ три посланія къ тремъ братьямъ Князьямъ, съ которыми онъ былъ, какъ видно, въ самыхъ короткихъ, дружескихъ сношеніяхъ. Эти посланія, писанныя весьма простымъ языкомъ и исполненныя иноческаго смиренія, опредѣляютъ ясно тѣ нравственныя отношенія, какія были у насъ между представителями духовной жизни и Церкви, и представителями свѣтской власти. Расскажу ихъ содержаніе и приведу отрывки. Первое надписано къ Великому Князю Василю Димитріевичу и относится къ 1399 — 1402 годамъ. Кириллъ прежде всего радуется смиренію Великаго Князя всей земли Русской, который отъ толикой славы міра сего преклоняется къ нищетѣ его и братіи, и поручаетъ имъ молиться о грѣхахъ его. Все это приписываетъ Кириллъ великой любви Князя къ Богу и Пречистой Его Матери. За тѣмъ слѣдуютъ два наставленія: первое общее, другое частное. Вотъ первое: «Въздай же убо Благодателю долги святыя его храня заповѣди, всякого укланяясь пути, ведущаго въ пагубу. Якоже бо о кораблѣхъ есть, егда убо наемникъ, еже есть гребецъ, съблзнится, малъ вредъ творить плавающимъ съ нимъ; егда же кормчій, тогда всему кораблю сѣтворяетъ пагубу: такоже, господине, и о Князехъ. Аще кто отъ бояръ согрѣшитъ, не творитъ всѣмъ людемъ пакость, но токмо себѣ единому; аще ли же самъ Князь, всѣмъ людемъ, иже подъ нимъ, сотворяетъ вредъ. Ты же, господине, съ многою твердостію храни себе въ добрыхъ дѣлѣхъ; рече бо Святый Апостоль: «миръ имѣйте и святыню, безъ нея же никто же узритъ Господа.» Возне-

навиди, господине, всяку власть, влекущую тя на грѣхъ; непрѣложенъ имѣй благочестія помыслъ и не возвышайся, господине, временною славою къ суетному шатанію: малъ же убо и кратокъ суцій здѣ животъ и съ плотію съпряжена смерть. И сія убо помышляя, не впадеши въ ровъ гордостный: но бойся, господине, Бога, истиннаго Царя, и блаженъ будеши: «блажени бо, рече, боящияся Господа.» — Второе наставленіе касается раздоровъ В. Князя съ Князьями Суздальскими. Вотъ оно: «Да слышелъ есмь, господине Князь Великій, что смущеніе велико между тобою и сродники твоими Князми Суздальскими. Ты, господине, свою правду сказываешь, а они свою; а въ томъ, господине, межи васъ крестьяномъ кровопролитіе велико чинится. Ино, господине, посмотри того истинно, въ чемъ будетъ ихъ правда предъ тобою, и ты, господине, своимъ смиреніемъ поступи на себе; а въ чемъ будетъ твоя правда предъ ними, и ты, господине, за себе стой по правдѣ. А почнуть ти, господине, бити челомъ, и ты бы, господине, Бога ради, пожаловалъ ихъ, по ихъ мѣрѣ; занеже, господине, тако слышелъ есмь, что доселѣ были у тебе въ нужи, да отъ того ся, господине, и возбранѣли (т. е. заратилися). И ты, господине, Бога ради, покажи къ нимъ свою любовь и жалованье, чтобы не погибли въ заблужденіи въ Татарскихъ странахъ, да тамо бы не скончались. Занеже, господине, ни царство, ни княженіе, ни иная каа власть не можетъ насъ избавити отъ нелицемѣрнаго суда Божія; а еже, господине, възлюбити ближняго яко себе, и утѣшити дуца скорбящая и озлобленія, много, господине, поможетъ на страшнѣмъ и праведнѣмъ Судѣ Христовѣ, понеже пишетъ Апостоль Павелъ ученикъ Христовъ: «аще имамъ вѣру горы престаляти, и аще имамъ раздати все имѣніе свое, любве же не имамъ, ничтоже полза мнѣ есть.» Възлюбленный же пишетъ Іоанъ Богословъ: «аще кто речеть: Бога люблю, а брата своего ненавижу, ложъ цестъ.» Тѣмже и ты, господине, възлюби Господа Бога отъ всея душа своя; тако възлюби и братію твою и вся крестьяне: и тако, господине, вѣра твоя къ Богу и мило-

стыня твоя къ нищимъ Богомъ пріятна будеть.» — Такъ раздавался смиренный голосъ шюка въ пользу братской любви между враждовавшими Князьями, тогда какъ польза государственная, Московское единство, требовали другихъ еоображеній. Симеонъ и Василій Кирдяча, отстаивавшіе независимость Суздаля, умерли въ изгнаніи. Но внукъ Кирдяпинъ женился однако на дочери Великаго Князя. «Тое же зимы (1418) Князь Великій отдаеть дщерь свою Василису за Князя Александра Ивановича Суждальскаго,» говоритъ лѣтописецъ. Можетъ быть, и доброе слово Кириллово участвовало въ этомъ родственномъ примиреніи.

Другое посланіе написано къ Можайскому Князю Андрею Дмитріевичу, тому самому, которому Кириллъ въ духовномъ своемъ завѣщаніи поручилъ обитель. Посланіе относится къ 1408 или 1413 году. Этотъ Андрей былъ также сынъ Дмитрія Донскаго, и родился 1382 года Августа 14-го дня; крещенъ же Игуменомъ Симонова монастыря, Θεодоромъ, вѣроятно, въ то самое время, какъ Кириллъ жилъ въ монастырѣ. Отець его, Дмитрій, далъ Андрею въ удѣлъ Можайскъ, и сверхъ того благословилъ его куплею дѣда своего, Бѣлымъ Озеромъ. Вотъ чѣмъ объясняется особенное отношеніе Андрея къ обители Кирилла Бѣлозерскаго. Андрей ѣзжалъ часто въ свою Бѣлозерскую вотчину и могъ отгуда легко покровительствовать обители. Посланіе написано Кирилломъ въ отвѣтъ на посланіе Андреево, въ которомъ Князь извѣщалъ Кирилла о чудесахъ, бывшихъ отъ Богоматери. Упоминается въ немъ также о томъ, что Божія Матерь избавила Хрістіанъ отъ нашествія враговъ иноплеменныхъ. Этими двумя обстоятельствами опредѣляется время посланія.

Въ 1408 году было нашествіе Эдигей. Москва, конечно, спасена была чудомъ, потому что Великій Князь Василій Дмитріевичъ оставилъ ее—и, кромѣ всенародныхъ молитвъ, не было другой защиты. Князь Андрей, вмѣстѣ съ Владиміромъ Андреевичемъ Храбымъ и братомъ своимъ, Петромъ, оставался тогда въ Москвѣ. Эдигей внезапно сдѣлалъ мирныя предложенія и удалился отъ Москвы. Къ

этому событію можетъ относиться посланіе. Къ соображенію можно принять еще другое происшествіе. Въ 1413 году, отъ Можайска за 10 верстъ, въ отчинѣ Князя Андрея Можайскаго, отъ иконы Богородицы явилось много изцѣленій слѣпымъ, хромымъ. Одинъ земледѣлецъ, по имени Лука, нашель эту икону на деревѣ; обогатился, ходя съ нею изъ города въ городъ, построилъ великолѣпный домъ и жилъ Княземъ, презирая всѣхъ; ловчій Князя Андрея Дмитриевича, оскорбленный грубымъ Лукою, пустилъ на него медвѣдя, который изломалъ его; Лука, приведенный въ чувство увѣщаніями Князя Андрея, отдалъ ему чудотворную икону и все свое имѣніе для построенія обители Кольчинской, а самъ постригся въ ней и скоро умеръ. Вотъ на какомъ справедливомъ основаніи издатели Историческихъ Актовъ отнесли это посланіе къ 1408 или къ 1413 году.

Послѣ бесѣдованія о чудесахъ Богоматери, слѣдуютъ наставленія Кирилла Князю Андрею. Мы выпишемъ ихъ:

«И ты, господине Князь Андрей, видя челоуѣколюбіе и милосердіе Господа нашего Ісуса Христа, что гнѣвъ свой отъ насъ отвелъ, а милость свою явилъ народу крестьянскому, молитвами Пречистыя Госпожа Богородица Матере своея, и ты, господине, смотри того: властелинъ еси въ отчинѣ, отъ Бога поставленъ, люди, господине, свои уймать отъ лихаго обычая. Судъ бы, господине, судили праведно, какъ предъ Богомъ, право; поклеповъ бы, господине, не было; подметовъ бы, господине, не было; судьи бы господине, посуловъ не имали, довольны бы были уроки своими, понеже сие глаголетъ Господь: «да не оправдиши нечестиваго мзды ради; ни силна, ни богата устыдися на судѣ, ни брата свойства ради, ни друга любве ради, ни нища нищеты ради; ни сѣтвориши неправду на судѣ, яко судъ истиненъ есть, проклятъ всякъ неправдо судя.» Пророкъ рече: «ярость Господня на нихъ неисцѣльна до вѣка, и огонь поястъ нечестивыя, мзды ради, иже неправдою взимають.» А судя праведно, безо мзды, спасени будутъ и царство небесное наслѣдуютъ. И ты, господине, внимай себѣ, чтобы корчмы въ твоей вотчинѣ

не было; занеже, господине, то велика пагуба душамъ: крестьяне ся, господине, пропиваютъ, а души гибнутъ. Тако же, господине, и мытовъ бы у тебя не было, понеже, господине, куны неправедныя; а гдѣ, господине, перевозъ, туто, господине, пригоже дати труда ради. Также, господине, и разбоя бы и татбы въ твоей вотчинѣ не было. И аще не уймутся своего злаго дѣла, и ты ихъ вели наказывати своимъ наказаніемъ, чему будутъ достойни. Тако же, господине, уймай подъ собою люди отъ скверныхъ словъ и отъ лаянія, понеже то все прогнѣваетъ Бога; и аще, господине, не потщишия всего того управити, все то на тебѣ взыщется: понеже властитель еси своимъ людемъ, отъ Бога поставленъ. А крестьяномъ, господине, не лѣнися управы давати самъ: то, господине, выше тебѣ отъ Бога вмѣнится и молитвы и поста. А отъ ушванія бы есте уймались, а милостышку бы есте по силѣ давали: понеже, господине, поститись не можете, а молитися лѣнитесь; ино въ то мѣсто, господине, вамъ милостыня вашъ недостатокъ исполнить.» Такъ говоритъ инокъ Князю о стояніи въ церкви: «Въ церкви стойте, господине, съ страхомъ и трепетомъ, помышляюще въ себѣ аки на небеси стояще: занеже, господине, церковь наречется земное небо, въ ней же съвершаются Христова таинства. Блюди и себе, господине, опасно: въ церкви, господине, стоя, бесѣды не твори и не глаголи, господине, никакого слова празна; и аще кого видиши отъ велможъ своихъ или отъ простыхъ людей, бесѣдующа въ церкви, и ты имъ, господине, взбранай: понеже, господине, то все прогнѣваетъ Бога.»

Третье посланіе надписано къ Звенигородскому Князю, Георгію Димитріевичу, также брату первыхъ двухъ. Трехъ лѣтъ, присутствовалъ онъ вмѣстѣ съ отцомъ своимъ при погребеніи Св. Алексія Митрополита, а родился въ Переславль-Залѣскомъ, въ 1374 году, и крещенъ Преподобнымъ Сергіемъ. Было ему 15 лѣтъ, когда отецъ его, Димитрій, умирая, далъ ему въ удѣлъ Звенигородъ и Рузу, и сверхъ того благословилъ его Галичемъ. Оснадцати лѣтъ, онъ, подъ начальствомъ дяди своего, Владиміра Андреевича,

уже воевалъ съ Новгородцами. Двадцати пяти лѣтъ, завоевалъ для брата своего, Василя, Казанскую Болгарію, а на 26-мъ году жизни (1400) женился на Анастасіи, дочери изгнанника, Князя Смоленскаго, Юрія Святославича. Долго боролся онъ за свое право быть Государемъ Московскимъ съ племянникомъ своимъ, Васиіемъ Темнымъ, вытерпѣлъ униженіе въ Ордѣ, долженъ былъ вести коня подъ дѣмянникомъ; но не уступилъ и передалъ вражду свою дѣтямъ. Посланіе написано Кирилломъ къ Князю, по случаю болѣзни супруги его. Инокъ предлагаетъ ему духовныя утѣшенія. Георгій, какъ видно, хотѣлъ посѣтить обитель Кирилла, но сей послѣдній уклонялся отъ столь высокой чести, боясь зависти. Вотъ слова его: «Еще господине, самъ сего поразсуди: понеже твоя вотчины въ сей странѣ нѣтъ, и только ты, господине, поѣдешь сѣмо, ино, вси челоѣвци начнутъ глаголати: «Кирилла дѣля токмо, поѣхалъ.» Былъ, господине, здѣсе братъ твой, Князь Андрей: ино, господине, его вотчина, и намъ пришла нужа: нелзѣ намъ ему, своему господину, челомъ не ударити. А ты, господине, Бога ради, не учини того, что ти къ намъ ѣхати.» Подъ именемъ вотчины Андрея разумѣется земля Бѣлозерская. Слова: яко же ти и прежь сего писахъ, показываютъ, что Кириллъ писалъ къ Князю. Георгію и другія посланія.

Изъ этихъ немногихъ посланій виденъ эмпирический и христіанскій характеръ Кирилла, видна простота его какъ въ мысли, въ чувствѣ, такъ и въ словѣ, и видна наконецъ та прекрасная духовная связь, которая соединяла отшельника съ державцами Русской земли.

Составивъ себѣ понятіе о томъ, кто основалъ обитель, перейдемъ теперь къ памятникамъ самой обители.

С П И С О КЪ

рисунковъ, приложенныхъ къ первой части.

1. Изображеніе Преподобнаго Кирилла Бѣлозерскаго, снятое съ его иконы - портрета, писаннаго Преп. Діонисіемъ Глушицкимъ и хранящагося въ ризницѣ монастыря..... къ заглавному лѣсту.
2. Спасопретворенскій соборъ въ Переславлѣ За-лѣвскомъ..... къ страницѣ 50
3. Изображеніе бракосочетанія въ древнихъ оде-ждахъ Русскихъ, снятое съ иконы 1682 года, хранящейся въ томъ же соборѣ..... къ страницѣ 52
4. Часовня на мѣстѣ столпа Св. Никиты Переслав-скаго, стоящая на большой дорогѣ, къ страницѣ 64
5. Извопикъ Семенковской станицы, Иванъ, съ гре-ческимъ профилемъ..... къ страницѣ 97
6. Портретъ слѣпца - математика М. А. Серебря-кова..... къ страницѣ 100
7. Воспоминаніе о К. Н. Батюшковѣ... къ страницѣ 113
8. Снимокъ съ иконы Св. Феодора Стратилата въ Вологодской церкви Свв. Елены и Констан-тина..... къ страницѣ 125
9. Женскій нарядъ въ селѣ Кубенскомъ къ страницѣ 134
10. Видъ на Кирилло-бѣлозерскій монастырь, снятый съ озера..... къ страницѣ 136

О Г Л А В Л Е Н И Е

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ТРОИЦКАЯ ЛАВРА.

Стран.

Цѣль повѣдки и описанія.—Путешествія по Россіи.—24-е Іюня.—
Воспоминанія по дорогѣ къ Троицѣ. — Мытшица. — Село Пушкино. —
Хатьковъ монастырь.—Странники.—Дорога до Троицы.—Лавра.—Юро-
дивый съ хлѣбомъ. — Литургія у раки Препод. Сергія. — Мысль всей
жизни Преп. Сергія. — Трапеза. — Картины на стѣнахъ и странники. —
Иконы. — Ризница.—А. В. Горскій.—Его Исторія Флорентійскаго собо-
ра. — Ученые Московской Духовной Академіи. — Библіотеки: Академіи и
Лавры.—Новое открытіе А. В. Горскаго о годѣ изобрѣтенія Славянской
грамоты.—Рукописи.—Ө. А. Голубинскій.—Двойной характеръ его бесѣ-
ды. — Мысли о нѣмецкихъ философахъ — Богоугодныя заведенія при
Лаврѣ.—Визанія.—Церковь.—Домъ Митрополита Платона.—Геесимаія... 1

АЛЕКСАНДРОВЪ.

Дорога отъ Троицы къ Александрову. — Слодино. — Новгородское
вѣрѣчіе. — Александровъ. — Наружность города. — Уѣздное училище. —
Успенскій дѣвичій монастырь. — Соборная церковь монастыря. — Едино-
главіе.—Иконостасъ.—Васильевскія двери.—Успенскій храмъ. — Остатки
покоевъ Іоанна. — Подвалы. — Италійскіе часы. — Основаніе обителей.—
Память сестеръ Петра Великаго.—Усыпальни.—Монастырская ризница.—
И. Ѡ. Барановъ.—Отсутствіе устныкъ преданій о Грозномъ 31

ПЕРЕСЛАВЪ ЗАЛѢСКОЙ.

Дорога въ Переславль.—Озеро Плесцеево.—Слѣды пожара въ го-
родѣ.—Древности Переславля.—Проводникъ Акимъ Алексеевъ.—Новый
соборъ.—Преданіе о Купалѣ. — Древній соборъ Спасопретображенскій.—
Иконы. — Изображеніе таинства брака 1882 года. — Гробницы. —
Храмъ Петра Митрополита. — Видъ съ колокольни собора. — Птицы-
рыболовы. — Житіе Никиты Переславскаго, слышанное изъ устъ не-
грамотнаго мѣщанина. — Монастырь Горницкій. — Рыбцкая Слобода.—
Давидовъ монастырь. — Вельсково. — Гремачъ. — Ботикъ Петра Вели-
каго. — Указъ Петра В. — Видъ на озеро. — Училища. — Прозекъ
изданія древностей Владимірскихъ 48

РОСТОВЪ.

Монастырь Никиты Переславскаго. — Преданіе объ изцѣленіи Князя Михаила Черниговскаго. — Шоссе. — Ярлыкъ. — Иаковлевскій монастырь. — Видъ на озеро. — Училища. — Гостиницы. — Соборная церковь. — Ростовскіе чудотворцы. — Гробницы. — Иконы. — Намѣненіе одной главы въ пять главъ. — Соляные часы. — Соборная колокольня и ея звонъ. — Ростовскій Кремль. — Церковь крестовая въ Архіерейскомъ домѣ. — Мѣсто кончины Святителя Димитрія. — Палаты: бѣлая и красная. — Исидоръ Христа ради юродивый. — Аврааміевъ Богоявленскій монастырь. — Преданіе о сокрушеніи идола Велеса. — Другія преданія о Св. Аврааміи. — Петровскій монастырь. — Житіе Петра Царевича. — Собраніе портретовъ въ келіяхъ О. Архимандрита Полякарпа. — Ризница монастыря Иаковлевскаго. — Колесница Святителя Димитрія. — Вечерній видъ съ башни на озеро и городъ. — Сцены изъ народной жизни 65

ЯРОСЛАВЛЬ.

Дорога къ Ярославлю. — Видъ изъ селенія Крестъ. — Русскіе кругозоры. — Видъ на Ярославль. — Видъ древнихъ городовъ Русскихъ. — Слова Блавіуса о людности улицъ и красотѣ женщинъ. — Волга и бурлацкая пѣсня. — Памятникъ Демидову. — 3-е Юля. — Праздникъ Св. Василия и Константина. — Владимірская икона Богоматери изъ Ростова. — Церковный ходъ. — Рублевый городъ. — Разговоръ съ мѣщаниномъ. — Любитель старины. — Разговоръ съ судовщиками. — Толгскій монастырь. — Разные роды судовъ на Волгѣ. — Грамоты въ монастырь 82

ДОРОГА ВЪ ВОЛОГДУ. — ГРЯЗОВЕЦЪ.

Впечатлѣнія по дорогѣ въ Грязовецъ. — Монастырь Препод. Корнилія Комельскаго. — Братія и Игуменъ. — Жизнь Преподобнаго. — Древности и грамоты монастыря. — Железястые ключи. — Заповѣдное дерево. — Извозчикъ Иванъ. — Современная народная пѣсня. — Грязовецкій слѣпецъ-математикъ: М. А. Серебряковъ. — Вечернія духовныя чтенія жителей Грязовца. — Папорокъ: слово изъ Слова о полку Игоревѣ, 83

ВОЛОГДА.

Гостиница Лондонъ. — Слова Блавіуса. — Наружность Вологды. — Древнее значеніе города. — Соборъ. — Мысль о его возобновленіи. — Директоръ Гимназіи: А. В. Башинскій и Инспекторъ: Ф. Н. Фортунатовъ. — Бесѣда съ ними. — Дѣйствіе журналовъ. — Дѣйствіе гимназій. — Разсужденіе Ф. Н. Фортунатова о воспитаніи. — Батюшковъ. — Селенія Вологодской губерніи. — Семисотлѣтіе Вологды. — Статистическія таблицы города за 1836 годъ. — Пространство Вологодской губерніи. — Монастырь Спасо-Прилуцкій. — Убѣжище церковныхъ сокровищъ

Москвы въ 1812 году. — Надписи въ память о томъ. — Архіепископъ Ириней. — Древности рязнцы. — Бесѣды съ Преосвященнымъ. — Три мысли, извлеченныя изъ бесѣдъ его. — Всеградская церковь Спаса обидеянаго. — Церковь Усѣкновенія Іоанна Предтечи. — Законоучитель Гимназіи II, В Васильевскій. — Память Преосвященнаго Иннокентія. — Церковь Св. Ѳеодора Стратилата. — Память объ Іоаннѣ Грозномъ и Петрѣ Великомъ. — Остатки дома 1704 года. — Часовня на мѣстѣ стоявшихъ мощей Митрополита Филиппа. — Церковь Св. Елены и Константина. — Икона Св. Ѳеодора Стратилата. — Церковь Архангела Гавриила. — Преданіе о бѣлоризцахъ. — Древнѣйшій храмъ Вологды во имя Св. Троицы и Св. Герасима. — Мощи Угодника. — Домъ купцовъ Плгышевыхъ. — Три духовныя ограды Вологды..... 104

ДОРОГА ИЗЪ ВОЛОГДЫ ВЪ КИРИЛОВЪ.

Прилуцкіе калачи. — Пѣсни извозчика. — Выговоръ. — Села по дорогѣ. — Озеро Кубенское. — Село Кубенское. — Его храмы. — Сосуды и иконы въ храмахъ. — Видъ съ колоколни. — Кѹбена и Сѹхона. — Ловля рыбы въ озерѣ. — Промыслы Кубенцевъ. — Повѣрка показаній Блазіуса. — Обычай. — Женскій головной уборъ. — Село Нѹденское. — Вопросы и отвѣты. — Кошатово. — Преданіе объ Угодникахъ. — Мѣстность и растительность по дорогѣ въ Кириловъ. — Видъ на монастырь издали. — Толпа ботомольцевъ 124

КИРИЛОВЪ МОНАСТЫРЬ.

Жизнь и посланія Угодника.

Городъ Кириловъ. — Видъ монастыря близн. — Вишнїй дворъ. — Внутреннїй. — Архимандритъ Ефремъ. — Мощи Преп. Кирилла Влозерскаго. — Житіе Сватаго: время сочиненія. — Семейная жизнь Кирилла. — Постриженіе. — Послушаніе. — Бесѣды съ Препод. Сергіемъ. — Слава его. — Юродство. — Служеникъ. — Архимандритъ. — Отреченіе отъ сего сана. — Безмѣлвіе. — Молитва о пѹстыни. — Голосъ и видѣніе. — Бесѣда съ Ѳерапонтомъ бѣлозерцемъ. — Сгранствіе. — Находитъ мѣсто для обители. — Первые труды. — Борьба съ препятствїями. — Основаніе обители. — Строеніе церкви. — Правила Устава. — Жизнь К. среди братїи. — Отношенія къ Князю Андрею Дмитр. Можайскому. — Ковчина Препод. — Посланія Преп. Кирилла къ Князьдмъ: Васидію, Андрею и Георгію Дмитрїевичамъ..... 136

ПОВЕДЕ

ВЪ КИРИЛЛО-БѢЛОЗЕРСКИЙ МОНАСТЫРЬ.

ВАКАЦИОННЫЕ ДНИ

ПРОФЕССОРА С. ШЕВЫРЕВА

ВЪ 1847 ГОДУ.

Въ двухъ частяхъ.

(Съ 25-ю литографированными рисунками).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1850.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. Москва. Марта 28-го дня, 1850 г.

Ценсоръ Ст. Сопѣт. и Кавалеръ И. Смирновъ.

О Г Л А В Л Е Н И Е

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

КИРИЛЛОВЪ МОНАСТЫРЬ.

Памятники и древности монастыря и его ризницы.

Стр.

Значеніе монастырей и Кирило-Бѣлозерской обители. — Названіе. — Оаѣра. — Озеро Сиверское. — Положеніе монастыря. — Имя монастыря. — Келья Преподобнаго и крестъ. — Башенка Никола Патріарха. — Мѣста 11 дворовъ. — Прежніе промыслы въ обители. — Стѣны ограды. — 100 келлій во вѣншей оградѣ. — Башни. — Каменные мѣшки. — Память летописная объ осадахъ. — Память о лицахъ, здѣсь жившихъ. — Синодикъ монастырскій. — Гробницы Князей Воротынскихъ. — Дары и слуги ихъ. — Ризница. — Икона-портретъ Препод. Кирилла. — Вещи Преподобнаго. — Стулъ Патріарха Никола. — Покрытыя и ризы. — Кубокъ Грознаго. — Рукописи ризницы: Евангеліе, писанное Христофоромъ въ 1414 году; Псалтирь 1424 года; два каноника соборныхъ; выписки изъ уставныхъ правилъ Церкви; отрывки изъ Фиваки нашей въ **ЖУ ЛѢТѢ**.....

КИРИЛЛОВЪ МОНАСТЫРЬ.

Библиотека.

Историческія свидѣнія о Библиотекѣ. — Опись. — Сборникъ Симеоновъ. — 70 Сборниковъ. — Выписки изъ нихъ. — Слово Григорія въ толцѣхъ. — Слово противъ пріобрѣтенія селъ монастырями. — Слово 5-е Серапіона о милоуѣрїи. — Сочиненія Св. Феодосія Кіевопечерскаго. — Мѣста изъ Слова Давида Заточника. — Отрывки изъ сочиненій Платіона Велікаго. — Слово о грамотахъ различныхъ. — Псалтирь, подаренная бояриномъ Дмитріемъ Годуновымъ. — Описаніе города Бѣлозерска. — Бумаги по управленію монастырскому. — Древнее оружіе..... 26

ГОРИЦЫ. — БѢЛОЗЕРСКЪ. — КИРИЛО-НОВОЗЕРСКАЯ ОБИТЕЛЬ. —

КРОХИНЪ ПОСАДЪ.

Горицкій монастырь. — Историческія объ немъ свидѣнія. — Храмы. — Пещаница. — Управление обители. — Ризница. — Видъ съ колокольна. — Возвратный путь. — Гора Маура. Видъ съ горы. — Преданіе о св. Кириллѣ. — Радуга надъ обителью. — Всеобщая въ Кирилловской церкви. — Бесѣда съ О. Еврепомъ. — Дорога въ Бѣлозерскъ. — Видъ на Бѣлозеро.

Синеусовъ курганъ. — Народныя объ земь преданія. — Стихотвореніе Н. В. Берга. — Древній и новый Бѣлозерскъ. — Соборная церковь. — Церковь Св. Ильи пророка. — Уваженіе народа къ Св. Ильи пророку. — Бѣлозерскій каналъ. — Гостиница. — Безрыбье. — Городское гулянье по валу. — Красота женщянъ. — Короны: головной уборъ. — Захожденіе солища на Бѣлозерь. — В. И. Нахорожскій. — Сказаніе о Бѣлозерскѣ. — Письмо очевидца о пребываніи Французовъ въ Москвѣ. — Монастырь Св. Кирилла Новозерскаго. — Жизнь Св. Кирилла. — Древній урочища. — Положеніе монастыря. — Память объ Архимандритѣ Теофанѣ. — Строе- ніе собора. — Ризница. — Трапеза. — Крохмль посадъ. — Истокъ Шексны. — Чайка. — Гарбуши и стойки. — Чтеніе журналовъ. — Церковь села Бородаева. — Опрятность крестьянскихъ домовъ..... 52

НИЛОСОРСКАЯ ПУСТЫНЬ. — УПРАЗДНЕННЫЙ ТЕРАПОНТОВЪ МОНА- СТЫРЬ. — ПОСЛѢДНІЕ ЧАСЫ ВЪ КИРИЛЛОВСКОЙ ОБИТЕЛИ.

Дорога къ скиту Св. Нила Сорскаго. — Мѣстоположеніе скита. — Зда- нія монастыря. — Древнее устройство обители. — Мѣсто келліи Преп. Нила. — Преданія о житіи Св. Нила. — Писанія Св. Нила. — О осьми помы- слѣхъ. — Три посланія. — Борьба духовная Русскаго человека со стра- стями. — Борьба съ печалію и уныніемъ. — Богомолецъ-пѣшеходъ. — Дорога въ Терапонтонъ упраздненный монастырь. — Видъ на Терапонтонъ озеро. — Жизнь Св. Терапонта. — Мѣсто заточенія Патриарха Никона. — Острова его. — Гора Цыпина. — Огромность развѣтровъ Кириллова мо- настыря. — Анекдотъ, рассказанный Блазіусомъ. — Образцы простона- роднаго нарѣчія города Кириллова..... 91

ВОЗВРАТНЫЙ ПУТЬ.

Ивановъ боръ. — Пороги Шексны. — Галинская станція. — Черепо- вецкое нарѣчіе. — Село Любцы. — Пехтѣево. — Уломъ. — Весьегонокъ. — Молога. — Дорога къ Рыбнису. — Тройка. — Рыбнискъ. — Воздви- жская церковь. — Соборный храмъ. — Протоіерей соборный. — Его по- ученія. — Впаденіе Шексны въ Волгу. — Пристань. — Разговоръ съ бурлакомъ. — Угличъ. — Гербъ Углича. — Соборъ. — Теремъ Св. Дмитрія Царевича. — Церковь Св. Дмитрія Царевича *на крови*. — Видъ на Волгу. — Исторія Углича О. Х. Киссела. — Домъ старинной архитектуры. — Тверь. — Соборъ. — Огрокъ монастырь. — Волга. — Церковь во имя Св. Троицы. — Мосты черезъ Волгу и Тьмаку. — Статистика Тверской губерніи (1783 и 1816 годовъ). — Памятное видѣніе..... 112

КИРИЛЛОВЪ МОНАСТЫРЬ.

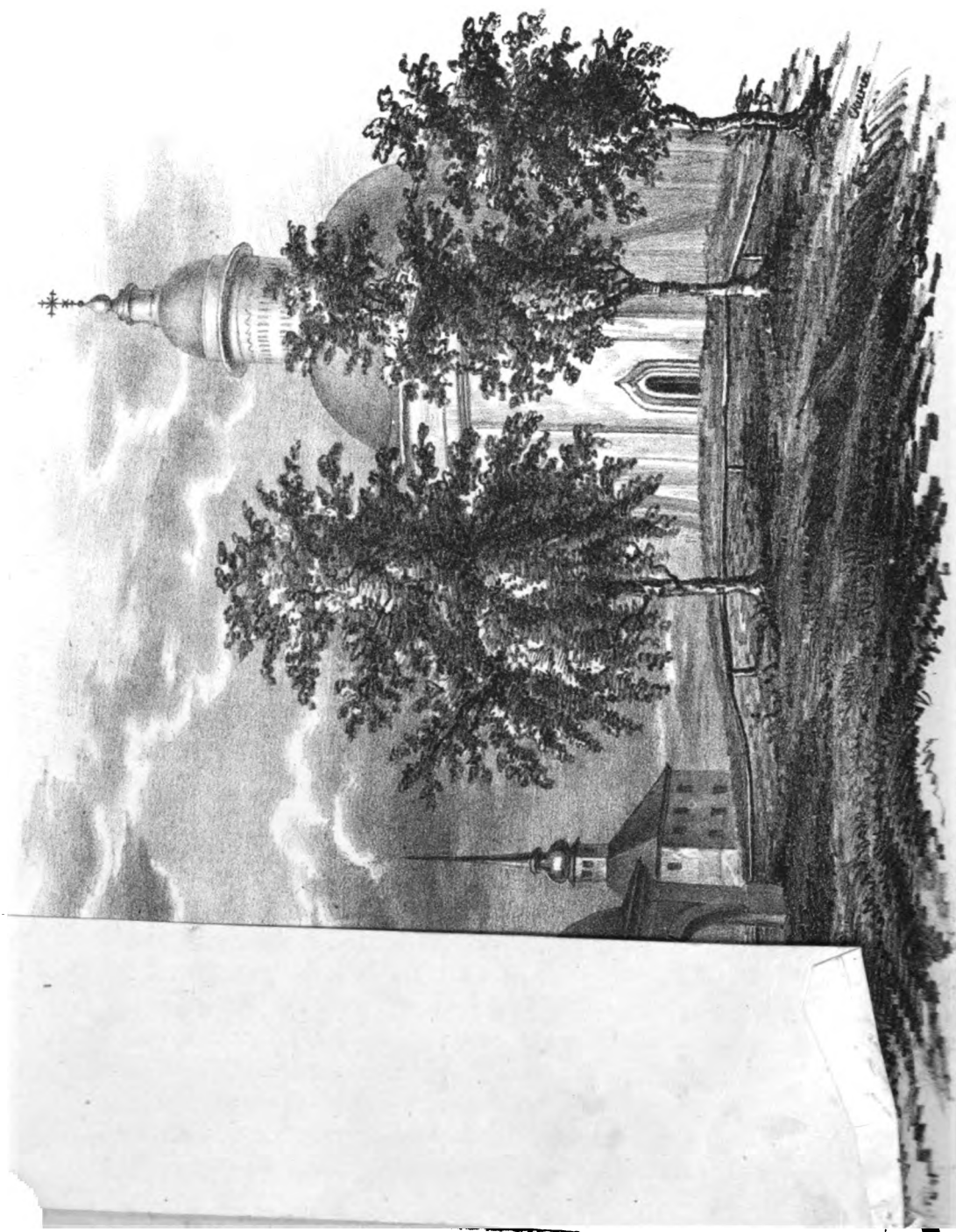
Памятники и древности монастыря и его ризницы.

Значеніе монастырей и Кирило-Бѣлозерской обители.—Названіе.—Озѣра. — Озеро Сиверское. — Положеніе монастыря. — Ивановъ монастырь. — Келья Преподобнаго и крестъ. — Башенка Никона Патріарха. Мѣста 11 дворовъ. — Пржевіе промыслы въ обители.—Стѣны ограды.—700 келлій во внѣшней оградѣ. — Башни. — Каменные мѣшки. — Память лѣтописная объ осадахъ. — Память о лицахъ, здѣсь жившихъ. — Синодикъ монастырскій. — Гробницы Князей Воротынскихъ. — Дары слугъ ихъ. — Ризница. — Икона-портретъ Препод. Кирилла. — Вещи Преподобнаго. — Стулъ Патріарха Никона. — Покровы и ризы. — Кубокъ Грознаго. — Рукописи ризницы: Евангеліе, писанное Христофоромъ въ 1414 году; Псалтирь 1424 года; два каноника соборныхъ; выписки изъ уставныхъ правилъ Церкви; отрывки изъ физики нашей въ XV вѣкѣ.

У насъ нѣтъ феодальныхъ замковъ, которыми усѣяны западныя страны, Англія, Італія и особенно Германія; у насъ нѣтъ этихъ памятниковъ, запечатлѣвшихъ собою слѣды развитія той грубой одинокой личной силы, каковую представляли феодалы запада въ средніе вѣки. Наши удѣльные князья жилали не въ замкахъ, а въ городахъ и вотчинахъ: уступивъ необходимости исторической, они не оставили по себѣ никакихъ каменныхъ слѣдовъ своего сопротивленія великому и благотворному единенію государства. Въ оны времена, когда еще Русскіе люди не вникали мыслію въ особенности своей жизни и исторіи, мы сожалѣли о томъ, что нѣтъ у насъ нѣмецкихъ замковъ и соединенныхъ съ ними романтическихъ легендъ, и готовы были построить даже замки воздушные, лишь бы только населить ихъ своими мечтами, а не дѣйствительною жизнію Русскаго народа.

Намъ, отъ нашего древняго періода, остались памятники другаго рода, которыхъ значеніе опредѣлено религіознымъ характеромъ самой жизни. Наши замки — монастыри, гдѣ личная сила избранныхъ мужей не развивалась произвольно, а напротивъ, въ молитвѣ, постѣ, нищетѣ, смиреніи, подчинялась силѣ Божіей и примѣромъ своимъ учила этому подчиненію и власти и народъ. Отшельники, въ овчинныхъ тулупахъ, въ худыхъ ризахъ, владѣтели этихъ замковъ — и владѣтели вѣчные, потому что исторія потокомъ времени не могла отнять этого владѣнія у тѣхъ, которые думали не о временномъ, а о вѣчномъ. Слуги Божіи, создатели сихъ твердынь духовныхъ, остались въ нихъ неприкосновенны ни людямъ, ни времени. Съ землянки, съ деревянной кельи, съ брусной церкви, начиналась эта твердыня; проливалась на всю дальнюю окрестность свѣтъ благочестія, молитвы, вѣры, любви; кормила голодныхъ, цѣлила недужныхъ, принимала странныхъ, выкупала пѣнныхъ; водворяла кротость въ нравахъ; служила духовнымъ оплотомъ противъ язычества и печестія. Государственная власть на этомъ духовномъ основаніи воздвигала оплоты для безопасности внутренней и вѣшной. Твердыня духовная превращалась въ государственную крѣпость. Возникали огромныя стѣны и башни, снабженныя всѣми воинскими снарядами. Оплоть Вѣры служилъ оплотомъ и Отечеству. Такъ обитель Троицкая была оградой Москвы, ея Ангеломъ хранителемъ въ 1612 году. Такова же была точно и обитель Кирилла Бѣлозерскаго, для сѣверныхъ предѣловъ Руси, для странъ Бѣлозерскихъ и Новгородскихъ. Такою же является, еще сѣвернѣе, обитель Соловецкая.

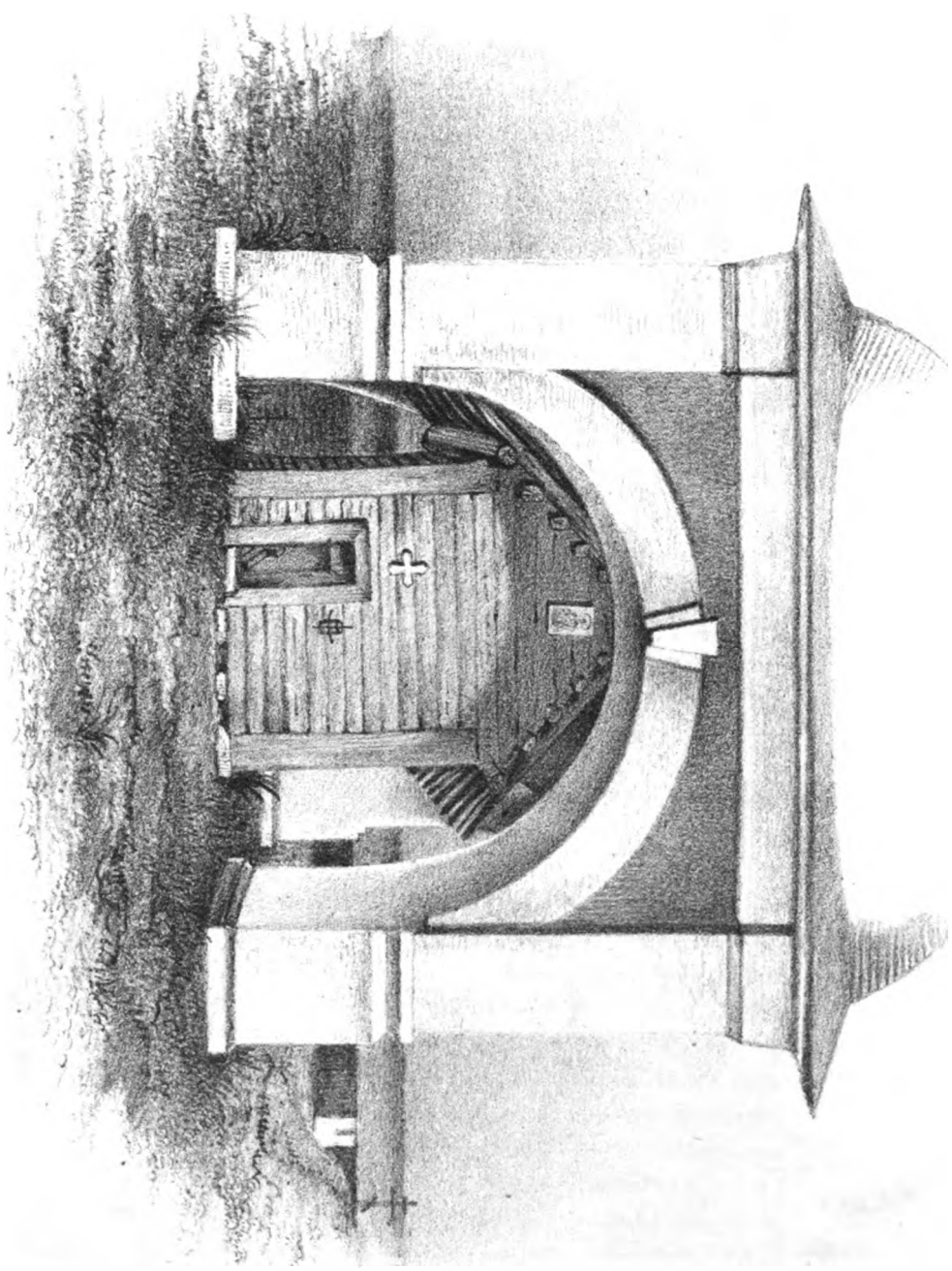
Кирилль, а по немъ и монастырь его, названы Бѣлозерскими не потому, чтобы самъ Кирилль жилъ — или основалъ свою обитель на Бѣлозерѣ; а потому, что вся окрестная страна, которую Кирилль наполнилъ славою своей святости, именуется Бѣлозерскою и, какъ вотчина, входила въ составъ Бѣлозерскаго удѣла. Обитель же основана была на сѣверномъ берегу Сиверскаго озера. Не въ далекомъ

разстояніи находятся еще два озера: Долгое, правѣ отъ монастыря, и Бабье. Вотъ почему и въ житіи Кирилла сказано, что мѣсто, избранное имъ, отовсюду «яко стѣною окружено водами.» Взойдите на колоколыню, которая возвышается надъ оградю, примыкающею къ озеру. Отсюда вы увидите его въ длину и ширину. Длина пять или шесть верстъ, а ширина одна верста, мѣстами поболѣе. Насупротивъ монастыря; посерединѣ озера, вы видите маленькой островокъ и на немъ деревянный крестъ, по преданію; водруженный также Пр. Кирилломъ. Жители говорятъ, что этотъ островокъ никогда не покрывается водою и что когда озеро ломаетъ ледъ свой, то ледъ на него не всходитъ. Есть также повѣрье въ Кирилловѣ, что Преподобный заговорилъ комаровъ и машкару; но купцы думаютъ, что комары и машкара заговорены только на время конной ярмарки, чтобы кони не бились. Прекрасна ровная гладь этого пятиверстнаго озера, съ утра до вечера и ночью мѣняющая цвѣта свои. Монастырь стоитъ почти у одного изъ концовъ его. Вправо возвышается та гора Маура, съ которой, какъ говоритъ устное преданіе народа; не записанное въ житіи, Кириллъ въ первый разъ увидѣлъ мѣсто, указанное ему въ видѣніи Богоматерью для обители. Эта гора закрываетъ собою Горицкій женскій монастырь, котораго главы изъ за нея едва, едва мелькаютъ. Мы еще побываемъ на ней, когда посѣтимъ обитель Горицкую.

Осмотрѣвъ эту водную и гористую окрестность монастыря, сойдемъ въ его внутренность. Здѣсь прежде всего надобно обратиться ко кресту и кельямъ Кирилла, которые находятся на мѣстѣ, называемомъ малымъ Ивановымъ монастыремъ. Почему онъ такъ называется? потому ли, что здѣсь находится церковь во имя Іоанна Предтечи, построенная въ 1531 году; въ память ли Грознаго, который нерѣдко выражалъ инокамъ обители желаніе свое постричься въ монастырь и, конечно, питалъ особенное уваженіе къ этому мѣсту, откуда зачинается память самой обители и ея основателя. Здѣсь на пригоркѣ воздвигнутъ деревянный крестъ, сдѣланный самимъ Кирилломъ, какъ говорятъ, изъ

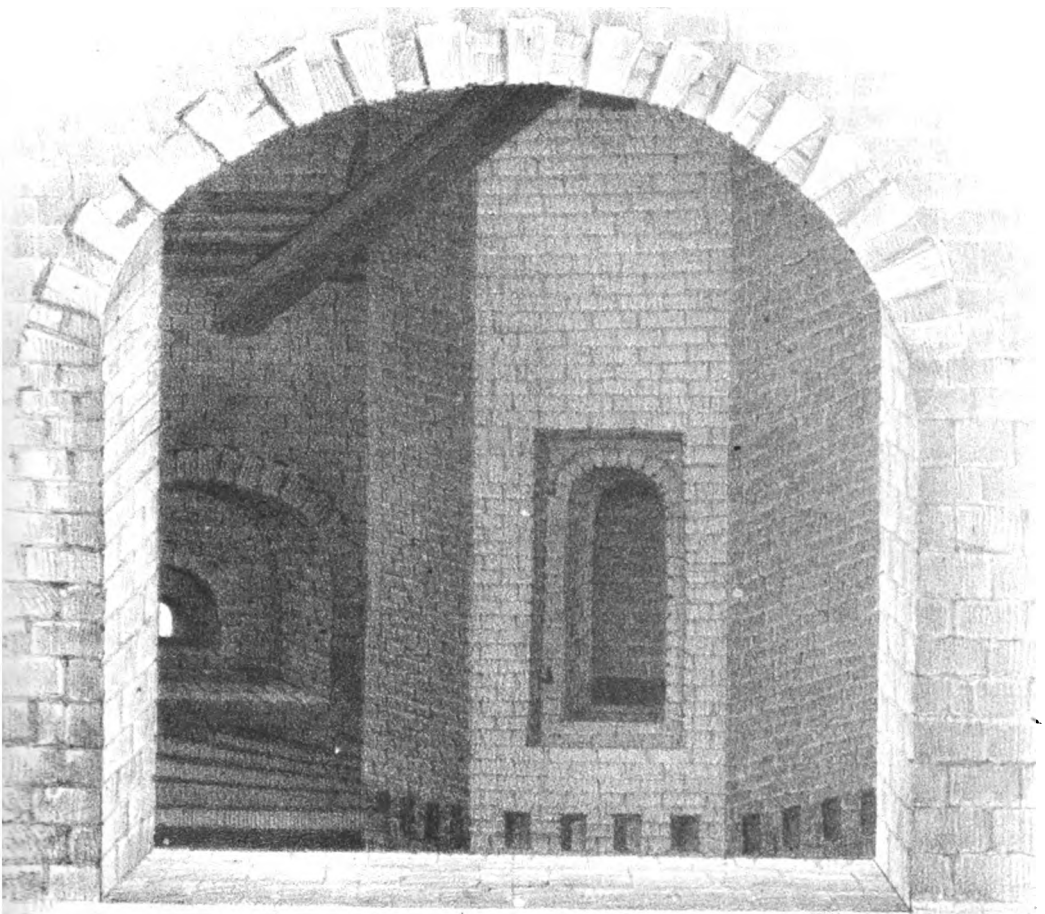
падшей ели, вѣроятно, той самой, которая пала во время сна его. Здѣсь также и деревянная келлія, срубленная Преподобнымъ и покрытая древесною корою. Вѣрующіе употребляютъ кору отъ зубной боли. Обѣ святыни одѣты каменными чехлами. Въ кельѣ находится и колодезь, съ водою весьма вкусною. Прилагаемые два рисунка знакомятъ читателя съ этою древностію. Подлѣ этого мѣста была, вѣроятно, и подземная пещера, вырытая Св. Кирилломъ. Здѣсь-то начались его подвиги. Сюда пришли къ нему крестьяне: Воронъ и Кикось. Какъ бы хотѣлось вообразить себѣ отсюда ту малую брусняную церковь, которую въ оны времена соорудилъ Кириллъ незванными плотниками. Теперь, на мѣсто оной, возвышается 11 благолѣпныхъ храмовъ, строенныхъ въ разныя времена, начиная съ конца XV вѣка, всего же болѣе въ XVI. Въ то число не включаемъ придѣловъ. На Ивановомъ же монастырѣ показываютъ еще одно зданіе, въ видѣ башенки, гдѣ жилъ Патріархъ Никонъ, когда перевели его изъ Оеропонтова монастыря въ Кирилловъ. Теперь тутъ баня монастырская. Въ житіи Никона, писанномъ К्लीрикомъ, бывшимъ при немъ, сказано, что кельи, въ которыхъ его заточили, были *вельми неудобны*; что «отъ необычнаго нагрѣванія и угару пріять блаженный велику болѣзнь, въ малѣ бо и житія не сконча.» Существуетъ грамота Патріарха Іоакима 1676 года, изъ которой видно, что и до его свѣдѣнія дошло, что въ кельяхъ, гдѣ вельно было жить монаху Никону, печи кирпичныя и бываетъ отъ нихъ угаръ. Патріархъ указываетъ въ тѣхъ кельяхъ сдѣлать «печи образчатыя цѣпниныя, чтобъ угару отнюдь не было, да позади тѣхъ келей, гдѣ пристойно, по близку, высмотря съ нимъ Никономъ, для его Никоновыхъ потребъ, сдѣлать ему особую поварню каменную съ трубою, а трубу вывести выше деревяннаго строенія, чтобъ было отъ огня опасно.» Видно, что поварня Никонова до того находилась въ самыхъ тѣхъ кельяхъ, гдѣ жилъ онъ, и лѣтомъ въ жары нагрѣвала его комнату, потому что и грамота писана Іюля 5-го. Кирилловъ не очень — то гостепріимно угощалъ славнаго изгнанника. — Между храмами и другими зданіями, гдѣ по-

мѣщаются келліи, училище и больница, вы видите дворы огромные, которые заняты теперь сѣнокосомъ, десятинами съ разнымъ хлѣбомъ, огородами, садами, гдѣ растутъ и кедръ. Остатки прежнихъ кладбищъ видны кругомъ церквей. Здѣсь на этихъ мѣстахъ прежде было 11 дворовъ: 1) хлѣбный, 2) поваренный, 3) рыбный, 4) плотничій, 5) дровяной, 6) гостинный, 7) пиленный, 8) мельничный, 9) житенный, 10) мереженный (отъ мережи-рыболовной снасти) и 11) конюшенный. Извѣстно, что монастырь содержалъ у себя промыслы всякаго рода. Различные ремесла процвѣтали здѣсь, подъ надзоромъ распорядительныхъ Настоятелей. Изъ грамоты 1646 года мы знаемъ: Царь Алексѣй Михайловичъ указалъ на Москвѣ дѣлать многія церковныя и дворцовыя и городовыя каменные дѣла, да въ Серпуховѣ сдѣлать новый каменный городъ; каменщиковъ и кирпичниковъ къ тѣмъ дѣламъ указалъ онъ взять изъ Кириллова монастыря такихъ, которые напередъ сего его каменное дѣло дѣлывали, и даже имена подъ грамотою посланы были тѣхъ самыхъ, которые Царю спонадобились. Такъ монастыри снабжали Царя хорошими мастерами.

Къ озеру примыкаетъ одна стѣна, но съ трехъ другихъ сторонъ ограда у монастыря двойная. Вышина внутренней ограды 10 аршинъ, ширина полтора аршина. Вышина внѣшней 16 аршинъ, кромѣ кровли, ширина 9 аршинъ съ половиною. Стѣны ея въ три яруса. Въ нижнемъ находились кузницы, анбары и разныя службы. Во второмъ и третьемъ ярусахъ устроены ходы такіе просторные, что широкой каретѣ можно бѣ было безопасно проѣхать. Внутренній дворъ монастыря отъ внѣшняго отгороженъ большою стѣною, въ которой находятся большіе ворота съ изображеніями изъ жизни Кирилловой. На этомъ внѣшнемъ дворѣ нѣтъ уже никакой святыни; онъ весь засѣянъ хлѣбомъ и овощами. Кругомъ по этому двору, въ нижнемъ этажѣ, вы найдете 700 опустѣлыхъ келлій. Въ нихъ окна маленькія, половъ нѣтъ никакого слѣда; вѣроятно, топились онѣ какъ курныя избы, потому что потолки покрыты копотью. Едва ли эти кельи назначались для монаховъ. Здѣсь, конечно,

жили ратники, людъ военный, ибо вся внѣшняя ограда принадлежитъ не столько монастырю, сколько крѣпости. Къ тому же эта ограда строена съ 1633 года по 1666. Обѣ ограды снабжены башнями, которыхъ всѣхъ, большихъ, среднихъ и малыхъ, внутреннихъ и внѣшнихъ, 23. Самыя большія изъ нихъ окружаютъ внѣшнюю ограду. Онѣ носятъ названія Вологодской, Казанской, Бѣлозерской или мереженной, Кузнечной, Косой, Московской. Последняя изъ нихъ самая высокая и самая широкая въ обхватѣ. Она осмиугольная; вышиною съ шатромъ болѣе 25 сажень; съ низу до верхняго этажа въ ней было 192 ступени. Теперь ходы въ этихъ башняхъ уже поломаны большею частію. Огромные брусья, на которыхъ построены были дѣстницы, употреблены для монастырскихъ нуждъ. Внутри каждой башни вы найдете большой столбъ, отъ низу до верха, раздѣленный на нѣсколько отдѣловъ. Къ каждому отдѣлу велъ особенный ходъ, и въ каждомъ вы видите отверстіе. Къ нѣкоторымъ, весьма немногимъ, можно и теперь еще пройти. Внутри тѣсное, узкое пространство, сверху сводъ, отверстіе и два бруса. Вотъ что называлось въ старину тѣми страшными *каменными мышками*, въ которыхъ заключали преступниковъ, изгнанниковъ или плѣнныхъ. Прилагаемый рисунокъ снятъ со внутренней Московской башни. Вся ограда, и съ башнями въ окружности, имѣетъ по описи 716 сажень. Жители монастыря полагаютъ ее круглымъ счетомъ въ полторы версты. Эти башни, эти стѣны, арсеналъ оружія, до сихъ поръ хранящійся въ монастырѣ, напоминаютъ о военныхъ осадахъ, какія вынесла обитель. Инокіи сохраняютъ до сихъ поръ память этихъ событій. У Отца Смотрителя Училища я нашелъ рукописную книжку, которая содержитъ въ себѣ исторію Троицкаго и Кириллова монастырей и въ оны времена принадлежала слугѣ сего послѣдняго, Фёдору Шелепину. Въ ней вы читаете: «Лѣта 7120 (1612) Іюля въ 10 день въ четвертокъ Литва Бѣлоозеро выжгли и высѣкли. Того же году Августа въ 20 приходили Литва подъ Кирилловъ монастырь съ Удомской дороги изгономъ и выжгли конюшенной дворецъ и гостинной дворъ и шваленой дворецъ. — 7121

1700-11

(1612) году Сентября въ 22 день Литва Вологду выжгли и высѣкли. Тогожь году Декабря въ 5 въ ночи приступали Литва къ Кириллову монастырю панъ Бобовской съ Черкасы. Того же мѣсяца въ 11 въ ночи приступали Литва къ Кириллову монастырю съ лѣствицами панъ Песоцкой съ братомъ и съ Черкасы.»

Отъ наружности монастыря перейдемъ теперь къ тѣмъ памятникамъ, которые онъ въ себѣ заключаетъ. Сколько святыхъ мужей пребывало здѣсь: Мартиніанъ, Оерапонтъ, Христофоръ. Отсюда вышли Корнилій Комельскій и Нилъ Сорскій. Цари и Князья пріѣзжали сюда на богомолье. Здѣсь Иоаннъ Грозный возымѣлъ желаніе постричься въ монахи, искреннее или не искреннее, ему извѣстно да Богу. Здѣсь томилась въ изгнаніи многіе славные мужи древней Руси. Сюда укрывались Бояре отъ каръ Грознаго, и здѣсь нарушали они строгость Кириллова устава внесеніемъ своихъ роскошныхъ обычаевъ. Здѣсь столь многіе нашли вѣчное успокоеніе, иные даже въ мукахъ, какъ напримѣръ, Князь Иванъ Петровичъ Шуйской, сосланный Годуновымъ при Царѣ Феодорѣ Иоанновичѣ и, можетъ быть, удушенный въ одной изъ тѣхъ башенъ, о которыхъ мы говорили.

Взглянемъ прежде на два тома синодика, который хранится въ соборной церкви Успенія и читается всегда, кромѣ царскихъ дней, монахомъ, для того назначеннымъ. Оба тома писаны въ большой листъ, на бумагѣ, крупнымъ уставомъ, разными руками. Въ началѣ, какъ и во всѣхъ синодикахъ, находится предисловіе о пользѣ молитвы церковной за души усопшихъ, о томъ какъ надобно совершать сіи молитвы, объ исхожденіи души изъ тѣла, отрывки изъ житій Святыхъ, сюда относящіеся, и проч.

Впереди записаны игумены Кириллова монастыря и монастырей окружныхъ: Кирилъ Бѣлозерскій, Оерапонтъ его собесѣдникъ, Мартиніанъ, Александръ Ошевенскій, Кирилъ Новоезерскій, Иннокентій, ученикъ и наслѣдникъ Кирилла, Христофоръ ученикъ его, Нилъ Сорскій и другіе. За тѣмъ вселенскіе Патріархи, Митрополиты Кіевскіе и Московскіе, Великіе Князья Русскіе съ самаго крещенія Руси. Патріархи

Русскіе написаны не въ порядкѣ, а такимъ образомъ: Іовъ, Гермогенъ, Филаретъ, Іоасафъ, Іосифъ, Іоасафъ, Питиримъ, Никонъ, Іоакимъ, Адрианъ. Никонъ сначала исключенъ былъ, какъ видно, а приписанъ послѣ другимъ почеркомъ, вмѣстѣ съ Патріархами Іоакимомъ и Адрианомъ.

Далѣе Удѣльные Князья, Цари, древнимъ почеркомъ до Алексія Михайловича включительно; Епископы. Вотчинники отдѣлены отъ Князей Удѣльныхъ. Въ сихъ послѣднихъ записаны Князь Георгій Іоанновичъ, Князь Андрей Димитріевичъ, покровитель монастыря. Въ вотчинникахъ же Князья Щенятевъ, Кубенскіе, Палецкой, Волоцкой, Черкасской, и другіе. Замѣчательнъ родъ чудотворца Кирилла Бѣлозерскаго: михайла. каллиника. тарасіа. сѹмеона. александра. петра. іова. петра. іоанна. ісаакія. гаврііла. маріи. пантелеймона. оуліяніи. іріны. матроны. іоанна. евдокіи. евдокіи. евдокіи. оуліяніи. маріи. маріи. матроны. мартиніана. сѹмона. никола. Кѣмъ же могъ быть переданъ обителю родъ ея основателя, кромѣ самаго Кирилла, который видно въ благочестивомъ поминаніи не забывалъ своихъ родителей и предковъ? Но не лзя не замѣтить, что здѣсь нѣтъ имени дяди его, окольного Тимофея; не скрылось ли оно подъ именованиемъ иноческимъ? Имя тетки его Ирины, жены Тимофея, записано.

Надъ именами иноковъ нерѣдко обозначено ихъ мирское прозваніе или занятіе. Такъ, напримѣръ, надъ Игнатіемъ — Волоцкій крестьянинъ, надъ инокомъ Іоною — Воротынскій, надъ Варлаамомъ — Воротынскаго человекъ, надъ Аверкіемъ — дружина Романовскій, надъ Арсеніемъ — глухой, надъ Феодосіемъ — Шереметевъ, надъ Симеономъ — Волинскаго человекъ, надъ Евстратіемъ — кузнецъ, надъ священнодіакономъ Аврааміемъ — былъ въ Казани митрополитъ, надъ священноинокомъ Спиридономъ — попъ Селивестръ, знаменитый совѣтникъ Іоанна, котораго слава еще болѣе возрасла съ тѣхъ поръ какъ Г. Коншинъ открылъ сочиненіе его: Домострой, и съ нимъ рядомъ сынъ его Анфимъ, тотъ самый, къ которому Сильвестръ написалъ посланіе, заключающее его книгу; надъ Княземъ Петромъ во иноцѣхъ Пиміномъ — Щенятевъ, замученный

Грознымъ, надъ Михаиломъ — Морозовъ, надъ Іоанномъ — Хабаровъ. Иногда обозначена родина иноковъ: с москвы, углечиниъ, бѣлозерецъ, болдинецъ, нижегородецъ, святогорецъ, грузинецъ, москвитинъ. Встрѣчается имя Гурія между иноками: не того ли, чьею рукою написаны многія книги библіотеки, какъ мы увидимъ послѣ?

Далѣе идутъ роды: Князей Ярославскихъ, Василія Михайловича Юрѣва, Данила да Никиты Романовичевъ, Князя или Царя Сѹмеона Бекбулатовича во иноцѣхъ Стефана, переведеннаго въ Кирилловъ въ 1612 году, Годуновыхъ, Князей Шуйскихъ, Глинскихъ, Олгердова Князя Θεодора Бѣльскаго, Кн. Сѹмеона Бѣльскаго, Кн. Іоанна Бѣльскаго, Князей Кубенскихъ, Пѣньковыхъ, Сицкихъ, Цыплатевыхъ, Палецкихъ, Умного, Колычевыхъ, Трубецкихъ, въ числѣ которыхъ встрѣчаемъ имя Болярина Князя Дмитрія Тимоѣевича, Одоевскихъ, Лыковыхъ, Морозовыхъ, Пронскихъ, изрѣдка исторически знакомое имя: Ілью Даниловича Милославскаго съ женою Екатериною, Хитрово, Телятевскихъ, Голицыныхъ, Черкасскихъ, Вяземскихъ, Ростовскихъ, Рязанскихъ, Оболенскихъ, Прозоровскихъ, Салтыковыхъ, Ромодановскихъ, Кѣмскихъ, Андомскихъ, Звѣнигородскихъ, Козловскихъ, Волконскихъ, Нагово, Хабаровыхъ, Плещеевыхъ, Масальскихъ.... Нерѣдко, среди этихъ пышныхъ именъ нашего древняго Русскаго вельможества, мелькаютъ скромные роды крестьянъ и другихъ сословій: родъ села Троицкаго деревни Пантелеймоновской крестьянина Бориса Прохорова, родъ села Волоку Словинскаго деревни Коровина большаго крестьянина Михаила Миронова, родъ Волоку Словинскаго крестьянина деревни Волковы Мартина Флорова, Нижегородца Ямскаго слободы Артемія Іоаннова сына Лома Носа, Ярославскаго уѣзду Борисоглѣбской слободы Григорія Сухорукова, подъячего Симеона Реткина, двороваго челоѣка Гришки Сергіевскаго, старца пустынника Авраамія, Θεодора Θεодотова сына Кузнеца, Василія Андреева сына Свины, изъ горъ бобыля Тимоѣя Гладково, старца Діонисія клирика Святки, Семіона плотника, Колмогорца Іосифа Морошкина, Муромскаго уѣзду вотчины болярина Князя Іоанна Алексіевича Воро-

тынскаго села Мошку Пречистенскаго Попа Іоанна, Строганова челоуѣка Ѳеодора Шушпанова. Замѣчательно, какъ послѣ стольниковъ начинаются вдругъ секретари провинціальныхъ канцелярій. Иногда роды людей свѣтскихъ прерываются родами духовныхъ лицъ: Митрополитовъ, Епископовъ, Архимандритовъ и иноковъ. Замѣчательны въ первой части Синодика роды Аникіевыхъ дѣтей Строгоновыхъ начиная съ Спиридона, который жилъ при Димитріѣ Доцскомъ и вывезъ, какъ говорятъ, счеты отъ Татаръ, и родъ Никиты Григорьева, одного изъ участниковъ въ первоначальномъ покореніи Сибири, къ которому Грозный въ 1581 году писалъ грамоту.

Поминать родителей и предковъ, и молиться о ихъ душахъ, было одною изъ первыхъ обязанностей древняго Русскаго челоуѣка. Церковь, своими заупокойными молитвами, соединяла всѣ сословія въ помянникахъ своихъ, въ которыхъ такимъ образомъ сохранились древнѣйшія родословія людей извѣстныхъ и неизвѣстныхъ.

Здѣсь же, по Государеву Цареву и Великаго Князя Алексія Михайловича указу, монастырь поминъ творить по дворянѣхъ и дѣтехъ боярскихъ и всякихъ чиновъ людехъ, которые на бояхъ побиты подо Псковомъ въ 7158 (1650) году; далѣе по тѣхъ, которые пали подъ Смоленскомъ въ 7162 (1654) году, и по своихъ слугахъ, которые или пали подъ Москвою отъ Литовскихъ людей, или померли въ селахъ во время моровыхъ повѣтрій.

Въ числѣ гробницъ, которыхъ надписи еще уцѣлѣли отъ времени, находятся гробницы Князей Воротынскихъ, погребенныхъ въ придѣлѣ Св. Благовѣрнаго Князя Владимира, по лѣвую руку отъ соборной церкви Успенія. Я списалъ надписи, которыя недавно сняты были съ могилъ и вдѣланы въ стѣны. Древнѣйшая относится къ 1554 году. Она находится направо, при входѣ въ церковь, и вдѣлана въ самомъ углу стѣны. Вотъ она: «Лѣта 7062 (1554) Сентября 27 преставися рабъ Божій Благовѣрный Князь Владимиръ Ивановичъ Воротынскій.» Это славный участникъ въ походѣ Казанскомъ, вождь Царской дружины, который, во время болѣзни Іоанновой, стоялъ такъ твердо за

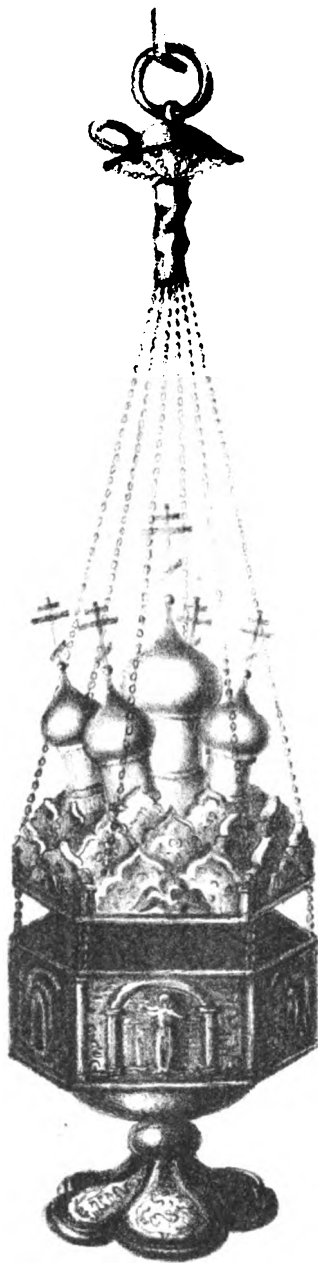
правà Грознаго и сына его, Димитрія, противъ Князя Владиміра Андреевича и Боярѣ. Въ 1553 году, Іоаннѣ ѣздилъ въ Кирилловъ, съ своимъ младенцемъ, который вскорѣ послѣ поѣздки скончался. Воротынскій умеръ, судя по надписи, въ 1554 году: это согласно и съ исторіей, ибо она послѣ присяги, къ которой онъ приводилъ Боярѣ въ 1553 году, уже болѣе не упоминаетъ объ немъ. Съ достовѣрностью предположить можно, что Князь Владиміръ Воротынскій сопровождалъ Іоанна въ знаменитомъ *Кирилловскомъ ѣздѣ*. О церкви, воздвигнутой надъ нимъ во имя патрона его Св. Князя Владиміра, упоминаетъ Грозный въ своемъ посланіи въ Кирилловъ монастырь къ Игумену Козымѣ съ братією, который игуменствовалъ съ 1573 по 1582 годъ. «А во се надъ Воротынскимъ церковь есть поставили. Ино надъ Воротынскимъ церковь, а надъ Чудотворцемъ иѣтъ. Воротынской въ церкви, а Чудотворецъ за церковію. И на страшномъ Спасовѣ судици Воротынской да Шереметевъ выше стануть, потому Воротынской церковью, а Шереметевъ закономъ, что ихъ Кириллова крѣпчае. Слышахъ отъ васъ брата нѣкоего глаголюща, яко добрѣ се сотворила Княгиня Воротынского, азъ же глаголю яко не добрѣ. По сему, первое, яко гордыни есть и величанія образъ, еже подобно Царстѣй власти, церковію и гробницею и покровомъ почитатися, и не токмо души не пособъ, но и пагуба; души бо пособіе бываетъ отъ всякаго смиренія. Второе, и сіе зазоръ не малъ, что мимо Чудотворца надъ нимъ церковь.» Подробности этихъ упрековъ объясняетъ мѣстность. Гробница Препод. Кирилла находится не въ церкви, а съ боку соборнаго храма. Древняя же церковь, построенная Княгинею Воротынскою надъ могилою ея мужа, замѣнена, къ сожалѣнію, подновленною.

Внизу другая надпись: Князь Александръ Ивановичъ Воротынскій лѣта 7072 (1564); онъ упоминается въ описаніи битвы противъ Ногайскихъ Татаръ, и въ 1551 году, вмѣстѣ съ Головинымъ, ставилъ городъ Михайловъ.

Изъ надписи, которая находится по срединѣ, узнаемъ, что перенесены были изъ Кашина въ Кирилловъ монастырь

Князь Михайло и сынъ его, Князь Логинъ, въ 7114 году, т. е. въ 1606 Января 21-го; погребены же они были въ Кашинѣ Михайло въ 1573 году (7081), а Логинъ въ 1584 (7092). Кто же этотъ Князь Михайло Воротынскій? Судя по году смерти (1573), долженъ быть знаменитый *слуга Государевъ*, главный вождь при взятіи Казани и первый вѣстникъ о томъ Царю Іоанну, славный побѣдитель Крымскаго Хана Девлетъ-Гирея, о побѣдѣ котораго надъ Крымцами свидѣлствуютъ до сихъ поръ высокіе курганы между Лопаснею и Рожаемъ. Въ 1560 году, онъ былъ сосланъ съ женою, сыномъ и дочерью въ Кирилловъ, гдѣ жилъ довольно пышно. Изъ казны государевой ему отпускались иноземные напитки: бастръ, романя, ренское, лимоны сотнями, винныя ягоды, изюмъ пудами, сливы ведрами, гвоздика, перецъ, осетры, шевриги, лососи, и трубы левашныя для сладкихъ левашниковъ. Двѣнадцать чело-вѣкъ было при немъ на царскомъ содержаніи. Княжна его ходила въ тафтѣ бурской и веницейской. Въ 1565 году, Воротынскій былъ прощенъ по ходатайству Митрополита и Епископовъ, но черезъ десять мѣсяцевъ послѣ славной своей побѣды при Лопаснѣ, по извѣту раба своего, обвиненъ въ колдовствѣ и замученъ огнемъ. Іоаннъ самъ подгрѣбалъ горящія уголья къ его славному тѣлу. Едва дышущаго повезли его на Бѣлоозеро, но онъ скончался въ пути. Надпись показываетъ, что онъ сначала погребенъ былъ въ Кашинѣ, а оттуда уже перенесенъ въ Кирилловъ.

Сообщу имена и другихъ Воротынскихъ, которые погребены здѣсь позднѣе: Князь Иванъ Михайловичъ Воротынскій (7135) 1627 года, по лѣвую руку въ стѣнѣ Князь Михайло Ивановичъ Воротынскій (7186) 1678 года, и наконецъ Князь Иванъ Алексѣевичъ Воротынскій (7187) 1679. Съ памятью сего послѣдняго соединена въ монастырѣ и память его двороваго человѣка, Никиты Осипова Неделикопова, который внесъ въ ризницу монастыря два богатые вклада: дарохранительницу съ богатѣйшимъ крестомъ и кадило великолѣпное, серебряное, вызолоченое. На немъ пять главъ церковныхъ, а около кадильнаго жерла изображенія

всѣхъ семи первыхъ дьяконовъ Церкви. Кругомъ надпись: лѣта 7176 (1668) сіе кадило построилъ въ церковь Успенія Божіей Матери Боярина и Князя Ивана Алексѣевича Воротынскаго человекъ Никита Осиповъ Недековъ (на ларохранительницѣ Неделикоповъ). Прилагаемое изображеніе можетъ дать понятіе объ этомъ кадилѣ. Другое же кадило пожертвовано Княземъ Львовымъ въ 1666 году; но оно не такъ богато, какъ кадило двороваго человека Воротынскаго.

Въ ризницѣ драгоцѣннѣйшее изъ воспоминаній о преподобномъ Кириллѣ есть икона и вмѣстѣ портретъ его, писанный еще при жизни, какъ говоритъ преданіе, Св. Діонисіемъ Глушицкимъ, который скончался десять лѣтъ спустя послѣ Кирилла и принадлежитъ къ числу Вологодскихъ чудотворцевъ. Діонисій славился иконописаніемъ. Вѣрный снимокъ съ иконы-портрета, прилагаемый въ началѣ книги, познакомитъ съ этою драгоцѣнностью и наметнетъ, покрайней мѣрѣ, на тѣ величаво-спокойныя и многодумныя черты, которыя составляютъ характеръ лица Кириллова.

Вотъ фелонъ и подризникъ Преподобнаго. Вотъ и деревянный красный сосудъ, съ изображеніемъ Спасителя, Божіей Матери, Іоанна Предтечи, точно такой же, какіе были у Св. Сергія. Надъ нимъ совершалъ онъ литургію. Вотъ овчинный его тулупъ, широкій, съ петлями; его шерстяной колпакъ; костьль изъ орѣховаго дерева; кожаная котомка; кожаный поясъ съ деревянною пряжкой; двѣ чаши въ футлярахъ, мѣдныя, и деревянный ковшъ. А вотъ и святцы, писанныя его рукою на пергаминѣ, и духовное его завѣщаніе, въ которомъ онъ поручалъ свой монастырь Можайскому Князю Андрею.

Недалеко отъ этой утвари, свидѣтельствующей духовное смиреніе Святаго, стоитъ памятникъ, совершенно противоположный, памятникъ высокоумія. Это стулъ, сдѣланный Патріархомъ Никономъ, подъ ручками котораго вырѣзалъ онъ слѣдующую надпись: «7176 (1668) Марта ба (12) дня сій стулъ здѣланъ смиреннымъ Никономъ

Патріархомъ въ заточеніи за слово Божіе и за Святую Церковь въ Оерзпонтѣ монастырѣ въ тюрьмѣ.»

Между царскими дарами монастырю замѣчательны покровы на гробницу Преподобнаго, съ его ликомъ, шитые нашими Царицами и Царевнами, между которыми памятно имя благочестивой и трудолюбивой Татіаны Михайловны. Ризы, рытый-бархатъ, перешиты изъ порфиры Бориса Годунова, который присылалъ подобныя дары во многія обители. Съ народомъ дѣлился онъ рубахою, съ нѣмецкими войнами царскимъ платьемъ, съ иноками же своею порфирою. Братина золотая, даръ отъ Грознаго; вокругъ ея вылиты изъ золота изображенія нагихъ женщинъ: не вмѣстѣ ли съ обличительнымъ посланіемъ присланъ былъ отъ Грознаго этотъ кубокъ?

Въ каталогѣ монастырской библіотеки 17 рукописей означено такъ: «книги Преподобнаго Чудотворца Кирилла.» Вотъ онѣ: Евангелій 7, (въ л. 2, въ 8-ку 5) Апостолъ въ л. 1, Псалтирь въ л. 1, Правила въ 8-ку 3, Лѣствица въ 8-ку 1, Канониковъ въ 8-ку 4. Всѣ эти книги хранятся не въ библіотекѣ, а въ ризницѣ. По Исторіи Россійской Іерархіи (т. IV. стран. 398) значится въ ризницѣ: «рукописныхъ книгъ келейныхъ Преподобнаго 13, самимъ Преподобнымъ писанныхъ, и «два Евангелія, писанныя ученикомъ его Христофоромъ.» Слѣд. на лицо мы находимъ двумя книгами болѣе противъ означеннаго въ И. Р. I. На всѣхъ этихъ книгахъ крупнымъ древнимъ почеркомъ написано имя Куріла.

Изъ этихъ рукописей я упомяну подробнѣе о тѣхъ, которыя означены годами и любопытны въ филологическомъ отношеніи. Содержаніе выписокъ перенесетъ насъ къ началу XV вѣка, въ пустынные дебри Сиверскаго озера, гдѣ ученики Кирилловы, окруженные мракомъ невѣжества, писали священныя книги и на нихъ утверждали духовныя основы обители.

Евангеліе пергаменное, въ малый листъ, апракосъ, писанное Христофоромъ ученикомъ Кирилла, уставнымъ почеркомъ, въ 1416 и 1417 годахъ. Вотъ слова, которыя

читаемъ на первомъ листѣ. Изъ нихъ видно, съ какимъ благоговѣніемъ принимался труженикъ за свой благочестивый подвигъ!

Гѣи Исѣ Хрѣ Снѣ едиnorodныи и безначалнаго ти отца, реку пречѣстными оусты яко без мене не можете творити ничтоже, гѣи мои гѣи, вѣроу объемъ въ дшѣи мои и срѣдци тобою реченная. припадаю твоей блгѣсти. помози ми грѣшномуу. сие желанное мною наченъ о тебѣ самомъ и наверхшати.

О хѣвъ начало рачительства сему нами въ лѣтѣ ^{свѣдѣ} (1717)
Февруаріа кд въ пдѣне сырныи.

Въ концѣ послѣсловіе:

Края достигохъ, о отцѣ и снѣ и дѣѣ стѣмъ възмагаемъ. стѣго еуглѣя бжственоую книгоу сию грубыми и неудообренными алфавиты. Въ лѣто ^{свѣдѣ} (1717) іуниа вѣ на память прѣдѣбго отца аноуфрѣя.

Евангеліе украшено повелѣніемъ Государя Великаго Князя Василіа Ивановича всея русіи и при сынѣ его В. Князѣ Иванѣ Васильевичѣ, и при Митрополитѣ Іонѣ Кіевскомъ въ лѣто ^{свѣдѣ} (1717).

Василій Ивановичъ, умершій въ 1533 году, могъ приказать украсить это евангеліе, а сынъ его Иванъ Васильевичъ въ 1534 году, хотя черезъ Думу Боларскую, приказаніе отца исполнить, но Митрополитомъ Кіевскимъ въ 1534 году былъ не Іона, а Іосифъ II.

Языкъ этого Евангелія замѣчательнъ тѣмъ, что въ немъ встрѣчаются греческіе обороты современнаго намъ текста: и слово бѣ къ бгѣу — се бѣ искони къ бгѣу — одно отричаніе вмѣсто двухъ: и без него ничтоже быс, еже быс — ба̄ никтоже видѣ нигдѣ же (вмѣсто: ба̄ никтоже никъдеже не видѣ, какъ въ Остром. Ев.); еще эллинизмъ, котораго нѣтъ и въ современномъ текстѣ: дасть имъ область чада биа̄ быти, вѣрующимъ въ имя его (винительный падежъ греческій вмѣсто дательнаго славянскаго). Любопытно слово: *надро* — въ надрѣ отчи — надро, вм. нѣдро, встрѣчающееся въ Польскомъ и въ Чешскомъ нарѣчіяхъ (въ послѣднемъ во множ. числѣ). Греческіе обороты, находимые въ Евангеліи 1417 года, чрезвычайно важны

потому что измѣняютъ совершенно мнѣніе, основанное на положеніяхъ Грамматики Добровскаго, что эллинизация текста началась только съ Максима Грека. Видно, что она началась за столѣтіе до Максима, который пріѣхалъ къ намъ въ 1518 году. Вѣроятно же то, что это исправленіе происходило вообще отъ монаховъ Афонской горы, съ которою мы были въ непрерывныхъ сношеніяхъ. Слѣды этихъ сношеній видны изъ рукописей монастыря Кирилловскаго. Такъ въ числѣ сборниковъ я нашелъ: *Максима исповѣдника слово постническо по въпросу и отъвѣтѣ поведено отъ греческаго языка на русскы въ стѣхъ горъ афоньстѣхъ въ лето 7218 (1425) куръ Іаковомъ добротисцемъ оубоному Евсевию, непотребному Ефрему Русину*. Рукопись эта подарена монастырю инокомъ Аркадіемъ. Стало быть, въ 1425 году, по заказу Русскихъ иноковъ, иноки Афонской горы переводили творенія Св. Отцевъ съ Греческаго языка на Славяно-Русскій.

Откуда Христофоръ, писавшій Евангеліе, пришелъ къ Кириллу, неизвѣстно. Изъ Житія Преподобнаго мы узнаемъ, что онъ былъ однимъ изъ любимыхъ учениковъ его; что «много книгъ написа обители пречистыя Богородица во храмъ ея своею рукою»; что съ 1428 года, послѣ Иннокентія, правившаго обителью только 5 мѣсяцевъ, онъ былъ третьимъ игуменомъ до 1433 года; что во время междоусобныхъ войнъ, бывшихъ тогда въ Россіи, онъ искупалъ плѣнныхъ и возвращалъ ихъ на родину; что на троекратный зовъ Князя Звенигородскаго, Георгія Дмитріевича, не пошелъ къ нему, ссылаясь на чинъ монастырскій, запрещающій игумену оставлять монастырь, и такими дѣйствіями понудилъ Князя къ отпуску всѣхъ плѣнныхъ, какіе были имъ во время войнъ взяты.

Есть и другое Евангеліе на хлопчатой бумагѣ, означенное именемъ Христофора, какъ писанное его же рукою, но безъ его собственной подписи.

Псалтирь Кирилла. Такъ написано крупнымъ почеркомъ на пергаменной рукописи въ 4-ку, писанной уставомъ въ 1424 году. Псалтирь начинается слѣдующею молитвою къ Пресвятой Троицѣ:

«Молитва престоу троць глн начина псалтърь: Трестая трце, бже всего мира, поспѣши и направи срѣце мое. начати сразоумомъ и кончати дѣлы блгыми. бгодохновенныя сия книги иже стѣи дѣх оусты двѣи отрыгнуоу. ижеже аѣ окоушавося глати. разумѣя же свое невѣжество; припадая молотися, и от тебе помощи прося. гни и с хсе буправи оумъ мой, и оутверді.» (і въ концѣ строки) «сердце мое. не о глании оустевъ стоужити си. но и разоумъ глѣмыхъ веселитися. и пригитовитися на творение дѣломъ, аже оучюся или глѣю. да добрыми дѣлы осиянѣ, достоинѣ на соудищи твоемъ. десныя ти страны причастникъ боудоу, со всеми избранными твоими и нынѣ вѣко блгѣви. да вздохнуувъ от срѣца лзыкомъ въспоу глагола :»

Слѣдуетъ за этимъ изображеніе церкви о пяти главахъ на верху, и о двухъ внизу, всего о семи главахъ, съ надписаніемъ: црквь сборная стѣихъ аплъ; внизу: «колы възлюблена села твоя гни сылъ». Это изображеніе пяти- и даже семьглавой церкви на рукописи, означенной, какъ увидимъ сей часъ 1424 годомъ, можетъ быть принято въ соображенію господами археологами, для которыхъ вопросъ о томъ, когда введено пятиглавіе на нашихъ соборныхъ церквяхъ, составляетъ важную и до сихъ поръ неразрѣшенную задачу въ исторіи нашего зодчества. Псалтырь кончается пѣснями Пророковъ и Моисея. Въ послѣсловіи читаемъ:

Края достигохъ о отцѣ и снѣ и дсѣ стѣмъ възмагаемъ отго пророка двѣа. бгооца и цря. пѣснь-бжественную книгу сию. грубыми и неудобреными алфавиты. В лѣто $\frac{69252}{1424}$ сцлв $\frac{69252}{1424}$ кругъ снцю сї лоуи сї индик. в мѣца июния въ кѣ днѣ по блгѣвленью оца моего и гна кирила игумена начало и конецъ книги сѣя.

Два канѣнника соборныхъ.

1) Канѣнникъ соборной преподобнаго отца нашего Кирила. Свершишася сия книги мѣца сентеврия въ г день въ лѣто $\frac{9218}{1408}$ индик. $\frac{9218}{1408}$, на хлопчатой бумагѣ, въ 8-ую долю, писанъ мелкимъ уставомъ. 2) Канѣнникъ на пергаментѣ въ 8-ку, крупнымъ уставомъ. Въ концѣ приписано: В лѣто $\frac{9251}{1421}$ сцла $\frac{9251}{1421}$

мца сетеврия въ а написаны быша сия книги дшеполезныа въ обители прчстыа бца. блгсвеннем гна старца киріла игоумена. въ славоу стѣа Трѡца аминь.

О дѣво бгоизбраннаа. о отроковице бгоневѣстная. о владѣще мироу прчстала бце въ о всемирных ти молениихъ к сну своему и боу. Помани гже млствая и мене грѣшнаго. протягшаго недостойною мою роукоу всеи.

Всякому дѣлу благу хс есть зачало и конецъ. тому слава в безконечныа вѣкы аминь.

Ги Ісѣ Хсѣ спсн писавшаго и имѣти хотящаго спс.

Гиѣ старецъ аноуфри створи любовь:

Поминаи грѣшнаго в молитвахъ своих стѣхъ мартиніана инока. лжею инока, а не истинною.

Мартиніанъ былъ также ученикомъ Кирилла, основателемъ Вожеозерской Спасской обители и наслѣдникомъ Оерапонта, друга, собесѣдника и сопутника Кириллова, въ монастырѣ, основанномъ Оерапонтѣмъ на озерѣ его же имени.

Особенно замѣчательны двѣ книжки въ 12-ую долю, писанныя на хлопчатой бумагѣ весьма твердой, почеркомъ сходнымъ съ тѣмъ, какимъ написано духовное завѣщаніе Преподобнаго Кирилла, подлинникомъ хранящееся въ монастырской ризницѣ. Это заставляетъ предполагать, что эти книжки писаны самимъ Кирилломъ. Содержаніе ихъ еще болѣе увѣряетъ въ такомъ предположеніи. Онѣ заключаютъ въ себѣ выписки изъ правилъ Соборовъ и Св. Отець, Василія Великаго, Никона Преподобнаго и другихъ, относящихся наиболѣе къ церковному уставу и къ пустынной иноческой жизни. Такого рода выписки были особенно важны для человѣка, который изъ населенной и людной Москвы отправлялся въ мѣста пустынныя, для водворенія иноческой жизни. Таковы, напримѣръ, слѣдующія правила о причащеніи, изъ Василія Великаго и изъ вопрошеній Сѣаго Луки Сирійскаго о томъ, какъ *единствующимъ* въ

пустыняхъ позволяется совершать причащеніе своею собственною рукою, въ келіи, безъ священника.

Сѣго Василія о причащеніи въпросъ аще достоинъ ли соущоу священникоу рукою своею комоу причащатися. Отвѣтъ: Въпрошеніе се отвѣта не требуетъ. явлено бо есть по древнему обычаю и дѣломъ самѣмъ о семъ оувѣритися. вси бо иноци иже по поустыняхъ единьствоуютъ. идѣже сщнника нѣсѣ, стое причащеніе вкеліяхъ съ собою храняще, сами причащаются. Во александрии же и въ египтѣ, каждо и от простыхъ людій множайше причащеніе имуть въ домѣхъ своихъ и егда кто хоцетъ причащается самъ. единоу бо жертвѣ свершенѣ бывши сщнникомъ и данѣ комуждо. и пріимше единоу от сщнника и причащающеся, яко и от самого сщнника причащаются. и тако должно есть вѣровати, понеже бо и въ цркѣви священникъ даетъ часть тѣла хѣва. и пріимшии держать вроуцѣ свои всякою властію. и тако принашаютъ ко устомъ своимъ рукою своею. Тождѣ бо есть сила, или единоу часть пріяти от сщнника. или многии и купно имѣти на многа времена, и причащатися. *Вспросъ о стѣмъ причащеніи.*

Въпроси сѣгн лука стирійскый митрополита Воренфинскаго гл҃я: Влѣкѣ стый нужю имамъ, яко да причащаюся бж҃ственнѣмъ тайнамъ по преданію свѣгн цркѣви. и расстояние путно есть от цркѣви много. и молю тл҃. прости мя да имамъ стѣла да ся причащаю имъ и отвѣща. добро есть егда не добрѣ завѣщается. испроси от првощника мѣстнаго или от дхвнника си стое причащеніе и пріими сие со страхомъ и трепетомъ и со всяцѣмъ стыдѣніемъ и съблюденіемъ и егда хоцещи причащитися, оукраси тѣщю чисту. и постави ю предъ стѣми иконами. и верху ея простри платъ даровныи и тако постави стѣла со артофоремъ иславидоу. понежъ стѣгн агнецъ съединенъ есѣ съ животворною кровію от сщнника на стѣой трияpezѣ. сего радъ стѣгн гл҃ются. и кончавшу ти канонъ поклоны гл҃я и мѣтвы сѣго причащенія. возжи свѣщю и покадивше лобзѣи стѣгн иконы. и створи прощение и рци вѣрую въ единого баоца и вечери твоея тайнѣ и днес. и тогда преклонся, пріими своею рукою. и причащитися бж҃ственныхъ тайнъ и гл҃и г҃ж амин амин амин. и вземъ чашицю свиномъ или водою вкушай г҃ж и да есѣ чашиця та на се въ сохранение. такожъ и дщица

предреченная. и свершившу ти сию аколифию. рци достойно ес̄ и чтнѣйшу хѣр. и тако створи стихъ и прощение:

Въже се предано ко всѣм сѣдящим в пустынях но токмо кнелестным и свидѣтельствуваном и достойным и елици имуть любовь со всѣми и терпѣние и смирение.

Читая эти правила, можно себѣ представить, какъ Преподобный Кириллъ, странствуя въ дебряхъ бѣлозерскихъ, поучалъ совершать то, чего требовала Церковь, по правиламъ пустынниковъ Церкви первоначальной.

Внизу написано:

Бгѡвленская вода прежде доры пити. а августю сщине вода пити послѣ доры.

Въ другой книжкѣ отъ правилъ стѣхъ аплѣ и стѣхъ оцѣ замѣчательны: Отвѣты Константинопольскаго собора, бывшаго при Митрополитѣ Максимѣ.

Эти отвѣты относятся къ собору, бывшему въ Константинополѣ при Патріархѣ Іоаннѣ Веккѣ, на которомъ, вмѣстѣ съ Сарайскимъ Епископомъ Θεогностомъ, былъ и Митрополитъ Русскій, Максимъ, перенесшій окончательно Митрополию изъ Кіева во Владимірѣ на Клязмѣ, въ 1300 году. Объ этомъ путешествіи Максима на соборъ Царьградскій лѣтописи наши умалчиваютъ. О пребываніи же Θεогноста въ Царьградѣ, но безъ участія въ соборѣ, онѣ упоминаютъ. Карамзинъ, когда писалъ Исторію, не имѣлъ также о немъ свѣдѣнія; но къ примѣчаніямъ VIII тома Исторіи онъ присоединилъ статью изъ рукописи XVII вѣка, принадлежавшей купцу Шульгину и заключавшей въ себѣ сіи отвѣты. Рукопись эта сообщена была ему К. Θ. Калайдовичемъ, отъ зоркихъ глазъ котораго ничто не укрывалось въ памятникахъ нашей древней письменности. Митрополитъ Евгений въ Словарѣ своемъ упоминаетъ объ этихъ отвѣтахъ, прибавляя, что они встрѣчаются въ письменныхъ коричихъ сборникахъ. Въ Описаніи Румянцевскаго Музеума, въ каталогѣ рукописей Гр. Толстаго и въ исчисленіи церковныхъ актовъ при Обзорѣниіи Кормчей книги Барона

Розенкампа о сихъ правилахъ не упоминается. Карамзинъ помѣстилъ ихъ у себя въ сокращеніи. Я сдѣлалъ изъ рукописи Кирилова монастыря выписки и сличивъ ихъ съ тѣмъ, что напечатано у Карамзина, нашелъ большія разногласія, показывающія, что Карамзинъ пользовался рукописью уже искаженною противъ древняго текста. Вотъ доказательство.

У Карамзина Т. VIII. Прим. Изъ Кириловской рукописи стран. 149. начала XV вѣка.

Приходящимъ отъ Несторіанъ и Яковитъ, како подобаеъ сторіанъ и отъ яковитъ како ихъ ихъ крещати? Подобаетъ ему подобаетъ крещати? Подобаетъ прокляти свою Вѣру и учителя ему прокляти свою вѣрѣ и своя, помазавше муромъ. (!) оучители свои. помазавше и муромъ тако причтеть и правовѣрней вѣрѣ, и блгочестивою.

Приходящимъ отъ Татаръ Вопросъ. Приходящихъ отъ таи и хотящихъ креститися, и не таръ и хотящихъ крѣтитися и будетъ великаго сосуда, въ не будетъ велика соуда въ чемъ чемъ погружати ему, или въ погружати ему? — Да обличитъ, или въ езерѣ, токмо поваеъ его трижды глѣ въ нмагрузитъ какъ бы? Да погруоца и сна и стго дха. жають его трижды...

Видно, что послѣдній вопросъ о Татарахъ предложенъ былъ на Царьградскомъ соборѣ Русскимъ Митрополитомъ и вызванъ былъ потребностію времени. Любопытно бы было напечатать всѣ отвѣты сего собора по этому, вѣроятно, древнѣйшему списку — и такимъ образомъ обнародовать церковный актъ, свидѣтельствующій, что наша Церковь въ самую трудную годину принимала участіе въ соборахъ Константинопольскихъ. Послѣ того, какъ написаны были эти строки, вышла Исторія Русской Церкви Епископа Филарета, который во 2-ой части своего труда ознакомилъ съ содержаніемъ этихъ вопросовъ и отвѣтовъ и объяснилъ ихъ современное значеніе нуждами нашей Церкви въ Сараѣ.

Въ сей же книжкѣ любопытны еще слѣдующія правила, изъ которыхъ обнаруживаются народныя суевѣрія и высокія нравственныя понятія представителей Церкви.

Правило о вѣрующихъ въ гады и звѣри и часовъ имущихъ и дни, овы добры, овы злы.

Суть оубо нѣціи въ хрїстіанехъ иже еретичьская дѣла дръжаще и егда будетъ по заходу слнца не дають ничтоже отъ дому своего. ни огонь. ни съсудъ нѣкаковъ. или требоваііе нѣчто. внимаютъ же и глсы кокошемъ. и враномъ. и инымъ птицамъ. и лисцамъ, и сраца, глюще овы злы. овы добры. и зрѣнія слнцю и лунѣ. и звѣздамъ. и зрѣнія скотомъ. тѣмъ же подробну се начитаемъ и повелѣваемъ оумѣющому сіа. съ запрущеніемъ ктому не внимати таковымъ. зане судъ страшенъ прїиметь о сихъ :

Аще кто воинъ сый и по путехъ воиньскихъ и по бранехъ будетъ ходиль. то да не вѣстуетъ на іерейство. ни да смѣеть поискати. аще и прѣчисть будетъ отъ сквернь : И аще кто князь сый. или цррь. хотя злыя казнити и злаа отъ хрїтіанъ оуставити. и злое всегда гонити. и отганѣти отъ члкъ. сирѣчь татя и разбойники. и хищники оубивати. руцѣ отсѣцати. и слѣпнѣти. таковому повелѣши стїии събори показатися. з лѣт. і лѣта да не причаститися. и г лѣта да ката лѣто причащается. ката лѣто на пасху великую. а покааніе въ шестихъ лѣтѣхъ. да съвършитъ постомъ. и поклоны яко же въ началѣ книгъ сихъ оуказася : —

Въ заключеніе этой книжки находятя три *чтенія отъ бытія*, или три паремьи, взятыя изъ Житія Бориса и Глѣба, которыя Церковь, въ день памяти Св. мучениковъ, по храмамъ своимъ возглашала повсюду во времена междоусобныхъ ратей. Мудрено ли, что Преподобный Кириллъ, склонявшій такъ краснорѣчиво Великаго Князя Василя Дмитріевича къ примиренію съ Суздальскими Князьями, позаботился о томъ, чтобы пріобрѣсти сіи паремьи для своей обители? Объ этихъ паремьяхъ первые упомянули К. Θ. Калайдовичъ и П. М. Строевъ во 2-мъ отдѣленіи рррк. Бтѣки Гр. Толстаго № 275, ркис. пергам. не старѣе XIV вѣка.

По этой рукописи онѣ были напечатаны въ Приложеніяхъ къ изданію Лаврентьевскаго списка Кіевской лѣтописи. Но рукопись Кириллова монастыря представляетъ большія различія въ текстѣ, такъ что перепечатаніе сихъ паремій по Кирилловскому списку предложило бы полезныя и любопытныя варианты къ этому памятнику, столько важному въ церковной нашей словесности.

Рукопись Кирилловская отличается отъ Толстовской многими мѣстами, которыхъ въ сей послѣдней недостаетъ, и сверхъ того, предлагаетъ неправильное употребленіе юсовъ (ж и ж), которые ставятся безразлично на мѣсто разныхъ буквъ; отчужденіе отъ формъ Славяноцерковнаго языка въ пользу Русскаго, что особенно видно въ исключеніи двойственнаго числа почти повсюду, и нѣкоторыя замѣчательныя слова. Обращу вниманіе на одно: *обрисавъ* потъ еъ вои своими, читаетъ она вмѣсто: съ дружиною своею *утерь* пота, какъ написано въ Толстовской. Слово *обрисать* объясняется сербскимъ *обрисати*, обтирать, Чешскимъ *обрусомъ*, также и нашимъ *убрусомъ* (полотенцомъ), котораго значеніе отъ глагола *обрисать* становится яснымъ.

Въ этихъ книжкахъ, содержащихъ въ себѣ правила, относящіяся къ церковному и монастырскому учрежденію, основатель монастыря счелъ неизлишнимъ вставить многія объясненія явленіямъ природы, изъ коихъ иныя заимствованы изъ древняго писателя Галена. Такъ здѣсь находимъ статьи: о земномъ устроеніи, гдѣ доказывается, что земля устроена устроеніемъ лицо виднымъ, о разстояніи неба отъ земли, о землетрясеніи, которое объясняется посредствомъ жилъ, въ сердцѣ земли находящихся, о четырехъ стихіяхъ, моряхъ, о океанстѣй рѣцѣ, о облакахъ, о громахъ и молніяхъ, и падающихъ звѣздахъ. Вотъ выписки изъ физики нашей въ началѣ XV вѣка.

«Галиново на Ипократа.»

«Грoмoвe жe и мoлнiя бывaют сiцe. oумoлoжшiмcя вѣт-
рoм гoрѣ, и oмoмoу oубo сaмoидoущoу. oмoмoужe oнaмo. и нѣ
oубo вѣтрь и нoудѣ и нѣ oблaкъ нoсiтъ. и нѣ жe дрoугы. и якoжe
срaщoутcя и ствoршe сѣрaжeнiе другъ сѣ другoмъ. грoхoт
иcпущaютъ сѣ oгнeмъ. и пмжe oбрaзoмъ и крeмeнь сѣрaзiвcя сѣ
жeлѣзoмъ. грoхoтъ иcпущaетъ сѣ oгнeмъ. сiцe и oблaци другъ
сѣ другoмъ срaжaеми грoхoт иcпущaютъ и oгнѣ, грoхoт oубo
eсть грoмъ. oгнѣжъ eсть мoлнiя. сeгo рaди нeдрoугoици бы-
вaютъ грoмoвe и мoлнiя нo тoчiю eгдa oблaци бывaютъ. тoгдa
и грoмoвe бывaютъ. бывaютъжe грoмoвe oубo прѣвѣ. мoлнiя жe
пocлѣждe. мыж прѣвѣe вiдiмъ мoлнiя и пocлѣждe cлышiмъ
грoмъ: и тaкo eсть. зaнe зрѣнiе члѣчъcкoe cкoрѣйшe eсть и aбiе
нeкocнiтeлнѣ зрiтъ. eжe хoщeтъ oузрѣти нe кocнiтъ. сeгo рaди и
мoлнiя cкoрo зрiтъ. cлышaнiе жe кocнo чювствo eсть, и кocнiтъ
oслышaти грoмныи грoхoт, и cлышaти eгo пocлѣдiжe мoлнiя.
ceжe зрi дa вiдiшi и нa сѣкoущиxъ дрѣвa, aщe oт дaлeчe нaсѣ
eсть сѣкyи, сѣчiвo oубo вiдiмъ oудaряющe дрѣвo. грoхoтъ жe
нe aбie cлышiмъ. нo мiмoшeдшoу нeкoликoу чaсoу тoгдa и
грoхoт cлышiмъ.»

Дaлѣe oбъяснeтcя сaмoe пaдeнiе мoлнiи.

Вoтъ мѣстo o пaдaющиxъ звѣздaxъ.

«O днѣннцaxъ. Вiдiмыя и къ зeмлi пaдaeмыя звѣзды.
глѣютъ члвцѣи якo звѣзды сyтъ и пaдaютъ. и нннжe глѣютъ якo
мытaрствa coут лoукaвaя. нo ннжe звѣзды coутъ. ннжe мы-
тaрствa. нo oтлoжeнiя coут oгнѣнa нeбcнaгo oгнѣ и пaдaютъ
дoлy. и eлнкo нпсxoдятъ ннзoу. рaстaплѣютcя и cлывaютcя
пaкы нa вѣздyсѣ. сeгo рaди ннжe нa зeмлi вiдѣтъ ктo кoгдa
пaдшaяcя oтъ ннхъ нo вceгдa нa вѣздyсѣ cлывaютcя и рa-
cыпaютъ и глѣютcя дeннцa, звѣздыж ннкoгдaжe пaдaютъ. тo-
чiю нa втoрoe прншeствнe хѣвo. тoгдa бo нбcа cннютcя и
звѣзды cпaдoутъ. пoдoбнѣ и мытaрcтiи дoycи тoгдa пoндyтъ
вѣ oгнѣ вѣчныи. нo якoжe рѣхoмъ oт нбcнaгo крyгa coутъ
прѣлoмлѣннa. плaмeнoвiднa. и eсть иcтнннo сe.»

Oбъяснeнiя зaиmствoвaны изъ Гaлeцa, сѣ cобcтвeнныи
кaкъ вiднo прнбaвлeнiямн.

Есть свидѣтельство XVII вѣка, найденное Карамзинъмъ, тому, что сочиненіе Галеново о *большомъ и маломъ мѣрѣ* въ переводѣ было извѣстно въ Кирилловской обители. При экземплярѣ первой Русской Арифметики, которую Карамзинъ отнесъ ко времени Бориса Годунова, онъ отыскалъ приписанное новѣйшею рукою сочиненіе Галеново о *большомъ и маломъ мѣрѣ*, съ слѣдующимъ извѣстіемъ: «Выписано въ Кириловѣ монастырѣ съ книги преподавнаго отца нашего Игумена Кирилла, Бѣлозерскаго Чюдотворца, съ книги въ четверть снисканія его. Въ лѣто 7143 (1635).» Теперь источникъ этого извѣстія становится ясенъ. Вотъ еще новая черта для біографіи Кирилла: стало быть, ему не чужды были сочиненія древнихъ о законахъ естества, и онъ пользовался ими въ дебряхъ сѣвера для того, чтобы разгонять предрасудки народныя и объяснять явленія природы естественнымъ образомъ.

КИРИЛЛОВЪ МОНАСТЫРЬ.

Библиотека.

Историческія свидѣнія о Библіотекѣ. — Опись. — Сборникъ Симеоновъ. — 70 Сборниковъ. — Выписки изъ нихъ. — Слово Григорія въ толцѣхъ. — Слово противъ приобрѣтенія сель монастырями. — Слово 5-е Серапіона о маловѣрн. — Сочиненія Феодосія Кіевопечерскаго. — Мѣста изъ Слова Давида Заточника. — Отрывки изъ сочиненій Пларіона Велликаго. — Слово о грамотахъ различныхъ. — Псалтирь, подаренная Воаріиомъ Дмитріемъ Годуновымъ. — Описаніе города Бѣлозерска. — Вумаги по управленію монастырскому. — Древнее оружіе.

Отъ рукописей ризницы всего лучше перейти къ Библіотекѣ, которая помѣщается въ отдѣльномъ каменномъ зданіи, гдѣ хранятся и оружія древняго арсенала монастырскаго. Полъ кирпичный. Дѣрева нигдѣ, кажется, не замѣтишь, кромѣ по́локъ, на которыхъ стоятъ книги. Двери и рѣшетки въ окнахъ желѣзныя. Книги доступны могутъ быть сырости, но за то недоступны огню. Начало библиотеки относится, безъ всякаго сомнѣнія, ко времени основателя самой обители и положено имъ самимъ, какъ мы знаемъ это изъ книгъ, находящихся въ ризницѣ. Самъ Кириллъ, еще въ Симоновѣ трудившійся надъ списываніемъ книгъ, и ученики его: Христофоръ, Мартиніанъ и другіе, были, конечно, въ числѣ первыхъ основателей. Литературная дѣятельность Кирилла, извѣстная намъ изъ его посланій, даетъ поводъ думать, что основатель монастыря, столь отлично владѣвшій перомъ въ свое время, позаботился о водвореніи и распространеніи письменной дѣятельности между братією, которую вокругъ себя собралъ. Направленіе,

данное въ этомъ отношеніи учредителемъ, осталось неизмѣнно, потому что, пересматривая послѣсловія и надписанія на книгахъ Кириллова монастыря, мы встрѣчаемъ весьма часто подписи иноковъ, надъ ними трудившихся, и молитвенную память объ имени самаго основателя, котораго благословеніе призывается на обитель и на трудъ переписчика. Нельзя не припомнить, что и Корнилій Комельскій является въ числѣ такихъ переписчиковъ, какъ сказано въ его житіи. Одинъ сборникъ въ листъ, означенный номеромъ 526, вѣроятно по прежнему каталогу, названъ Селиверстовскимъ, конечно по имени Сильвестра, его писавшаго (не знаменитаго ли?). Въ него вставленъ еще листъ съ суднымъ дѣломъ между Иващкомъ Бычко и Матюкою Розановымъ о покошенной послѣднимъ у первого пожнѣ.

Подъ другимъ сборникомъ написано: Книга Кириллова мѣря написана мѣта ̅з̅ (1492). На двухъ сборникахъ встрѣтилъ я имя Гурія, съ послѣсловіями, выражающими смиреніе и умиленіе; на одномъ изъ нихъ: Въ мѣто 7016 (1508) рукою Гурія при игуменѣ Іоаннѣ. Встрѣчается иногда греческая подпись: *αμαρτολος νηλ* (грѣшный Нилъ, не Нилъ ли Сорскій до своихъ странствій по Греціи?). — Одинъ писанъ въ 1614 году рукою инока Іоасафа при игуменѣ Геннадіѣ, но видно не въ Кирилловѣ. Еще другой писалъ чернецъ Флавіанъ въ 7139 (1631). Въ немъ памятно миѣ Посланіе Понтійскаго Пилата къ Царю Тиверію. — Нельзя не отдать справедливости трудолюбію и искусству многихъ иноковъ. Есть рукописи, написанныя превосходнымъ древнимъ почеркомъ.

Издравле славилось своими рукописями Кирилловское книгохранилище. По указамъ Царей, требованы были оттуда рукописи въ Москву. Такъ изъ Актовъ Археографической экспедиціи (Т. 3. № 290 и 296) видно, что въ 1639 году Царь Михаилъ Феодоровичъ приказывалъ изъ тѣхъ книгъ, которыя въ монастырѣ вдвое и втрое, взять по одной книгѣ, а съ другихъ книгъ, которыхъ только по

одной, списать вѣрные списки и прислать въ Приказъ Большаго Дворца; притомъ приложенъ и списокъ книгамъ. Въ 1640 году, указомъ того же Государя требовано изъ Кириллова монастыря книгъ харатейныхъ, прологовъ и мнѣшихъ четій, старыхъ добрыхъ переводовъ. Авторъ Исторіи Россійской Іерархіи говоритъ, что многія изъ этихъ книгъ перешли въ Новгородскую Софійскую библіотеку; что нѣкоторыя вытребованы были въ 1682 году въ палату, которая составляла Степенныя книги; также позднѣе въ Святѣйшій Синодъ, въ библіотеку Императорской Академіи Наукъ, и даже въ библіотеку Сенатскую. Должно думать, что требуемы были, по большой части, рукописи, содержащія въ себѣ лѣтописцевъ. Въ частныхъ книгохранилищахъ нерѣдко встрѣчаются рукописи съ надписаніемъ: изъ Кириллова монастыря.

Въ Румянцовскомъ Музеѣ за № 222 хранится, составленная во второй половинѣ XVIII вѣка, вѣдомость рукописнымъ Кирилловской книгохрательницы, до Россійской Исторіи относящимся, книгамъ съ показаніемъ №, подъ коими въ книгохранилищѣ состоятъ, на 24-хъ листахъ. Этотъ каталогъ былъ напечатанъ Г. Сахаровымъ въ Русскомъ Вѣстникѣ. Судя по его содержанію, здѣсь помѣщены книги, не до одной Русской Исторіи относящіяся. Въ этой вѣдомости показано рукописей въ л. 663, въ 4-ку 994, въ 8-ку 520. Г. Сахаровъ говоритъ, что это только часть всеобщаго каталога.

По описи, учиненной въ Октябрѣ 1841 года, книгъ въ библіотекѣ значится 1938. Въ это число включены и печатныя; но рукописныхъ несравненно болѣе, противу печатныхъ. Книги въ описи обозначены общими итогами. Каталога нѣтъ. Чтобы показать богатство этого книгохранилища, приведу хотя нѣкоторыя чѣсла изъ описи, касаясь только рукописей. Евангелій 65. Изъ нихъ одно на пергаментѣ, но неполное: судя по почерку — должно быть чрезвычайно древнее. Евангелій толковыхъ 8. Бесѣдъ Еван-

гельскихъ въ листъ 3. Апостоловъ 31, толковыхъ 9. Изъ нихъ одинъ греческой. Псалтирей 131; изъ нихъ одна греческая; толковыхъ 6. Уставовъ 13. Часослововъ 34. Октоиховъ 14. Мишей мѣсячныхъ 118. Трефолоевъ 43. Тріудей постныхъ 26, цвѣтныхъ 2. Прологовъ 3. Кормчая 1. Лѣствицы 26 экз. Ефрема Сирина 8. Василя Великаго 9. Григорія Богослова 8. Маргаритовъ 4. Златоструй 1. Измарагдовъ 5. Патериковъ Египетскихъ 2, Скитскихъ 2. Сборниковъ 71. Требниковъ 21. Діонисія Ареопагита 2. Феодора Студита 4. Канонниковъ 139. Пѣвчихъ крюковыхъ 89. Нотныхъ 28. Опись Нилсорской пустыни. Описей Кириллова монастыря разнымъ вещамъ разныхъ годовъ 26. Грамоты и купчія на разныя вотчины. Копіи жалованныхъ грамотъ разныхъ царей и крѣпостныхъ актовъ на разныя имѣнія. Описаніе города Бѣлозерска. Вумаги прихода и расхода; опись колоколовъ сего монастыря и перемиріе съ Поляками. Опись о монастырской оградѣ. Синодиковъ 12. Исаака Сирина 12. Василя Новаго 1. Григорія Синаита 2. Патериковъ 7. Святцевъ 38. Феодора Эдесскаго 3. Небеса Дамаскина, Іоанна Экзарха, Петра Дамаскина, Григорія Синаита, Сумеона Новаго, Григорія Омиритакаго и проч. 21. Зерцаль 7. Аванасія Александрійскаго на Аріаны 2. Стоглавовъ 2. Житій Саввы Сербскаго 2. Звѣзда пресвѣтлая 1. Гусли доброголасная 1. Перло драгоцѣнное 1. Старчество 12. Аввы Дороея 6. Апокалипсисовъ 3. Іоанна Дамаскина 4, въ томъ числѣ одинъ греческій. Кирилла Іерусалимскаго 1. Иларіона Великаго 3. Судебникъ 1. Ниловы главы 3. Обиходниковъ 24. Іова Праведнаго 1. Іоанна Златоуста поученія 2. Аванасія Великаго поученія 2. Октоиховъ и Шестодневовъ 13. Діотры 2. Душеполезная Христіаномъ и инокомъ 1. На еретиковъ 1. Пчелы 4 экз. Преданіе Нила Сорскаго и разныя поученія Св. отецъ 1. Меодія Патріарха поученія 1. Саввы освященнаго житіе и чудеса — рукопись богатая на пергаментѣ. Поученія Нифонта 1. Криница 1. Антиоха 1. Шестодневовъ 3 и проч. и проч. Въ исчисленіи я слѣдовалъ порядку описи.

Грамоты и купчія, равно и копія съ жалованныхъ грамотъ, означенныя въ описи за № 74 и 75, заключаются въ двухъ большихъ фоліантахъ. Вѣроятно, онѣ были пересмотрѣны Археографическою экспедиціею, потому что я видѣлъ на многихъ грамотахъ надписи карандашемъ: *важная, замѣчательная, переписать*. Начинаются съ 1482 года. Между ними много судныхъ монастырскихъ дѣлъ.

Подъ 118 номеромъ описи привлекла мое вниманіе рукопись, означенная заглавіемъ: *о святѣмъ дусѣ*. Рукопись въ 4-ку на бумагѣ писана среднимъ уставомъ. На обломѣ листѣ: *книга о стѣмъ дусѣ* Кирилова мнѣтыря (№ 796 и 690, вѣроятно, принадлежавшіе прежнимъ каталогамъ библиотеки). Рассмотрѣвъ ея содержаніе, я увидѣлъ, что оно одинаково съ извѣстнымъ Святославовымъ Сборникомъ, или Изборникомъ, который относится къ 1073 году. Первая статья этого сборника: Святаго Василія еже на Евномія главы д о стѣмъ дусѣ, дали поводъ сочинителю описи назвать всю рукопись книгою *о святѣмъ дусѣ*. Подъ этимъ заглавіемъ встрѣчается она уже въ Актѣ Археографич. Экспед. 1639 года, № 290, въ числѣ книгъ, которыя приказано списать. Не имѣя подъ рукою книгъ для повѣрки содержанія рукописи, я выписалъ заглавія статей. По повѣркѣ оказалось въ главномъ совершенное сходство. Этотъ экземпляръ, равно какъ и Святославовъ, раздѣленъ также на два отдѣленія. Отрывокъ изъ риторики Георгія Хуровскаго о образѣхъ, мною точно списанный, оказался совершенно сходенъ съ тѣмъ, который напечатанъ въ Ж. М. Н. П. (Февраль 1836). Въ заключеніи рукописи читаемъ: *Слава свершителю бгу свершившему всякъ дѣл. снг (6053)*. Какъ заецъ радъ тенеть избылъ, такъ азъ радъ книгу сію списалъ. — Отсюда видно, что рукопись писана въ 1445 году. Внизу приписано: *«се язъ еедоть стееановъ продалъ есмь василеи ивану ондрею и руку приложилъ»*. Всего замѣчательнѣе въ этой рукописи предисловіе, въ которомъ, вмѣсто имени Великаго Князя *Святослава*, находится имя Царя *Симеона*. Вотъ какъ здѣсь читается это предисловіе, написанное киноварью на оборотѣ послѣ оглавленія:

«Великыи въ прѣхъ сѹмеонъ (*) желаніемъ зѣло вжелалъ. держаливыи вѣдѣка обавіти съкровеныя разумы въ глубинѣ многостѣртныхъ книгъ прѣмоудрааго васіліа вразумѣх повелѣ мнѣ нѣкчпнѣвѣдію. (**) премѣноу сътворіти рѣчи инако набдяще тожѣство разумъ его. яже акы бчела любодѣльна со всякого цвѣта пісанію, събравъ акы въ едінь соть. въ вельмысленое срѣце свое, проліваает акы стредь сладѣкоу (***) изъ оустъ своихъ предъ боляры на въразоумленіе тѣхъ мыслемъ являся имъ новыи птоломѣи не вѣроу, но желаніемъ паче. и събора дѣла многочастныхъ бжѣтвенныхъ книгъ всѣхъ. имиже и своя полаты исполъни. вѣчноую сіі памятъ сътвори. еже памлті віну въсприати. буди хсѣолюбивеи его дшїи въ отмищеніе вѣнцемъ, блжѣныхъ и стѣхъ моуж. въ непрѣредомы, вѣкыи вѣкомъ амінъ.»

Каждый, сличивъ этотъ текстъ съ текстомъ Свято-славова сборника, можетъ самъ замѣтить нѣкоторыя отмѣны въ словахъ. Но важнѣе всего имя царя Сѹмеона. Извѣстно, что въ послѣсловіи къ Сборнику Святославоу строки :

іоаннѣ днакъ избо
рникъ съ. великоуоу
моу князю стѣославоу

и далѣе имя Князя Святослава написаны по скобленному. Но первая строка: Въ лѣто зѣпа написа, и другая: великый въ князьхъ — написаны тѣмъ же почеркомъ, какъ и все прочее. Въ предисловіи, правда, все написано по цѣльному пергамину, но этотъ листъ могъ быть прибавленъ и послѣ, вмѣстѣ съ миниатюрнымъ изображеніемъ Князя Святослава и его семейства. Находка моя, не уничтожая года рукописи, ведетъ однако къ тому заключенію, что подлинникъ Изборника, съ котораго списанъ былъ такъ называемый Святославовъ, долженъ быть отнесенъ ко времени

(*) Въ Святославовомъ : Великый въ князьхъ князь святославъ.

(**) Въ Святосл. нѣмоудроувѣдію.

(***) Въ Свят. акы сътъ сладѣкъ.

царствованія Сумеона, которое продолжалось отъ 889 до 927 года; что изборникъ 1073 года, судя по скобленнымъ мѣстамъ, первоначально былъ написанъ не для Святослава, а для кого-то другаго. Для когоже бы то было? Не для Изяслава ли, который въ 1073 году былъ изгнанъ изъ Кіева Святославомъ? Гдѣ же могъ быть написанъ Кирилловскій сборникъ, или лучше съ какой рукописи? Всего вѣроятнѣе, съ какого-нибудь древняго кодекса Аѳонской горы; ибо есть рукописи въ Кирилловской библіотекѣ, писанныя на Святой горѣ. Къ соображенію при рѣшеніи этого вопроса принять должно, что рукопись греческая, которая могла послужить подлинникомъ для этого Славянскаго перевода, писана въ 912 году, по опредѣленію Монфокона въ описаніи Коаленовой библіотеки, и нѣкогда принадлежала Аѳонской Лаврѣ. Каждый, хотя нѣсколько знакомый съ памятниками нашей письменности, пойметъ важность Кирилловскаго манускрипта, черезъ который происхожденіе Святослава сборника объясняется совершенно, связывается съ славнымъ именемъ Сумеона, извѣстнаго двигателя Болгарской письменности, и подлинникомъ должно быть отнесено къ началу X вѣка.

По причинѣ краткаго моего пребыванія въ Кирилловѣ, опредѣленнаго срокомъ отлучки, я ограничилъ свои занятія въ библіотекѣ нѣсколько подробнымъ пересмотромъ 70 Сборниковъ и немногихъ еще рукописей. Житія Святыхъ составляютъ главное ихъ содержаніе, но встрѣчаются многія другія статьи, весьма примѣчательныя. Прежде всего взглянемъ на драгоценный сборничекъ въ осьмушку, писанный на твердой хлопчатой бумагѣ древнимъ уставомъ. Признаки его: на оборотѣ деревяннаго переплета написанъ № 410; на первомъ же листѣ Сборникъ Паисѣвской. Я вложилъ въ него бумажку съ заглавными буквами моего имени для тѣхъ, которые, имѣя на то право, могли бы его выписать. Заглавіе написано киноварью: Книга съборникъ. починаемъ о господѣ поученія стыхъ оцъ, блгви отче. Сначала писано особенною рукою и на другой болѣе тонкой бумагѣ, но далѣе все идетъ сплошь

одинъ почеркъ и одна твердая хлопчатая бумага. Письмо явно по языку Русское. Этотъ сборникъ между прочими драгоценными статьями содержитъ: «Слово Святаго Григорія ізобрѣтено в тольцѣхъ о томъ, како первое погани суще языци кланялися ідоломъ і требы имъ клали. то іны творятъ.» Здѣсь выводится языческое поклоненіе Славянъ отъ другихъ народовъ — и между прочимъ послѣ Эллиновъ и Египтянъ такъ говорится о Славянахъ:

Оттуду же ізвыкоша елени класти требы. атремиду і артеמידѣ. рекше роді і рожаницѣ. тацїиже егуптяне. Тако і до словѣнъ доіде се словіти начаша требы класти. роду і рожаницам. преже перуна ба ихъ. а переже того клали требу упирем і берегинямъ. по стѣмъ крещеньи перуна отринуша. а по х̄а б̄а яшась но і ноне по українамъ молятьс̄ ему проклятому б̄у перуну і хорсу і мокоши і вилу. і то творятъ отаі. сего не могутс̄ лишити проклятаго ставленья. в̄я трапезы нареченья роду и рожаницам. велику прелесть вѣрнымъ крѣстьяномъ і на хулу ст̄му крѣщенью. и на гнѣвъ б̄у. а се егуптяне чѣтлы требы кладут. нилу і огневѣ. рекуще ниль плодавецъ и раститель класомъ.» и т. д.

Что это за поклоненіе у языческихъ Славянъ *роду и рожаницамъ*, о которомъ говорится еще въ другомъ словѣ, приведенномъ у Востокова въ описаніи Румянц. Музея (229) подъ заглавіемъ: *Слово нѣкоего х̄ олюбца ревнителя по правоі вѣре*. Замѣчу, что и это слово находится въ Кирилловскомъ сборникѣ, но въ немъ объ родѣ и рожаницахъ не съ такою подробностію говорится, какъ въ словѣ Григорія, изъ котораго мы узнаемъ, что это поклоненіе весьма древнее, предшествовавшее Перунову, и что по введеніи Хрістіанства приносились имъ вторыя трапезы послѣ другихъ боговъ. Срезневскій въ своемъ сочиненіи о святилищахъ и обрядахъ языческаго богослуженія древнихъ Славянъ, прибѣгалъ къ разнымъ сближеніямъ для того, чтобы объяснить — что такое родъ и рожаница. Онъ ссылается на Хорутанъ; слово *родъ* объясняетъ посредствомъ уroda, а рожаницу судьбою. Въ Церковномъ сло-

варѣ слово: рожаница, такъ и объясняется. Можно привести еще мѣсто во Впрашаніи Кирика Нифонту: Аже се роду и рожаницѣ крають, хлѣбы и сыры и медъ. Бороныше велми, нѣгдѣ, рече, молвить: горе пьющимъ рожаницѣ. — Крають отъ край, кроить, значить (нижне-серболужицкое краю, краямъ, краць) отрѣзывать, приносить части. Стало еще въ XII вѣкѣ у насъ сохранялось поклоненіе роду и рожаницамъ — и приносили хлѣбъ, сыры, медъ, — и пили въ честь ихъ. Въ Бѣлоруссіи до сихъ поръ сохраняется еще въ народѣ обычай приносить родильницамъ хлѣбы и сыры. Въ Русскомъ языкѣ слово *родъ* объясняется *рожденіемъ* (на роду написано), а рожаница значить женщина родившая. Не поклонялись ли языческіе Славяне женщинѣ, когда она была въ родахъ, и самому дѣйствию рожденія — роду? Послѣ, это поклоненіе могло перейти въ приношеніе женщинѣ родильницѣ — и осталось до сихъ поръ въ обычаѣ класть на зубокъ.

За тѣмъ слѣдуютъ безъ надписанія два слова: одно объ томъ, угодно ли Богу, чтобы монастырямъ дарили села? другое о томъ, что милостыню надобно давать прямо, а не черезъ ходатаевъ. Первое случалось мнѣ читать и прежде въ древнихъ сборникахъ библіотеки М. П. Погодина. Выписываю оба, потому что они весьма любопытны своимъ содержаніемъ.

«Сидящю нѣкогда святому отцю со ученики своими, и глаголаше о душеполезнѣи, и се принесоша житѣе нѣкоего хрістолобца, умершаго г мѣсяца, яко велику милостыню створи і оумре: ібо слоутное свое село отдасть монастыреви святаго іоана. Слышавже се святыи отецъ опечалися і воздохнувъ и рече: увы мнѣ! яко погуби таковый челоувѣкъ душу свою. И глаголаша ему ученици его: что убо, отче? не паче ли ему бы помидовану быти о такомъ дарѣ? Рече отецъ: глаголю вы, чада: аще кто дастъ худымъ нашей братіи на роздѣлъ, то въ спасенѣе души; аще ли село дастъ монастыреви, на пагубу даетъ души своей. Видѣхъ бо въ минувшую ноцъ о братѣ нашемъ, о немже вы глаголете, яко душа его стоить предъ Богомъ на судѣ осужена въ муку села того ради. Молещиже ся Богородици со Предтечею і рече Господь: когда

село отпустить отъ монастыря, тогда отпустить душа та отъ муки. Слышавже се братья, повѣдаша игумену і отпустиша село то отъ монастыря, і видѣ отецъ отпушену душу ту отъ муки, і рече имъ: аще кто дастъ село монастыреви, то на пагубу души своеі; аще ли на роздѣль, то въ спасеніе есть души своеі».

«Такъ аще кто милостыню дастъ ходатаемъ, то такіи не милостыню творить, но гордость погана есть, да таковыи не приемлетъ мзды: понеже бо Аврамъ і Давыдъ, иніи мнози святіи мужи не хотяху милостыни творити ходатаемъ. О семъ бо Іоаннъ златаустый свидѣтельствуєтъ: Аврамъ имѣяше домочадець тнѣ і ни единого посла въ стадо по телець, но самъ тече и уготова обѣдъ Господеви. Такожъ и Сара, толико рабынь имущи, ни одной же не рече: умѣси тѣста, но сама здѣла. Господь же не ходатаемъ обѣща іма великую благодать: Авраму бо рече: буди сѣмя твое яко пѣсокъ морскіи: что же можетъ быть толь много сѣмляни того? се ся мнѣ мнѣть, яко всѣмъ языкомъ отецъ есть, вѣрующимъ во Христа. Тако бо речено есть, яко о тобѣ благословятся вси языци. А Сарѣ сынъ быша не ходатаемъ, но самъ рече: будетъ сынъ, се бо въ Исацѣ прозвахъ имяно въ еже суть крестьяне, и самъ отъ негожь племяни родися по плоти. Самъ же Господь распять за человѣческое спасеніе, а не ходатая посла на распятье.»

Въ монастырскихъ же сборникахъ встрѣчаются эти слова, писанныя у насъ же противъ обогащенія монастырей селами и противъ того ходатайства, которое они же предлагали между богатыми и бѣдными.

Въ томъ же Сборникѣ находится Слово блаженнаго Серапіона о маловѣрїи. Судя по слогу и по сходству въ нѣкоторыхъ выраженїяхъ, оно несомнѣнно принадлежитъ тому же Серапіону, Епископу Владимірскому, котораго четыре слова найдены были Епископомъ Филаретомъ въ рукописи XIV вѣка: *Златая Чепь*, и напечатаны въ Прибавленїяхъ къ Творенїямъ Святыхъ Отцевъ (годъ первый). Начало сходно съ началомъ втораго слова; въ напечатанномъ: «Многу печаль въ сердци своемъ вижду васъ ради, чада: понеже никакоже вижду вы премѣнившася отъ дѣлъ неподобныхъ.» Въ нашемъ: «Печаль многу імамъ въ сердци

о васъ чада. никакоже не премѣните отъ злобъ і обычаѣя своего.» Но далѣе сходства съ вторымъ словомъ нѣтъ. Есть укору народу за то, что онъ сожигаетъ невинныхъ людей, одинаковые съ укорами четвертаго слова: «А еже еще поганьскаго обычаѣя держитесь, волхвованію вѣруете, и пожигаєте огнемъ невинныя чловѣкы.» Въ нашемъ Словѣ: «Обычаѣи поганьскіи имате. во хламъ вѣру имете. і пожагаєте огнемъ неповинныя члвѣки.» Упреки, касающіеся народа въ томъ, что онъ бѣдствія общественныя приписываетъ частнымъ людямъ, сходны съ подобными въ 4-мъ словѣ напечатанномъ. Замѣчательно, что народъ хотѣлъ выгребать утопленниковъ и удушенныхъ, приписывая имъ несчастія. Есть упоминаніе о наводненіи въ Перемышлѣ и четырехъ-лѣтнемъ голодѣ; но лѣтописи XIII вѣка не говорятъ объ этихъ событіяхъ. Въ заключеніе приведу самое слово, отличающееся простотою рѣчи: оно будетъ теперь пятымъ сверхъ четырехъ, прежде открытыхъ.

Слово блжнаго Серапиона о маловѣрїи.

Печаль многу имамъ въ срѣдци о васъ чада. никакоже не премѣните отъ злобъ і обычаѣя своего. вся злая творите в ненависть бѹ. на пагубу дѣши своеї. правду есте оставили. любве не имате. зависть и лесть жируетъ ввасъ. і вознесетъ умъ вашъ. обычаѣи поганьскіи имате. во хламъ вѣру имате і пожагаєте огнемъ неповинныя члвѣки. гдѣ се есть в писаньи. еже члвкомъ владѣт. обильемъ или скудостью. подавати іли дождь или теплоту: о неразумнїи вся бѣ творит. якоже хочетъ бѣды и скудость посылаетъ за грѣхи наши і наказая насъ приводитъ на покаянїе. о маловѣрнїи слышасте казни отъ бѣа. впервыхъ родѣхъ потопа на гиганты. огнемъ пожжени. а содомляне огнемже сожени. а при фараонѣ ітъ казней. на егупетъ при хаванїи камень огненное с нбсѣ пусти. при судьяхъ рати наведе. при двѣ моръ на люд. при титѣ плѣнъ на ерѣлмъ. потомъ трясенїе земли, і паденїемъ града. і внаша лѣта. чего не видѣхомъ зла. многи бѣды и скорби. рати. голодъ. от поганыхъ насиле (*). Но никакоже премѣнимъ сѣ отъ злыхъ обы-

(*) Въ 4-мъ напечатанномъ словѣ есть мѣсто схожее съ этимъ, начинаая отъ словъ: о маловѣрїи.

чаи наших. нынѣ же гнѣвъ бѣи видяци і заповѣдаете кто
 буде удавленника іли утопленника погребль. не погубите люди
 сихъ выгребите. о безумье злое. о маловѣрью. полни есми зла
 исполнени. о томъ не каемсѣ. потопъ бысѣ при нои. не про
 удавленнаго. ни про утопленника. но за людския неправды.
 і иныя казни безчисленныя. драчьградъ д лѣт. стояль. от моря
 потопленъ бысѣ. і нынѣ в мори есть. власѣхъ от умноженья
 дождя хъ люди потопло. а іниі в перемышили градъ сѣ пото
 поша і гладъ бысѣ д лѣт. тамо се все бысѣ вся лѣт за грѣхи
 наша. о члѣци се ли ваше покаянье. сим ли ба умолите. что
 утопла іли удавленника выгresti. сим ли бию казнь хотите
 утишит. лучши братѣя престанемъ от зла. лишимсѣ всѣхъ
 дѣлъ злыхъ. разбоа. грабленья. пьянства. прслибодѣиства. ску
 посты. лихвы. обиды. татбы. лжива послушства. гнѣва. яро
 сти. злопоминанья. лжи. клеветы. рѣзоиманья. аз бо грѣшнымъ
 всегда учю вы чада. велю вамъ каятисѣ. вы же не престанете
 от злыхъ дѣлъ. егда кая на насъ казнь от бѣа придет. то болѣ
 прогнѣваемъ. извѣты кладуче: того ради ведро. сего дѣля дождь.
 того дѣля жито не родитсѣ. і бываете строители биѣи твари.
 а о безумьи своемъ почто не скорбите. поганіи бо закона
 биѣя не вѣдуще не убиваютъ единовѣрникъ своихъ. ни ограбля
 ютъ ни обидят. ни поклепят. ни оукрадут. не запрятѣ чюжагѣ.
 всякъ поганый братъ своего не продасть. но кого в нихъ по
 стигнетъ бѣда. то іскупятъ его. і на промыслъ дадутъ ему. а
 найдена в торгу проявляютъ. а мы творимсѣ вѣрнии. во імя
 бѣе крщѣни есмы. и заповѣди его слышаще всегда. неправды
 есмы исполнени. і зависти. немлсѣрдья. братью свою ограбля
 емъ. убиваемъ. въ погань продаемъ. обадами. завистью. аще бы
 мощно снѣли бы другъ друга. но вся бѣ боронит. аще вел
 можа. іли простыи. то весь добытка жалает. како бы обидѣт.
 кого оканне. кого снѣдаеши. не таковъ же ли члѣкъ якоже і
 ты. не звѣрь есть ни иновѣрецъ. почто плачь и клятву на ся
 влечеши. іли бесмртенъ еси. не чаеши ли суда биѣя. ни воз
 даное комуждо по дѣломъ его. от сна бо вѣставъ не на молбу
 умъ прилагаеши. но како бы кого озлобит. лжами перемочи
 кого. аще не останете сихъ то горшая бѣды почаете по семъ.
 но моляся вамъ глѣю. пріимемъ покаянье от срѣца. да бѣ
 оставитъ гнѣвъ свои. і обратимсѣ от всѣхъ дѣл злыхъ. да гсѣ
 бѣ обратитсѣ к намъ. се вѣдѣ азъ поучаю вы. яко за моя

грѣхи бѣды сѧ дѣютсѧ, придѣте же со мною на покаянне, да умолим бѧ, вѣдѣ убо аще сѧ покаевѣ, будемъ помиловани, аще ли не останетесѧ безумья і неправды, то узрите горшая на послѣдѣ.

Въ этомъ же сборникѣ находятся: «Въспрашанье Ізяславу князя сѧ, Ярославля, внука Володимеря, ігумена Федосья Печерскаго монастыря» — и «Слово стѧго Федосья Игумена Печерскаго монастыря о вѣре крестьянской і о латинской.» Оба мною списаны. Не худо бы было напечатать оба эти сочиненія Феодосіа. Первое касается болѣе нѣкоторыхъ обрядовъ относительно дней — и особенно опредѣленія недѣли. Замѣтно въ немъ нападенье на жидовскіе обычаи. Извѣстно, что Феодосій выходилъ на прѣііе съ Жидами и что въ XI столѣтіи вліяніе жидовства было въ Кіевѣ довольно сильно. Второе слово касается раздѣленія церкви Восточной и Западной. Напечатаніе его по сему списку, конечно одному изъ древнихъ, могло бы привести къ рѣшенію спорнаго пункта о томъ, дѣйствительно ли оно подложное или нѣтъ?

Кромѣ многихъ другихъ драгоценныхъ словъ въ этомъ сборникѣ, который заслуживалъ бы вполне быть напечатаннымъ, приведу нѣкоторыя мѣста, сходныя съ мѣстами въ Словѣ Даніила Заточника.

«Приточникъ рече: въ мудрѣ мужи слава князямъ, а въ безумнѣ скрушенье, с мудрымъ думцею князь думалъ высока стола добудеть а збезумнымъ думавъ і мала стола лишеньъ будетъ, князь въ сердцаи блазѣ і почіеть мудрость, а въ срѣци гордѣ почіеть безумье.»

Замѣчательны два слова о женахъ. «Слово стѧго Кузмы Епѧ Халкидонскаго о томъ, како не подобаеть звати жены своей оспожею», должно быть Русское сочиненіе, потому что въ началѣ говорится, какъ одинъ христіюбецъ пришелъ къ Кузмѣ Епѧ Халкидонскому и спрашивалъ его, а тотъ ему отвѣчалъ. Этотъ оборотъ встрѣчается нерѣдко въ Русскихъ древнихъ сочиненіяхъ. Другое слово: о *iprodiady* и о *zlykhъ ženaxъ*, предлагаетъ нѣкоторыя сходства

съ заключеніемъ Слова Данила Заточника, однако не во всѣхъ подробностяхъ.

«Никки же звѣрь убо подобенъ есть женѣ злѣи язычнѣи. что люте льва в четвероножныхъ, что ли горшее в полузущихъ лдовитыя змѣи яко левъ и змѣя хуже есѣ злыя жены язычныя. свидѣтельствуеъ бо ми мудрый гл҃я. лучше есть со лвомъ в пустыни жити нежели с женою злою.

«Луче болѣти трясею. нежели злою женою обладаему быт. трясца бо трясъши пустить. а зла жена до смѣрти исушить. жена зла лучше погresti нежели привести. жена добраа аки очи в тылу. а злая жена аки трудъ владвѣяхъ. лучше есть во утлѣ лодыи ѣздитъ нежедъ женѣ злѣ тайны повѣдат. лодья бо токмо имѣнне потопит. а жена зла дѣщи пакость творит. акѣ бо въялица в дому мужевѣ зла жена. лучше желѣзо варитъ нежедъ зла жена казнитъ. ревнованье женское, весь дом измятеть. рѣдко в женахъ истинны обрѣсти мног. бо си могутъ и можетъ на земли погубитъ члвѣка гдѣ се море огнь злая жена.»

Въ одномъ изъ сборниковъ помѣщена лѣтопись Никифора Патріарха Цареградскаго. Далѣе слѣдуетъ Русской лѣтописецъ, но вырванъ. Осталась одна цѣрвая страничка, кончающаяся словами: перуна ба по улицѣ влачиша. Въ этомъ же сборникѣ нашель я: Преподобнаго отца нашего Иларіона Епѣ Мегленскаго обрѣтенье мошемъ его при црѣствѣ Калоіоанна болгарскаго, брата стараго Асѣня Царя и приюшю Греческую землю Фракъ, Макидонию, Исадоу и Еладоу обрѣтоша е въ Мегленѣ градѣ и принесоша е въ царствующій градъ Терново и положиша е въ мѣа.о̀к̀к̀а.— Кромѣ того встрѣчалъ я перѣдко въ сборникахъ и Житіе Иларіона. Возвратившись изъ Кириллова, я обращался съ вопросомъ къ нѣкоторымъ знатокамъ Славянской старины, о томъ, находили ли они что-нибудь подобное, и къ жителю столицы Болгарской Тернова Г. Княжескому: знаютъ ли въ Терновѣ что-нибудь объ Иларіонѣ Епископѣ Мегленскомъ и мощахъ его? Миѣ отвѣчали отрицательно. Но въ послѣдующей книжкѣ чтеній Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ миѣ пріятно было встрѣтить обѣщаніе, что и Житіе Иларіона и извѣстіе о перенесеніи мощей его

будутъ скоро напечатаны. Церковь наша и теперь 21-го Октября празднуетъ перенесеніе мощей Иларіона Епископа Мегленскаго, но городъ Терновъ, куда они перенесены, въ святцахъ не упоминается. Замѣчу еще, что Калоіоанномъ Царемъ Болгарскимъ, при которомъ мощи были перенесены, объясняется Патерикъ Іоанна Колова, отрывки изъ котораго я встрѣчалъ также въ рукописяхъ Кириллова монастыря.

Этимъ Иларіономъ, можетъ быть, разгадаются сочиненія, которыя нерѣдки въ нашихъ древнихъ рукописяхъ и весьма часто попадались мнѣ въ Сборникахъ Кирилло-Бѣлозерской библіотеки. Кто захотѣлъ бы изучить и отдѣлать критикою принадлежащее Митрополиту Кіевскому Иларіону отъ того, что должно быть твореніемъ другаго Иларіона, можетъ быть, Епископа Мегленскаго, — тотъ долженъ непременно воспользоваться сборниками Кирилловскими. Видно, что Иларіонъ былъ однимъ изъ любимыхъ писателей Кирилловской обители. Извѣстно, что Іоаннъ Грозный въ посланіи своемъ въ сію обитель къ игумену Козьмѣ дѣлаетъ много выписокъ изъ сочиненій Иларіона объ иноческомъ житіи. Къ соображенію должно принять слѣдующія слова изъ посланія Іоаннова :

«Вѣру имите ми, господіе мои и отцы, Богъ свѣдѣтель, и Пречистая Богородица, и Чюдотворецъ Кириллъ, яко сего великаго Иларіона доселѣ посланіе ниже читашъ, ниже видѣхъ, ниже паки слышашъ о немъ: но яко восхотѣхъ къ вамъ писати отъ посланія Василія Амасійскаго, и разгнувъ книгу обрѣтохъ сіе посланіе Великаго Иларіона, и приникнувъ, и видѣвъ, яко зѣло къ нынѣшнему времени ключаемо, и помыслихъ, яко Божіе нѣкое повелѣніе сичево обрѣтеса къ полезному, и сего ради дерзнухъ писати.»

Укажу на тѣ сборники, въ которыхъ случилось мнѣ встрѣтить относящееся до твореній сего писателя. Два сборника за № 132, въ 4-ку на бумагѣ, писанные среднимъ уставомъ, должны быть XVI вѣка. Они содержатъ въ себѣ сочиненія Св. Отцевъ, касающіяся до иноческой

и пустынноческой жизни, и оба начинаются наказаніемъ Иларіона великаго къ отречшимся міра Христа ради. Начало изъ этого сочиненія приводитъ Грозный въ своемъ Посланіи. Я сличалъ текстъ: онъ весьма вѣренъ. Одинъ экземпляръ безъ начала. Грозный говоритъ, что онъ напалъ на сочиненіе Иларіона случайно въ сборникѣ, который видно начинался твореніемъ Василія Амасійскаго, изъ коего онъ дѣлаетъ также большія выписки.

Въ другомъ Сборникѣ, который я означилъ номеромъ четвертымъ и въ которомъ сначала написано Хоженіе Св. Апостола Іоанна Богослова, списано Прохоромъ ученикомъ его, между прочими Житіями Святыхъ вы находите и пространное житіе Иларіона Великаго, писанное прекраснымъ письмомъ.

Въ сборникѣ, означенномъ мною № 6 мѣ, за словомъ Иларіона о отверженіи міра слѣдуетъ Слово отвѣтное о терпѣніи блаженнаго Иларіона отходника.

Въ томъ же Сборникѣ, откуда я выписалъ слово Серапіона о маловѣрїи, находится и слово Преподобнаго Иларіона о житїи семъ, начинающееся такъ: Маловременное се житїе.... Оно не упоминается въ числѣ тѣхъ сочиненій, которыя приписываются Иларіону въ статьѣ напечат. въ Твор. Св. Отц. Годъ 2. кн. 2.

Въ сборникѣ, писанномъ на бумагѣ въ 8-ку и въ которомъ на оборотѣ деревяннаго переплета написанъ номеръ 425, встрѣчаются два поученія Иларіона. Одно тоже самое, которое напечатано въ Твор. Св. Отц. т. 2. кн. 3. подъ именемъ Слова Св. Иларіона, Митрополита Кіевскаго; оно начинается такъ: Потщимся братье и сестры к вѣчнѣи жизни и свѣтлѣи яже намъ гѣ по своей милости туне даетъ и проч. О другомъ упоминаетъ Авторъ предисловія, говоря, что оно напечатано въ Потребникѣ иноческомъ, но съ значительными исправленіями и не все. Приведу это слово.

«Потщимся, братье, паче всего безъ молвы бгѣви работати: се бо паче неповинна (тѣ) предъ бгѣмъ поставит. Прилѣпимъ

пустыни яко младенецъ любими матери: мѣти бо млеко
 въздоит отроча свое: пустыни же душу твою напоит разума
 бжїа, и сътворит бг҃а прїателя твоихъ мѣтв, и присвоит тя
 бг҃а любити всѣмъ сердцемъ, и тебе оупразнит от міра и от
 печалей его всѣхъ. Но исперва убо имаши подати (подѣяти)
 бѣды и напасти и страх от бѣсов и от самого діавола, и тако
 ти служит, яко мнѣтъ ти ся нѣсѣ опасенїа, но или ити въ миръ,
 или ту злѣ умрети; но станѣ на камени вѣры, ꙗко вся находя-
 щая ти бѣды трѣщи храборскыи, и побѣжай яко воинъ хр҃въ,
 одѣваясь яко бронями смиренїемъ, щитомъ же частыми мѣтвами
 и копіемъ всегдашнимъ постомъ, шлемомъ же помощію бж҃їею и
 мечемъ же словомъ бж҃їимъ. Любяще бо земнаго цр҃я любити
 оумретъ зань: не паче ли за нбс҃наго цр҃я намъ подобаетъ полу-
 ченїа ради нбс҃наго цр҃ствїа. Азъ убо не гдѣю ти кровь про-
 ллати: си безъ време не по аплу якоже глѣтъ: нѣсть наша брань
 къ плоти и крови и прочаа, но тѣрпѣти сѣ похвалою в пу-
 стыни, а не разлѣнившесѣ встати итѣтъ въ градъ. Аще не
 тѣрпиши, како речеши съ бж҃еотвеннымъ дѣдомъ: терпя по-
 терпѣхъ г҃а и внят ми, и услыши мѣтву мою, извед мя отъ
 рѣва стр҃стїи. Аще и не прїдетъ номощь скоро свыше, но
 обаче всяко прїдетъ, и аще продолжится сѣченїе на брани, ту
 болши побѣда и слава. Тако и азъ любовїю цр҃скою отъ воинъ
 побѣда растеть: и любовьъ аже къ бг҃у: помощь отъ него исхо-
 дитъ, любовь же твоя цр҃квѣ даетъ. Аще претерпиши в пустыни,
 аще и гладомъ случиттисѣ оумрети, да не изыдеши: не на смѣ-
 тость бо міра испелѣ еси, но на исканїе вѣчныхъ блг҃ъ. Но
 не оставитъ тебе бг҃ъ оумрети: прекормивши бо в пустыни
 множество людїи, тебе ли единого не прекормитъ? Нищетъ бо:
 возверзи на г҃а печаль свою и г҃ъ ты препитаетъ. Рабъ нѣкъ в
 пустыни молчааше в кѣлїи своей и скорбѣще крѣцко отъ уны-
 нїа еже изыти ис кѣлїи своеа, и глаше в себѣ: о дше, не
 стужи си сѣдѣщи в кѣлїи: довольно ти есѣ се, аще и ни едино
 твориши, еже никого съблажняеши, ни опечалѣеши, ни оскорб-
 ляеши отъ кого: разумѣй, колика зла забавилъ ты есѣ молча-
 нїа ради и безмолвно молитисѣ, не празднозловиши, не слыши-
 ши неполезнаа, ниже зриши тщетнаа: едина ти брань оунынїа:
 силенъ есѣ бг҃ъ и сего упрізнати. Сїа ему и другаа вѣщѣа
 смиренѣ мыслящу, много утѣшенїе бысѣ ему за непрестанныя
 радѣ мѣтвы.

Филиппи
 Никити

Въ другомъ сборникѣ, писанномъ въ 4-ку, крупнымъ письмомъ, находится еще поученіе Иларіона Великаго. Большая часть сего поученія вставлена въ посланіе Грознаго и прицѣнена, какъ видно, къ правамъ иноковъ его времени, разумѣя одну только дурную ихъ сторону. Все начало поученія помѣщено въ сочиненіи Іоанна Грознаго послѣ, а послѣдующее за тѣмъ впереди. Но въ текстѣ есть нѣкоторыя отмѣны, побуждающія меня здѣсь предложить все это поученіе Иларіоново.

«Красно есть воистинну и мнозѣи хвалѣ достойна иже видѣти мужа въ міру, отрицающеса міра и иже въ міру красныхъ и легкихъ и всего имѣнія, и бывающа инока. Худножд и проклятоежд видѣти мниха санъ въ мірѣ приемлюща, и мірская строица, и богатство беруща. — Онъ бо надежею жизни вѣчныя отмастеса жизни сего, и бываетъ чадо свѣту и дни. Сей же невѣрованіемъ о жизни вѣчній отмастеса обнищаніе иже Христа ради обѣщася и бываетъ другъ свѣту сему, врагъ же божій, по глаголу брата Господня Іакова. Сего ради смѣхъ бываемъ и поганымъ, и Христова вѣра хулится насъ ради отъ нихъ. Глаголють бо: како вы мниси повѣдате жизнь вѣчную быти, и воскресеніе мертвымъ, его же ради и постригаетеса; а нынѣ видимъ вы и старыя и малыя, яко каждо васъ власти отъ царя и отъ велможъ ищите, отъ бояръ же имѣнія, отъ убогихъ же чти и поклонанія. Да како жизнь вѣчную мѣните, а сего жизни и славы и чти и имѣнія ни мало себѣ отмастете. Намъ мнитеса, яко вы другъ другу о жизни вѣчній лжете: на любви бо вашей свѣта сего знати есть, яко на зѣло хощете оного житія: дадите намъ имѣніе ваше и злато, а вамъ вѣчная жизнь. Сия убо азъ, братіе, своимъ ушима слышашъ отъ нѣкоего погана и удивихся зѣло, яко и поганіи вѣдять о нашемъ неустроеніи, и понашають намъ.»

Здѣсь слѣдуетъ то, что въ посланіи Грознаго поставлено прежде.

«Мы же братія, образъ такового одѣянія носяще и приплетаемъ земныхъ вещей якоже и мирстии: учащаемъ нивы, исполняемъ гумна, украшаемъ храмы, удивляемъ дома, проносимъ имя свое къ всѣмъ человекомъ яко дивно; а о томъ,

аможе въскорѣ хочемъ отыти, того не хочемъ ни въ мысли нашей поминати: томче хужши есмя мірскихъ. Понеже міра держимся: еже убо что у мірскихъ дивно видимъ, то всею силою подвижаемъ, дабы и у насъ тожъ было, а не помянемъ, яко того есмя всего въ отреченіи, и въ постриганіи нашемъ и всего міра, и яже суть въ мірѣ: аще же ли се лжа, да испытаемъ, аще не тако есть. Не имѣемъ ли сель якоже и мірстїи? не словуть ли нивы чернечскїя, и озера, и пажити, скоти и домове твердо огражени, и храми свѣтли? не имѣемъ ли ковчеги со имѣньемъ твердо храними, якоже и мірстїи и домодержьци? не красуемълися блистаніемъ златнымъ, и веселимся свѣтлыми ризами и величаемъся? не обѣди ли и праздници мірскихъ нами полны бывають? не мы ли паки возывающе мірскихъ богатыни, на обѣдѣ у себе посаждаемъ, болшее хотяще дерзновеніе къ домоу ихъ имѣти? не на брацѣхъ ли у нихъ мы предсѣдаемъ? не наша ли рука выше всѣхъ презвитеръ возвышаема чаша перекрещающи? не наше ли око вся сѣдѣщая обзираеть? не наше ли горло въ народѣ пѣра бряцад, многы укору намъ содѣваеть? Христолюбци убо заповѣдь Спасову творяще, призываютъ насъ въ дома своя, овъ молитвы ради, овъ же милостивно творяще. Мы же своего чина не храняще, вмалѣ посѣдимъ поникше, и потомъ въведемъ брови, тажъ и горло, и поемъ, дондеже смѣхъ и дѣтемъ будемъ, егожъ пльнства и мірстїи мнози хранятъся, мерзость бо имъ есть: тожъ и на насъ есть видѣти безумное упиваніе. Троя убо вины приносятъ любящимъ его: а) тѣлеси недугъ, в) отъ человекъ укоръ и смѣхъ, г) души паденіе, и уму изступленіе: то чимъ лучши есмя мірскихъ, ничимъ же: не хвалу ли любимъ, а укоруизны не терпимъ? не свѣтлою ли ризою красимся, и драгою, раздранныя же не хочемъ ни въ кѣльи нашей видѣти? не принесшаго ли приемлемъ съ любовію, паче тца пришедшаго? Почтожъ двери кѣлей своихъ твердыми замки утвѣржаемъ? явѣ, яко многа ради лежащаго въ ней имѣнія. И якожъ и парху нѣкоему умершу, мнози боляре на мѣсто его мѣздатъ, богатства ради и сана того и славы и чести отъ всѣхъ, тако и въ насъ убогихъ подобіе мірское бываетъ: умершу убо коему игумену, или иконому, мнози отъ насъ встануть и намѣстие его тѣшатся прияти, и се тѣлщесь единъ отъ другаго, а всѣмъ вѣдомо суще, овъ убо мѣздами, не имуще же ласканьми, яко

змиинъ ядъ хотяще издати на искренихъ. Что же се? явъ, яко имѣннѣ ради. Оже смѣха достойно житие наше! нѣсть ни единого же въ насъ, преподобныхъ отецъ ревнующи добрымъ дѣломъ ихъ: молитвѣ и бдѣннѣю, посту, безоимѣннѣству, нищетѣ самоволнѣи и прочимъ таковымъ. Но умершу въ насъ нѣкоему богатому иноку и душу свою того ради погубившу, имѣннѣю оставившу, — мы же, ревнующе пагубѣ его, на мѣсто его на-скакаемъ и сладко си творимъ въ пагубѣ его и мы увязнѣти, да онѣхъ святыхъ отецъ житѣю и дѣломъ, имже чудеса послѣдоваху, не хоцѣмъ житѣю ихъ ревновати и дѣломъ ихъ подобитися.»

Что выписывалъ Иоаннъ Грозный изъ Твореній Иларіона въ свое посланіе, какъ бы въ видѣ упрека инокамъ Кирилло-бѣлозерскаго монастыря, — то они сами, какъ видно, переписывали уже давно въ своихъ Сборникахъ.

Въ Сборникѣ въ 8-ку, писанномъ на бумагѣ, между прочими замѣчательными статьями подъ статью: Краткій лѣтописецъ о семи вселенскихъ соборахъ, встрѣчается слѣдующая статья: *о грамотахъ различныхъ*, сходная съ извѣстнымъ сочиненіемъ: о писменехъ, черноризца Храбра, однако съ разными отмѣнами. Мы ее выпишемъ.

«Преже всѣхъ грамотъ бысѣ жидовская грамота. стое снѣша еллинстѣи грамотичници. тажѣ по сихъ римская. и прочіи иніи мнози. по мнозѣхъ же лѣтѣхъ роусская. послѣже всѣхъ пермская; оу жидовскыа азѣбуки первоу слову имя алефъ. а оу греческыа азѣбуки первоу слову имя алфавита. а оу сирьскыа алефъ бе. а оу угорьскыа, афака васака. а оу русскыа. азъ. а оу пермьскыа, абууръ. да не по единой глѣюще оумножимъ слово. мнози бо соут грамоты, и многы азѣбуки. Соут бо писмена книжная. ихже издавна и по пошлнѣи имущѣ язычку себе. якож се жидовскы и еллинскыи. римскыи. инимже что достоятъ рещи. или что подобаетъ отвѣщати. явъже есть якож научаемся от писаніа. а не инако како. но обаче в писаніи сице есть, еже от адама первожданнаго глѣю. его же сѣвъ сифъ, сей первѣе изучися грамотъ жидовстѣи. таче от адама до потопа преиде лѣтъ в и сѣ и мѣв. По потопѣже бысѣ столпотвореніе: егда раздѣляшася языцы якож и в бытѣи пи-

шеть. да якоже раздѣлишась языци. також раздѣлишасѣ и нрави. и обычаи. и оустави. и законы. и хитрости на языки. яко же се гл҃ю. Есть языкъ египетескъ, емоуж досталосѣ земленомѣрїе. А персомъ, и халдѣемъ, и асириемъ астрономїе, звѣздочетїе, волшебненїе и чарованїе. и прочая суетным хитрости чл҃чѣскыя. жидовомже ст҃ыя книги. понеж тѣ наоучени соуше. еюже грамотою и моисей потом писаше о бытїи всего мира. битиския книги внихже писано. яко бг҃ъ сѣтворидѣ нбо и землю, и вся яже на нею, и чл҃вѣка. и прѣчее все по рядоу якоже в бытїи пишеть. елином же досталасѣ грамотикїа, и риторикїа. и филозофїа. но исперва еллини не имѣахоу оу себе своимъ языком грамоты. но афинѣйскою грамотою ноужахоусѣ писати свою рѣчь. и тако бѣша по многа лѣта. И бысѣ нѣкто в них филозофъ, именовѣ панамидъ, Паламидъ «иже послѣдъ пришед сѣтвори еллином азбукою. начель сице. алфавита. и положи словѣ числомъ зг҃ (16)»...

Слѣдуетъ исторїа Греческой азбуки во всей ея постепенности отъ первыхъ 16 буквѣ до 24-хъ и 38-ми съ двогласными, потомъ исторїа переложенїа Библии 70-ю мудрецами.

«Тѣмже мнѣю яко русьская грамота чстнѣйши есть паче еллинскыя. ст҃ъ бо моуж сѣтворилъ ю есть. кирила рекоу филозофа. а греческую алфавитоу еллини некрещенїи соуше сѣставлявали соут. тачѣ же и потому же пермьская грамота паче еллинскыя. юже стефанъ сѣтвори. Но Кирилоу филозофоу способляше многажды братъ его мѣфодїи или грамотоу складывати. или азбукою сѣставлявати, или книги переводити. Стефанѣюже никтож обрѣтесѣ помощник. развѣ токмо г҃ъ бѣ нашъ прибѣжище и сила. и помощникъ въ скорбѣхъ обрѣтших ны зѣло. аще ли кто рѣчь слово на пермьскую грамотоу. яко похуляя ю и гл҃я яко нѣсѣ гораздо устроена азбука си. достойно есѣ починивати ея. и еще тѣмъ к симъ речемъ и греческою грамотоу також мнози починивали. акила. и симахова чадѣ. и инїи мнози. дивѣя бо есѣ готоваго починити. удобѣе бо есѣ послѣди построяти паче нежели исперва начати и сѣворити. Аще бо кто въпросит греческаго книжника гл҃я. кто вы есть грамотоу сѣтворил. или книги преложить. и в кое время то ся есѣ дѣяло. то рѣдции от них отвѣт

дѣти моꙋтъ. и не мнози вѣдаютъ. И аще въпросиши роусьскими грамотикы гдѣ. кто вы ес грамоту тоу сѣтворилъ. и книги перетолковал. то вси вѣдаютъ. и въскорѣ отвѣщаютъ рекоуще. стѣый коньстантинъ философъ. нарицаемый кирилъ тои намъ на роусскимъ. с братомъ си преложи с греческаго языка грамоту сѣтворил и книги преложи с греческаго языка на роускимъ с братомъ си с приснымъ мѣфодіемъ. иже быс послѣди еписъ моравскимъ. в кое же время то бяше. во црство михаила цря греческаго иже въ цриградѣ црствовавшѣ. при патриарсѣ «отин. в лѣта бориса князя болгарьскаго. и растица князя моравскагъ. и костеля князя блатеньскаго. въ княжене князи великаго всея роуси рюрика погана суца и некръщена. за рѣк лѣт до крщениа роускимъ земля. а от созданиа миру влѣт ^{стѣг} (838—855). До здѣ конецъ повѣсти о грамотахъ и о книгахъ.»

Слѣдуетъ краткое указаніе событій, и въ томъ числѣ слѣдующее:

«В лѣт ^{схѣс} (866—1158) постави градъ Москву Князь Юрій Володимировичъ.»

Это указаніе весьма важно. Лѣтопись въ первый разъ упоминаетъ объ Москвѣ подъ 1147 годомъ; но изъ этого указанія видно, что годомъ основанія Москвы, какъ города, считался въ древности у насъ годъ 1158.

Я обратилъ вниманіе еще на три экземпляра Пчелы, изъ которыхъ два совершенно одинаковы, а одинъ по древнѣе и сокращеннѣе. Пчела, греческій сборникъ, переведенный по Славянски, содержитъ въ себѣ выписки изъ Священнаго Писанія, Отцевъ Церкви и языческихъ Греческихъ и Римскихъ писателей, какъ напр. Діогена, Еврипида, Аристотеля, Иродота, Софокла, Пинеагора, Сократа, Ликурга, Димокрита, Эпиктета, Плутарха, Фаворина, Діона Римскаго, Тимоакса, Левкиппа и другихъ, касательно разныхъ нравственныхъ и психологическихъ предметовъ, какъ наприкладъ: о житейстѣй добродѣтели и о злобѣ, о мудрости, о чистотѣ и о цѣломудрїи, о снѣ, о красотѣ, о славѣ, о промыслѣ, о терпѣнїи и о веледушїи и проч., всего 71 глава. Исслѣдованіе этихъ сборниковъ въ Греческихъ до-

длинникахъ и Славянскихъ переводахъ могло бы быть неважно и для древней филологіи, потому что здѣсь встрѣчаются отрывки изъ такихъ древнихъ писателей и сочиненій, которые теперь не существуютъ. Въ трехъ экземплярахъ Пчелы, мною разсмотрѣнныхъ, замѣтно двоякое изданіе: древнѣйшее короче новѣйшаго и то, что въ первомъ сказано кратко, то во второмъ весьма растянуто. Нѣкоторые находили сходство между мѣстами изъ Пчелы и Словомъ Даниила Заточника. Я слычалъ тѣ главы, въ которыхъ могло быть нѣкоторое сходство, именно о мудрости, о печали и безпечалии, о женахъ, и не нашелъ рѣшительно никакого. Въ Пчелѣ есть выписки изъ Соломона и Иисуса сына Сирахова, которыя напоминаютъ нѣсколько подобныя мысли въ Даниилѣ Заточникѣ, заимствовавшемъ ихъ изъ того же источника, но давшемъ заимствованному совершенно иной характеръ. Это сличеніе утвердило меня еще болѣе въ томъ мнѣніи, что Русскіе переписчики Пчелы передѣлывали ее и вставляли мѣста изъ Русскихъ сочиненій, своимъ содержаніемъ пожившія подъ ея статьями.

Своею огромностью, колоссальнымъ почеркомъ и многочисленностью рисованныхъ и раскрашенныхъ изображеній, кидается въ глаза Псалтирь, писанная въ 1594 году и пожертвованная въ монастырь Болриномъ Дмитріемъ Ивановичемъ Годуновымъ, какъ это видно изъ великолѣпнаго предисловія. Выписываю отрывокъ.

...«начахъ сию святую книгу, якоже отрыгну святыи Духъ усты Богоотца пророка и царя Давыда божественная словеса глаголемую псалтырь, в лѣто „зрѣ“ (1594) в богохранимомъ и в преименитомъ и црствующемъ градѣ Москвѣ, в третіемъ Римѣ благочестіемъ цвѣтоущимъ при державе превысочайшіе црскіе степени скипетра великаго російскаго црствія Богодарованнаго, Богомъ оукрашеннаго, Богопочтеннаго, Богомъ превознесеннаго, Богомъ вѣнчаннаго благовѣрнаго и холлюбиваго великаго монарха Божією милостію великаго Гдѣря Царя и великаго Князя Феодора Ивановича всея Росіи самодержца, и иныхъ многихъ гдѣрствъ восточныхъ и сѣверныхъ и западныхъ отчина и дѣдича и наследника, и при его благовѣрномъ

и х̄олубивой и благочестивой цр̄це и великой кн̄гине Ирине, и при ихъ дщери бг̄говѣрной цр̄евне Феодосіи. *Въ 1-е мѣ-то едр̄ства ихъ* (подчеркнутое написано киноварью). Па-соущемоу же тогда російскую и высокопрестольную великую Цр̄ковъ первопрестолникоу стейше̄му кирь. Новоу патриархоу зовоמוу Московскомоу и всея великія Росія. Индикта 1-го с великою вѣроу и ср̄дчнымъ желаніемъ пстиннымъ раченіемъ и с подщаніемъ многогр̄шный к Богу и к чл̄комъ гроубый, предстатель рссійскаго сл̄нцу кроуга сирьчъ цр̄скомоу величеству и достоинопочтеный цр̄скаго величества саномъ, Боляринь Дмитрей Ивановичь Годуновъ, премудрымъ смысломъ и разумомъ сію святоую книгоу повелѣ написати и назнаменовати, и оукрасити златомъ и серебромъ, и совершивъ и оукрасивъ чудне сію святоую книгоу псалтырь, положилъ вдомъ пречистыя Бцы ч̄стнаго и славнаго ея оуспенія и прп̄добнаго отца нашего Кирила чудотворца на Белоозеро, Конюшеи и Бояринь Дмитрей Ивановичь Годуновъ за свое здравіе и за женоу свою Матреноу, а Богъ по д̄шоу сошлетъ, ино по своей д̄ше и по своихъ родителехъ на память вѣчную. А кто сію святоую книгоу ис тои превеликіе лавры бес повелѣнія пастыря тоѣ обители дерзнетъ исхитити насилствомъ или какимъ инымъ ухищреніемъ изнести, и тогда отлученъ будетъ отъ славы Божія в сій вѣкъ и в будущій, и вѣчней муцъ осуженъ боудеть. А взимая сію книгоу сповелѣнія пастыря и прочитая с вѣроу обрящеть отъ Бога милость и оутѣху цоставленіе гр̄ховъ в сій вѣкъ и въ будущій.»

Слѣдуетъ просьба ко всѣмъ читающимъ книгу и желаніе имъ пользы душевной.

Точно такой же экземпляръ, съ тѣми же картинами, изображающими въ лицахъ богословское содержаніе псалмовъ, съ тѣмъ же пышнымъ предисловіемъ, подаренъ былъ бояриномъ же Годуновымъ Чудову монастырю въ Москвѣ и хранится въ его библиотекѣ. Прилагаю рисунокъ двухъ изображеній: они находятся при пѣсни степеней 126; соотношенія между ними и текстомъ нѣтъ, кажется, никакого. Замѣчательно нѣмецкое одѣяніе воиновъ, съ волчьими

или собачьими мордами, приближающихся къ Спасителю. Эти морды напоминаютъ также собачьи головы Опричниковъ Иоанновыхъ, которые были тогда еще въ свѣжей памяти у народа, когда писали и разрисовывали Псалтирь.

За № 76 въ нынѣшнемъ каталогѣ показано описаніе города Бѣлозерска. Собираясь ѣхать туда, я съ любопытствомъ заглянулъ въ это описаніе весьма подробное, которое относится къ 1676 году. Вотъ главы его: 1) Городъ Бѣлозеро и посадъ. 2) Оброчныя покни, что къ посадѣ. 3) Межевыя книги города Бѣлозера и оброчныя земли и сокольныхъ помѣтейниковъ. 4) Да дворцовыя волости — Волость Боръ Ивановъ — Волость Николаевская — Волость Ромынская — Волость Мужеская. Описаніе начинается съ города, а въ городѣ съ вала, или съ *сыти рубленой*, на которой показано восемь башенъ, крытыхъ тесомъ. Весь валъ кругомъ 550 сажень съ половиною. Въ городѣ двой ворота. Церковь соборная, во имя Спаса Преображенія, деревянная шатровая: вся она во всѣхъ частяхъ своихъ и всѣ иконы ея описаны съ большою подробностію. Сказано притомъ, что соборную церковь строить вновь каменную, казною Великаго Государя и подаляніемъ всякихъ чиновъ людей. Во всемъ городѣ каменная церковь одна, во имя Успенія Пресвятыя Богородицы. За тѣмъ слѣдуетъ описаніе двора Воеводы съ двумя огородами, изъ которыхъ одинъ длиною въ 30 сажень, а поперегъ 80, другой же длиною въ 13 сажень, а поперегъ 5 съ половиною. Эти описанія древнихъ городовъ нашихъ чрезвычайно любопытны. Романистъ здѣсь могъ бы подчерпнуть многія подробности для картины XVII вѣка, а статистикъ много богатыхъ данныхъ.

Сожалѣю весьма, что ни время, ни обстоятельства не позволили мнѣ воспользоваться сокровищами Кирилловскаго книгохранилища, какъ того желалъ бы я. Все время, какое только могъ посвятить я этому дѣлу, и днемъ и ночью, я

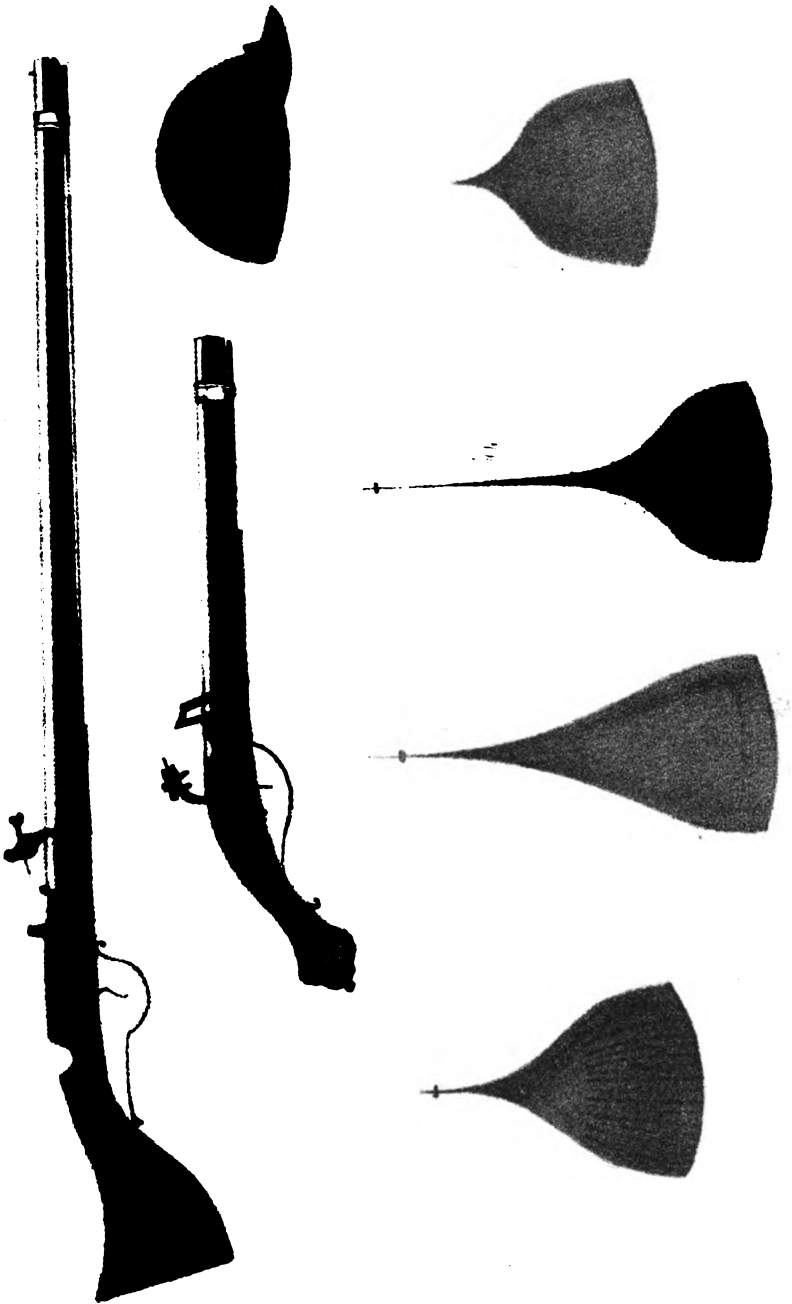
посвятилъ. Въ отцѣ Архимандритѣ и въ отцѣ Ризничемъ я нашелъ полную готовность содѣйствовать трудамъ моимъ. Въ короткой срокъ я сдѣлалъ что было по силамъ — и труды мои были не по напрасну, какъ кажется. Одинъ Сумеоновъ сборникъ стоилъ поѣздки и будетъ, конечно, оцѣненъ филологами.

Въ томъ же зданіи, гдѣ помѣщена библіотека, въ нѣсколькихъ огромныхъ ящикахъ лежатъ кучи пыльных свертковъ. Все это бумаги, относящіяся къ хозяйственному управленію монастыря, который, до Штатовъ 1764 года, имѣлъ 21,590 душъ крестьянъ. Любопытно видѣть, какъ монастырь бралъ оброкъ съ крестьянъ натурою, и болѣе всего хлѣбомъ разнаго рода. Монастырскія житницы, какъ видно, были подъ надзоромъ цѣловальниковъ, которые вели и приходу и расходу подробный отчетъ. Повѣрка всего дѣлалась также цѣловальникомъ или соборнымъ старцемъ монахомъ большимъ житникомъ, который, свѣривъ приходъ съ расходомъ, расписывался. Отдѣльные села и приселки управлялись старцами чернецами, которые отдавали подробный отчетъ во всемъ Архимандриту, Келарю и соборнымъ старцамъ. Содержаніе старцамъ, какъ видно, было скудное. Многіе, въ заключеніе донесеній, просятъ объ томъ своихъ *властей*, чтобы прислали имъ рыбки. Такъ жалобно выражается посельской чернецъ, Самойло Волоцкой: «Да прикажите, государи, мнѣ послѣдному дать рыбки, какія вамъ государемъ Богъ извѣститъ, а у насъ, государи, мѣсто нерыбное: замеръ до основанія съ однимъ квасомъ.» Есть жалобы крестьянъ другъ на друга; одинъ перекошилъ сѣно у другаго; тотъ отравилъ; крестьянка жалуется, что ее крестьянинъ изувѣчилъ: всѣ эти жалобы разбирались властями съ пособіемъ понятыхъ, которые оцѣнивають въ первыхъ случаяхъ убытки. За понятыми посылали ключниковъ, бывшихъ исполнителями того, что прикажутъ соборные старцы, большіе житники. Замѣчательно, что всѣ эти дѣла, которыхъ было безконечное множество, совершались письменно.

Въ тѣхъ же каменно-железныхъ затворахъ, гдѣ хранят-ся рукописи — мирные свидѣтели духовной жизни иноковъ Кирилловской обители — хранится и запасъ древнихъ ору-жій, которыми дѣйствовали изъ крѣпости монастырскіе воины противъ Литвы и Поляковъ. Кольчатые нагрудники и наспинники, которыхъ не приподнимешь, говорятъ о силѣ нашихъ древнихъ богатырей, жившихъ въ семи стахъ кур-ныхъ кельяхъ безъ половъ, о чемъ говорено было прежде. Вотъ на рисункахъ нѣсколько бердышей, красивое ружье, пистолеть, изящной формы шишаки и шлемы, которые срисованы на мѣстѣ. Имянныхъ мы не нашли.

ГОРИЦЫ. — БЪЛОЗЕРСКЪ. — КИРИЛО-НОВО- ЕЗЕРСКАЯ ОБИТЕЛЬ. — КРОХИНЪ ПОСАДЪ.

Горицкій монастырь.—Историческія объ немъ свѣдѣнія.—Храмы.—
Плащаница.—Управленіе обители.—Ризница.—Видъ съ колокольни.—
Возвратный путь.—Гора Маура. Видъ съ горы.—Преданіе о св. Ки-
риллѣ.—Радуга надъ обителью.—Всенощная въ Кирилловской церкви.—
Бесѣда съ О. Фремонъ.—Дорога въ Бѣлозерскъ.—Видъ на Бѣлоозеро.—
Синеусовъ курганъ.—Народныя объ немъ преданія.—Стихотвореніе
Н. В. Берга.—Древній и новый Бѣлозерскъ.—Оборная церковь.—
Церковь Св. Иліи пророка.—Уваженіе народа къ Св. Ільѣ пророку.—
Бѣлозерскій каналъ.—Гостиница.—Безрыбье.—Городское гулянье по
валу.—Красота женщинъ.—Короны: головной уборъ.—Захожденіе
солнца на Бѣлозерѣ.—В. И. Надпорожскій.—Сказаніе о Бѣлозерскѣ.—
Письмо очевидца о пребываніи Французовъ въ Москвѣ.—Монастырь
Св. Кирилла Новозерскаго.—Жизнь Кирилла.—Древнія урочища.—
Положеніе монастыря.—Память объ Архимандритѣ Теофанѣ.—Строе-
ніе собора.—Ризница.—Трапеза.—Крохинъ посадъ.—Истоки Шексны.—
Чайка.—Гарбуши и стойки.—Чтеніе журналовъ.—Церковь села
Бородяева.—Опратность крестьянскихъ домовъ.

Время было холодно, пока я работалъ надъ рукопи-
сами монастырской библіотеки. Шла въ Іюль даже измо-
розъ. Но вотъ прояснилась погода. Надобно было отсюда
направить путь въ окрестныя мѣста, изъ которыхъ даль-
нѣйшее монастырь Кирилла Новозерскаго на озерѣ Но-
вомъ, за 80 верстъ.

Вправо отъ Кириллова, въ 7-ми верстахъ, таится за
горами, на лѣвомъ берегу Шексны, Воскресенско-Горицкій
дѣвичій монастырь, котораго главы едва мелькаютъ изъ-за
горъ. Мѣсто называется также и Горіцы, по уменьшитель-
ному окончанію весьма древней формы, употребительной въ
здѣшнемъ нарѣчій, гора - горіца, какъ дѣва-дѣвица, коса-
косица. Дорога весьма живописна, сначала по берегу Си-

верскаго озера, а потомъ по горамъ. Тутъ же на дорогѣ озеро Константиновское; справа гора Золотуха, а слѣва гора Маура; на сию послѣднюю мы взойдемъ по обратному пути. Когда подниметесь на гору, видъ открывается великолѣпный на монастырь и на Шексну, которая широко извивается по лугамъ и долинамъ.

Монастырь основанъ въ 1544 году. Въ то же самое время удѣльный Князь, Андрей Ивановичъ Старицкій, и супруга его, Евфросинія Владиміровна, своимъ иждивеніемъ построили соборную въ немъ церковь, которой древняя форма, за исключеніемъ оконъ, сохранилась въ одной только наружности. Сюда, въ 1605 году, заточена была прекрасная Ксенія Годунова на нѣсколько времени, а отсюда переведена была во Владимірскій дѣвичій монастырь. Придѣлъ во имя Царевича Димитрія устроенъ былъ, по приказанію его матери, Царицы Марѣы Феодоровны. Икона Царевича считается современною сооруженію придѣла. Чудотворцы ближайшихъ мѣстъ, Кириллъ Бѣлозерскій и Кириллъ Новозерскій, имѣютъ также свои придѣлы. Новая церковь теплая устроена при нынѣшней Игуменѣ и отличается красотою своей архитектуры. Отвсюду и слышно и видно Богослуженіе. Кругомъ хоры, изъ которыхъ окна открываютъ чудные виды на Шексну. Красота природы окружаетъ красоту храма Божія. Всѣ церкви расписаны трудами даровитыхъ инокинь обители. Особенно памятны мнѣ имена Клементьевой и Готовцовой. Прекрасенъ шитый шелками образъ Спасителя, несущаго крестъ. Историческое значеніе имѣетъ плащаница, подаренная монастырю Императоромъ Александромъ въ 1823 году: это художественное произведеніе въ золотошвейномъ искусствѣ совершено Гречанками изъ фамиліи Либериосъ. Плащаница заготовлена была для патриаршей церкви въ Константинополѣ, какъ свидѣтельствуется еще и Греческая надпись кругомъ: Благообразный Іосифъ и проч. Но, по смутнымъ обстоятельствамъ Греціи того времени, она не достигла мѣста своего назначенія, и сами швеи нашли пріютъ въ нашемъ отечествѣ, съ этою плащаницею, которая была единственнымъ ихъ имуществомъ.

Четыреста инокинь живетъ теперь въ обители. Игуменья Маврикія, не смотря на свои 70 лѣтъ, дѣятельно и благоразумно править обителью, окруженная любовью и уваженіемъ всѣхъ отъ нея зависящихъ. Памятно мнѣ ея простодушное смиреніе и ея доброе привѣтствіе. Она происходитъ изъ дворянъ здѣшняго края и владѣла въ окружности небольшимъ помѣстьемъ. Среди инокинь, пашедшихъ здѣсь убѣжище отъ міра, встрѣчаются имена многихъ знатныхъ фамилій. Въ разговорѣ и приѣмахъ слышенъ нерѣдко отзывъ блестящаго свѣтскаго воспитанія. Отсюда вышла Игуменья Феопанія Готовцева, правящая дѣвичьей обителью на берегахъ Невы. Монастырь устроенъ на правилахъ общины, подобно Алексѣевскому дѣвичьему въ Арзамасѣ. Не лзя довольно налюбоваться на чистоту трапезы, въ которой храмъ посвященъ Св. Кириллу Новоезерскому, на благоустройство хлѣбни и поварни. Вездѣ виденъ строгій и дѣятельный надзоръ хозяйки обители. Здѣсь опрятности и порядку могло бы поучиться всякое общественное заведеніе.

Разныя женскія рукодѣлія процвѣтаютъ въ монастырѣ, и во всѣхъ замѣтенъ вкусъ. Нигдѣ не видалъ я такой прекрасной ризницы, какъ здѣсь. Можетъ быть, конечно, великолѣпнѣе, богаче жемчугами и драгоценными камнями, какъ на примѣръ въ Московскихъ соборахъ и древнихъ монастыряхъ; но едва ли гдѣ можно найти болѣе изящества во вкусѣ, въ выборѣ цвѣтовъ и украшеній. Здѣсь золото, серебро, жемчугъ, шелки, ткани — все покорилось благочестію самаго избраннаго вкуса женскаго. Всѣ эти ризы и воздухи и пелены — труды обители, и все это совершено подъ надзоромъ Игуменья Маврикія, которая 40 лѣтъ править ею.

Мы взопли на колокольню, чтобы оттуда полюбоваться еще на окрестности; на цвѣтушіе берега Шексны, которая такъ здѣсь живописна въ своемъ луговомъ раздолѣ. Тучка собиралась вдали, но солнце сіяло еще во всемъ своемъ великолѣпнѣи и жаркими лучами золотило всю картину рѣки, полей и безконечной зелени.

На возвратномъ пути въ Кирилловъ, мы вышли изъ тарантаса у подошвы горы Мауры, на которую надобно же было непременно взойти, чтобы здѣсь помянуть Преподобнаго Кирилла. Здѣсь совершилось въ очью его видѣніе. Отсюда узрѣлъ онъ впервые мѣсто, назначенное ему Богоматерью для обители. Перелѣскомъ, довольно частымъ, по узкой тропивкѣ, пробирались мы до вершины горы. Дождикъ крупными каплями падалъ на насъ, но когда мы взошли на вершину, онъ прекратился.

Здѣсь открылось мнѣ одно изъ тѣхъ великолѣпныхъ зрѣлищъ природы, которыя хотя видишь разъ, но они врѣзываются неизгладимыми чертами въ воображеніи. Италия и Швейцарія, Аппенины и Альпы, много угощали меня своими видами; но признаюсь, есть мгновенія природы въ нашемъ разнообразномъ Отецествѣ, которыя не уступятъ въ красотѣ Аппенинскимъ и Альпійскимъ, хотя имѣютъ совершенно другой характеръ.

Кругозоръ обнималъ безконечное пространство во всѣ стороны, на нѣсколько десятковъ верстъ. Полноводная Шексна съ своими извивами, которыми любовался я съ колокольни Горницкой, составляла здѣсь одну только малую часть чуднаго зрѣлища. Къ тому же ее украшала и обитель съ своими церковными главами. Часть неба съ правой стороны была одѣта тучей; въ ней гудѣлъ отдаленный громъ, и она скрывала еще огромное пространство. Но весь горизонтъ къ Кириллову монастырю освѣщался уже солнцемъ, въ самомъ блистательномъ его закатѣ. Озеро Сиверское во всю свою пятиверстную длину, голубое и подернутое сильною рябью отъ протекшей грозы, растилалось внизу и казалось еще меньшею частію картины, нежели извивы Шексны. Стѣны монастыря и его башни, осѣненные золотыми главами 11-ти храмовъ, стояли снѣгу бѣлаго въ солнечномъ освѣщеніи. Вдали, прямо за Сиверскимъ озеромъ, и вправо и влѣво отъ него, озера безъ числа, какъ голубыя зеркала, или какъ отломки лазурнаго неба, далѣе какъ точки, а между ними ленты каналовъ и

рѣкъ, покрывали землю, которая то зеленѣла лѣсами, лугами и нивами, то желтѣла колосьями ржи, то бурѣла песчаными берегами, или холмами. Чѣмъ болѣе углублялся взоръ въ это пространство, тѣмъ безконечнѣе становилось зрѣлище.

Вершина горы, на которой стоишь, совершенно открыта. Здѣсь лежитъ огромный камень, какихъ встрѣчаешь много въ нашей сѣверной природѣ. На этомъ камнѣ означенъ слѣдъ ступни человѣческой. Народное преданіе говоритъ, что это слѣдъ ноги самаго Кирилла; что здѣсь-то, послѣ многихъ странствій по землямъ Бѣлозерскимъ, остановился онъ; что отсюда впервые разъ взоръ его достигъ того мѣста, котораго искалъ онъ для обители и въ которомъ наконецъ олицетворилось его святое видѣніе; что здѣсь, утомленный и восторженный, пагъ онъ на землю со слезами благодарности къ Пречистой. Эти народныя воспоминанія о святомъ мужѣ, который 60-ти лѣтъ пришелъ сюда и здѣсь вооружился для новыхъ тридцатилѣтнихъ подвиговъ, освящали какою-то высшею благодатью тѣ прекрасныя чувства, которыя производило на меня самое зрѣлище. Никогда чувство изящной природы не бываетъ для насъ такъ полно и сладко, какъ въ то время, когда оно освящается благодатнымъ чувствомъ вѣры, и самое небесное чувство вѣры никогда не бываетъ въ насъ такъ живо, какъ въ тѣ минуты, когда нисходитъ до освященія земныхъ предметовъ, намъ болѣе доступныхъ и близкихъ, чѣмъ духовные. Въ книгахъ Кирилловыхъ я увидѣлъ, что онъ, хотя и совершалъ подвиги инока, но не чуждъ былъ стремленія разумно объяснять явленія природы. Здѣсь вершина горы Мауры убѣдила меня въ томъ, что онъ любилъ красоты Божія міра, какъ созданія благости и премудрости Божіей; что Вѣра не изгоняла въ немъ нѣсколько чувства изящной природы, а напротивъ освящала его высшимъ осѣненіемъ; что духовныя видѣнія его могли воплотиться въ земную лѣпоту созданія Божія, точно такъ, какъ чистыя, вдохновенныя мысли поэта или живописца воплощаются въ самое чистое, непорочное слово, въ самые дѣвственные образы Ангеловъ и Мадоннъ.

Не хотѣлось оторваться отъ этого зрѣлища. Но колоколъ монастырскій наканунѣ воскреснаго дня призывалъ ко всенощной. Мы поспѣшно поѣхали въ обратный путь. Миновавшая туча и заходящее солнце образовали чудную двойную радугу, которая ярко озарила все небо передъ нами и сіяла надъ монастыремъ, какъ небесные ворота. Невольно припомнилось здѣсь, что точно такая же радуга, яркая и полная, видная съ обѣихъ концовъ, встрѣтила насъ, когда мы подъѣзжали къ Сергіевой Лаврѣ. Озеро лежало тише, ровнѣе и голубѣе, и монастырь стоялъ подъ радугой въ полномъ озареніи. Мы всѣ были очарованы этимъ зрѣлищемъ. «Какъ ни прытко ѣдешь, а все въ радугу не вѣдешь,» сказалъ извощикъ, оживленный небесною дугою.

Когда входили мы въ соборный храмъ Успенія, темный и едва освѣщенный немногими свѣчами, хоръ иноковъ пѣлъ: «Слава въ вышнихъ Богу—и на земли миръ, въ челоуѣцѣхъ благоволеніе». Этой хвалебной молитвой Церковь встрѣчаетъ свѣтъ земной точно такъ, какъ Вилеемскіе пастыри привѣтствовали ея рожденіе Свѣта небеснаго на землѣ. О когда-то сила этой церковной неумолкающей пѣсни будетъ понята между нами и отзовется глубоко въ душахъ челоуѣческихъ!

Конецъ вечера послѣ всенощной я провелъ въ пріятной бесѣдѣ съ отцомъ Ефремомъ, инокомъ обители. Свѣтское имя его было Андерсенъ. Онъ родомъ изъ Пруссіи, и перешелъ изъ Лютеранской вѣры въ нашу. Теноръ его пріятно раздается въ хорѣ иноковъ, которымъ онъ управляетъ. Придѣлъ Преподобнаго Кирилла росписываетъ онъ своею кистию. Вся братія не нахвалится его жизнію, смиреніемъ, духомъ любви и кротости. Когда исправлялъ онъ должность казначея, всѣ были довольны. Отецъ Ефремъ хорошо говоритъ по Русски; но ему пріятно было поговорить со мною и на родномъ его языкѣ. Предметомъ нашей бесѣды былъ въ особенности Теофанъ, бывшій архимандритъ Кирилло-Новозерскаго монастыря, который отличался даромъ

прозорливости. Всѣ окрестныя обители его уважали. Въ Горницкомъ монастырѣ записано житіе его и многіе примѣчательныя анекдоты. Когда онъ пріѣзжалъ туда, вся обитель оживлялась какъ бы новою духовною жизнью. Лицо и глаза держалъ онъ обыкновенно склоненные внизъ, но когда поднималъ ихъ, то проникалъ ими насквозь.

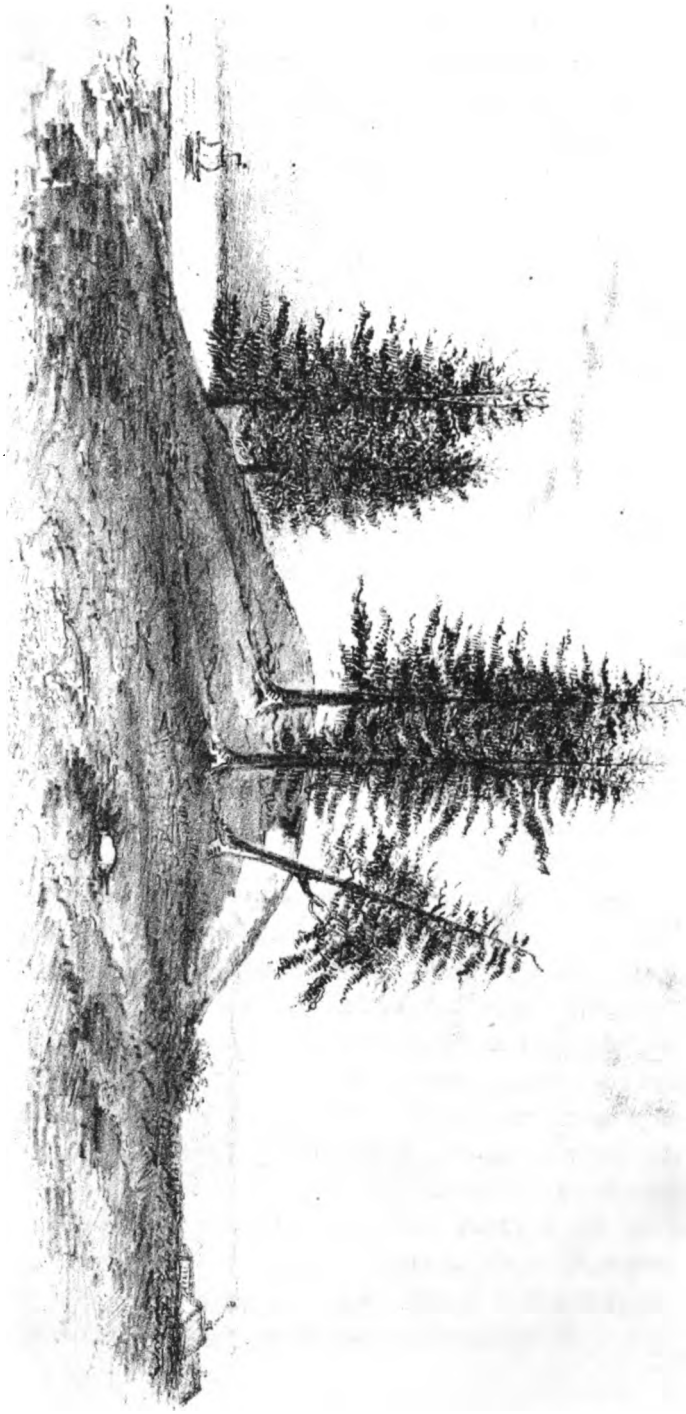
Отъ Кирилова до Бѣлозерска считается сорокъ верстѣ. Ихъ раздѣляетъ одна станція Вогнема, послѣ которой тотчасъ переправа черезъ Шексну. До Вогнемы дорога весьма гориста. Извозчики считаютъ девять горъ. На 11й верстѣ пропадаютъ изъ глазъ башни Кирилова. По бокамъ дороги видны озера: Шингерское, Георгіевское и другія. За Вогнемой и Шексною дорога идетъ ровнымъ лѣсомъ. Съ какимъ-то нетерпѣніемъ ждешь Бѣлозера — и вотъ не успѣлъ выѣхать изъ лѣсу, какъ оно забурѣло вдали. Глинистая почва и мелкое дно придаютъ ему этотъ цвѣтъ. Озеро не имѣетъ глубины болѣе трехъ сажень. Почти всегда оно волнуется и покрыто бѣлою пѣною, что на морѣ зовется *баранами*. Отсюда, какъ думаютъ, и названіе Бѣлозера. Длина его и ширина одинаковая 60 верстѣ. «Всегда ли такъ бурлитъ ваше озеро?» спросилъ я извозчика Онисима, малаго очень ловкаго и расторопнаго. — Оно всегда бурлитъ, отвѣчалъ онъ, но особенно тогда, когда чувствуетъ въ себѣ тѣло человѣческое: не успокоится до тѣхъ поръ, пока не выкинетъ его. — Таково видно повѣрье народное, а тѣла въ озерѣ бывали часто. Бѣдныхъ бурлаковъ погибало много въ его буряхъ, пока не провели канала. Растительность къ берегамъ исчезаетъ; даже мало травъ, не только кустарнику. Озеро, какъ маленькое море, распространяетъ вокругъ себя безплодіе. Вдали виденъ Крохинъ посадъ, у котораго вытекаетъ Шексна. Нить канала обозначена мачтами судовъ, которыя тянутся въ прямую линію до Бѣлозерска. По бурому полю озера, подернутому бѣлою пѣною, покачиваются кой-гдѣ съ боку на бокъ расшивы, или лодки-бѣлозерки, какъ называется ихъ пѣсня.

Отъ дороги поворотили мы влѣво къ городу. Версты за двѣ до него курганъ, довольно высокій, покрытый елями, и нѣсколько разрытый, останавливаетъ ваше вниманіе. На приложенномъ рисункѣ онъ снятъ вѣрно. «Что это у васъ за курганъ?» спросилъ я у Онисима. — «Здѣсь, сударь, говорятъ, лежитъ царь Синеусъ. Многіе дворяне останавливаются тутъ и прощаются съ нимъ. Какъ-то возилъ я Польскаго священника. Онъ выходилъ и плакалъ: это, говоритъ, здѣшній нацъ первый царь Синеусъ.»

Братъ Рюриковъ, Синеусъ на Бѣлѣозерѣ, далъ названіе атому кургану, который, какъ видно, осыветъ его могилкою. Но лѣтопись ли тому причиною, или такъ было искони въ преданіяхъ народныхъ—рѣшить трудно. Народъ, впрочемъ, про Синеуса не знаетъ, а знаютъ только грамотные дворяне, по словамъ извозчика.

Вотъ тѣ рассказы, которые собралъ я здѣсь на мѣстѣ. Мальчикъ говорилъ: «старики рыли и дорылись—было до сунаука; да выѣхалъ изъ кургана солдатъ на конѣ и *испужалъ* ихъ: всѣ и разбѣжались. А гора опять засыпалась, какъ была.» Мужикъ постарше изъ сосѣдней деревушки рассказывалъ такъ: «рыли и дорыли до мосту—и вдругъ солдатъ на конѣ по горѣ *замздилъ* (по здѣшнему нарѣчію). Всѣ и разбѣжались. Теперь бы народъ не разбѣжался: тронуть бы его, такъ бы и разсыпался.» Преданіе слышалъ мужикъ отъ своего отца. Я обращался къ 70-лѣтнему старику, самому старшему въ деревнѣ: онъ приходилъ ко мнѣ нарочно въ Бѣлозерскъ. По его варианту, солдатъ на конѣ, испугавшій всѣхъ, выѣхалъ не изъ кургана, а изъ города, а потомъ вдругъ пропалъ, куда не замѣтили. Прибавилъ еще, что видали огонь на этомъ курганѣ, видали также рыбью шелуху и брали ее домой, а дома она превращалась въ деньги.

Весьма замѣчательно имя деревушки, лежащей почти пасупротивъ этого кургана: *Росляково*. Она существуетъ съ незапамятныхъ временъ, испоконъ вѣковъ, какъ говорятъ крестьяне. Другія деревни около нея не носятъ такихъ

замѣчательныхъ названій и должны быть уже новаго происхожденія. *Рослековъ* и *Росляковъ* починокъ встрѣчается въ грамотѣ 1551 года, которою Царь Иванъ Васильевичъ пожаловалъ села, деревни и починокъ Корнильевой пустыни въ Вологодскомъ уѣздѣ. Синеусовъ курганъ, Бѣлоозеро и старинное имя деревни Росляково напомнили невольно Рослагенъ (Rodslagen). Такъ назывались гребныя общины моряковъ Норманскихъ. Название Рослагенъ сохранилось въ Швеціи для означенія берега, который они занимали. Не сохранилось ли оно и здѣсь, и передѣлалось послѣ въ Росляково, по обычаю нашему все чуждое превращать въ свои родные звуки?

Народныя преданія, окружающія этотъ курганъ, внушили поэту, моему спутнику, стихотвореніе. Я помѣщаю его здѣсь, какъ прекрасную память тѣхъ взаимныхъ удовольствій, которыя доставляло намъ дружеское сообщество въ нашей поѣздкѣ.

Синеусовъ курганъ на Бѣлоозерѣ.

Курганъ Бѣлозерскій и видѣлъ и тамъ
Сидѣлъ на вершинѣ; шумѣли кругомъ
Колосья, какъ волны катясь по полямъ,
Мѣшаясь то съ синимъ цвѣткомъ-василькомъ,

То съ куколемъ краснымъ; вилась предо мной
Дорога что лента межъ нивъ и полей,
Бредли пѣшеходы устатой толпой
И тройка лихая скакала по ней....

Околица вправо.... село и гумно....
Село искони Росляковымъ зовутъ —
Название такое недаромъ дано....
Постой-ка, чего не случилось-ли тутъ?

Вонъ Бѣло-озеро плещетъ вдали,
Качая расшивы на бурныхъ валахъ....
Когда-то Варяги оттуда пришли....
Я вспомнилъ невольно о тѣхъ временахъ,

Какъ праотцы наши Оловѣни - народъ
 Нягнѣша Варяги и сѣми въ советѣ
 Почаша благодѣти и вьста родъ на родъ,
 Сѣбѣицѣ вьша я прѣбды не вѣ.

И шѣдше Оловѣни къ Варягомъ къ советѣ,
 Рикѣша: шенина бса наша земля,
 Я нѣтъ въ ней народа и прѣбды въ ней нѣтъ:
 Идѣте къ намъ кнѣжить. И роды себѣ

Поѣша и шѣдше ѿ врата изъ Русь
 По прѣбѣ судѣти въ Оловѣнскихъ землѣхъ,
 Отарѣишии вѣ Рюрикъ, другѣи Синегоуъ,
 Я третѣи Извѣрьствѣ Труворѣ. И шѣ тѣхъ

Ихъ Оловѣнскихъ Варяжскихъ ичѣшеся родѣ,
 Понѣже Варязи пришельцы тѣ суть,
 И Русь нарѣсѣ земля и народѣ,
 Я прѣже бо вѣша Оловѣни и Чудѣ.

И брани взгремѣли! Извѣдалъ сосѣдъ
 Ихъ мечъ и дикой шестоперь-буздыганъ....
 Но вотъ прокатилася тысяча лѣтъ....
 Не стало героевъ.... чтожъ этотъ Курганъ?

Могила онъ что-ли? Откуда возникъ?
 Какъ сторожъ безсмынный окрестныхъ полей
 Стоить. Расскажи-ка, послушай, старикъ,
 Откуда онъ взялся? Не знаешь-ли, чей?

«Не знаю я, баринъ, про то ничего,
 Но помню, когда еще коней держалъ,
 Провезъ господина я здѣсь одного,
 Такъ онъ у кургана съ телеги слѣзалъ,

Здоровался съ нимъ и прощался; потомъ
Сказалъ, что какой-то подъ нимъ Синій-Усъ
Лежить, а допрежь мы не знали о томъ,
И больше разсказывать я не берусь!

А было однажды.... да этого знать
Не дляча! — мой бачка разсказывалъ мнѣ,
Что міромъ курганъ принимались копать,
Да выскочилъ, видишь, солдатъ на конѣ, —

И всѣ разбѣжались: народъ.... не того....
Быль въ тѣ-поры больно пужливъ и смирѣнь;
Тронуть-бы солдата, такъ мигомъ его
Не стало бы — вотъ что! рассыпался бъ онъ!

Еще, говорятъ, приходилось видать,
Что рыбьей накидано тамъ шелухи;
Кто горстку ухватить, ужъ дома-то, глядь,
Посыпались деньги.... такіе грѣхи!

Все Синяго-Уса проказы, я чай!
Вотъ, батюшка, только сказать я могу!
Девятый десятокъ живу почитай,
Что слышала, то слышала, скажу не солгу!

Такъ вотъ-что узналъ я! Спасибо, старикъ!
И думой глубокой внезапно объять,
Челомъ я къ могилѣ-кургану приникъ —
И мнилось: бывшее вернулось назадъ;

Цная, чужая мнѣ слышалась рѣчь,
И стоны, и вздохи родимой земли,
И — чудилось — мечъ ударился о мечъ,
И озеро-море гудѣло вдали....

И обокъ съ Князьями я въ битвы летѣлъ,
По мшистымъ болотамъ, по льдамъ и снѣгамъ,
Туда, на полуночь, гдѣ свѣта предѣлъ,
И дивныя дивы мы видѣли тамъ:

Въ странахъ полунощныхъ, во мракѣ густомъ,
Кипѣла Печѣра, Югра, Самойда,
Народы, чтѣ молвятъ инымъ языкомъ,
Егожъ Новгородцы не могутъ понять;

И высится тамъ за горою гора,
И въ море лукою тѣ горы идутъ;
И слышно тамъ говоръ и стукъ топора:
То гору они топорами сѣкутъ;

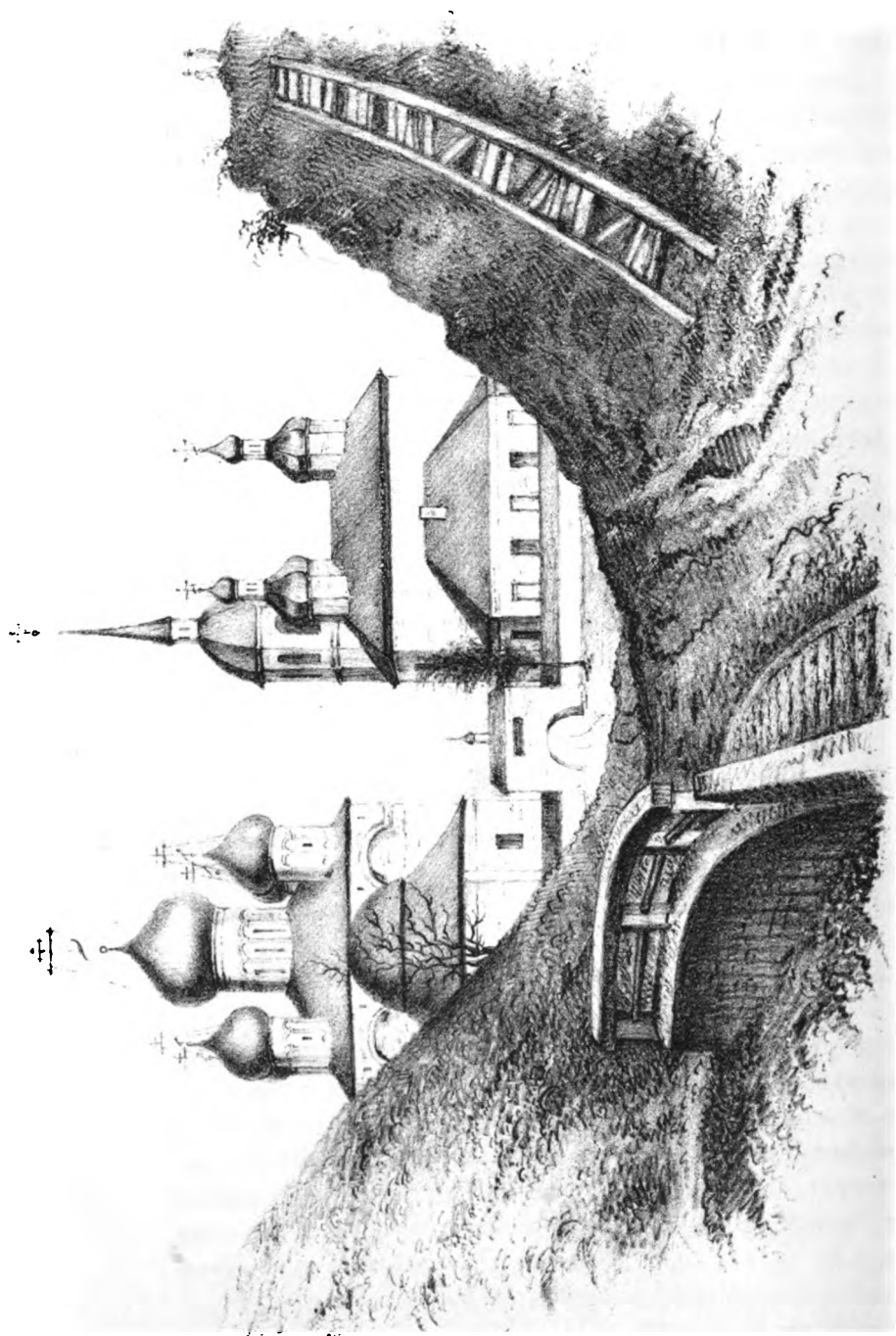
Ни много, ни мало — три тысячи лѣтъ
Сѣкутъ они гору, чтобъ высѣчися вонъ,
Но сдвинулись горы и выходу нѣтъ,
И Господомъ Богомъ запретъ положонъ,

Полѣженъ запретъ и гора заперта,
И трое поставлено крѣпкихъ воротъ:
Свинцовы, желѣзны, мѣдяны врата,
И пламя не жжетъ ихъ, и мечъ не беретъ!

И мнилось: туда мы съ Князьями пришли,
И въ мѣдны ворота я грянулъ мечомъ....
Но вмигъ все исчезло.... лишь волны вдали
Шумѣли.... и снова село за гумномъ

Мелькнуло.... и снова курганъ предо мной....
Вилася дорога межъ нивъ и полей,
Брели пѣшеходы усталой толпой
И тройка лихая скакала по ней....

По описанію Бѣлозерска 1676 года мы знаемъ, что въ то время была тамъ одна только каменная церковь во имя Успенія Пресвятыя Богородицы, которая строена при Грозномъ въ 1574 году; соборная же была тогда деревянная, а каменную еще строили. При Екатеринѣ въ городѣ было каменныхъ церквей въ предмѣстїи 12 и деревянныхъ 2. Нынѣ же каменныхъ церквей считается всего 18 и деревянная 1. Вотъ лучшее доказательство тому, чтѣ

сдѣлало въ Россіи распространіе промышленности разнаго рода. Благолѣпіемъ своихъ безчисленныхъ каменныхъ храмовъ Россія обязана времени послѣ Петрова періода. Но начало Вѣры, которое двигало эту промышленность на служеніе Богу, Россія вынесла изъ древней жизни. Всюду, гдѣ это святое начало приходило въ согласіе съ новымъ развитіемъ, государственнымъ или ученымъ, художественнымъ или промышленнымъ, плоды этого соединенія были прекрасны. Великолѣпіе нашихъ городовъ, состоящее всего болѣе въ храмахъ золотѣнчанныхъ, очевидное свидѣтельство этой истинѣ.

Соборная церковь во имя Спаса Преображенія находится внутри рубленой сыщи или весьма высокаго вала, который извѣстенъ намъ уже по описи, расположенъ на четыре угла и простирается вокругъ на 550 сажень съ $\frac{1}{2}$. Оставлены промежутки для воротъ, какъ можно видѣть на приложенномъ рисункѣ, изображающемъ храмъ соборный съ частию вала. Соборъ внутри передѣланъ былъ въ 1801 году. Мѣстныхъ иконы, въ древнемъ стилѣ, писалъ Андрей Ярославскій. Осталось нѣсколько древнихъ иконъ, наиболѣе чтимыхъ народомъ, какъ напримѣръ Кириллъ Новозерскій съ чудесами. Но всѣ украшенія храма, колонны, изваянные Ангелы, изваянный Моисей, напоминаютъ время Митрополита Платона и особенное вліяніе западнаго церковнаго вкуса этихъ временъ.

Въ народѣ есть преданіе, что древнѣйшая церковь города — деревянная, во имя Ильи Пророка, которая находится при выѣздѣ въ заставу, по дорогѣ къ Кириллу Новозерскому. Народъ чрезвычайно уважаетъ ее и считаетъ ей тысячу лѣтъ, тогда какъ причетъ полагаетъ 140. Въ описи города Бѣлозерска я ея не нашелъ, слѣд. мнѣніе причта справедливо. Но все-таки церковь замѣчательна своими древними иконами и древнимъ устроеніемъ. Трапеза отъ церкви отдѣлялась большими разрисованными дверями, которыя растворялись во время богослуженія и затворялись послѣ литургіи, когда совершалась трапеза. Народъ еще

помнить, что міръ приносилъ причту все нужное для обѣда. Я видѣлъ эти трапезныя двери, или точнѣе сказать, ворота, по ихъ широтѣ. Но и онѣ были сняты съ петель. Новизна забралась и сюда, и церковь уже подновлялась усердіемъ доброхотнаго дателя.

Преданіе, что храмъ во имя Іліи Пророка есть самый древній, встрѣчалъ я въ народѣ не разъ, какъ замѣчено мною и прежде. Оно основано на глубокомъ благоговѣніи, которое народъ питаетъ къ Св. Іліи Пророку. Иные, несправедливымъ образомъ, объясняли это благоговѣніе изъ той причины, что народъ свои понятія о языческомъ Перунѣ перенесъ на Ілію Пророка. Нѣтъ, народъ нашъ внимателенъ къ тому, что воспѣваетъ и чему учитъ Церковь. Въ кондакѣ Пророку говорится, что онъ своимъ вѣщаніемъ уставилъ водоточныя облака. Въ Апостолѣ, который читается въ день его праздника, сказано: «Іліа человекъ бѣ подобострастенъ намъ, и молитвою помолися, да не будетъ дождь: и не одожди по земли лѣта три и мѣсяць шесть. И паки помолися, и небо дождь даде, и земля прозябе плодъ свой.» (Іакова Посл. гл. 5, ст. 17 и 18). Въ Евангеліи же Самъ Спаситель говоритъ объ немъ: «По истинѣ же глаголю вамъ: многи вдовицы бѣша во дни Іліинны во Израили, егда заключися небо три лѣта и мѣсяць шесть, яко бысть гладъ великъ по всей земли: и ни ко единой ихъ посланъ бысть Іліа, токмо въ Сарепту Сидонскую къ женѣ вдовицѣ.» (Лук. гл. 4, ст. 25 и 26). Народъ въ глаголѣ Церкви слышитъ, что Іліа имѣлъ силу молитвою затворить небо на три года съ половиною и тою же молитвою отворить его. Праздникъ совершается въ рабочую пору, когда возбуждены всѣ интересы народа, основанные на плодородіи земли. Не смотря на то, онъ никогда въ этотъ день не выйдетъ на работу, считая великимъ грѣхомъ не почтить того Святаго, котораго молитва такъ была сильна въ дѣлѣ хлѣбопашца.

Мнѣ случилось въ Волжскихъ губерніяхъ слышать причту *объ Ильѣ великомъ и Николѣ милостливомъ*, въ ко-

торой разсказанъ весь рабочій годъ Русскаго мужичка, совершающійся подъ вліяніемъ двухъ силъ. Илья великій полагаетъ ему препятствія въ его трудахъ, посылаетъ градъ и засуху, а Никола милостливый отвращаетъ отъ него всѣ эти несчастія.

Бѣлозерскъ чрезвычайно оживленъ новымъ каналомъ, который проведенъ черезъ весь городъ и находится между имъ и озеромъ. Судоходство по Бѣлозеру сопряжено было съ ужасными затрудненіями. Противные вѣтры вовсе его останавливали, — и суда должны были дожидаться попутнаго въ Шекснинской пристани, у Крохина посада. Правда, что сила озера, въ случаѣ благопріятнаго вѣтра, такова, что никакимъ каналомъ замѣнена быть не можетъ. Но эта сила подвержена переменамъ случая, которыя надобно было удалить. Последнее сдѣлалъ каналъ. Суда теперь входятъ въ него, совершаютъ путь медленный, но безопасный, народъ не гибнетъ и не страдаетъ.

Каналъ проведенъ на 63 версты въ длину; отъ 3-хъ до 4-хъ аршинъ глубина его; ширина 12 аршинъ. Подъемный мостъ Бѣлозерскій начатъ строеніемъ въ 1845, а оконченъ въ 1846 году. Водоспускъ Бѣлозерскій также. Между ними разведенъ бульваръ, усаженный кустами и цвѣтами. Среди бульвара обелискъ на трехъ гранитныхъ ступеняхъ. Читаемъ надпись на бронзовой доскѣ; съ одной стороны: «Бѣлозерскій каналъ сооруженъ повелѣніемъ Государя Императора Николая Павловича въ 1846 году»; сверху корона и орелъ; съ другой стороны: «каналъ сей сооруженъ въ управленіе путями сообщенія и публичныхъ зданій Генераль-Адъютанта Графа Клейнмихеля».

При насъ подымали мостъ, и прошла грузная колуменка или колуменка, какъ ее здѣсь называютъ, которую легко тянули три человекъ. Въ каналѣ и пристани зимовало 1,500 судовъ, а теперь въ пристани стояло 300 съ саломъ и съ хлѣбомъ. Площадь Бѣлозерска наполнена была бурлаками, которые ждали наемщиковъ. Я спросилъ ихъ объ каналѣ. Памятно мнѣ слово ихъ: «работы больше,

заботы меньше.» Разумѣется, безопасное судоходство умножило работу, потому что возбудило болѣе охоты. И работа бурлацкая не такъ стала дорога, потому что легче. Теперь идутъ на 8 цѣлковыхъ, чего прежде не бывало.

Пріятно гулять вдоль канала и по пристани. Городъ оживленъ. Встрѣчаешь лица, озабоченныя торговыми оборотами. Есть какое-то движеніе промышленности, столь рѣдкое въ нашихъ городахъ.

Мы остановились въ гостинницѣ, принадлежащей монастырю Кирилла Новозерскаго. Комнатки чистыя, опрятныя; но обѣда надобно искать въ другомъ мѣстѣ. Просилъ, чтобы указали мнѣ на лучшей трактиръ въ городѣ. Думалось, что движеніе торговли и слава Бѣлозерской рыбы дадутъ средство хорошо отобѣдать. Но не сбылось ожиданіе. Мы вошли въ деревянный домикъ, который обѣщала что-то спаружи. Заказали обѣдъ. Въ нетерпѣливомъ ожиданіи слушали, какъ толстый и грубый трактирщикъ прижималъ бѣднаго бурлака, который принесъ къ нему размѣнять бумажку въ 25 руб. серебромъ. Размѣнять тутъ только и можно. Но надобно непременно что-нибудь выпить у трактирщика и кромѣ того, заплатить ему промѣнъ неслыханный, да еще получить отъ него слѣпой мѣлочи. А какъ быть бѣдному бурлаку? Только одинъ трактирщикъ въ городѣ и мѣняетъ деньги.

Наружность хозяйна не обѣщала и намъ счастливой участи. Предчувствіе сбылось. Курица въ супѣ и битая говядина, не помнили лѣтъ своихъ. Въ виду чуднаго Бѣлозера, славнаго рыбою, мы должны были съ голода ѣсть несвѣжую судачину, и все это увѣчалось непомятымъ счетомъ, въ которомъ каждая порція стоила восемь гривенъ. Извѣстная пословица: дорого да мило! превращалась здѣсь въ другую: дорого и скверно!

Промышленность Бѣлозерска видно не развила здѣсь потребности поѣсть, хотя не роскошно, но, по крайней мѣрѣ, безъ отвращенія. Вообще, кстати сказать о здѣшнемъ краѣ, въ отношеніи къ удовлетворенію первой физической

необходимости человѣка. Можно испытать въ немъ ощущение, подобное Танталову. Кругомъ видишь безконечныя пространства водъ: здѣсь и Шексна славная стерлядьми, и напоминающая стихъ Державина:

«Шекснинска стерлядь золотая;»

и Бѣлоозеро, котораго имя соединено съ понятіемъ о вкусныхъ сняткахъ, а стерляди красуются въ гербѣхъ подь серебряною луною; здѣсь множество другихъ озеръ и рѣкъ, конечно, изобильныхъ рыбою. А между тѣмъ нигдѣ, ни за какія деньги, вы ея не достанете. Вся, говорятъ, ушла въ глубину, или въ Москву, или на сѣверъ. Въ самомъ же краѣ потребности нѣтъ. Довольствуются соленымъ прошлогоднимъ лещикомъ, которымъ и васъ подчуютъ и который возбуждаетъ въ васъ жажду, а утолить ее нечѣмъ. Даже и въ монастыряхъ, на день отпрется садокъ, чтобы покормить васъ свѣжею ухюю, не богатою, но по крайней мѣрѣ, не противною, — да и только.

Нечего сказать: не жаденъ народъ Русской; онъ лучше насъ, испорченныхъ привычками цивилизаціи. Летаеть вокругъ него дичь: — онъ не бьетъ ея и даетъ ей летать полную волю. Гуляетъ вокругъ него рыба въ рѣкахъ и озерахъ: — не ловитъ онъ ея и довольствуется скудною и безвкусною пищею. Развѣ промыселъ заставитъ его достать всего этого для другихъ, а самому ему какъ будто ничего не надобно. Онъ свободенъ отъ всякой прихоти, слѣд. онъ свободнѣе каждаго изъ насъ, имѣющаго ихъ тысячи.

Было воскресенье и день прекрасный. Вечеромъ красавицы Бѣлозерскія гуляли по высотѣ земляной насыпи. Гулянье очень живописно, въ виду Бѣлозера, при заходящемъ солнцѣ. Жаль, что не людно, но было еще людно обыкновеннаго, потому что толпы любопытныхъ привлечены были къ вечеру ожиданіемъ Губернатора, осматривавшаго уѣздъ. Его ждали въ присутственныхъ мѣстахъ, которыя находятся, внутри вала, недалеко отъ Собора, на мѣстѣ прежней воеводской канцеляріи.

Бѣлозерскъ славится прекрасными женщинами. Слава эта ведется издревле. Иоаннъ Грозный, будучи въ Бѣлозерскѣ, замѣтилъ красоту его женщинъ, и слова, которыя сказалъ онъ въ домѣ купца Ширяева, гдѣ останавливался, передаются изъ рода въ родъ: «у васъ бабы-то хороши.» Домъ Ширяевыхъ и теперь славится въ Бѣлозерскѣ сохраненіемъ старинныхъ обычаевъ и предашій, и показываетъ, какъ слышалъ я, грамоту о льготахъ, дарованныхъ ему Грознымъ по случаю его пребыванія.

При въѣздѣ въ городъ, я встрѣчалъ красивыя лица крестьянокъ, отличавшіяся чертами тонкими и нѣжными. Гулявшія по валу купеческія дочки не обнаруживали того же. Бѣлила и румяна служили тому главнымъ препятствіемъ. При томъ же платья новаго фасона, длинные платки и длинные за локоть перчатки, показываютъ вліяніе городскихъ модъ на здѣшнихъ горожанокъ. Но здѣсь есть и свой, незаемный обычай: носить блестящія короны на головахъ. Онѣ очень красивы. Я купилъ такую. Прилагаемый рисунокъ знакомитъ съ головнымъ уборомъ здѣшнихъ женъ, Бѣлозерскаго изобрѣтенія. Обычай носить ихъ введенъ не болѣе десяти лѣтъ. Но эти уборы надѣваютъ только по большимъ праздникамъ. Прекрасныя женщины въ Русскихъ сарафанахъ и въ такихъ коронахъ на высокомъ валу, съ котораго такъ хорошо могъ бы обрисовываться стройный станъ женскій и красивый нарядъ: картина достойная кисти художника. Много чудныхъ мотивовъ эстетическихъ въ нашей народной жизни, но что-то мѣшаетъ ихъ совершенному художественному исполненію.

Красота человѣка, даже и та, которая дается ему отъ природы, зависитъ отъ его образованія, обычаевъ, воспитанія, предразсудковъ — и потому такъ измѣнчива. Но красота міра Божія за то неизмѣнна никогда. Съ Бѣлозерскаго вала я любовался дивнымъ захожденіемъ солнца, которое въ полномъ блескѣ, по безоблачному небу, скатывалось въ волны Бѣлозера. Я здѣсь испыталъ впечатлѣніе морское, подобное тому, какое случилось мнѣ принять на Средиземномъ морѣ, съ острова Искію, да на Сѣверномъ съ парохода. Солнце, спускаясь къ волнамъ, лишается ду-

чей и становится на небосклонѣ раскаленнымъ мѣднымъ шаромъ. Между тѣмъ какъ свѣтъ постепенно исчезаетъ на озерѣ и на всѣхъ предметахъ, свѣтило совершаетъ чудныя превращенія. Шаръ, опустившись концомъ въ воды, перешелъ въ огненный куполъ, котораго линіи въ Италиіи напоминали мнѣ куполъ Св. Петра. Вотъ, черезъ нѣсколько секундъ, огненная Бѣлозерка качается на волнахъ озера! Вотъ словно зажженная кадильница! Вотъ огонекъ, вдали угасающій! Вотъ тлѣющій уголь — и онъ потухъ — и все кругомъ внезапно измѣнилось въ цвѣтъ.

Женевцы называютъ свое озеро, берега котораго въ ширину вездѣ ярко видны, океаномъ въ миниатюрѣ. Бѣлозерцы имѣли бы гораздо большее право такъ назвать свое озеро, потому что на берегахъ его вы встрѣчаете впечатлѣнія, подобныя морскимъ.

Въ такомъ городѣ, какъ Бѣлозерскъ, всѣ, безъ вѣдомостей, знаютъ о пріѣздѣ новаго человѣка. Это обстоятельство послужило мнѣ къ счастью. Василій Ивановичъ Надпорожскій, Секретарь Городоваго Магистрата, знакомый съ современною литературою и охотно занимающійся древностями, посѣтилъ меня и доставилъ мнѣ нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній о Бѣлозерскѣ, и нѣсколько письменныхъ документовъ. Относительно города есть древнее лѣтописное повѣствованіе о томъ: какъ поставлена была первая соборная церковь во имя Василя Неокесарійскаго на истокѣ Шексны рѣки, тамъ, гдѣ былъ древній городъ Бѣлозерскъ, и какими чудесами уничтожены были береза и камень, гдѣ язычники приносили жертвы; далѣе, какъ княжилъ на Бѣлозерѣ, во время Татарскаго нашествія, сынъ Василя Константиновича Ростовскаго, Князь Глѣбъ Васильевичъ, братъ Бориса Ростовскаго, и похороненъ былъ въ той же соборной церкви; какъ, при Великомъ Князѣ Василя Іоанновичѣ, Бѣлозерцы, по его указу, переселились съ Шексны рѣки въ Карголовъ городъ, и церкви и посады поставили. Это краткое сказаніе о Бѣлозерскѣ существуетъ здѣсь, рукописное, и сопровождается канонами и молитвами, чтимымъ окрестнымъ чудотворцамъ: Иро-

діону Илозерскому, Кириллѣмъ Бѣлозерскому и Новозерскому, Нилу Сорскому, равно и описаніемъ чудесъ ихъ.

Самый любопытный документъ, доставленный мнѣ Г. Надпорожскимъ, есть письмо купца Якова Чиликина, очевидца пребыванія Французовъ въ Москвѣ, къ Григорію Петровичу Вонифатьеву, помѣщику Бѣлозерскаго уѣзда. Я помѣщаю все это письмо, и надѣюсь, что оно займетъ мѣхъ читателей. Исправлена только орфографія, а слогъ остался тотъ же.

Письмо Якова Чиликина о пребываніи Французовъ въ Москва.

Получено Января 2 ч. 1815 года.

Москва 13-го Ноября, 1812 года.

Милостивый Государь, Григорій Петровичъ!

Я думаю, что вы почитаете меня уже въ числѣ мертвыхъ; я и самъ не понимаю, какъ остался въ живыхъ, бывши у тысячи смертей; но видно еще не назначено судьбою, чтобъ лишился жизни отъ рукъ скверныхъ Французовъ, и Богъ, защититель правотѣрныхъ, спасъ меня. Я вамъ опишу подробно о себѣ съ самаго того времени, какъ выѣхалъ отъ Макарья, ибо я къ вамъ писалъ оттуда, а болѣе не писалъ. — По окончаніи макарьевской ярмонки, 11-го Августа, я выѣхалъ съ И. Г. Двойнишниковымъ, на протяжной тройкѣ; 17-го числа пріѣхали во Владиміръ, гдѣ неприятные слухи въ разсужденіи военныхъ дѣйствій — и обозы экипажей съ господами, конѣ ежедневно проѣзжало изъ Москвы по тысячѣ, нѣсколько обезкуражили, и мы не знали, на что рѣшиться: ѣхать или нѣтъ; — признаюсь, мое желаніе было, каковы бы обстоятельства ни были, но чтобъ непременно ѣхать, хотя на короткое время, но И. Григор. не согласился, и мы остались оба. — Квартиру имѣли на большой улицѣ, и прожили тутъ 8 сутокъ; вы представить себѣ не можете, какъ терзался я душевно во все наше прожитіе тутъ! Обозы экипажей, наполнен-

ныхъ дамами, между прочимъ однакожь довольно было и кавалеровъ; встревоженный народъ, который не зналъ, за что принятыя, ходить толпами, толкуя и сами не зная что, правильно или нѣтъ, но всякой судить по своему. Подойдите къ одной толпѣ, услышите то, у другой другое, у третьей третье, и такъ: что толпа, то разное сужденіе, но все объ одномъ; съ другой стороны, въ это время былъ наборъ ратниковъ, съ десяти одного. Какая печальная и жалостная картина! съ утреннею зарею начинается концертъ, но концертъ таковъ, что всякаго трогаетъ до слезъ; партіями гонять ихъ, одна за другою къ приему, которыя прешпровождаются отцами, матерями, женами и родственниками, и вотъ тѣ самые пѣвчіе, которые продолжаютъ во весь день концерты и во все наше тамъ пребываніе. Все сіе вскружило намъ головы. Наконецъ, привыкли уже къ таковой сценѣ, намъ казалось какъ обыкновеннымъ, и я сталъ вызывать И. Г. къ выѣзду въ Москву, или до конихъ мѣстъ доѣдемъ; онъ былъ согласенъ, и мы 24-го ч. поутру выѣхали изъ Володимира въ Москву, приѣхали на зарѣ 26-го ч. Августа; я присталъ квартирою въ Ипатьевскомъ переулкѣ къ И. А. Колесову; напившись чаю, пошелъ къ Кожевникову, звоню въ колокольчикъ, выходитъ мальчикъ, которому говорю, чтобъ доложилъ обо мнѣ Петру Ивановичу; онъ уходитъ, и чрезъ минуту возвратившись сказалъ: что дочь его чрезвычайно нездорова да и самъ также, притомъ же и не время заняться; и я принужденъ идтить обратно, и такимъ образомъ навѣщалъ его каждый день, но съ одинаковымъ успѣхомъ; наконецъ 30-е ч. пошелъ съ намѣреніемъ непременно увидѣться съ нимъ; прихожу, но онъ въ это утро уѣхалъ изъ Москвы, со всѣмъ семействомъ, и я принужденъ остаться, не выдавшись съ нимъ, наконецъ рѣшился и самъ ѣхать во Владиміръ. — И. А. Колесовъ выѣхалъ изъ Москвы 1-го Сентября, а я остался съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ изготовившись, выѣхать во вторникъ, т. е. 3-е ч., и такъ я субботу, воскресенье и понедѣльникъ ходилъ по Москвѣ и рядамъ, но видъ болѣе походилъ на воинственный, нежели какъ въ спокойное

время; вездѣ по улицамъ только и видно что солдаты, и въ эти дни все шла наша армія чрезъ Москву цѣлыми дивизіями, а особенно въ понедѣльникъ; съ самаго утра шла во весь день; я подумалъ, что и мнѣ здѣсь оставаться было не для чего, и за непремѣнное положилъ, чтобъ выѣхать поутру на другой день, но какъ я остался въ квартирѣ одинъ, только съ прикащикомъ И. А. К., то сидѣть дома показалось скучно; я поутру выхожу, иду по набережной, прохожу на Смоленской рынокъ, откуда шла наша армія; посидѣвъ тутъ, и посмотрѣвъ, какъ наши солдатшки и ратники шли, лавки и кабаки ласкали, пошелъ въ Кремль; прохожу мимо Коменданта къ старому Арсеналу, вижу множество народу толпится около онаго; я подхожу, спрашиваю причину; мнѣ говорятъ, что позволено всякому сколько угодно брать орудія, а за припасомъ приходитъ на другой день, т. е. 3-е ч. Съ прочими и я продрался, взялъ 2 ружья, и 2 сабли, но для чего? право и самъ не знаю, принесъ на квартиру; послѣ обѣда вздумалось мнѣ еще сходить въ Арсеналъ выбрать пару пистолетовъ. Проходя по набережной, остановился у москворѣцкаго моста посмотрѣть на конницу, которую офицеры начали поторапливать къ скорому маршу; я подбѣжалъ къ одному офицеру, спрашиваю: далеко ли непріятель, и куда они идутъ? онъ сказалъ, что непріятель за 6 верстъ и направленіе взялъ въ сторону, а мы идемъ ему на встрѣчу, и увѣрялъ, что Французу никогда не бывать въ Москвѣ: — это нѣсколько насъ покуражило; и я, тутъ простоявъ до 3-хъ часовъ пополудни, пошелъ въ Арсеналъ, захожу въ оной, выбираю саблю и пару пистолетовъ, вдругъ сдѣлался выстрѣлъ изъ пушки у самаго Арсенала, и за онымъ послѣдовалъ другой. Народъ пришелъ отъ сего въ крайнее волненіе; я бросился на дворъ; народъ бѣгаетъ взадъ и передъ; между нами и козаки на лошадяхъ также не знали, куда дѣться; прибѣгаю къ воротамъ, но чтожъ вижу? Французская конная гвардія летитъ, какъ на крыльяхъ, мимо Комендантскаго дома и насъ, къ Никольскимъ воротамъ; вообразите, въ какомъ положеніи мы находились! Я такъ испугался,

что руки и ноги задрожали, чрезъ великую силу добрался къ уголку воротъ; тутъ еще сдѣланъ выстрѣлъ изъ пушки съ нашей стороны; опомнившись немного, отошелъ отъ стѣны, и вижу двухъ смѣльчаковъ изъ солдатъ съ ружьями, стрѣляющихъ въ Французовъ; а прочіе кричали: ура! ура! но Французы не оставляли своего порядка, скакали съ обнаженными саблями мимо насъ, и не смотря на дерзость нашихъ двухъ солдатъ, не сдѣлали ни одного выстрѣла противъ насъ. Нѣкоторые изъ нашихъ зачали говорить, что они насъ не тронуть; я, понадѣясь на сіе, вышелъ было изъ воротъ и пошелъ на уголь, чтобъ пробраться въ Никольскіе ворота, и не успѣлъ отойти 10 сажень, какъ одинъ Французскій офицеръ выскочилъ изъ за угла (гдѣ бы мнѣ должно было итти) за нашимъ Русскимъ, который бѣжалъ ко мнѣ на встрѣчу съ ружьемъ, нагналъ его и изрубилъ; я, увидѣвъ сіе, не помню, какъ добрался опять до воротъ; видя, что смерть неизбѣжная, не знаю что дѣлать, однако опамятовавшись отъ такого испуга, побѣжалъ во внутренность Арсенала, положившись на власть Божию, но не успѣлъ вбѣжать до половины лѣстницы, какъ послѣдовалъ опять ударъ изъ пушки; я оглянулся, дымъ засталъ весь проходъ въ ворота: это, видно, уже Французы были очень раздражены нашими пьяными смѣльчаками, что такого пустили въ насъ фолканета; признаюсь, я болѣе въ не силахъ былъ итти, и мысль, что Французы, заставши насъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ брали орудія, чтобы поднять оное противу ихъ, не выпустятъ ни одного живаго, а изрубятъ или перестрѣляютъ до одного, приводела меня въ отчаяніе, которое, однакожъ, нѣсколько придало силъ для спасенія жизни; собираюсь съ духомъ, бѣгу во внутренность Арсенала, народъ въ ономъ бѣгаетъ взадъ и впередъ, лица каждый своего спасенія, но нѣгдѣ, вездѣ могутъ найтись, да и оставаться въ такомъ мѣстѣ нѣтъ никакого резона; — я бросился съ нѣкоторыми къ окошку, къ единственному спасенію своей жизни, но желѣзная рѣшетка не позволяла намъ выскочить; нѣкоторые старались оную выломать, но стараніе ихъ осталось тщетнымъ; что

дѣлать? и куда дѣтись? однакожъ одному тончаватому удалось пролѣзть сквозь рѣшетку; подобные ему послѣдовали за нимъ, а которые нѣсколько потучнѣе, сунувъ голову, но не лѣзеть, принуждены были остаться тутъ (о участи конхъ никому и неизвѣстно). Я также въ свою очередь продрался къ окошку, чтобъ испытать послѣднее средство къ спасенію, и къ счастію, хотя съ крайнею нуждою, но пролѣзъ, оборвавъ пуговицы у сертука, соскочилъ на стѣну, съ стѣны на валъ, съ вала на землю, всего летѣлъ сажень до восьми—и отъ этихъ трехъ прыжковъ такъ отбилъ себѣ ноги, что насилу могъ встать. Тутъ попался мнѣ одинъ Московскій купецъ, который также за мною прыгалъ, но будучи поздоровѣе меня, помогъ мнѣ подняться съ земли; я прошу его, чтобъ онъ не оставилъ меня; онъ столь добродушенъ, что взявъ за руку повелъ, помогая идти; но кудажъ еще и идти? Французы вездѣ заняли дороги; съ лѣвой стороны Никитскую улицу французская колонна занимаетъ, съ правой по Тверской другая тожъ занимаетъ; что дѣлать, и куда спастись? противу Арсенала желѣзные ряды; мы туда потихоньку пробрались, и зашли во внутренность ряда; тутъ былъ пустой трактиръ, мы въ него и спрятались—было, но пробывъ съ четверть часа и отдохнувъ, товарищъ мой, который не оставлялъ меня, сказалъ, что намъ въ этомъ мѣстѣ худое спасеніе, и мы опять вышли изъ онаго въ переулочекъ ряда, гдѣ набралось народу довольно; побродивши взадъ и впередъ, не знали, какъ изъ онаго выбраться; бывши въ такой нерѣшимости, вдругъ вѣхалъ къ намъ Французскій офицеръ, и одинъ безъ обнаженной сабли, но увидавши насъ въ довольномъ числѣ, и всѣхъ вооруженныхъ, у кого ружье, у другаго сабля, а у инаго пистолеты, и самъ обнажилъ саблю, и закричалъ алё! т. е. чтобъ мы бросили орудіе, и выходили на большую улицу; мы съ товарищемъ, видя, что дѣло худое, завернулись въ маленькой проходъ изъ этого ряда на улицу; я подбѣжалъ къ уголку и выглядывая изъ-за онаго, вижу, что одна колонна, проходя по Тверской, оканчивалась; кликнувъ товарища, рѣшились пере-

бѣжать чрезъ дорогу; но только что вышли на половину дороги, видимъ другую колонну, вступающую въ Воскресенскіе ворота, а передъ нею везутъ 2 пушки; что дѣлать? воротиться уже было поздно, и такъ пустились на власть Божию потихоньку, чтобъ не подать подозрѣнія, и перешли чрезъ дорогу, боясь оглянуться; въ этомъ мѣстѣ я бросилъ и саблю, чтобъ не увидали, а если бы это случилось, что увидали у меня оружіе, то не упустили бы изъ виду, и непременно бы застрѣлили; притомъ же, мы были такъ отъ нихъ близки, что довольно одного пистолетнаго выстрѣла положить насъ на мѣстѣ, и такъ пробираясь потихоньку по Трубѣ къ яблочному ряду, завернулись изъ виду за оной. Тутъ спросилъ меня мой товарищъ: куда вамъ надобно пробраться? Я говорю, что на Ильинку въ Ипатьевской переулокъ; а мнѣ, сказалъ онъ, надобно на Солянку въ домъ Коммерческой Академіи, (ибо онъ накануне только переѣхалъ въ оной съ семействомъ и имѣніемъ для безопасности). Я этому былъ очень радъ, что намъ обонимъ была дорога одна, и Академія была не далеко отъ моей квартиры, и раздѣляли только Варварскіе ворота, и такъ, выбравшись изъ виду у Французовъ, не смотря, что ноги насилу несли, пустились уже бѣгомъ, пробѣжали Никольскіе и Ильинскіе ворота, стали подходить къ Академіи, гдѣ намъ должно было разстаться, и лишь только дошли до угла, Французская конница вступаетъ въ Варварскіе ворота, намъ на встрѣчу; какой страхъ! и какъ пройтись мнѣ до квартиры! Товарищъ мой сказалъ: «вамъ теперь никомъ образомъ туда идти не лзя, не подвергши жизнь свою опасности», и предложилъ мнѣ съ собою идти въ Академію; я былъ очень доволенъ его приглашеніемъ, и радъ, что нашегъ такое прибѣжище въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ. Пришедъ въ оную, говоримъ, что Французъ вступилъ въ Москву и засталъ насъ въ Арсеналѣ, и какимъ образомъ спаслись, но намъ не хотѣли вѣрить, а говорили, что это шла наша армія; но вышедъ на дворъ, увѣрились въ истинѣ нашихъ словъ, увидя, какъ проходила Французская армія съ обнаженными

саблями, и бывши очевидными зрителями, какъ одного русскаго солдата изрубилъ на улицѣ противу церкви Всѣхъ Святыхъ чтò на Куличкахъ; и такъ, мы, избавившись отъ одной опасности, ожидали предъидущей, не зная что съ нами послѣдуетъ; наконецъ, всѣ улицы и переулки были заняты Французами, и поставлены на каждомъ перекресткѣ караулы; тутъ начали они скакать взадъ и впередъ, дѣлая саблями разныя движенія, чтò приводило насъ въ пушій страхъ; въ сумерки зажгли въ городѣ ряды, и еще во многихъ мѣстахъ по Москвѣ; въ полночь, всѣ пустились на грабежъ; во второмъ часу и къ намъ пожаловали 5 чело-вѣкъ съ 10 лошадьми; остановившись на дворѣ и разложивъ огонь, пришли къ дверямъ, зачали стучать; но видя, что долго не отпирають, изломали двери, и пожаловали въ покой, сначала стали просить изъ сѣѣстнова: хлѣба, масла, яицъ, сыру, вина, и для лошадей сѣна, и какъ все это было выполнено, зачали варить себѣ ужинъ; поѣвши, двоихъ оставили у лошадей, а трое пошли по комнатамъ, начали обыскивать съ ногъ до головы, и ломать кладовыя и сундуки, которое получше и полегче брали, а прочее бросали; со мною было только ассигнаціями 75 руб. (а прочія оставались на квартирѣ), да серебромъ рублей 30; ассигнаціи до ихъ приходу, когда еще начали стучаться, отдалъ я дворецкому, чтобъ съ ихъ деньгами спрятать, и онѣ были спрятаны подъ кирпичи, а серебро оставилъ при себѣ, опасаясь, чтобъ не стали мучить. Обобравши прочихъ, дошла очередь и до меня, зачали раба Божья повертывать по своему, въ минуту вышарили во всѣхъ карманахъ, и серебро мое очутилось въ рукахъ Французовъ! Еще былъ у меня въ карманѣ перочинный англійскій ножичекъ, купленный у Макарья, за который заплатилъ 12 руб., и тотъ отняли, мнѣ его жалко было, я сталъ было просить нантоминами себѣ, но вмѣсто отвѣта, выхватилъ саблю и замахнулся на меня браясь, по своему; я принужденъ замолчать и отсторониться, думая: пропадай ты, проклятое твореніе, и съ ножичкомъ; напоследокъ видя, что нечего больше взять, ушли на дворъ и тутъ пробыли до разсвѣта;

послѣ ихъ, попеременно, одни за другими, зачали къ намъ ходить и рыться по кладовымъ и въ сундукахъ; такимъ образомъ мы не знали ни дня, ни ночи покоя, до среды; и не спали ни на волосъ; въ этотъ день, въ 5 часовъ пополудни, зажгли во всѣхъ мѣстахъ Москву; въ одно время вездѣ запылало, за нами, передъ нами, и со всѣхъ сторонъ такъ, что едва, едва пробрались сквозь пламя къ Воспитательному Дому, задыхаясь отъ дыму; тутъ экономскій сынъ, знакомый нами товарищамъ, насъ пригласилъ, или лучше сказать, велѣлъ итти къ себѣ въ комнаты; мы, оставя тутъ своихъ женщинъ и дѣтей, сами пошли съ прочими отстаивать домъ, который былъ въ величайшей опасности; какая ужасная картина представилась въ эту ночь! всѣ почитали, что это преставленіе свѣта; къ томужъ поднялася такая жестокая буря, которая срывала съ домовъ крышки съ огнемъ, и уносила на нѣкоторое пространство; а отъ жару и дыму стоять было нельзя; всѣ почитали, что намъ не спастись тутъ, а выйти некуда, кругомъ въ огнѣ; даже и къ Москвѣ рѣкъ приступить было нельзя, по причинѣ, что противу Воспитательнаго Дома стояло много барокъ съ хлѣбомъ, и которыя также всѣ пылали; наконецъ, на другой день утромъ, погода стала затихать, и опасность мало по малу начала уменьшаться; намъ погорѣвшимъ (такъ называли насъ и всѣхъ, у коихъ дома сгорѣли) отвели комнату во второмъ этажѣ, въ такъ называемой деревенской экспедиціи, гдѣ насъ было человекъ до 40. — Въ пятницу, когда все прогорѣло, а только что курилось, пошли мы въ Академію посмотреть, и не найдемъ ли что изъ съестнова припасу, ибо съ самаго выхода изъ оной куса хлѣба не было во рту; къ счастью, кладовая съ провизіею осталась цѣла, потому что была со сводами, взяли муки, масла постнаго, крупы, и еще кое-что оставшагося изъ платья, а деньги сирятанныя стали было искать, но не тутъ то было, ихъ какой-то добрый человекъ прежде насъ вырылъ; взявши всякой по ношѣ, пошли въ Воспитательной Домъ; но лишь перешли большую улицу и только вступили въ переулокъ, откуда ни взялись шестеро Фран-

нузовъ; остановивъ насъ, начали раздѣвать и обыскивать; ко мнѣ подошли четверо и въ одно время начали скидывать, кто сертукъ, галстукъ, другой панталоны, третій сапогъ, четвертый другой, и растянули такъ, что я, во время ихъ занятія около меня, не дотрогивался до земли, а носили, или лучше сказать, таскали на рукахъ, таща каждый въ свою сторону. Напоследокъ опустили, оставя меня въ одной только рубашкѣ; опаматовавшись немного, сказалъ одному изъ нихъ: мусьё! какъ пойду? и показалъ на себя и на Воспитательный Домъ, но онъ, вмѣсто отвѣта, выхватилъ саблю и сдѣлалъ махъ, я отсторонился, и махъ миновалъ меня на четверть, я тутъ такъ и обмеръ; послѣ меня, зачали такимъ же образомъ поступать и съ другими моими товарищами; я, опаматовавшись нѣсколько, стоялъ, какъ изступленный въ одной рубашкѣ, и смотрѣлъ, какъ съ прочими управлялись; между ними замѣтилъ одного нѣсколько человѣколюбивѣе, я подошелъ къ нему, и показалъ на себя и на Воспитательный Домъ, черезъ что далъ ему понять, что мнѣ нельзя идти въ одной рубашкѣ; онъ, понявши мои пантомимы, бросилъ мнѣ на плеча шубу, которую отнялъ у одного изъ моихъ товарищей; и такъ обобравши насъ кругомъ, ушли, оставя намъ муку и масло постное, котораго они не любятъ, но мы и этому были рады, и что самихъ Богъ спасъ отъ смерти; — и этимъ хлѣбомъ питались цѣлую недѣлю; потомъ Генералъ Иванъ Акшиноевичъ Тутодминъ, начальникъ Воспитательнаго Дома, собравши насъ всѣхъ сколько было тутъ, и попросивъ Французскаго полковника, чтобы отпустить съ нами одного жандарма въ провожатые, дабы не могли насъ ограбить шатающіеся по улицамъ Французы, послалъ за Москву рѣку въ лабазы за горѣлою пшеницею, для нашего пропитанія; что дѣлать? хоть и не такъ вкусно, да дѣлать нечего, что нибудь надобно ѣсть, и мы натаскали, каждый для себя столько, сколько могъ, а къ лабазамъ, гдѣ была мука, поставлены были Французскіе часовые, и намъ ни крошки не давали; и мы, во все пребываніе Французовъ, питались хлѣбомъ пополамъ съ горѣлою пшеницею, — рыбою, икрою, которую таскали съ

солянаго двора, картофелемъ и морковью, за которую ходили за заставу, и если пойдемъ съ жандармами, то принесемъ домой; они не давали насъ въ обиду прочимъ, а если безъ нихъ, то все отнимуть, да и самого подъ ношу вапрягутъ, заставятъ что нибудь нести за собою, и такое было мученіе, что сказать нельзя;—нельзя было выдти даже изъ воротъ Воспитательнаго Дома; какъ вышелъ, то и обереть да подъ ношу, а внутри Дома не смѣли тронуть, потому что Иванъ Акинѣевичъ, еще какъ взойшій Французы, то ходилъ къ Наполеону, и исходатайствовалъ для всего Дома Французскій караулъ; Наполеонъ былъ очень доволенъ тѣмъ, что пришелъ къ нему, и велѣлъ отрядить челоуѣкъ до 50 жандармовъ для охраненія Дома, и увѣрилъ, что Воспитательный домъ будетъ невредимъ, что бы ни послѣдовало съ Москвою, и сдержалъ свое слово: только одно было притѣсненіе, что велѣно очистить половину квадрата, гдѣ у нихъ была, да еще въ окружномъ строеніи, госпиталь; туда каждый день привозили раненыхъ, и даже всѣ комнаты были набиты оными; и мы, привывши нѣсколько, ходили по близости Дома, только боялись проклятыхъ ихъ ношей, а съ насъ уже нечего было намъ взять;—кто босикомъ, другой въ оборванномъ платьѣ и лаптяхъ, даже чиновники и первогильдейцы, оставшіеся въ Москвѣ, ходили въ лапоткахъ!—1-е число Октября напугало насъ всѣхъ; сказали (не знаю, съ чего это взяли), что съ этого числа будетъ Наполеонъ набирать изъ насъ къ себѣ въ полки, что встревожило весь народъ, и мы не знали, куда дѣваться: бѣжать если, то, можетъ быть, попадешся на разѣздъ или пикеть Французской, которые либо отправляли обратно въ Москву, либо умерщвляли; но мы, положась на власть Божію, остались на произволь судьбѣ; чему быть, того не миновать.—Однако 1-е число прошло благополучно, и 2-е также, и мы успокоились, не зная, что впредь съ нами послѣдуетъ;—наконецъ 7-го ч. жандармы наши вдругъ собрались и въ полдень уѣхали, а на мѣсто ихъ пришла пѣхотная гвардія; послѣ жандармовъ начали вывозить раненыхъ изъ Дому, а 10-го ч. въ вечеру

караулы всё были сняты у Воспитательнаго Дома, и куда убрались, не знаемъ; въ этотъ вечеръ всё намъ было приказъ отъ Г. Тутолмина, чтобъ никто во всю ночь не спалъ, а были бы въ предосторожности, ибо намъ известно было (да я и самъ видѣлъ), какъ копали рвы около стѣнъ, что съ Кремлемъ должно быть чему нибудь. Я съ вечера, похаживъ довольно около Дома, пришелъ къ себѣ въ комнату, поужинавши хотѣлъ было опять итти на дворъ, но такой сонъ навалился на меня, что какъ легъ, такъ и уснулъ; въ 11-ть часовъ меня разбудили, чтобъ посмотреть какъ въ Кремль дворецъ загорѣлся; я вставши пошелъ въ коридоръ и смотрѣлъ въ окошко, какъ пылалъ дворецъ; черезъ часъ дошелъ огонь и до Грановитой Палаты; мнѣ показалось, что изъ этого окошка не такъ видно, пошелъ въ третій этажъ, подошелъ къ окну, смотрѣлъ какъ внутренность Грановитой Палаты выгорала; вдругъ, въ правой сторонѣ, сдѣлалось большое освѣщеніе, и въ тожъ мгновенье послѣдовалъ такой жестокой ударъ, что стоявшіе за мною попадали на полъ, а меня какимъ-то самымъ горячимъ духомъ отбросило отъ окошка, и я чрезъ упавшихъ уже и самъ перевернулся, бывши какъ ровно опаленъ и оглушенъ; я сначала думалъ, что изъ-за Воспитательнаго Дома начали изъ пушекъ стрѣлять въ насъ, но каковъ былъ ударъ, совсѣмъ не походилъ на пушечный; опомнясь немного, вскочилъ, бросился внизъ по лѣстницѣ, прибѣгаю въ свои покои, вижу всѣхъ въ равномъ же страхѣ; наконецъ увѣрились, что это взорвало въ Кремль Арсеналъ; тутъ стали ожидать вторичныхъ ударовъ, я пошелъ на дворъ, походилъ съ народомъ, опять пошелъ въ коридоръ втораго этажа къ окошку, и лишь только что подошелъ къ нему, какъ вдругъ опять сдѣлалось освѣщеніе съ лѣвой стороны; я бросился опроретью отъ окошка, и не успѣлъ отбѣжать двухъ сажень, какъ и ударъ послѣдовалъ, равный первому; — прибѣжавши въ комнату, насилу опомнился; наши всё собирались къ выходу изъ Дома, а собравшись вышли на парадное крыльцо, гдѣ собралось человѣкъ до 100. Но Г. Тутолминъ приказалъ, чтобъ всё шли по сво-

нимъ комнатамъ и не выходили, а я пошелъ на площадку двора и стоялъ съ прочими туда вышедшими, — вдругъ въ третій разъ освѣтило и ударъ въ одну секунду за онымъ послѣдовалъ; мы всѣ, какъ варомъ поварены, повалились на землю; и не успѣли встать, какъ четвертый, а чрезъ секунду и пятый разъ послѣдовали въ одинъ разъ; въ это время пошелъ очень порядочной дождикъ; я пошелъ въ комнату, гдѣ нашелъ всѣхъ въ величайшемъ страхѣ; притомъ же и о себѣ думали, что, можетъ быть, какъ и подѣ Воспитательный Домъ подкачено бочекъ нѣсколько, то и насъ на воздухъ подыметъ; а на меня такой сонъ опять навалился, что гдѣ ни хожу или присяду, такъ и клонить. — Вышедши изъ терѣнія, помолился Богу, легъ съ тѣми мыслями: что ни случится, такъ тому и быть, и проспалъ до самаго утра; не слыжавши ничего, вставши спрашиваю: что было послѣ того, какъ я уснулъ? мнѣ сказываютъ, что слава Богу ничего не было; и только 5-ю ударами и кончилось; однако все еще боялись, чтобъ не было еще подрывовъ; бывши въ такомъ страхѣ, пошли мы на набережную, и вообразите, каковы были удары! даже въ Москвѣ рѣкъ вода сдѣлалась какъ молоко бѣлая, и пахла порохомъ и сѣрою, рыба плыла по поверхности воды уже сонная! и вода такъ была противна, что въ ротъ нельзя было взять, и таковою была сутки. Тутъ появились наши козаки, какъ мы имъ обрадовались! и народъ, бывши слишкомъ мѣсяцъ какъ заключенные, вышли и пустились по всѣмъ улицамъ; я пошелъ кругомъ Кремля, осмотрѣлъ взорванные мѣста, и точно Арсеналь, угольная башня что къ Каменному мосту, двѣ башенки съ набережной, и часть Ивана Великаго или придѣлъ, гдѣ висѣлъ большой колоколь съ двумя посредственными, были взорваны на воздухъ, а самъ Иванъ Великій и всѣ соборы цѣлы; — чернь же, не смотря на очевидную опасность, пустились въ Кремль для добычи, оставленной Французами, но козаки вступили въ Москву, заняли всѣ мѣста кругомъ Кремля и не пускали никого (да и теперича еще никого туда не пускаютъ). Заявши оной по повелѣнію козачьяго Генерала 4-го Ило-

вайскаго, велѣно козакамъ осмотрѣть вездѣ, которые выкатили изъ разныхъ мѣстъ Кремля слишкомъ 60 бочекъ съ порохомъ; которыя не имѣли своего дѣйствія отъ шедшаго въ это время дождя, и чрезъ потрясенія отъ ударовъ земли, замочило и засыпало землю подведенныя одна къ другой нити съ порохомъ, и чрезъ это Богъ спасъ остатокъ Кремля. Послѣ таковаго происшествія, народъ какъ снова переродился; получа свободу, разсыпался по всей Москвѣ; потомъ пріѣхала и полиція, и изъ разныхъ городовъ и мѣстъ кушцы; теперь опять возобновлены рынки, гдѣ продаютъ всякую провизію. — Но что касается до вида Москвы, то оной ни на что не походить, и болѣе ничего не увидите какъ обрушившіяся зданія, и обгорѣвшія трубы; я думаю, что и десятой части не осталось цѣлой, — куда ни пойдешь и посмотришь, одинъ ужасъ только беретъ, храмовъ Божіихъ также самая малая часть осталась, въ коихъ можно производить службу; а прочіе либо сгорѣли до основанія, либо Французами осквернены; вообразите себѣ! какую мерзость они въ оныхъ не дѣлали? сами какъ свиньи жили въ олтаряхъ, а во многихъ лошадей ставили вмѣсто конюшенъ; — да что они дѣлали, никакъ не лзя описать; изъ женскихъ монастырей многихъ монахинь съ собою вездѣ таскали, да и вообразить не лзя что только дѣлали.

Описимъ Никитинъ, преуслужливый пзвошникъ съ Бѣлозерской слободы, повезъ насъ ночью въ монастырь Кирилла Новоезерскаго. Деревни и села съ бѣлыми храмами мелькали передъ глазами въ лунную ночь. Утреннее солнце освѣтило передъ нами Новое озеро и посреди его, такъ называемый, Красный островъ, на которомъ построенъ монастырь.

Кириллъ Новоезерскій былъ родомъ изъ Галича; постриженіе принялъ отъ Корнилія Комельскаго въ обители имъ основанной, втайнѣ отъ родителей, которые, будучи увлечены примѣромъ сына, сами постриглись; отецъ

въ томъ же монастырѣ, гдѣ и сынъ. Съ позволенія игумена оставивъ обитель, Кирилль долго блуждалъ по всѣмъ предѣламъ Россіи, прежде чѣмъ достигъ странъ Бѣлозерскихъ. Прибывъ въ монастырь Тихвинскій, онъ пошелъ оттуда по направленію Бѣлоозера, и съ Кобылиной горы увидѣлъ Новое озеро, и Красный островъ, гдѣ и поселился въ 1517 году. Здѣсь, подъ высокою елью, снарядилъ онъ себѣ хижины, и выпросилъ у крестьянъ деревни Шиднемъ: Діа, Григорія и Давида, тотъ островъ, гдѣ построилъ онъ церковь и основалъ обитель, которою и правилъ до года кончины своей, т. е. 1537.

Всѣ урочища мѣстныхъ, упоминаемыхъ въ житіи Кирилла, сохранили свои названія. Вамъ покажутъ направо отъ озера ту Кобылину гору, откуда Кирилль увидѣлъ указанное ему Богоматерію мѣсто. Тамъ есть церковь во имя Тихвинской Божіей Матери, и въ ней икона ея, которую принесъ самъ Св. Угодникъ, когда шелъ сюда изъ Тихвина. Бываетъ отъ монастыря ходъ къ этой церкви, въ годъ два раза: зимою по льду озера, а лѣтомъ по водѣ на лодкахъ. Духовенство въ ризахъ садится на нихъ, и развѣваются по волнамъ церковныя хоругвы. За озеромъ, по ту сторону острова и монастыря, находится деревня Шиднемъ, въ которой три крестьянина уступили первую землю монастырю. До сихъ поръ три эти рода: Діа, Григорія и Давида, остаются въ этой деревнѣ не вымирая: такъ сохраняются и въ деревняхъ нашихъ преданія родовыя, особенно когда они связаны съ преданіями церковными. Деревни Шиднемъ и Кобылино были первыя, пожалованныя Грознымъ монастырю послѣ того чуда, которое Преподобный показалъ Царю, явившись ему во снѣ и давъ ему совѣтъ не ходить въ палату до 3-го часу дня, когда она рухнула и задавила многихъ князей и бояръ.

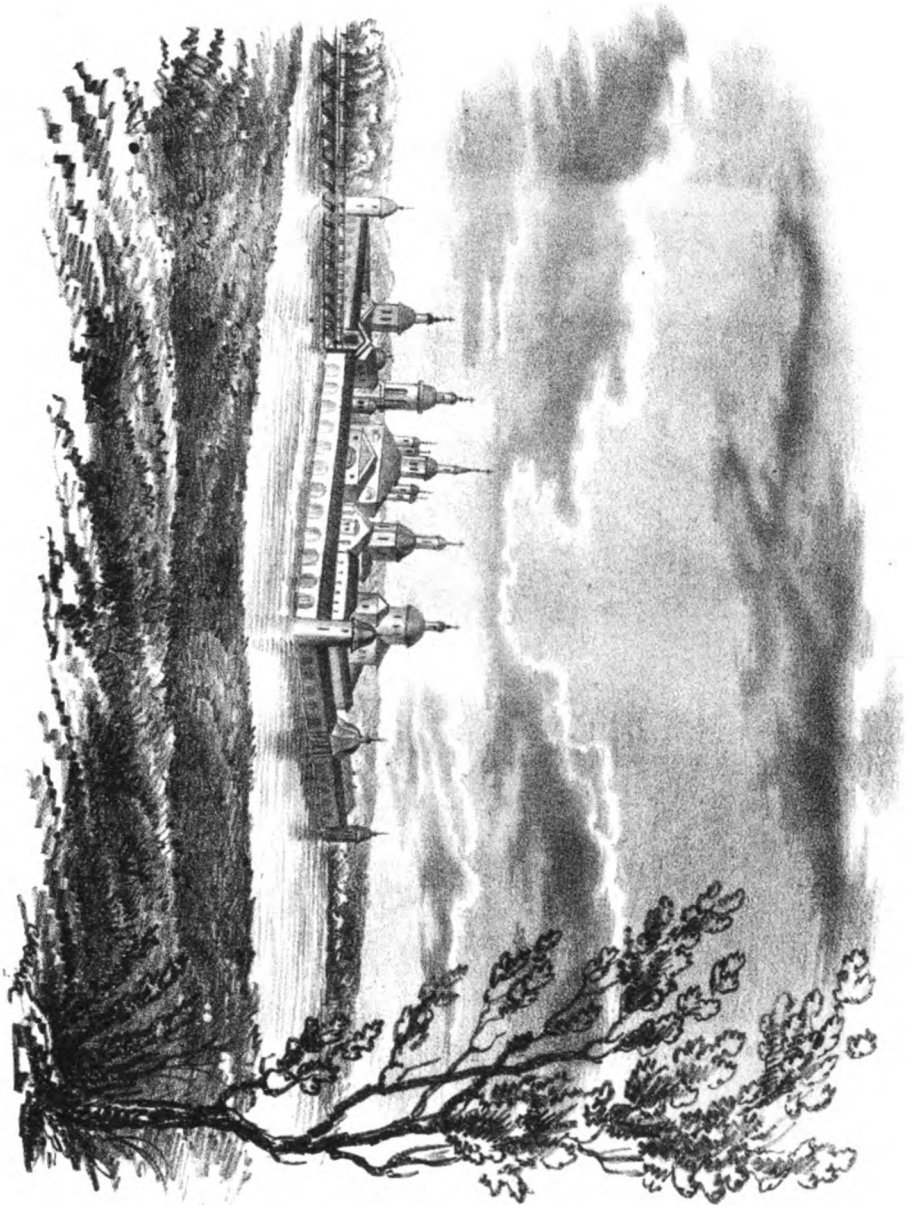
Въ лодкѣ отправились мы къ монастырю. Онъ стоитъ среди волнъ и утверждень на сваяхъ, какъ маленькая Венеція. Кельи примыкаютъ къ водѣ — и волна доплескиваетъ въ окна, изъ которыхъ можно удить рыбу. Петръ

Великій посѣщалъ этотъ монастырь и любилъ его: ему, конечно, нравилась смѣлая мысль утвердить стѣны его надъ водами озера, которое довольно глубоко и изобильно рыбою. Отъ монастыря идетъ къ другому острову мостъ, длиною съ полверсты, утвержденный на сваяхъ. Ворота монастыря стоятъ въ водѣ. Вы вѣзжаете черезъ нихъ въ маленькую пристань, гдѣ выходите на ступени внутренней монастырской ограды. Приложенный рисунокъ дастъ повятіе о видѣ монастыря съ берега, откуда отправляешься, равно и о необыкновенно-длинномъ мостѣ, которымъ славится обитель. Ограда ея прежде была деревянная; но Игуменъ Теофанъ построилъ каменную, которая отличается прочностію и смѣло противится напору волнъ, омывающихъ ее со всѣхъ сторонъ.

Этому славному Игумену, который послѣ былъ уже Архимандритомъ, обитель обязана всѣмъ своимъ благоустройствомъ и благолѣшіемъ. Я уже имѣлъ случай упоминать объ немъ. Здѣсь память его священна. На его гробницѣ горятъ неугасимыя лампы и поются почти ежедневныя панихиды. Инокѣ помнятъ его испытующій взоръ, и хранятъ и читаютъ житіе его. Онъ былъ южнаго воспитанія. Въ духовномъ образованіи его участвовалъ Павсій Величковскій, распространитель иноческой жизни въ странахъ Молдавскихъ. Общежительный уставъ былъ введенъ Теофаномъ въ этотъ монастырь во всей его строгости. При немъ обитель славилась своимъ гостепріимствомъ. Много добра творилъ онъ въ мѣстахъ окрестныхъ, и бѣдные находили всегда здѣсь пріютъ.

Но все это было уже въ минувшемъ. Мы застали монастырь почти безъ хозяина. Архимандритъ Аркадій лежалъ при послѣднемъ издыханіи. Каждую минуту ожидали его кончины. Послѣ его, иноки надѣялись имѣть настоятелемъ извѣстнаго Комаровскаго, который былъ питомцемъ Теофана и могъ достойно замѣнить его. Желаніе ихъ исполнилось.

Отъ этихъ каменныхъ громадныхъ зданій, воздвигнутыхъ среди озера монахами и вѣрою Русскаго народа, отъ

золотыхъ и серебряныхъ иконостасовъ, всегда переносишься воспоминаніемъ къ той хижинѣ Преподобнаго, которая тутъ прежде стояла, къ той деревянной церкви въ имя Воскресенія Христова, съ которой онъ началъ. Каменодѣльное же устройство храмовъ относится ко времени Царя Алексія Михайловича, а именно къ 1649 году, и совершено иждивеніемъ Боярина Бориса Ивановича Морозова, того самаго благочестиваго доброхота церкви и монастырей, который украсилъ Успенскій Соборъ вызолоченнымъ паникадиломъ во 113 пудъ и 1 фунтъ чистаго серебра, заказывалъ Голландскимъ мастерамъ въ Амстердамѣ церковныя украшенія и подарилъ два такихъ къ ракамъ Соловецкихъ Чудотворцевъ цѣною въ 45,000 рублей! — Тогда же, въ 1649 году, открыты были и мощи Преподобнаго.

Ризница не столько значительна, какъ въ Кирилловѣ. Есть псалтирь, можетъ быть принадлежавшая Кириллу Новозерскому. Сохраняются его четки, посохъ и гробъ, въ которомъ обрѣтено его тѣло. Собраніе грамотъ монастырскихъ, списанныхъ въ одну книгу, начинается со времени Грознаго; есть весьма многія времена Лжедмитрія.

Мы присутствовали при трапезѣ. Обрядъ богородичной просфоры здѣсь строго соблюдается. Въ наказаніе даются суровыя четки. Блюда сѣняются по звонку. Во время трапезы, читается Житіе Святаго, которому празднуетъ Церковь. Трапеза была не людная. Большею частію, иноки работали на сѣнокосѣ. Въ числѣ ихъ есть и свѣтскіе образованные люди, которымъ памятенъ еще міръ иной, съ его пестрою жизнію, съ звуками другой музыки. Надзиратель гостинницы монастырской, гдѣ мы были приняты очень дружелюбно, служилъ нѣкогда воиномъ на полѣ брани.

Вечеромъ я уже снова любовался съ Бѣлозерскаго вала солнечнымъ захожденіемъ, а наутро, покинувъ Бѣлозерскъ, мы поѣхали въ Крохинъ посадъ, гдѣ и переправились за Шексню. Не далеко отсюда видны бугры — мѣсто стараго города. Здѣсь стоитъ часовня, и въ ней гробницы Глѣба и Бориса Васильковичей, которыхъ народъ считаетъ святыми. Здѣсь-то прежде стояла соборная церковь во имя Василія Неокесарійскаго.

Мы остановились у первостатейнаго купца Крохинскаго посада, С. Я. К-на. Онъ имѣетъ 17 судовъ: — это равнозначительно 1,700 душамъ, потому что здѣсь купеческое судно считается равнымъ сотнѣ душъ крестьянъ.

Крохинъ посадъ находится у самого истока Шексны. 26 рѣкъ, большихъ и малыхъ, впадаетъ въ Бѣлоозеро; изъ нихъ значительнѣе всѣхъ Ковжа, а вытекаетъ изъ озера одна только Шексна. Мѣсто великолѣпное: пристань для 600 судовъ, приготовленная самою природою. Мы гуляли по ея берегу. Теперь она уступила мѣсто новой искусственной, устроенной въ самомъ Бѣлозерскѣ. Крохинъ посадъ, со времени устройства канала, потерялъ все свое торговое значеніе, какое имѣлъ прежде. Бѣлозерскъ совершенно побѣдилъ его. Инженерныя соображенія, основанныя преимущественно на отмѣли, которая образовалась въ озерѣ передъ Крохинымъ, потребовали, чтобы входъ судовъ изъ Шексны устроенъ былъ 7-ю верстами ниже Крохина посада. Это мѣсто называется чайкою. Суда рѣдко приходятъ по Шекснѣ въ Крохинъ: почти всѣ предпочитаютъ каналъ, потому что на семиверстномъ разстояніи трудно еще рѣшить: плыть ли озеромъ, или каналомъ. Когда вѣтеръ попутенъ, тогда озеро всегда предпочитаютъ, потому что плаваніе совершается чрезвычайно быстро. Но вѣтеръ легко можетъ измѣниться въ сутки, и потому почти всѣ суда входятъ въ каналъ. Къ тому же и мелководіе Шексны, только что истекшей изъ озера, бывало въ лѣтнее время причиною задержекъ. Есть теперь добрая мысль провести еще рукавъ отъ Крохина до канала: разстояніе будетъ всего въ 750 сажень, а издержка не превзойдетъ 20,000 р. сер., что охотно дадутъ купцы и мѣщане Крохина посада. Тогда Крохинъ снова возстановитъ свои силы — и всѣ возможныя удобства плаванія по Бѣлоозеру и каналомъ соединятся вмѣстѣ, къ пользѣ промышленности и торговли мѣстной и къ славѣ попечительнаго и дѣятельнаго нашего Правительства. Для кочеваго населенія бурлаковъ Крохинъ предложитъ также большія удобства, какія предлагалъ и прежде. Чайка же, куда приходятъ теперь бурлаки и гдѣ должны часто по недѣлѣ дожид-

даться, пока суда входятъ въ каналъ, мѣсто ненаселенное и неудобное для ихъ пребыванія.

Отъ извозчика Онисима я узналъ, что здѣсь косятъ, какъ жнутъ, *гарбушами*: большія же обыкновенныя наши косы называются *стойками*. Первыя считаются удобнѣе, по причинѣ кочковатой почвы. Мѣстность изобрѣтаетъ своимъ земледѣльческія орудія.

Разѣзжая по разнымъ городамъ губернскимъ и уѣзднымъ, и разговаривая съ лицами того сословія, у котораго литературное чтеніе вошло въ умственную потребность, я замѣтилъ, что начитанность распространяется весьма сильно и что всего болѣе, даже можно сказать почти исключительно, читаютъ журналы, которые теперь въ Россіи составляютъ силу дѣятельную и образующую.

Въ журналахъ, пражде всего, разрѣзываются романы, и особенно переведенные съ Французскаго: это читается всѣми безъ исключенія. За тѣмъ немногими, принимающими участіе въ движеніи современной литературы, читается и критика. Прочее — такъ.

Вѣчный Жидъ произвелъ необыкновенное дѣйствіе, и разошелся по всей Россіи въ огромномъ количествѣ экземпляровъ: его читалъ всякой, кто только читать умѣетъ и кто беретъ въ руки книги. Миѣ рассказывали анекдотъ о купцахъ, которые дѣйствительно освѣдомлялись, въ самомъ ли дѣлѣ существуетъ жидъ, жившій еще во время распятія Христа, и точно ли это его письма, которыя Г. Булгаринимъ были печатаны въ Сѣв. Пчелѣ?

Не могу не передать разговора моего съ однимъ офицеромъ, весьма образованнымъ, питомцемъ Харьковскаго Университета. Онъ хвалилъ одинъ Петербургскій журналъ, говоря, что въ немъ встрѣчаются статьи превосходныя. — Я спросилъ его: какія же статьи ему особенно понравились? — «Графиня Монсоро — отвѣчалъ онъ миѣ — прекрасная статья! — Королева Марго — продолжалъ онъ — прекрасная статья!»

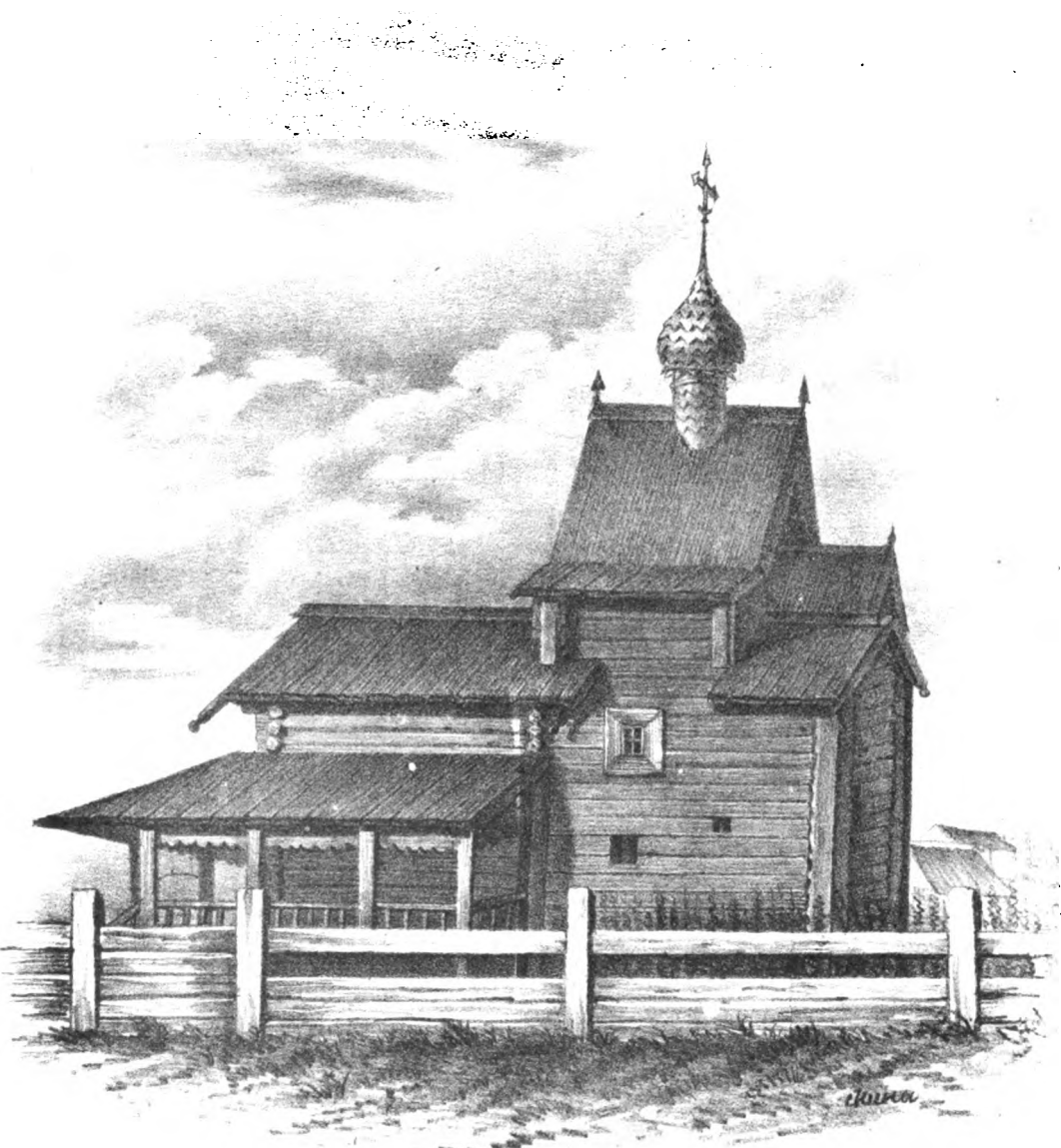
Время не позволило намъ видѣть *чайку*, откуда начивается каналъ. Но за то, на возвратномъ пути изъ Кро-

хина въ Бѣлозерскѣ, въ селѣ Бородаевѣ мы видѣли весьма древнюю деревянную церковь, которой рисунокъ здѣсь прилагаю. Она строена во имя Положенія Ризъ, изъ осиноваго дерева. Въмѣсто колокола, служить ей било—чугунная полоса, въ которую ударяють камнемъ. Къ сожалѣнію, церковь была заперта, — и мы не могли взойти въ нее, потому что ключи староста села взялъ съ собою на покось. Но въ окна могли мы нѣсколько разглядѣть необыкновенную чистоту ея стѣнъ, которыя постоянно мокутъ, деревянные подсвѣчники и древнее письмо на иконахъ. Умилительно было слышать, съ каѣмъ благоговѣніемъ, съ какою любовью говорили старушки села объ своей церкви, которую всѣми силами пытались намъ показать. — «Церковь наша премилостливая, — такъ выражались онѣ. Она насъ и крестить, и питаетъ, и благословляетъ.» — Годы ея онѣ считали 560.

Подобныя древніе деревянные храмы встрѣчаются только въ этомъ краю. Я находилъ такіе и въ другихъ здѣшнихъ селахъ, но изъ всѣхъ, мною видѣнныхъ, этотъ наиболѣе привлекъ мое вниманіе своею постройкою и смиренною наружностью. Мнѣ казалось, что глядя на него, вижу образецъ тѣхъ первоначальныхъ церквей, о которыхъ упоминается въ житіяхъ Русскихъ Св. Угодниковъ и съ которыхъ начиналось всегда учрежденіе обителей.

Мнѣ полюбилась въ селѣ Бородаевѣ необыкновенная опрятность домовъ его. Подъ иконами, украшающими передній уголъ, приклеены къ стѣнамъ молитвы, между которыми я замѣтилъ молитву о сохраненіи дома и живущихъ въ немъ. Въ той же чистой, свѣтлой комнатѣ висѣли по стѣнамъ портреты нашихъ сановниковъ, между которыми мнѣ особенно пріятно было встрѣтить портретъ Князя Д. В. Голицына.

НИЛОСОРСКАЯ ПУСТЫНЬ. — УПРАЗДНЕННЫЙ ФЕРАПОНТОВЪ МОНАСТЫРЬ. — ПОСЛѢДНІЕ ЧАСЫ ВЪ КИРИЛЛОВСКОЙ ОБИТЕЛИ.

Дорога къ скиту Нила Сорскаго. — Мѣстоположеніе скита.—Зданія монастыря. — Древнее устроеніе обители. — Мѣсто келліи Преп. Нила. — Преданія о житіи Нила. — Писанія Нила. — О осьми помыслѣхъ. — Три посланія. — Борьба духовная Русскаго человѣка со страстями. — Борьба съ печалію и уныніемъ. — Богомолецъ-пѣшеходъ. — Дорога въ Ферапонтовъ упраздненный монастырь.—Видъ на Ферапонтово озеро. — Жизнь Св. Ферапонта.—Мѣсто заточенія Патріарха Никона. — Островъ его. — Гора Цыпина. — Огромность размѣровъ Кириллова монастыря. — Анекдотъ, рассказанный Блазіусомъ. — Образцы простонароднаго марьячя города Кириллова.

Въ 15-ти верстахъ отъ Кириллова находится Нилосорская пустыня, или бывшій прежде скитъ Нила Сорскаго. Дорога идетъ, сначала открытая, мимо озеръ, а потомъ горами и лѣсомъ. Не вдалекѣ отъ самой пустыни находится озеро, весьма привольное и живописное. Оно называется Сорскимъ отъ рѣчки Сорки, которая въ него впадаетъ.

Дико, мрачно и пустынно то мѣсто, гдѣ находится скитъ. Почва ровная, но болотистая; кругомъ лѣсъ болѣе хвойный, нежели листовитой. Рѣчка Сорка, давшая прозвище и Угоднику Божію, не льется, а тянется по этому мѣсту, и похожа болѣе на стоячее болото, нежели на текучую воду. Въ травѣ, растущей по берегамъ ея, встрѣчается и поляника, здѣшняя вкусная, благовонная ягода: это самое сладкое, что можно встрѣтить въ этомъ дикомъ мѣстѣ. Среди этихъ различныхъ угодій, которыми такъ изобильна здѣшняя свѣтлая, счастливая природа, трудно отыскать убѣжище,

болѣе грустное и уединенное, чѣмъ эта пустынь. Можно представить себѣ, какая была здѣсь глушь въ концѣ XV-го и въ началѣ XVI-го столѣтія, когда жилъ Нилъ Сорскій. Видъ этого мѣста, съ перваго раза, даетъ понятіе о томъ, чего искалъ здѣсь Святой, и совершенно соотвѣтствуетъ характеру его духовныхъ созерцаній, которыя извѣстны намъ изъ его творенія. Онъ переселяетъ насъ тотчасъ къ началу скитскаго житія въ Россіи, котораго Нилъ былъ основателемъ.

Смиренная низенькая деревянная ограда, съ такими же башенками, окружаетъ церковь и малое зданіе келлій. Прежде было все деревянное, и самый храмъ, гдѣ находилась гробница Угодника Божія, но теперь строятъ каменный, и строятъ уже нѣсколько лѣтъ, а все не могутъ привести къ окончанію, потому что монастырь въ крайней бѣдности. Между тѣмъ вся ризница, утварь, иконы, рака Преподобнаго, что была надъ гробницею, хранятся въ особенной чистой деревянной свѣтлицѣ, гдѣ и служатъ молебны. Самая же гробница, лишенная раки, надъ мощами Св. Угодника, почивающими подъ спудомъ, стоитъ подъ голубцомъ и подвержена всѣмъ непогодамъ времени (*). Въ свѣтлицѣ, у раки виситъ шерстяная одежда Нила, изъ какой-то грубой шерсти, волосы которой колются какъ иглы.

Двадцать человѣкъ братіи живетъ въ монастырѣ. Въ кельѣ у Строителя хранится Скитскій Уставъ и другія полныя писанія Нила Сорскаго, но не древняго уже, а новаго письма.

На мѣстѣ нынѣ строящейся каменной церкви была прежде общая соборная церковь братіи. Здѣсь иноки не жили, а отъ нея, на разстояніи брошеннаго камня, въ разныхъ мѣстахъ по лѣсу кругомъ, стояло 12 келлій, гдѣ жила братія по одному, по два и много по три. Такъ было устроено самимъ Ниломъ. Всю недѣлю проводили они въ келліяхъ; наканунѣ воскресныхъ дней и праздни-

(*) Съ тѣхъ поръ окончена была уже холодная церковь, и гробница Преподобнаго въ ней укрыта.

ковъ сходились къ вечернѣ въ церковь: здѣсь оставались тутки для богослуженія — и потомъ, послѣ трапезы, расходились снова по келліямъ. Такъ осталось въ устномъ преданіи, которое передала мнѣ братія обители; объ этомъ упоминается и въ писаніяхъ Нила.

Но двѣнадцати прежнихъ келлій, о которыхъ осталось преданіе, теперь уже нѣтъ. Извѣстно только мѣсто келліи учредителя скита. Потребна сила человѣка древняго времени, чтобы отъ церкви добросить камень до этого мѣста. Перешедъ рѣчку Сорку, мы направили шаги свои къ этому священному мѣсту. Прежняя деревянная церковь перенесена сюда Настоятелемъ Никономъ, который здѣсь жилъ самъ и благоустроилъ ее. Онъ росписалъ храмъ иконами въ древнемъ стилѣ, между которыми особенно замѣчательна икона Нила Сорскаго. При церкви находятся весьма тѣсныя, узенькія келліи самого Настоятеля, въ которыхъ онъ жилъ и предавался богомыслию. И келліи имъ росписаны. Тутъ находите изображеніе Угодника Божія. Тутъ представлена встрѣча хозяина келлій со смертію, и подъ нею надпись стихами: Не хотѣлъ ли этимъ Никонъ видимо исполнить правило, предписанное основателемъ скита о памяти смертной? «Какъ хлѣбъ нужнѣе всѣхъ брашенъ», говоритъ Нилъ, «такъ память смерти нужнѣе прочихъ добродѣтелей. Не возможно алчущему не поминать хлѣба: такъ и хотящему спастися не поминать смерти, говорили Отцы.»

Но въ кельяхъ все пусто. Церковь, совершенно готовая, ждетъ освященія. Хозяина, который устроилъ ее, нѣтъ: онъ далеко, въ монастырѣ Валдайско-Иверскомъ (*). Здѣсь осталась по немъ добрая память: его, за строгую жизнь, за молитвы, за бесѣду, уважали во всѣхъ окрестныхъ мѣстахъ. Онъ слѣдовалъ тому пути, который указанъ первымъ учредителемъ скита. Къ богомыслию присоединилъ онъ и живописное искусство, которымиъ выра-

(*) Отецъ Никонъ теперь снова возвращенъ въ свое убѣжище. Два придела храма освящены. Служеніе въ нихъ совершается по чину, заповѣданному Ниломъ Сорскимъ.

жалъ свои благочестивыя мысли. Встрѣтить слѣды такой пустынноческой жизни въ этомъ дикомъ уединеніи, въ наше время, особенно поучительно.

Изъ оконъ келлій виденъ прудокъ, выкопанный, какъ говоритъ преданіе, преподобнымъ Ниломъ. На холму у прудка крестъ поставленъ Никономъ. Рядомъ съ келліями колодезь съ превкусною водою, которую употребляютъ и для цѣленія: это также трудъ Угодника Божія.

Взглядъ на эти мрачныя и пустынныя мѣста, съ бѣдными деревянными зданіями обители, съ церковью недостроенной, съ гробницей святаго пустытника, не вмѣющей крова, съ живыми слѣдами пустытника современнаго, искавшаго здѣсь приюта для богомыслія, можетъ служить достойнымъ предисловіемъ къ тому, чтобы ознакомиться съ тѣмъ, кто нѣкогда освящалъ эти мѣста своимъ присутствіемъ и молитвами, кто здѣсь, за 340 слѣшкомъ лѣтъ, дѣйствовалъ для Бога и оставилъ намъ весьма замѣчательный письменный слѣдъ своего бытія въ духовномъ сочиненіи: ибо рѣдко бываетъ, чтобы мѣсто внѣшнимъ своимъ видомъ такъ изображало мысль того, кто избралъ его для своего пребыванія, какъ это здѣсь случилось.

Въ посланіи своемъ къ одному брату, съ которымъ Нилъ сопряженъ былъ духовною любовію и который просилъ его написать ему что нибудь на пользу души, Нилъ говоритъ такъ: «По отшествіи странничества моего, пришедъ въ монастырь, внѣ близъ монастыря створихъ себѣ келлію, и тако живяхъ елико по силѣ моей. Нынѣ жъ вдалѣе отъ монастыря преселихся, понеже благодатію Божіею *обрѣтохъ мѣсто угодно моему разуму*, занежъ мирской чади мало влодно, якожъ и самъ видѣлъ еси. И наипаче испытую божественная писанія: прежде заповѣди Господня, и толкованія ихъ, и апостольская преданія; тажъ житія и ученія святыхъ Отець, и тѣмъ внимаю, и яжъ согласна моему разуму, къ благоугожденію Божію и къ пользѣ души преписую себѣ, и тѣми поучаюся, и въ томъ животь и дыханіе мое имѣю.»

Очень мало дошло до насъ извѣстій о жизни Нила Сорскаго. Откуда онъ былъ родомъ, неизвѣстно. Изъ словія, какъ должно думать, вышелъ крестьянскаго, потому что въ одномъ изъ посланій своихъ называетъ себя поселянномъ: «невѣжда и поселянинъ есмь.» Постригся онъ въ монастырѣ Кирилла Бѣлозерскаго. Черезъ нѣсколько времени по постриженіи, съ собратомъ и ученикомъ своимъ, Иннокентіемъ, отправился онъ къ святымъ восточнымъ мѣстамъ и провелъ нѣсколько лѣтъ въ монастыряхъ Аѳона и Константинополя. Объ этомъ самъ говоритъ въ своемъ сочиненіи: «Повсюду обрѣтается въ Святыхъ писаніяхъ похваляемо, еже съ единѣмъ или съ двѣма безмолвіе, якоже и самовидци быхомъ въ святѣй горѣ Аѳонстѣй и въ странахъ Царя града, и по иныхъ мѣстѣхъ многа суть такова пребыванія.»

По возвращеніи въ монастырь, онъ, какъ мы видѣли выше, по его же свидѣтельству, устроилъ себѣ келью внѣ монастыря, а потомъ отошелъ и далѣе, обрѣлъ такое мѣсто, которое угодно было его разуму, и здѣсь окружилъ себя книгами священнаго писанія и святыхъ Отець. Сначала поставилъ онъ часовню и келью, и ископалъ при ней колодезь. Собралась къ нему братія. Построена церковь — и поставлено 12 келлій около нея, на верженье камня, какъ говоритъ устное преданіе. Такъ положено было основаніе скитскому житію въ Россіи. Водяная мѣльница, устроенная Угодникомъ Божиимъ на рѣчкѣ, служила для пропитанія братіи. Нилъ преставился въ 1508 году Маія 7, 75-ти лѣтъ отъ рожденія. Братія своей завѣщали онъ бросить тѣло его на съѣденіе звѣрямъ и птицамъ, какъ недостойное погребенія, а если этого они не сдѣлаютъ, то ископавши ровъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ живетъ, пускай погребутъ его со всякимъ безчестіемъ.

Царь Иванъ Васильевичъ Грозный посѣтилъ Нилосорскій скитъ въ 1569 году. Онъ приказалъ было построить тамъ каменную церковь, намѣсто деревянной; но Святой явился ему во снѣ и запретилъ это дѣло.

Что влекло Нила въ такія мрачныя болотныя дебри отъ привольныхъ озеръ и рѣкъ? что устремляло его отъ господствовавшаго тогда устава монастырскаго къ житію скитскому, къ житію отшельника? Онъ, конечно, замѣтилъ, что угодыя сельскія отвлекали иноковъ отъ цѣли духовной къ другимъ цѣлямъ житейскимъ, возбуждали въ нихъ любовь къ нѣгѣ, праздности и стяжанію; онъ видѣлъ, что обрядная сторона монастырскаго житія въ нѣкоторыхъ обителяхъ начала брать верхъ надъ внутреннею: милостыня вещественная надъ духовною, внѣшняя молитва надъ внутреннею. Вотъ чѣмъ объясняется стремленіе Нила къ отшельнической жизни, которая представляетъ умное подвижничество. Отсюда понятенъ будетъ и смыслъ его сочиненія, съ которымъ мы теперь хотя вкратцѣ познакомимся.

Немного осталось намъ отъ XV столѣтія такихъ замѣчательныхъ духовныхъ твореній, какъ *отъ святыхъ Писаній списаніе Отца Нила* (*). Въ своей пустынной кельѣ, на болотной Соркѣ, среди лѣсныхъ дебрей, Нилъ окружилъ себя, какъ видно, всѣми тѣми духовными книгами, въ которыхъ Святые Отцы преподали строгія правила отшельнической жизни и указали вѣрныя пути для внутренняго, сосредоточеннаго богомыслія. Нечего сомнѣваться, что это сочиненіе принадлежитъ святому Нилу: во всѣхъ рукописяхъ оно надписывается его именемъ. Кромѣ того есть мѣсто свидѣтельствующее, что оно явилось въ странахъ сѣверныхъ: «Влѣто бо и зиму, въ странахъ сѣверныхъ много день и ночь часы умножаются и умалются, не якоже въ средоземіи въ Палестинѣ, или въ Константиѣ градѣ. Того ради творити намъ подобаетъ противу времени, якоже глго есть.»

(*) Недавно, Козельская Введенская Оптина Пустынь, въ числѣ многихъ другихъ душеполезныхъ изданій, которыми обогащаетъ она духовную нашу Словесность, напечатала и сочиненіе Нила подъ заглавіемъ: «*Преподобнаго Отца нашего Нила Сорскаго преданіе ученикомъ своимъ о жительствѣ скитскомъ.*» Москва. 1849.

Имѣвъ главною цѣлю, какъ въ сочиненіи своемъ, такъ и въ подвигахъ жизни своей, направить шлюзовъ на внутреннее дѣланіе, Нилъ не хочетъ однако отвратить ихъ отъ труда и руководѣлія, которые необходимы для удовлетворенія разныхъ потребъ нашихъ. Онъ приводитъ по этому случаю слова Апостола: *Не дѣлай, да не ясть.*

Не лзя не остановиться на этой мысли, потому что она связана тѣсно съ прекраснымъ правиломъ жизни нашихъ простолюдиновъ. Апостоль Павелъ во второмъ посланіи къ Солуняномъ говоритъ: «Егда бѣхомъ у васъ, сіе завѣщавомъ вамъ, яко аще кто не хочетъ дѣлати, ниже да ясть. Слышимъ бо пѣнія безчинно ходящія у васъ, ничтоже дѣлающія, но лукавно обходящія. Таковымъ запрещаемъ и молимъ о Господѣ нашемъ Иисусѣ Христѣ, да съ безмолвіемъ дѣлающе, свой хлѣбъ лдятъ.» (Гл. 3. ст. 10 — 12). Замѣчали ли вы, что Русской крестьянинъ, не работающій по какой бы то ни было причинѣ, даже по болѣзни, въ семьѣ своей, совѣстится ѣсть хлѣбъ, постится, и отошаль бы съ голода, если бы родные ему не подавали? Такъ исполняетъ онъ строго наставленіе Апостольское.

Нилъ, не отклоняя братій своихъ отъ занятій руководѣлія, ограничиваетъ ихъ, однако, самыми необходимыми, чтобы при этихъ трудахъ они не имѣли въ виду умноженія стяжаній самой обители.

Правда, эти стяжанія умножались въ монастыряхъ подъ предлогомъ милостыни ближнимъ; но Нилъ гораздо выше тѣлесной ставитъ милостыню душевную. «Иноческая милостыня, говоритъ онъ, помочь брату словомъ во время нужды, утѣшить его въ скорби разсужденіемъ духовнымъ: душевная милостыня на столько выше тѣлесной, на сколько душа выше тѣла. А если странникъ придетъ къ намъ, упокоимъ его по силѣ нашей, и если требуетъ хлѣба, дадимъ ему и отпустимъ его.»

Сосудовъ золотыхъ и серебряныхъ, даже и священныхъ, Нилъ не желаетъ для церкви. Иоанну Златоусту

приносили ихъ, равно приносили и другія церковныя украшенія, но онъ приказывалъ все раздавать нищимъ. Великій же Пахомій не хотѣлъ, чтобы и зданіе церковное было украшено, дабы не величаться въ храмъ Божіемъ дѣломъ рукъ человѣческихъ.

Вниманіе братіи во всемъ Нилъ обращаетъ на внутреннее дѣланіе. Умная молитва выше тѣлесной, по слову Апостола: хошу пять словъ умомъ моимъ рещи, неже тму словъ языкомъ. Тѣлесное дѣланіе, по словамъ святаго Агаѳона, только листъ, а внутреннее, т. е. умное — плодъ. Отцы сказали: кто устами только молится, объ умѣ же небрежетъ, тотъ воздуху молится: Богъ бо уму внимаетъ.

Кто видитъ молитву, дѣйствующую въ сердцѣ своемъ и не перестающую подвизаться, тотъ да не оставитъ ея для пѣнія, развѣ только сама молитва оставитъ его: ибо оставляя Бога внутри, онъ призываетъ его извнѣ; отъ высокихъ преклоняется къ низшимъ. Отцы предписывали болѣе всего упражняться въ молитвѣ, а разлѣнившись, пѣть, или читать дѣятельныя отеческія житія. Согласно съ этими мыслями, по чину служенія, заповѣданному братіи Ниломъ Сорскимъ, всенощныя бдѣнія наканунѣ большихъ праздниковъ совершаются пѣніемъ, а наканунѣ простыхъ дней однимъ чтеніемъ.

Это упражненіе во внутренней молитвѣ доводитъ чело-вѣка до высшаго состоянія духовнаго, которое Нилъ описываетъ такъ словами Исаака Сиріна. «Престанутъ тогда уста, и языкъ и сердце, иже помысломъ хранитель, и умъ чювствомъ кормникъ, и мысль скоро летящаа птица и безстуднаа; и не ктому имать мысль молитву, ни движеніе, ни самовластіе; но наставленіемъ наставляется силою иною, а не наставляеть....»

«Не молитвою молится умъ, но превыше молитвы бываетъ; и въ обрѣтеніе лучшаго молитва оставляется, и въ изступленіи бываетъ, и ни хотѣніе имать чего, и по словеси Апостолу, *аще въ тѣлѣ, или внѣ тѣла, не вѣсть.*

Молитва — *смыя* такому духовному состоянію.

Симеонъ новій Богословъ передаетъ его такими словами:

«Кый языкъ изречеть? Кый жъ ли умъ скажетъ? Кое слово изглаголетъ? Страшно бо, вѣистинну страшно, и паче слова. Зрю свѣтъ, его же мѣръ не имать, посредѣ келіа на одрѣ сѣдя; внутрь себе зрю Творца міру, и бесѣдую и люблю и ямъ питаюся добрѣ единѣмъ Боговидѣніемъ, и съединився ему небеса превосхожю. И сіе вѣмъ извѣстно и истинно. Гдѣ же тогда тѣло, невѣмъ. И о Господѣ бесѣдую, рече: любить же мя онъ, и въ себѣ самомъ пріемлетъ мя, и на объятіяхъ скрываетъ; на небеси будучи, и въ сердци моемъ есть, здѣ и тамо зрѣтмися. И абіе къ Господню лицу глаголетъ: сіе, Владыко, Ангеломъ равна показываетъ мя, и лучша тѣхъ сѣтворить. Ибо невидимъ тѣмъ еси существомъ, естествомъ же непреступенъ; мнѣ же зримъ еси всяко, и естеству твоему смѣшаетьмися существо.»

Кромѣ молитвы, которая ведетъ къ такому духовному состоянію, необходимо еще разумное и изящное бореніе съ осьмью помыслами, изслѣдованіе о которыхъ, равно и о борьбѣ съ ними, составляетъ главный предметъ Нилова сочиненія и главную цѣль его подвижничества. Первый помыселъ есть помыселъ чревообъяденія, а послѣдній гордости. Нилъ приводитъ много весьма важныхъ психологическихъ наблюденій надъ этими помыслами. Онъ излагаетъ всю постепенную лѣствицу обращенія помысла въ страсть. Первую степень называетъ онъ *приложомъ*: это есть самое объявленіе помысла уму, которое собственно, какъ и самый помыселъ, отъ насъ не зависитъ.

Вторая степень, или второй моментъ, есть *счтаніе*, т. е. отвѣтъ нашего ума на его явленіе, съглаголаніе къ явльшемуся, пріятіе помысла, бесѣда съ нимъ, но еще не заключающая въ себѣ никакого къ нему склоненія.

Третій моментъ, *сложеніе*, есть уже преклоненіе души къ помыслу, уступка ему въ бесѣду, сочувствіе. Четвертый — *плъненіе*, есть продолжительное совокупленіе съ помысломъ, которое наконецъ переходитъ уже въ пятую высшую степень — *страсть*, совершенно одолѣвающую человѣка.

Первое правило святых Отцовъ въ этой духовной борьбѣ со страстями отсѣкать самые помыслы на первой ихъ степени, въ *прилогъ*; ибо кто прилогу помысла сопротивляется, тотъ за разъ навсегда его отсѣкаетъ.

Такимъ образомъ Нилъ учитъ человѣка бороться съ чревообъяденіемъ, сластолюбіемъ, сребролюбіемъ, гнѣвомъ, печалью, уныніемъ, тщеславіемъ и гордостію.

За этимъ сочиненіемъ въ рукописныхъ книгахъ, содержащихъ твореніе Нила Сорскаго, слѣдуютъ три посланія его, относящіяся къ тому же предмету и заключающія въ себѣ дополненія или поясненія о немъ. Последнее изъ нихъ написано съ особенною любовію къ тому, который спрашивалъ Нила, но имени брата любимаго онъ не открылъ. За посланіями слѣдуетъ переводъ небольшого, весьма замѣчательнаго сочиненія Анастасія Синаита о помыслахъ. Онъ обращаетъ вниманіе на многихъ духовныхъ дѣятелей, когорые думали состязаться съ самыми помыслами и ихъ въ себѣ уничтожить, вооружались противъ нихъ постомъ и слезами, и въ пустыню удалялись, но нисколько въ томъ не успѣли: ибо въ помыслахъ своихъ человѣкъ не властенъ—и за нихъ не отвѣчаетъ Богу; но власть его начинается съ того времени, какъ помыселъ къ нему явился: и отъ него зависитъ прямое отсѣченіе прилога, какъ выше сказано, т. е. не зачинать съ нимъ никакой бесѣды, никакого знакомства. Въ заключеніе предлагаются противъ нихъ молитвы.

Такъ поучалъ братію свою Преподобный Нилъ борьбѣ духовной. Такъ, самъ удаляясь въ дебри и пустыни, боролся избранный древній Русскій человѣкъ со страстями, одолевавшими плоть его, и тѣмъ заготовлялъ добрую почву для своего будущаго образованія. А видно борьбы было много. Не даромъ древній Русскій человѣкъ начинаетъ прежде всего борьбу съ своимъ чревомъ: мы помнимъ изъ его сказаній и пѣсень, какого множества яствъ требовала его утроба богатырская. Замѣчательна также борьба его съ пятымъ помысломъ — печалію, и съ шестымъ, который

есть уныніе. Предлагая правила рати о другихъ помыслахъ, Нилъ говоритъ болѣе словами Святыхъ Отцевъ, а здѣсь уже отъ своего имени, и говоритъ такъ сильно, такъ живо, какъ Русской человѣкъ, наиболѣе доступный чувству унынія. «Немалъ намъ подвигъ на духъ скорбный, понеже «вмѣщаетъ душу въ погибель и отчаяніе. Если скорбь отъ «человѣковъ будетъ, подобаетъ благодушно претерпѣвать ее, «и молиться за оскорбившихъ, зная, что не безъ Божія «промысла все съ нами случается и что все на пользу по- «сылаетъ намъ Богъ, и на спасеніе душамъ нашимъ, а «если что теперь и кажется неполезнымъ, полезно можетъ «быть послѣ. Полезна намъ можетъ быть одна только «скорбь: о грѣхахъ нашихъ, и то съ надеждою и покая- «ніемъ. Скорбь же праздную надобно отметать отъ сердца, «наравнѣ съ прочими злыми страстями, потому что она «творитъ душу пустою и унылою, и некрѣпкою, и нетер- «пѣливою къ молитвѣ, и лѣнливою къ чтенію.

«Но если уныніе укрѣпится въ насъ, великій подвигъ «предстоитъ душѣ: лють его духъ, самый тяжелый, со- «пряженъ съ духомъ скорбнымъ. А тѣмъ, которые пребы- «ваютъ въ безмолвіи, рать на него належитъ великая. Когда «жестокія его волны встаютъ на душу, въ тотъ часъ и не «вспомнить человѣкъ, чтобы можно ему было когда-нибудь отъ «нихъ избавиться. Ему приходитъ на мысль, что и Богъ «оставилъ его, и не печется о немъ болѣе, и что его од- «ного только и оставилъ Онъ, и что съ другими того не «бываетъ что съ нимъ, и тогда все благое кажется ему «мерзкимъ.»

Борьба, предлагаемая Ниломъ, конечно, долго еще не окончится, — и не худо бы было Русскому человѣку новаго времени, который не пренебрегаетъ духовною жизнію, заглядывать въ его совѣты, содержащіе много глубокомысленныхъ наблюденій надъ душою человѣческою. Признаюсь, не могу не питать душевнаго сочувствія къ этимъ святымъ, высокимъ созерцаніямъ, и радуюсь тому, что они могли принадлежать моему соотечественнику въ XV сто-

лѣтн. Желаю искренно, чтобы скитъ Преподобнаго Нила Сорскаго возобновился и устроился, чтобы братія осталась вѣрна его преданію и духу его правилъ, и чтобы голосъ мой возбудилъ сочувствіе въ соотечественникахъ, которые пекутся о возстановленіи нашей великой древней святыни (*).

А добрый и вѣрный народъ нашъ помнитъ великаго духовнаго пустытника. Когда я возвращался изъ скита, то у воротъ какой-то деревни встрѣтилъ пѣшехода-странника, который шелъ поклониться гробу Преподобнаго Нила. Странникъ служилъ во флотѣ, но вышелъ въ отставку, отправился по богомольямъ. Весь обросъ бородой, другой годъ уже какъ ходить. Былъ у Соловецкихъ; вытерпѣлъ бурю; судно разбилося подъ странниками; но ему то было уже не впервые. А въ Петровъ день монастырь Соловецкій кормилъ отъ 4-хъ до 5-ти тысячъ богомольцевъ. Такъ говорилъ мнѣ очевидецъ, бывший однимъ изъ нихъ, направляя ровные шаги свои въ пустыню Нилосорскую.

Въ тотъ же день, послѣ обѣда, поѣхали мы въ упраздненный Оерапонтовъ монастырь, который отстоитъ отъ Кириллова также на 15 верстъ. Дорога идетъ сначала озерами, окружающими Кирилловъ: Долгимъ, Святымъ, а потомъ углубляется въ лѣса довольно частые, перемежающіеся озерами. Когда выѣзжаете изъ лѣса, главы церквей виднѣются издали, и открывается прекрасное озеро, Бородавское или Оерапонтово, котораго форма совершенно иная, чѣмъ Сиверскаго и чѣмъ другихъ озеръ. Берега его чрезвычайно разнообразны: и горы, и поля, и лѣсъ кругомъ его смѣняются, а по немъ видны островки съ лѣсочками. Озеро предстаетъ вамъ среди необозримаго пространства во всей своей огромной цѣлости. Загибъ, который оно дѣлаетъ, придаетъ необыкновенную красоту его формѣ.

Оерапонтъ былъ самъ уроженецъ Волоколамска, изъ дворянъ Поскочинныхъ, и постриженникъ Симонова мона-

(*) Приношенія на Нилосорскій скитъ можно отправлять по слѣдующему адресу: въ городъ Кирилловъ, въ Нилосорскую пустынь.

стыря въ Москвѣ. Онъ бывалъ прежде въ странахъ Бѣлозерскихъ и нерѣдко бесѣдовалъ объ нихъ съ Кирилломъ, а потомъ и сопутствовалъ ему туда. Когда Кириллъ поселился у озера Сиверскаго, Оерапонтъ, съ его согласія, удалился за 15 верстъ на озеро Бородавское и здѣсь основалъ монастырь. Но не въ немъ окончилъ онъ дни свои, а около Можайска, куда вызванъ былъ Княземъ Андреемъ Дмитріевичемъ, для основанія обители Можайскоіи-Лужецкой. Оерапонту же наследовалъ Мартиніанъ, ученикъ Кирилла Бѣлозерскаго. Его мощи почиваютъ здѣсь подъ спудомъ.

Монастырь съ 1798 года превращенъ въ приходскую церковь. Ограда еще осталась; существуютъ и развалины монастырскихъ келлій. Но вездѣ видно запустѣніе, кромѣ храмовъ; изъ которыхъ холодный въ особенности замѣчательнъ своимъ древнимъ иконостасомъ.

Это мѣсто имѣеть и другую славу. Здѣсь жилъ нѣсколько лѣтъ въ заточеніи, Патріархъ Никонъ. Такъ записано и въ житіи его; память изгнанника хранится еще здѣсь, по не только келліи его не уцѣлѣли, а даже и мѣсто, которое занимали онъ, предметъ спорный. Сторожъ, довольно ветхій, указалъ на нихъ съ правой стороны отъ входа въ ворота. Но священникъ, отецъ Арсеній, весьма гостепріимный и образованный, сказалъ, что тутъ были кельи настоятельскія, а каменные палаты Никоновы находились на лѣво. Такъ впрочемъ опредѣлено и въ Исторіи Россійской Іерархіи, гдѣ прибавлено еще, что онъ были росписаны изображеніями пустынныхъ жителей, но тому и слѣдовъ никакихъ не осталось. Изъ палатъ Никоновыхъ былъ ходъ прямо въ домовую его церковь на воротахъ (какъ сказано и въ жизнеописаніи Никона), которая и теперь существуетъ съ двумя придѣлами. Въ одномъ изъ нихъ деревянный крестъ съ надписью 1650 года, означающею, что онъ былъ водруженъ въ Кирилловомъ монастырѣ. Никонъ былъ сосланъ прямо въ Оерапонтовъ въ 1667 году, а оттуда въ 1676 переведенъ въ Кирилловъ. Не осталось въ этихъ храмахъ и каменныхъ стѣнахъ никакой письменной

памяти о славномъ заточникѣ, потому что всѣ надписанія его были позднѣе истреблены. Надъ домовою церковью Никона двѣ главы, формою какъ митры Епископскія, но пятиглавія здѣсь нѣтъ. Видъ съ церковной террасы на озеро, прекрасенъ. Здѣсь-то, въ этомъ озерѣ, развѣнчанный Никонъ, съ тѣю, связанною собственными руками, ловилъ рыбу и ею снабжалъ братію монастыря. Здѣсь въ кельяхъ, принималъ онъ гошцовъ отъ Царя съ царскою рыбою, и угощалъ ею братію, самъ отъ нея не вкушая. Здѣсь, вокругъ озера, разсаживалъ и воздѣлывалъ онъ огороды. А вонъ на озерѣ видны два острова: одинъ изъ нихъ каменный. Это дѣло рукъ самого Никона. Глубина воды на этомъ мѣстѣ двѣ сажени. Длина же того острова 12 сажень, а ширина пять. Никонъ, съ своимъ монахамъ, самъ на плотахъ, на разстояніи далѣе двухъ верстъ отъ берега, возилъ камни для того, чтобы сложить этотъ островъ. На немъ водрузилъ онъ крестъ съ надписью: «Никонъ Божіею милостію Патріархъ поставилъ сій крестъ «Господень, будучи въ заточеніи за слово Божіе и за свя-тую церковь на Бѣлѣозерѣ въ Оерапонтовѣ монастырѣ въ «тюрьмѣ». Зимною, мимо этого острова, лежала большая дорога, и проѣзжіе могли читать эту надпись. Никонъ поставилъ другіе два креста съ такими же надписями на другихъ двухъ островахъ, но всѣ эти кресты, при Патріархѣ Іоакимѣ, съ мѣстъ ихъ сняты, а надписи съ нихъ стерты, равно и со всей келейной посуды Никона, серебряной и оловянной, которую всю покрылъ онъ подобнымъ надписаніемъ. Уцѣлѣла одна такая надпись на стулѣ, который хранится въ Кирилловской ризницѣ: объ немъ говорилъ я прежде (*).

Кромѣ сложенія каменнаго острова, Никонъ украсилъ другіе острова растеніями. Одинъ изъ нихъ особенно цвѣтущъ. Во всѣхъ подобныхъ трудахъ видна необыкновенная дѣятельность его крѣпкой, неудержимой природы, которая, и въ пустынѣ Оерапонтовской обители, задавала себѣ работу, но устремляла ее не на тѣ предметы, не къ тѣмъ

(*) См. выше стран. 13.

цѣлямъ, которыя подобали лицу духовному. Для трудовъ такого рода Россія ждала инаго работника, который не замедлилъ явиться.

На лѣво отъ монастыря, верстахъ въ двухъ или въ трехъ, находится высокая гора Цыпина, съ которой видъ превосходный, какъ говорилъ намъ отецъ Арсеній. Я не могъ послѣдовать его любезному приглашенію и переночевать здѣсь, чтобы утромъ, при захожденіи солнца, насладиться этимъ видомъ. Завтра я долженъ былъ оставить Кирилловъ.

Солнце склонялось къ закату. Вечеръ былъ прекрасный. Мы поѣхали въ Кирилловъ, и дорогою любовались на ровное зеркало озера, которое лежало прозрачно, съ румянымъ отливомъ вечерняго неба. Легкія облака дивно отражались въ немъ, мѣшаясь съ его живописными островами.

Мѣста прекрасныя, благословенныя! На всякомъ шагу природа даритъ вамъ здѣсь свои возвышенныя впечатлѣнія, освященныя памятью мужей, угодившихъ Богу и засѣявшихъ всю эту землю сѣменами духовнаго просвѣщенія.

Нѣсколько разъ покидалъ я Кирилловъ монастырь для моихъ поѣздокъ въ окрестныя мѣста, и каждый разъ, какъ возвращался къ нему, все болѣе и болѣе поражало меня величіе бѣлыхъ столпостѣнъ его. Каждый разъ, огромнѣе и грознѣе, вставалъ онъ передо мною съ своими плотными и высокими оградами, съ крестоносными куполами церкви своихъ, съ своими необъятными башнями, особенно съ той стороны, откуда видна колоссальная башня Московская. Чѣмъ чаще возобновлялись эти впечатлѣнія, тѣмъ очевиднѣе представлялись его огромные архитектурные размѣры.

Но пришло время и оставить обитель, которой я многимъ обязанъ, и пребываніе въ которой будетъ для меня незабвенно. Москва звала на службу. Боялся опоздать къ пріемнымъ экзаменамъ.

Во время поѣздки своей, я заглядывалъ иногда въ путешествіе по Россіи Блазіуса. Лучшая сторона его касается, вѣроятно, свѣдѣній по части Естественныхъ наукъ, особенно Ботаники. Ссылки историческія на Карамзина, въ

отношеніи къ памятникамъ, довольно вѣрны. Но странно въ книгѣ ученаго и образованнаго путешественника встрѣтить слѣдующій анекдотъ :

«Въ воскресенье, 23-го Іюня, рано утромъ были мы въ Кириловѣ. Страхнувъ съ себя дорожную пыль, мы отдохнули съ часокъ и пошли на озеро выкупаться. Чтобы не слишкомъ разгоряченному отъ солнечнаго зноя придти къ водѣ, я надѣлъ бѣлую, полотняную блузу и свѣтлую соломенную шляпу, но послѣ въ томъ раскаялся. Крестьяне, собравшіеся многочисленною толпою, падали вскуду ницъ, гдѣ я ни проходилъ, творили огромное знаменіе креста и цѣловали мнѣ ноги. Они, казалось мнѣ, считали меня за высокую духовную особу, потому что я весь былъ въ бѣломъ. Такъ какъ я сначала не могъ понять, что бы значило это поклоненіе, то я уже вовсе недуховнымъ образомъ ускорилъ свои шаги, дабы избавить себя отъ смущенія, и впередъ рѣшился избѣгать всякаго подобнаго повода къ обольщеніямъ.»

Чему тутъ удивляться болѣе : лжи или невѣжеству? Когда же высокія духовныя особы наши ходятъ въ бѣлыхъ полотняныхъ блузахъ и въ соломенныхъ шляпахъ? Когда же крестьяне крестятся передъ ними и цѣлуютъ у нихъ ноги? Какъ они могли бритаго Блазіуса, который шелъ купаться, принять за Епископа? Догадываюсь, что Іюня 23-го, въ день Владимірской иконы Богоматери, былъ ходъ съ образами около Кириллова и что бѣдный Блазіусъ всѣ молитвенные поклоны народа св. иконамъ прищмалъ на свой счетъ.

Все время употребивъ на обитель и ея памятники, я не могъ посвятить ни минуты городу Кирилову. Но въ немъ наиболѣе любопытное есть его нарѣчіе, которымъ говорятъ самыя грубые простолюдины, чуждые образованія. Оно имѣетъ много сходства съ Малороссійскимъ и доказываетъ южное населеніе края. Вотъ нѣсколько примѣровъ, собранныхъ мною на мѣстѣ отъ человѣка, знающаго хорошо признаки разнообразныхъ нарѣчій всего окрестнаго края.

Экъ куда тебя згонобило,
пóвно дѣло!

Пострѣвъ ты возми; нарóкъ
бы ты изнырѣвъ; эка повѣса
погонявка!

Инь бы ты за эту курáуку
покотышкавъ бы ты кумяками.

Апорáтъ скоро и дородно
згоношилъ куравицы и úпаки;
только úпаки-те хылакають.

Парáнька, сбѣгай-ко въ под-
вѣвъ, а не то въ сѣнничю за
жигалкой; вѣдь жигалка-та до-
канáлась.

Хóвря, пóвно тарúсу-тú бо-
ронѣти, а бью целóмъ, попи-
тáйся покормись.

Эку ты околесную городишь,
ишдó я къ пивью нефодила.

Не повсѣ ли опáрника, либо
тобóуки? попей пиукá.

Послѣднѣ два примѣра

Щó, дѣука, помѣкаеш ли?
Вѣдь ёнь отъ пѣтницы попá
Григорья сынóк-отъ; ужь ёнь
ныньцятко слаутникъ, въ сѣ-
немъ каутáнѣ фóдять, фанты-
же долгѣя. Вѣк-отъ вѣковѣсь
форóшова платнá наносятъ.
Епъ за Архимáндрикомъ и фó-
дять, уждó нынця въ пѣучихъ.

Куда ты залѣзъ, чудное
дѣло!

Деревенская брань.

Иной бы тебя за эту трубку
поподчивалъ кулаками.

Очень скоро и хорошо спилъ
рукавицы и сапоги; только
сапоги-то очень просторны.

Параша, сбѣгай въ погребъ,
а не то въ сѣнницу за свѣч-
кой; вѣдь свѣчка-то догорѣла.

Хавронья, полно пустяки-
то говорить, а прошу покорно,
покушай.

Какую ты ложь говоришь,
что я въ церковь не ходила.

Не повсѣ ли пирога ячнаго,
или ситнова? испей пивца.

взяты въ селѣ Талицахъ.

Что, дѣвка, знаешь ли? Онъ
вѣдь отъ пятницы попа Гри-
горья сынъ, и онъ нынѣ на
славѣ, въ суконномъ кафтанѣ
ходить, поды - то длинныя.
Вѣк-то свой въ хорошей оде-
ждѣ ходить. Онъ за Архиман-
дритомъ и ходить, уже нынѣ
въ пѣвчихъ.

П Ъ С Н И.

Ванькѣ, затыгивай!

Собирайтесь, робята,
 На Пицјору на горѹ (*),
 Да ко новóму кабаку,
 Къ молодому цюмаку (**).
 Що на Пицјорѣ на горѣ,
 Стоявъ новой кобацѣкъ;
 Що во втомъ кобацѣкъ
 Удалыѣ вѣно пьютъ,
 Богатыѣ дѣвуютъ.
 Не дивѹйте, богачи,
 За васъ деньги заплацѹ;
 Во корманѣ грóша двá,
 Да цѣлковицька полтора,
 Полтора ста серебра,
 Да золотáя не одна.

Ну-ко дѣваха, закурнацивай!

Пала порошиця (***),
 Да выпадала молóдая
 Щó на тѹ ли зѣмлю тáлюю,
 Да на травѹ ли на муравѹю (****).
 Що по той ли по травонькѣ
 Да не зáюшко проскакалъ,
 Да не билеюшко проплѣсалъ.
 Проѣзкавъ да дóброй молодецѣ
 На своемъ ли конѣ вóрономѣ,
 Да ко своей женѣ мóлодой.
 Щó женá ты моя мóлода
 Да жóнушка невѣрная!
 Скуѣмъ тебѣ,

(*) Названіе горы. (**) Цѣловальнику. (***) Роса. (****) Здѣсь объясняется слово *мурава* какъ прилагательное, какъ опятеть, обратившійся въ существительное.

Скуёмъ, сдуюемъ
 Подъ сабожки скобоцькѣ.
 Шшò молода жена попортилася,
 Щò на этихъ скобоцькахъ
 Ко своему дружкѣ ушла.
 Шшò сфатилъ какъ вѣтвину
 И обагнулъ ей харавину: (*)
 Моя молода жена опомнилася,
 На мою ли шею бросилася.

Натъжали господа,
 Навезли товару.
 Вы позвольте, господа,
 Въ лавоцько сходи́ти,
 Да наноцьки купити,
 Кумацю, китайки,
 Прэницька да сайки.
 Кумацю я не фюцю,
 Ой прэницька не надо,
 Кунья шуба шити
 Да рукава пушити.
 Ой тропинька тропитьця
 Да конопелькѣ ломитьця.
 Щò по той ли по тропинушкѣ
 Шовъ прошовъ дѣтинушка,
 Щò незнамъ незнамовичъ,
 Ёнь фисталь нафистываль (**),
 Гаркаль нагаркиваль,
 Душу выкликиваль:
 Выди на крилецькѣ,
 Брякни во колецькѣ,
 Промолви словѣцкѣ!
 Душа какъ ягода
 Бидитьця румянитьця,

(*) Одежда женская. (**) Свисталь насвистываль.

Словно сáхерь разсыпаетца.
 Поцѣлуй схвативъ,
 Виньца купивъ;
 Вина мы напили́ся,
 Всѣ мы придрали́ся.

Цѣрьви да бѹбны
 Вѣны были крести.
 Подъ яблѹню, подъ кужлявой (*)
 Молодецъ въ гусли игралъ.
 Цѣрьви да бѹбны,
 Да вѣны были крести.
 Поигравши да поплясавши,
 Ставъ невѣсть выбирать.
 Цѣрьви да бѹбны
 Да вѣны были крести.
 Ставъ невѣсть выбирать.
 Хорошáя, пригожáя,
 Пѹди, вѣди за меня.
 Цѣрьви да бѹбны,
 Вѣны были крести.
 Ты не выдешь, वोпокаѣшься,
 Воспоменѣшь молодьчя.
 Ужь я пѹду,
 Прѹ ты спрошу.
 Цѣрьви да бѹбны,
 Вѣны были крести.
 Сосѣдѹшки, собранѹшки,
 Похваляте вы ее:
 Ёна слáвна, ёна прѹста,
 Не дурнá ёна, не прѹста.
 Цѣрьви да бѹбны,
 Да вѣны были крести.

(*) Кудрявой.

Мы подемте-ко, робята,
 Во Кирилово гулята,
 Сябъ дѣвокъ выбирать.
 Ой хѳдиль я,
 Гуляль я,
 Три нощи по рынку.
 Искать я (2)
 Красныя дѣвицы
 Мариньки на рынкѣ.
 Ой дарить я (2)
 Прѣницьки бобѳцьки
 На голо мѣдоцьки,
 Орахъ калѣны,
 Дѣукамъ подарѣны.

ВОЗВРАТНЫЙ ПУТЬ.

Ивановъ боръ. — Пороги Шексны.—Галинская станція.—Череповецкое варъчѣ. — Село Любцы. — Пехтѣево.—Уломá. — Везьеговскъ. — Молога. — Дорога къ Рыбинску. — Тройка. — Рыбинскъ. — Воздвиженская церковь.—Соборный храмъ.—Протоіерей соборный.—Его поученія. — Впаденіе Шексны въ Волгу. — Пристань. — Разговоръ съ бурлакомъ. — Угличъ.—Гербъ Углича. — Соборъ. — Теремъ Царевича Дмитрія. — Церковь Царевича Дмитрія *на кровѣ*. — Видъ на Волгу. — Исторія Углича Ф. Х. Киссела.—Домъ старинной архитектуры.—Тверь.—Соборъ. — Отрочъ монастырь.—Волга.—Церковь во имя Св. Троицы.—Мосты черезъ Волгу и Тьмаку. — Статистика Тверской губерніи (1783 и 1846 годовъ). — Памятное видѣніе.

Быстро я долженъ былъ возвращаться въ Москву. Таковъ будетъ и отчетъ мой въ заключеніи поѣздки.

Бдучи изъ Кирилова на Череповецъ, можно было измѣрить всю пятиверстную длину озера Сиверскаго и долго любоваться горой Маурой, стѣнами и башнями Кирилова монастыря, которыя скрываются за горами и перелѣсками прежде, чѣмъ покинешь озеро. На Ивановомъ бору, въ 12-ти верстахъ отъ Кирилова, переправа черезъ Шексну. Покамѣсть переѣзжали мы на паромѣ, я разспрашивалъ о порогахъ Шексны. Ближайшій отсюда, самый большой, называется *Иванова голова*; подалѣе у Миловиць также большой *Кривецъ*, по дѣшнему произношенію. Тамъ слѣдуютъ меньшіе: *Кольнецъ* поболье другихъ, *Кузнецъ*, *Косыя гряды*, *Купрѣльнъ*, *Головникъ*, *Миль* самый начальный. Мелкимъ безимяннимъ порогамъ счета нѣтъ. Противъ нихъ употребляется четверная сила: тянуть бичевую съ обѣихъ сторонъ. Есть намѣреніе обойти каналомъ пороги Шексны: конечно, оно исполнится при дѣятельности нашей инженерной части.

Отъ Галинской станціи, почва замѣтно поднимается высоко, потому что открываются отовсюду тѣ чудные виды съ лѣсами отдаленными, съ безконечнымъ кругозоромъ Русскимъ, которымъ очевидно объясняется пословица: Русскій умъ любить просторъ. — Взоръ тонетъ въ нескончаемой дали: такъ и хочется уѣхать далеко, далеко!

Съ Ивановской станціи повезъ насъ извозчикъ Семень, весьма красивый малой, но безъ пѣсенъ, а уже съ потребностями новаго поколѣнія, растущаго въ селахъ. Ни вина, ни пива, ему не нужно. Онъ одинъ случился трезвый между извозчиками на станціи, которая пировала отъѣздъ какого-то важнаго лица, давшего значительную водку. Потому-то онъ и повезъ насъ. Но Семену нужна была трубка. Онъ выпросилъ позволенія курить ее, какъ самаго высшаго своего наслажденія, и подчивалъ насъ такимъ тютюномъ, отъ котораго могъ спастись только свѣжій вечерній воздухъ. Карандашъ моего спутника передалъ его веселымъ чертамъ бумагъ, пока мы смѣялись лошадей и пили чай. Вотъ онъ. —

Городъ Череповецъ мы проѣхали ночью. Онъ славится Шекснинскими стерлядями. Подъ нимъ опять переправа черезъ Шексну. Вотъ нѣсколько образцовъ Череповецкаго нрѣчія, которое похоже на Кирилловское, а все это вѣтви одного и того же Новгородскаго.

Эй Ванькѣ Ермушицъ! Що, братѣха, продашь кобылу-ту? —
Для цовожъ?

А цю баютъ: ёна ономѣднись фарала, да баяли посяднись: пустое.

Врѣ, этово я не цяялъ.

Никакъ не моцѣ уторокоть уладити.

Мы гѣшлись чѣну-ту сфатитъ за нее на порядкахъ.

Бабы те затувѣкали.

Эй Иванъ Ермолаевичъ! Что, братъ, продашь кобылу-то? —
Для чегожь?

А что говорятъ: она на тѣхъ дняхъ хворала, да говорили тогда: пустое.

Врешъ, этого я не ожидалъ.

Никакъ не можно съ тобой поладить.

Мы хотѣли цѣну-то взять за нее порядочную.

Бабы-то заплакали.

Ванькѣ, що г'ацашь, на шшѣ шалаганіишь?

Не можно и потрафать: ёнъ гадушить ветя.

Падъ купить ситьчу на сарафанъ; пѣвно берѣжник-отъ носити.

У ей маренникъ еся.

Мы изъ тарáхтила какъ пошли, тенъ-часъ на насъ и загáркали.

Мы кúричу-ту згонобили, да въ горшок-отъ втарацить не моци.

Дѣука, не даси Богъ намъ не страсти, не ўжасти.

Прѣохоркѣ, ты порáто скоро телаша-та укуошилъ, а сильнѣ и усодѣбилъ те вѣдъ.

Ты изтиха промолвилъ бы, а то во все горло гáйнулъ.

Кутафья, поди въ подклѣтье, принеси мою свитку (*) тѣ и обутку.

Дарѣха, покажй-ка Оверькю, вишь ёнъ курнацить, малцится.

Ой ты бажѣная! Какой у тебя стаметник-отъ зрѣбленъ, повяжи пагаленки тѣ, не то цорвакъ заскользнетъ, такъ намайчишься, ты бы оторочила бахилы-тѣ.

Галáха! пойми меня съ собой, да утаранимъ егѣшки,

Иванъ, что дѣлаешь, зачѣмъ шутишь?

Не можно поладить: онъ вѣдъ шутить.

Надобно купить ситцу на сарафанъ; полно носить будишнний.

У нея есть шерстяной выкрашенный сарафанъ.

Мы изъ трактира какъ пошли, на насъ сей-часъ и закричали.

Мы курицу-то ощипали, да въ горшок-атъ не могли уложитъ.

Дѣвка, не дай намъ Богъ ни страха, ни ужаса.

Прохоръ, ты очень скоро теленка-то закололъ, а хорошо и изготовилъ его.

Тебѣ тихонько можно было сказать, а ты громко крикнулъ.

Кутафья (шуточное названіе), поди въ подклѣть, принеси мою свитку и сапоги.

Дарья, покачай Оверьяна, видишь онъ кричить, нездоровъ.

Ой ты милая! Какой у тебя сарафанъ-то справленъ! Подвяжи чулки-то, не то червакъ заповетъ, такъ намучишься, ты бы обшла бахилы. (**).

Галактіонъ, возьми меня съ собой, да унесемъ тихонько

(*) Одно слово съ малороссійскимъ: таже одежда. (**) Названіе обуви.

сгибникъ да заворотней, да коровой, и нарушаемъ скипъ, да говядины кусмёнъ, згоношіймъ хлѣбною, тамъ имуть дѣуки писни пѣти.

огоньку, сгибникъ да заворотней (*), да коровой хлѣба, и нарѣжемъ порцій, да говядины часть, сваримъ похлебку; тамъ будутъ дѣвицы пѣсни пѣть (**).

Утромъ, на восходѣ солнца, надобно было опять переѣзжать Шексну, которой извивы еще своенравнѣе, нежели Оки. Село Любцы, въ утреннихъ лучахъ, красовалось за рѣкою, своею церковью и господскимъ домомъ. Сколько разъ переѣзжали мы Шексну, а еще ни разу не отвѣдали стерляди. Рыбакъ металъ сѣти и поймалъ одну. Цѣна необыкновенная — три рубли серебромъ стерлядь семи вершковъ. Но за то, въ Пехтѣевѣ намъ навязывались уже съ ними очень дешево. Чтобы сократить дорогу, вмѣсто Устюжны, мы поѣхали на Уломѹ и прямо въ Весьегонскъ. По проселкамъ прижимокъ у нашихъ извозчиковъ много, — и число верстъ всегда неопредѣленное. Мѣста здѣсь довольно дики и лѣсисты. Но современная сѣкира любитъ долины: лѣса падаютъ и здѣсь подъ ея ударами.

(*) Родъ особенныхъ пироговъ.

(**) Кстати передамъ здѣсь для собирателей народнаго слова сообщенные мнѣ признаки другихъ мѣстныхъ сѣверныхъ нарѣчій.

Новгородское. Ейна — ее, евонова — его. Евоной — онъ.

По воды по рѣки — по водѣ по рѣкѣ.

Гѣбрста-дресва. — Я съ нимъ говорѣ, а онъ не туда и глядѣ, знѣб-идѣ. Я съ нимъ говорилъ, а онъ не туда и глядитъ, знаетъ идеть. — Говорѣ, нишни. Говорятъ, молчи. — Берегѣ, бережетъ; ушедши, пришедши, уѣхавши: ушелъ, пришелъ, уѣхалъ. Ничова, ничего. Любазной, любезной.

Боровицкое: Нѣту ни хлѣба, ни похлѣбушки (похлѣбки), а ё (есть) пѣкисель (кисель) горячая. — Онъ моѣ дѣтушки. — Я нимѣ, я не знаю. Онъ не иде (не ѣдетъ) за нту цину. — Кусѣвничать — ѣсть сухо.

Тихвинское: Нѣгрызень, капуста; морсало — брусника топленая, хохоли — ерши.

Устюжское: Ни бѣтъ лѣвно — ты говоришь ладно. Стынно, схожно — стыдано, сходно. Во всѣхъ словахъ, гдѣ послѣ д слѣдуетъ н, выговариваютъ за два н. Бацназ, дубецъ. Вѣтвана, пруть.

Веслегонскъ лежитъ на берегу Мологи, черезъ которую переправа. Народъ называетъ его Весью: старымъ именемъ. Не доѣзжая до Веси, видишь рошу: сосны древнія, заповѣдныя, съ часовней. Такія рощи есть и еще около города. — Онъ горѣлъ два года сряду. Последній разъ 12-го Юля, какъ первый *спень заснули*: такъ выразился извощикъ съ Уломъ. Покаместъ готовилась намъ уха изъ Шекснинскихъ стерлядей, я разговаривалъ съ старыми людьми о теперешнихъ обычаяхъ. Они сѣтуютъ на то, что все старое выходитъ изъ моды, что нѣмецкое платье совсѣмъ изгоняетъ Русское, что сарафановъ уже почти не носятъ: это голосъ общій, который случалось мнѣ не разъ слышать по дорогѣ.

Отъ Веси до Мологи дорога идетъ аллеями красивыхъ березъ, которыя принялись прекрасно. Онѣ закрываютъ, правда, виды на поля и на отдаленные небосклоны Руссiе, но для пѣшеходовъ благотѣльны своею тѣнью. — Молога красивый городокъ на горной сторонѣ Волги, у самого втока Мологи. Онъ былъ оживленъ только что начинавшейся ярмонкой. Трактиры напоминаютъ Московскiе своимъ внешнимъ щегольствомъ и половыми, которые переѣзжаютъ изъ Москвы въ другiе города. Домъ купца Бушкова и городская больница — лучшiя зданiя въ городѣ.

Спустившись съ горы, переправляешься черезъ Волгу. Сѣно *свертышами*, какъ выразился паромщикъ, несло по волнамъ ея. Это слѣды разливовъ и прорвавшихся мѣльницъ, которыя затопили сѣнокосъ.

Дорога къ Рыбинску идетъ сначала все берегомъ Волги. Любуешься лазурнымъ цвѣтомъ ея волнъ, но дно къ берегамъ видно, хотя въ нынѣшнее лѣто воды и больше. Дѣятельно шелъ сѣнокосъ по берегамъ ея. Какой-то патриархальный помѣщикъ, окруженный дворнею, разбилъ тутъ палатку. Красная рубашка, признакъ довольства и роскоши, здѣсь мелькаетъ чаще. Народъ размашистѣе, ловчѣе, какъ вообще народъ приволжскiй. Сѣверное цавоканье мѣшается съ Ярославскимъ выговоромъ на о.

На послѣдней станціи, къ Рыбинску, смотритель настоялъ на томъ, чтобы мы къ тройкѣ припрягли четвертую лошадь. Я согласился тѣмъ болѣе, что онъ есылался на грязную дорогу. Но тутъ былъ мнѣ случай узнать: — что такое Русская тройка, прославленная Гоголемъ, въ экипажѣ, который для нея и сработанъ. Четвертая только-что мѣшала. Извозчикъ измучился. Наконецъ, онъ самъ увидѣлъ необходимость отпрячь четвертую — и тогда лишь мы бойко понеслись до Рыбинска. Дружная тройка, которую знаетъ извозчикъ и которая сама знаетъ извозчика, есть необыкновенная ѣздовая сила, созданная Русскимъ человекомъ. Я рѣшился бы лучше платить за лишнюю по формѣ, да не припрягать четвертую, какъ помѣху. Помню я одного мальчика извозчика, который насъ возилъ два раза изъ Кирилова въ одинъ и тотъ же день: въ первый разъ была у него дружная, *его* тройка, какъ онъ ее называлъ: мы просто летѣли, — и мальчикъ весь былъ вдохновеніе. Но во второй разъ хозяинъ его тройку разрознилъ: куда-то спонадобилась одна изъ трехъ лошадей; ее замѣнили другою, и мальчикъ былъ самъ не свой, сердился, сердилъ и насъ — но подъ конецъ все объяснилось: ато была ужъ не *его* тройка и онъ былъ правъ. — Извозчикъ съ *своею* дружною тройкой есть великое дѣло, въ почтовой скорой ѣздѣ. Лошади у него везутъ лихо, какъ бы ни былъ грузенъ экипажъ, лишь бы запрягался тройкой.

Рыбинскъ виднѣется издали, а особенно его красивая соборная колокольня, которая господствуетъ надъ окрестностью. Здѣсь я могъ провести нѣсколько часовъ, — но все было слишкомъ мало для такого прекраснаго городка, какъ Рыбинскъ

Пристань Волжская оживила его и украсила. Первая красота Русскаго города — храмы Божіи; первые дары богатаго купечества — на нихъ. При самомъ вѣздѣ въ Рыбинскъ, со стороны Мологи, васъ поразитъ изяществомъ

своей легкой архитектуры новая Воздвиженская церковь. Архитекторомъ ея былъ Ярославецъ Поповъ. Живописцамъ также Ярославцы; въ числѣ ихъ мѣщанинъ Смирновъ. Добротные датели, на иждивеніи которыхъ храмъ воздвигнутъ и украшенъ: Переславцевъ Рыбинскій голова, Наумовъ, Щербаковъ и другіе граждане Рыбинска. Внутренность церкви прекраснымъ вкусомъ соотвѣтствуетъ наружности. Размѣры велики и пропорціональны. Впечатлѣніе свѣтло и торжественно. Всѣ украшения придуманы изящно. Иконостасть перенесенъ изъ древняго собора, равно и Апостолы въ придѣлѣ; есть и другія древнія иконы. Стѣнная живопись вся уже въ новомъ Италіянскомъ вкусѣ. Событія изъ жизни Спасителя изображены въ олтарѣ: Моленіе о Чашѣ, Тайная Вечера, Умовеніе ногъ, Несеніе креста, Снятіе со креста, Воскресеніе. Подъ куполомъ небесная слава: всѣ чины Іерархіи небесной, окружающіе Господа Саваоа. Здѣсь видны уже слѣды подражанія Италіянскимъ образцамъ, — и не безъ успѣха. Я замѣтилъ большое выраженіе въ лицахъ Апостоловъ. Такъ иконопись соединяется въ этомъ храмѣ съ живописью, — и скажу, одна не мѣшаетъ другой. Сами живописцы соединяютъ, какъ замѣтно, оба рода: иконы мѣстныя пишутъ вѣнымъ стилемъ, а стѣны расписываютъ другимъ. Рыбинская новая церковь показываетъ, что можетъ быть у насъ поприще для искусства и внутри Россіи. Промышленность и торговля могутъ оживить наше искусство, если оно посвятить себя Религіи. Венеціанскіе купцы содѣйствовали же къ украшенію храмовъ Венеціи.

Соборный храмъ Рыбинска стоитъ на прекрасномъ мѣстѣ, близъ набережной. Церковь строится вновь, все на добровольныя приношенія гражданъ Рыбинска. Колокольная чудной архитектуры. Она послужила образцемъ для Воздвиженской. Видъ съ нея на Волгу, Шексню и окрестности, богатый. Богослуженіе совершается теперь въ малой, древней церкви.

Недалёко отъ великолѣпнаго храма, вновь воздвигав-
маго усердіемъ народа нашего къ вѣрѣ, въ укромномъ, бѣд-
номъ уголкѣ, живетъ Протоіерей соборный, Отецъ Родіонъ
Путятинъ, столько извѣстный въ церковной нашей Слове-
сности своими краткими Поученіями, которыя вышли, во
время моей поѣздки, уже шестымъ издаіемъ и къ кото-
рымъ недавно присоединилъ онъ еще девять.

Тайна успѣха этихъ Поученій заключается въ ихъ
краткости, простотѣ, ясности и жизни. Каждое изъ нихъ
содержитъ въ себѣ мысль глубокую, но не отвлеченную,
доступную не для одного богослова и нужную всякому
Хрістіанину. Проповѣдникъ умѣетъ округлить ее и выра-
зить въ немногихъ словахъ, ясно и убѣдительно.

Выпишемъ нѣсколько такихъ мыслей изъ новыхъ по-
слѣднихъ поученій проповѣдника.

Вотъ самый простой совѣтъ, который онъ предлагаетъ
людямъ, желающимъ, чтобы взаимное ихъ расположеніе не
измѣнялось: онъ обращается къ своимъ новымъ прихожа-
намъ и обращаетъ тѣмъ свой частный случай въ общій.

«Вотъ что мы должны для сего дѣлать: мы должны
другъ о другѣ молиться Богу. Если мы будемъ другъ о
другѣ молиться, то наше взаимное расположеніе навсегда
останется неизмѣнно: тогда тѣмъ ближе мы будемъ зна-
комиться, тѣмъ больше будемъ расположены другъ къ другу;
тогда и духъ злобы не можетъ поселить между нами вра-
жды: молитвами, какъ стрѣлами, мы отразимъ всякое его
нападеніе. Да, ничто такъ не укрѣпляетъ взаимнаго рас-
положенія между людьми, какъ взаимная молитва: того не-
премѣнно полюбишь, чье имя часто поминаешь въ своихъ
молитвахъ. — Самые злѣйшіе враги сдѣлались бы друзьями,
если бы они стали молиться другъ о другѣ.»

Тяжела для всякаго человѣка мысль, что память объ
немъ истребится вовсе на землѣ. По случаю поминовенія

одной усопшей, такое утѣшеніе противъ этой мысли предлагаетъ Проповѣдникъ.

«Сотъ за пять лѣтъ жили, должно быть, люди и на этомъ мѣстѣ, гдѣ мы теперь живемъ; но кто они — эти люди? Кто ихъ теперь знаетъ, кто объ нихъ когда вспомнить? А вѣдь они тутъ—въ землѣ, можетъ быть и кости ихъ еще цѣлы, можетъ быть и прахъ ихъ еще не смѣшался съ землею. Пройдетъ еще сотъ пять лѣтъ, и—надъ нашими могилами будутъ разсуждать другіе, какъ мы теперь; будутъ разсуждать.... а можетъ быть некому тогда будетъ и разсуждать; можетъ быть и города нашего не будетъ, можетъ быть вмѣсто домовъ выростутъ лѣса огромные, можетъ быть вмѣсто людей дикіе звѣри будутъ топтать наши могилы; можетъ быть.... Все можетъ быть, но не можетъ быть, слушатели, чтобы мы совсѣмъ забыты были на землѣ, не можетъ быть, чтобы объ насъ некому было вспомнить: насъ не забудетъ, насъ вспомнить въ своихъ молитвахъ наша Св. Православная Церковь; а она будетъ пребывать на землѣ, доколѣ земля стоять будетъ.»

По случаю праздника Трехъ Святителей и Вселенскихъ Учителей, Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоуста, такъ соединяетъ проповѣдникъ свою паству съ этими свѣтилами Церкви первоначальной.

«Умъ успокоивается, сердце радуется, душа торжествуетъ при мысли: Я молюсь, какъ молились Василій В., Григорій Б., Іоаннъ З.,—я вѣрую, какъ они вѣровали, я призываю Бога, какъ они призывали, я приношу жертву Ему, какъ они приносили. Да, Слушатели благочестивые, и при нихъ въ храмахъ Божіихъ богослуженіе было, какъ теперь у насъ, и при нихъ было это же пѣніе, это же чтеніе, и при нихъ такъ же горѣли свѣчи при служеніи, такъ же курился онімѣмъ, и при нихъ такъ же въ томъ же чинѣ, въ томъ же порядкѣ, предлагаема была трапеза Господня.— О, призрите на насъ съ высоты своей, Святіе тріе Святителіе; мы по всему ваши, у насъ все по вашему, ни

на одну іоту и ни на одну черту мы не отступили отъ васъ. — Твоими молитвами мы молился, Св. Василіе; по Твоему примѣру мы поклоняемся Пресвятѣй Троицѣ, Св. Григоріе; Твоимъ служеніемъ мы служимъ, Св. Іоанне.»

Въ Поученіи, направленномъ противъ тѣхъ, которые не ходять въ православныя храмы, такъ говоритъ о Церкви проповѣдникъ.

«Изъ чего состоитъ эта церковь, въ которой мы стоимъ теперь? Изъ камней и кирпичей. Возьмите же, разбросайте эти камни и кирпичи, что будетъ? Камни, и кирпичи,—а не церковь. Церковь тогда только бываетъ, какъ эти кирпичи и камни вмѣстѣ соединяются. Камней и кирпичей много и въ другихъ мѣстахъ; но они составляютъ ли церковь? Нѣтъ, потому что они особо, одни лежать, не соединены вмѣстѣ. Вотъ тоже надобно сказать и о Хрістіанахъ. Если Хрістіане соединены духомъ, любятъ другъ друга; то они истинно Хрістіане, и составляютъ Церковь Христову, и потому спасутся; а если кто изъ Хрістіанъ отдалится, не будетъ соединенъ духомъ съ другими; то не будетъ уже и истинный членъ Церкви».

Этою мыслию изъ прежнихъ поученій я заключаю выписки, потому что въ ней — главная сила всѣхъ краткихъ поученій Отца Родіона, и ею объясняется ихъ успѣхъ. Эта мысль есть сама Православная Церковь, дающая дружбѣ нашей прочность, памяти нашей вѣчность, плачу и веселью нашему освященіе, соединяющая насъ съ первоначальными свѣтильниками хрістіанства въ единомъ свѣтѣ духовнаго общенія, могущая одна соединять и насъ всѣхъ братскою любовію, даже и съ тѣми, которые видятъ ея, потому что и тѣхъ любить она повелѣваетъ. Проповѣдникъ сознаетъ эту мысль живо, — и въ ней вся жизнь его простаго слова.

Мнѣ пріятно было познакомиться лично съ такимъ человекомъ. Его наружная простота и ясность взора соответствовали простотѣ и ясности его поученій. Съ участіемъ

слѣдить онъ за произведеніями современной словесности. О. Записки лежали на столѣ. Надобно знать и ихъ такому Проповѣднику, который хочетъ прямо дѣйствовать на жизнь современниковъ. Шекспиръ въ переводѣ Кетчера былъ также тутъ: и онъ не лишнее для того, кто хочетъ изучать страсти человѣка, самъ охраняя себя отъ нихъ въ мирной пристани Вѣры.

Великолѣпнѣе видѣ на то мѣсто, гдѣ Шексна впадаетъ въ Волгу. По обѣимъ сторонамъ втекающей рѣки стоятъ два села: Петровское и Васильевское, и два храма возвышаются другъ противъ друга. Шексна при втокѣ вся загромождена судами. Волга, принявъ Шексну, потекла шире, глубже и еще голубѣе: она, кажется, потеряла желтизну своихъ мѣлей. Суда, разнообразныхъ формъ и наименованій, улицей стоятъ по ней. Вся широта Волги у пристани закрыта ими: оставленъ малый промежутокъ для проходящихъ.

Бурлаки, изъ Вятки, кончивъ свое дѣло, ждали лодки въ обратный путь до Нижняго и наняли по 2 пѣльковыхъ на брата. Въ живописныхъ положеніяхъ отдыхали они. Одинъ изъ нихъ пѣлъ пѣсню. Я подошелъ къ нему — и просилъ повторить ее. Одна у бурлака пѣсня, отбѣчалъ онъ: *весь пошелъ*.

Въ разговорѣ съ нимъ я замѣтилъ доброе отношеніе между этимъ сословіемъ и купеческимъ. «Отъ купцовъ мы живемъ, говорилъ онъ: ни намъ безъ купцовъ, ни купцамъ безъ насъ, нельзя жить». Счастлива та земля, гдѣ классъ рабочій такъ отзывается о классѣ промышляющемъ, гдѣ нѣтъ вражды между работникомъ и заставляющимъ работать.

Вятчане бурлаки всегда въ раздорѣ съ бурлаками Нижегородцами: какъ сойдутся, не могутъ не поссориться. Ссоры удѣльныя еще живы въ нашемъ низшемъ народонаселеніи. Вятчане цавокаютъ; Нижегородцы ихъ дразнятъ этимъ. — «Сказано: бурлакъ-то дуракъ», прибавилъ бурлакъ къ своимъ пересказамъ о своемъ сословіи.

Приходящіе изъ дальнихъ губерній завидуютъ бурлакамъ Рыбинскимъ, которые здѣсь зашибаютъ по 200, по 300 рублей въ лѣто. Приходящимъ надали не придется такъ.

Съ восторгомъ говорилъ бурлакъ о Волгѣ, смотря на нее. «У Волги-то видно золотое дно. Сколько народу отъ нея живетъ! Зимой не бываетъ столько извоза по всѣмъ концамъ нашей земли, сколько по одной Волгѣ лѣтомъ. Все-то она матушка беретъ, всѣхъ-то насъ кормить.» Какая чистая, простая и добрая благодарность заключалась въ этихъ словахъ къ той рѣкѣ, которой берега бурлакъ обливаетъ своимъ потомъ, которая разлучаетъ его съ семьей и служитъ поприщемъ для самыхъ тяжелыхъ трудовъ его. Добрый Русскій народъ помнитъ больше добро, а труда своего не помнитъ.

Пристань, рынокъ, лавки, главная площадь — все оживлено дѣятельностью. До 100,000 простирается кочующее населеніе Рыбинска. Торговля улучшила и гостиницы. Та, въ которой мы стояли, отличалась щегольскою чистотою и хорошимъ обѣдомъ, хотя не лзя не замѣтить, что кухня нижняго этажа подъ жилыми комнатами посылая въ нихъ жаръ, совершенно лишній въ Июль мѣсяцѣ.

Рыбинскъ оставилъ во мнѣ самое пріятное впечатлѣніе. Если къ его живописному мѣстоположенію, его торговлѣ и промышленности, образованіе приложить изящные дары свои, — онъ будетъ однимъ изъ прекраснѣйшихъ городовъ Русскихъ.

Выѣзжая изъ Рыбинска по березовой алѣѣ на Углицкую дорогу, мы встрѣтили двухъ дамъ, изъ которыхъ одна ѣхала верхомъ, а другая правила кабриолетомъ. Рыбинскъ *цивилизируется*.

Дорога къ Угличу весьма лѣсиста. Городъ замѣтенъ издали на берегу Волги. Множество храмовъ служитъ признакомъ его древности: 150 церквей считалось въ городѣ въ древнее время. Передъ въѣдомъ виденъ на столбѣ гербъ,

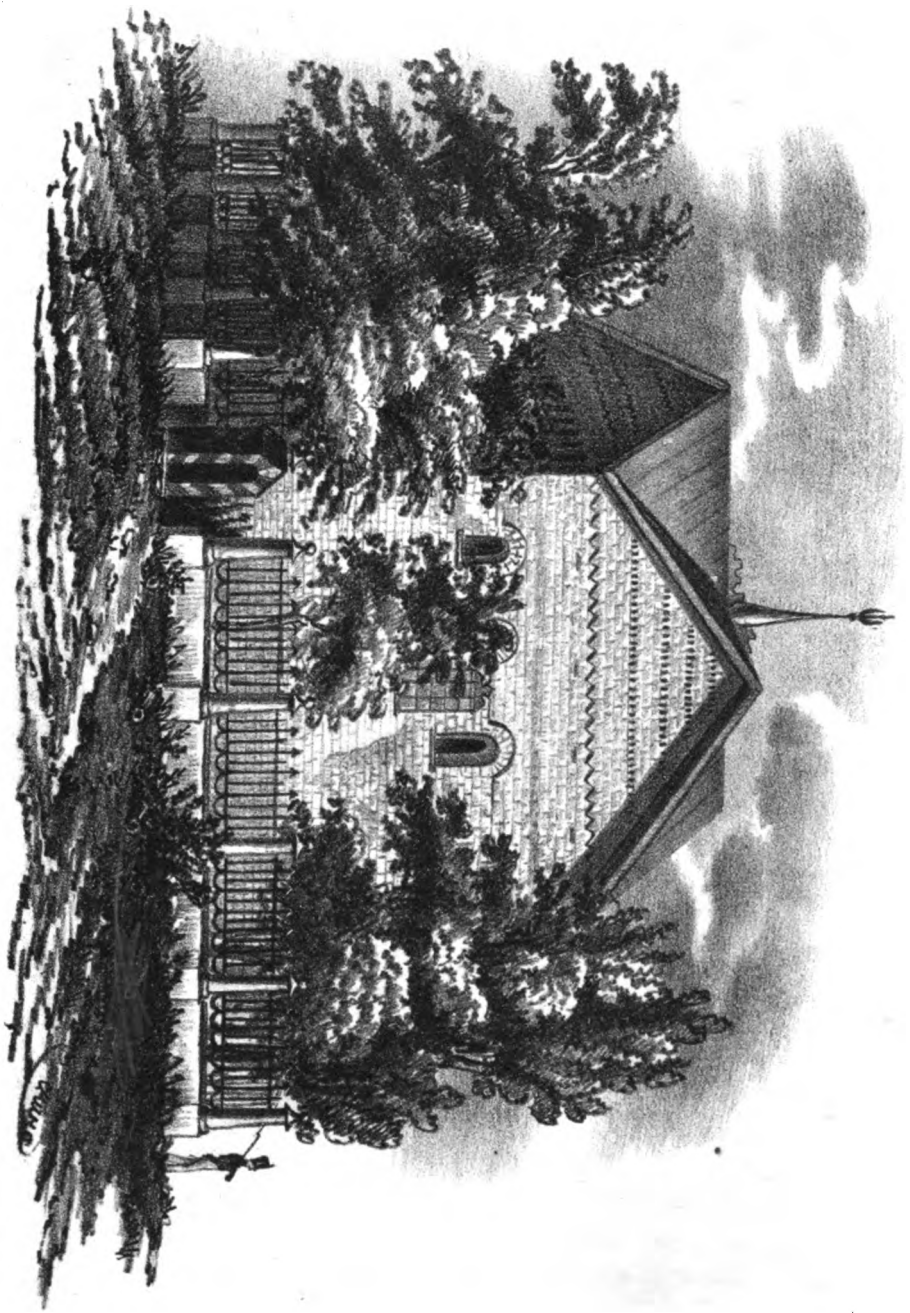
изображающій Св. Дмитрія Царевича: съ саблею въ рукѣ: въ этомъ гербѣ — мысль Императрицы Екатерины. Народъ постоянно хранитъ память о послѣдней отрасли Рюрикова дома, у него жившей, о младенцѣ-Угодникѣ Божіемъ, и съ благоговѣніемъ покланяется гербу-иконѣ своего города.

Мѣстоположеніе Углича тѣмъ особенно живописно, что здѣсь Волга дѣлаетъ довольно рѣзкій извивъ. Городъ стоитъ на ней какъ будто угломъ: угломъ выходитъ и противоположный берегъ. Отсюда, вѣроятно, и названіе Углича.

Соборная церковь строена при Петрѣ Великомъ на мѣстѣ древней. Она, безъ внутреннихъ столбовъ, поддерживаетъ огромный сводъ. Стиль ея простъ и величавъ. Замѣчательны двѣ древнія иконы: Углицкіи чудотворецъ, Кассіана и Павсія. Новая живопись храма принадлежитъ двумъ эпохамъ: Петровской и нашей. Первая представляетъ еще переходъ отъ иконописи къ живописи; вторая уже вовсе чуждается иконнаго стиля. Въ одной ракѣ хранятся остатки мощей Св. Романа Владиміровича, Углицкаго Князя, сожженныхъ Поляками въ 1611 году. Въ другой серебряной ракѣ хранится негнѣнный покровъ Царевича Дмитрія, вынутый изъ его гроба при вскрытіи святыхъ мощей его. Берегутся и носилки, на которыхъ Угличане провѣжали тѣло своего Угодника-Царевича въ Москву.

Красива и легка соборная колокольня, увѣчанная на верху посеребрѣнною крестоносною чашей.

Близъ собора находятся и теремъ Царевича Дмитрія: довольно высокое, какъ бы обрубленное со всѣхъ сторонъ, четверугольное зданіе въ два этажа. Березы осыпаютъ его кругомъ. Приложенный рисунокъ ознакомитъ съ его наружностью. Внутри, въ верхнемъ этажѣ, палата — одна большая комната. Окна изъ слюды: только и есть въ ней древняго. Но стѣны и потолокъ расписаны очень дурною современною кистью. И здѣсь, что-то неразумное усердіе нарушило старину въ пользу худой новизны. Но и сама

новизна уже успѣла испортиться отъ сырости. Штукатурка обвалилась. Извощикъ замѣтилъ: хотѣли оштукатурить дворець, да штукатурка не держится на стѣнахъ: не хочетъ того Димитрій Царевичъ. Въ нижнемъ этажѣ другая квадратная комната, да подвалы подъ нею. Здѣсь одинъ развалины, дающія поводъ къ толкамъ, что будто бы отъ дворца былъ тайный подземный проходъ на Волгу. Но ни исторія, ни изслѣдованія мѣстныхъ, не оправдываютъ этихъ предположеній.

Дворецъ Царевича сохранился потому, что онъ соединенъ для Угличанъ съ священнымъ именемъ Угодника Св. Димитрія. Памятники у насъ сохраняются по мѣрѣ своего высшаго, духовнаго значенія. Другимъ же мы не придаемъ такой цѣны.

Въ пятнадцати сажняхъ отъ дворца, на самомъ берегу Волги, находится церковь Св. Царевича Димитрія на кровѣ. Такъ называютъ ее, потому что построена на самомъ мѣстѣ убіенія. Прежде была здѣсь часовня, потомъ въ царствованіе Шуйскаго деревянная церковь, а при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, на его иждивеніи, выстроена каменная. Приглагаемый рисунокъ дастъ понятіе объ олтарѣ ея, который можетъ быть древнѣе, чѣмъ остальное зданіе. Святыней покрыта кровь, пролитая здѣсь: таковъ духъ нашего народа и нашей исторіи. Много чистыхъ и прекрасныхъ мыслей пробудитъ въ душѣ Русскаго этотъ олтарь. Кстати, голубь свилъ гнѣздо подъ его смиренною, низкою кровлей, и леталъ часто около этого мѣста, когда мы вокругъ него ходили, переносясь къ началу XVII вѣка нашей исторіи. Церковь хранитъ многія древнія и святыя драгоценности.

Чудный видъ на Волгу и на заволжскую сторону открывается здѣсь. Оба конца городского вала примыкаютъ къ рѣкѣ. Здѣсь народное гулянье расположено на мѣстахъ историческихъ. Бесѣдка его на мѣстѣ того монастыря, гдѣ Царица Марія, въ инокиняхъ Марѳа, мать Царевича, насильно

приняла постриженіе. Гротъ недалеко отъ рыбаго пруда, который былъ въ числѣ принадлежностей дворцовыхъ.

Домики разной величины тянутся далеко по сую сторону Волги, но есть часть города съ церковью и на той сторонѣ. Милостивныя села красуются тамъ вдали за Волгою: село Красное Г. Супонева и село Золоторучье, такъ названное отъ ручья, будто бы текущаго по золотому песку.

Кромѣ собора и церкви на крови, есть и другія замѣчательныя храмы въ Угличѣ: церковь во имя Св. Алексія Митрополита напоминала мнѣ своею главою въ образѣ архіерейской митры, подобную церковь въ Переславлѣ Залѣскомѣ, во имя Св. Петра Митрополита.

Пріятно мнѣ было познакомиться съ учителемъ исторіи въ Уѣздномъ училищѣ Углича, теперь уже Штатнымъ Смотрителемъ, О. Х. Кисселемъ. Онъ написалъ весьма дѣльную исторію города, къ сожалѣнію, мало у насъ извѣстную, потому что она напечатана въ Ярославской губернской типографіи, и потому что она не романъ и не сказка, а ученый трудъ. Для этой книги Авторъ воспользовался многими мѣстными лѣтописями, которыя здѣсь ходятъ въ рукописяхъ. Весьма скромно, живетъ честный труженикъ. Все современное въ литературѣ возбуждаетъ въ немъ участіе. Последнюю трудовую денгу употребляетъ онъ на выписку журналовъ. Всѣ памятники Углича и всю его древность знаетъ, какъ свои пять пальцевъ. Онъ былъ мой путеводителемъ по городу.

Насупротивъ дома, занимаемаго Уѣзднымъ училищемъ, есть домъ весьма старинный, должно быть архитектуры временъ Петра, съ какими-то древними изображеніями. Такіе дома можно еще встрѣтить только въ городахъ, подобныхъ Угличу. Сожалѣю, что время не позволило снять съ него вида.

Сожалѣю также, что не могъ познакомиться съ извѣстнымъ здѣсь любителемъ древностей, И. П. Серебряниковымъ.

Послѣднія мои путевыя впечатлѣнія были въ Твери. Я не буду отдавать въ нихъ подробнаго отчета, потому что принялъ ихъ слишкомъ быстро. Что же касается до древностей, Тверь имѣетъ ученыхъ знатоковъ этого дѣла, которымъ предоставляю подробное ея описаніе.

Я любовался Тверью, какъ изящнымъ Европейскимъ городомъ. Она процвѣла подъ управленіемъ теперешняго хозяина губерніи, А. П. Бакунина. Ея правильныя, опрятныя улицы, убранныя тротуарами, ея свѣтлыя площади, цвѣтушіе сады — по большей части, плодъ его неусыщной дѣятельности.

Соборъ отличается и внутреннимъ и внѣшнимъ благолѣпіемъ. Мощи Св. Михаила Тверскаго — первая его святиня. Въ церкви хранятся имена всѣхъ Тверскихъ Архипастырей, въ числѣ которыхъ красуется имя и нашего Московскаго Митрополита: прекрасный обычай, достойный подражанія. На правой рукѣ, за сѣверными дверями, показывали мнѣ икону съ надписью время Грознаго и съ именемъ того, кто ее заказывалъ. Она недавно открыта. Образа, представляющіе событія изъ жизни Михаила Тверскаго: его предсмертная молитва и самая кончина, заказаны ученику нашей школы живописи въ Москвѣ, свободному художнику Орлову, который, впоследствии, ихъ и исполнилъ съ большимъ успѣхомъ.

Отрочъ монастырь находится за Волгой. Келья Св. Филиппа Митрополита, гдѣ Малюта Скуратовъ совершилъ надъ нимъ убійство, превращена въ алтарь церкви одного изъ придѣловъ. Кладка зданія, потолокъ стрѣлками, какія-то углубленія внутри стѣнъ, служившія вѣрно для потребъ домашнихъ и похожія на тѣ, что я видѣлъ въ Александровскомъ Успенскомъ монастырѣ, свидѣтельствуютъ о древности, а прочее все уже новое. Соборный храмъ монастыря весьма благолѣпно устроенъ. Отецъ Архимандритъ Григорій подарилъ мнѣ свои духовныя Бесѣды на молитву Господню и на нѣ-

которыя избранныя мѣста. Св. Писанія: его краснорѣчивое слово растворено силою Аюстольскаго ученія.

Берегъ Волги, ведущій къ Отрочу монастырю, воздѣланъ недавно. Красивые домики, сады и огороды смѣнили грязь, неустройство и нечистоту.

И здѣсь въ Твери, гдѣ Волга недалеко еще отъ своего источника, гдѣ она не приняла въ себя ни одной важной рѣки, любуешься, однако, ея лазурною волною. И въ колыбели видна уже ея царственная осанка. Это таже родная мѣ Волга, которую въ ребячествѣ любовался я въ степяхъ Саратовскихъ: и въ младенчествѣ своемъ, она пророчить тотъ широкій разливъ, который совершаетъ на моей родинѣ.

Церковь во имя Св. Троицы за Тьмакою построена Гавриломъ Тимофеевымъ Тушинскимъ въ 1564 году, какъ значится въ сохранившейся тамъ надписи. Царскія двери, рѣзныя изъ дерева, съ украшеніями изъ слюды и свинца, достойны бы были того, чтобы сняла ихъ вѣрно кисть художника, какъ памятникъ древняго вкуса, весьма изящнаго. Въ верхнемъ ярусѣ церкви потаенныя три палатки, куда входъ черезъ крышу; здѣсь, какъ думаютъ, укрывались во время нашествія непріятельскаго, или сюда уносили сокровища. Есть и подземный ходъ отъ церкви, говорить, будто на полверсты.

Тверь служить поприщемъ чудесъ новой инженерной дѣятельности. Я видѣлъ мостъ черезъ Волгу для желѣзной дороги. Два огромные быка его уже готовы и ждутъ чугунной настилки, которая должна сдерживать 400 тысячъ пудовъ тяжести. Третьяго нельзя было поставить, потому что онъ стѣснилъ бы Волжское судоходство.

Черезъ Тьмаку дѣлается другой огромный мостъ.

Россія въ подобныхъ предпріятіяхъ должна бороться съ препятствіями своей колоссальной и необыкновенной природы, которыхъ другія страны не знаютъ.

Тверская губернія, благодаря просвѣщенной дѣятельности своего Начальника, имѣеть такую статистику, которая заслуживала бы подражаніе и въ другихъ губерніяхъ. Это не мое личное мнѣніе, а мнѣніе Географическаго Общества, которое, недавно, въ своемъ печатномъ отчетѣ, отдало справедливость достойнымъ трудамъ своего Д. Члена, Тверскаго Губернатора.

Въ Губернской Чертежной города Твери хранилось хозяйственное описаніе Тверской губерніи, которое составлено было въ 1783 году, по повелѣнію Императрицы Екатерины II и по случаю окончанія генеральнаго размежеванія. Составители статистики Тверской губерніи въ 1846 году имѣли въ виду описаніе 1783 года и предложили много значительныхъ выводовъ, изъ которыхъ нѣкоторыя сообщу.

Народонаселеніе всей губерніи, въ теченіи 63-хъ лѣтъ, увеличилось на 40 процентовъ. Въ сословіяхъ же произошли слѣдующія измѣненія. Дворянъ потомственныхъ мужескаго пола уменьшилось 2028. Въ одной Твери, напримѣръ, въ 1783 году считалось 210 муж. пола, а въ 1846 только 50. Число же дворянъ личныхъ вообще увеличилось болѣе чѣмъ вдвое, а въ одной Твери болѣе чѣмъ втрое. Духовенство уменьшилось болѣе чѣмъ одною третью. Купцовъ, считая въ томъ числѣ и Почетныхъ Гражданъ, объявившихъ капиталы, уменьшилось болѣе чѣмъ вдвое. Мѣщанъ же увеличилось почти втрое. Число казенныхъ крестьянъ возрасло на 54⁰/₀; число помѣщичьихъ почти на 24⁰/₀. Ямщиковъ увеличилось почти на 45⁰/₀.

Число селъ умножилось 41, и всѣ они помѣщичьи, а деревень уменьшилось 169.

Число церквей каменныхъ въ 1783 было 141; въ 1846 — 586. Деревянныхъ церквей въ 1783 году 643; въ 1846—272. Церквей всего увеличилось 74.

Училищъ въ 1783 году считалось 19, нѣкоторыя изъ нихъ были только-что учреждены. Училищъ теперь въ губерніи находится 115, и въ томъ числѣ 61 училище для крестьянскихъ дѣтей.

Въ 1783 году существовала одна только больница въ Твери; въ настоящее время ихъ считается 21.

Наибольшее число частныхъ домовъ выстроено въ Ржевѣ, Твери, Вышнемъ-Волочкѣ, Торжкѣ и Осташковѣ, т. е. въ тѣхъ городахъ, которые ведутъ наибольшую торговлю.

Любопытно бы было сличить, сколько было земли подъ лѣсомъ въ обоихъ годахъ. Впрочемъ, и теперь, почти третью часть всего пространства губерніи занимають лѣса.

Кожевеннымъ заводамъ принадлежитъ первое мѣсто въ ряду промышленныхъ заведеній губерніи. Цѣнность произведеній, на нихъ вырабатываемыхъ, равняется четвертой части цѣнности всѣхъ произведеній, какія вырабатываются на фабрикахъ и заводахъ всей Тверской губерніи, а эта цѣнность въ средней сложности составляетъ 2 милліона руб. сер. Количество выдѣлываемыхъ въ губерніи кожъ простирается до 200,000, которыя, большею частію, сбываются за границу черезъ С.-Петербургъ.

Любопытно видѣть разнообразныя промыслы по уѣздамъ.

Въ Корчевскомъ уѣздѣ 7 кожевенныхъ заводовъ, на которыхъ ежегодно выдѣлываютъ до 9,500 кожъ. Кромѣ обыкновенной кожи, на нихъ готовится бѣлая и черная юфта и разныхъ цвѣтовъ лайка. Кожи сбываются исключительно въ селѣ Кимрѣ. Здѣсь крестьяне шьютъ сапоги, башмаки и галоши, и сбываютъ ихъ въ Москву. Все, что въ Москвѣ продается готоваго товару въ этомъ родѣ, готовится преимущественно въ селеніяхъ Корчевскаго и Калязинскаго уѣздовъ. Я видѣлъ село Кимру: съ перваго разу замѣтны его довольство и богатство, происходящія отъ главнаго промысла. Корчева и Калязинъ даютъ Твери самое большее число сапожниковъ.

Кашинъ отличается пряничными заводами, на которыхъ готовится болѣе 1,000 пудовъ пряниковъ, и колбасными (до 800 пуд. колбасы). На бумажной фабрикѣ въ уѣздѣ выдѣлывается до 6,500 пудовъ оберточной бумаги.

Торжокъ славится сафьянами, штыми золотомъ и серебромъ. — Въ Новоторжскомъ уѣздѣ бумажная фабрика выдѣлываетъ 15,000 пудъ оберточной бумаги.

Фабричною и заводскою промышленностью, изъ всѣхъ уѣздныхъ городовъ Тверской губерніи, отличается по преимуществу Осташковъ. Бумагопрядильная фабрика его, принадлежащая Почетнымъ Гражданамъ Савинымъ, выдѣлываетъ ежегодно до 15,000 пудъ пряжи и сбываетъ ее въ С.-Петербургъ. Бумажная хлопка доставляется на фабрику изъ Остъ-Индіи, Америки и Египта, на собственныхъ корабляхъ владѣльцевъ. Въ уѣздѣ бумажная фабрика приготовляетъ ежегодно до 140 тысячъ аршинъ миткаля и холстинки. — Кожевенныхъ заводовъ считается болѣе 36, въ томъ числѣ нѣкоторые находятся при домахъ; на нихъ ежегодно выдѣлывается болѣе 113,200 кожъ. Кожи, приготовляемыя на заводѣ Почетныхъ Гражданъ Савиныхъ (до 50,000) и Мосягиной (до 15,000), отличаются своею добротою и отправляются въ большомъ количествѣ за границу черезъ С.-Петербургъ. — Послѣ кожевенной, въ Осташковѣ отличается своимъ развитіемъ желѣзная промышленность. Въ Осташковскихъ кузницахъ готовится весьма много разныхъ желѣзныхъ издѣлій, въ особенности топоры, косы и серповы, которыхъ примѣрно выдѣлывается каждый годъ болѣе 125,000 косъ, около 50,000 серповъ и 35,000 топоровъ. Мосягинъ топоры свои поставляетъ ежегодно въ Адмиралтейство, гдѣ они признаны за образцовые.

Хлѣбопашествомъ же всѣхъ бѣднѣе уѣздъ Осташковскій. Его болотистая почва тому причиною. Она, конечно, привела съ собою и то, что онъ развилъ въ себѣ промышленность другого рода. Озера и болота наполняютъ воздухъ парами, неблагопріятными для здоровья. Изъ этихъ болотъ и озеръ вытекаютъ Волга и Двина. Озеро Селигеръ или Столобное имѣетъ въ длину 45 версты. На немъ до 160 острововъ, изъ которыхъ Хотчинъ имѣетъ въ окружности болѣе 21 версты. Столобной славится монастыремъ Св. Нила Столобенскаго. Хотѣлось мнѣ тѣмъ же лѣтомъ посѣтить его, но я не успѣлъ.

Ржевъ славится своими пеньковопрядильнями, которыхъ въ городѣ считается 42; на нихъ ежегодно вырабатываютъ до 177,000 пудъ бичевы, веревокъ и канатовъ.—По торговлѣ Ржевъ занимаетъ первое мѣсто въ губерніи. Здѣсь купечество съ самыми значительными капиталами. С.-Петербургскій и Рижскій порты — поприще его торговли. — Въ уѣздѣ кожевенный заводъ выдѣлываетъ болѣе 12,000 кожъ, а въ деревняхъ, Муравьевой и Хорошовѣ, готовится ежегодно до 50,000 топоровъ.

Старица отличается также своими кузницами. Въ Старицкомъ уѣздѣ много ярмонокъ по селамъ, но все крестьянскія. Въ Зубцовскомъ также ихъ довольно — и все такія же.

Красный-Холмъ, заштатный городъ, готовится 1,000 пудъ сахарныхъ пряниковъ и около 2,600 пудъ колбасы.

Тверская губернія обильна и сыроваренными заводами. Въ Корчевскомъ, Кашинскомъ, и особенно Старицкомъ и Новоторжскомъ уѣздахъ, готовится ежегодно 4,550 пудъ сыру.

Народную промышленность собственно составляютъ кожи, сапоги и кузницы. Тверичи, какъ видно, отличные кожевники, сапожники и кузнецы.

Вотъ еще нѣсколько замѣчательныхъ итоговъ изъ статистическихъ таблицъ 1847 года.

Учащихся въ духовныхъ училищахъ 2,824; въ гражданскихъ 2,137.

Весьегонска мы не замѣтили въ числѣ городовъ, отличающихся какою либо фабричною или заводскою промышленностью, а между тѣмъ денежный оборотъ его внутренней торговли простирается на 454,818 р. сер. и превосходить всѣ другіе уѣзды. Вотъ чтò значить Молога въ Весьегонскѣ — и сбытъ хлѣба черезъ нее. Къ тому же разряду относится и Вышній-Волочокъ. — Осташковъ первый городъ по фабрикамъ и заводамъ, а между тѣмъ денежный оборотъ его внутренней торговли только 12,135 р. сер., почти въ восьмьеро менѣе противъ Ржева и почти въпятеро противъ

Зубцова, который очень бѣденъ заводами и фабриками. Количество запаснаго капитала изъ городскихъ доходовъ у Вышняго-Волочка и Весеьгонска самое бѣльшее, не смотря на то, что Весеьгонскъ два раза горѣлъ.

Училищъ казенныхъ 1,864 во всей губернии, помѣщичьихъ 90.

Число пожаровъ въ 1846 году было 157 по губернии; въ 1847 году 173. Убытку въ 1846 году причинено на 484,209 р. сер.; въ 1847 на 220,225 р. сер.

Выводы любопытные, которые могъ бы продлить статистикъ, въ этомъ дѣлѣ опытный, потому что материалы для того богатые.

Сожалю крайне, что не могъ видѣться съ моими достойными сослуживцами: время вакаціонное было тому причиною. Каждый изъ насъ нуждается въ сельскомъ отдыхѣ, безъ котораго непрочно труды академическаго года и невозможны особыя работы, требующія уединенія и досуга. Намъ отдыхъ есть работа на себя и для пользы науки.

22-го Января вечеромъ я былъ въ Москвѣ.

Не могу пропустить одного впечатлѣнія, которое испыталъ я за двѣ ночи до возвращенія нашего въ Москву. Мы ѣхали отъ Углича къ Калязину. Ровная гладкая, открытая степь разстилалась подъ нами кругомъ — и напоминала мнѣ безконечно-ровныя степи юга. Мы, казалось, скакали все по одному и тому же мѣсту — и степь не кончалась. Мѣсяцъ мало по малу всходилъ на небо — и сначала освѣщала только окраины своего небосклона и поля, а потомъ озарилъ и все небо, и всю степь. Усталый отъ дороги, я лежалъ въ какомъ-то полу-снѣ. Кругомъ меня, со всѣхъ сторонъ, во всю высоту небесъ, поднимались чудные, бѣлые соборные храмы съ своими золотыми главами, а надъ

ними вырастали исполинскія колокольни вплоть до зенита. Лишь только закрывалъ я глаза, какъ они поражали меня своимъ величiемъ, и куда я ни обращался, они, со всѣхъ сторонъ, сходились въ одинъ молитвенный соборъ, и потрясали мою душу своими гигантскими образами, какъ будто бы вся наша безконечная Россiя соединяла отъ всѣхъ концовъ свои храмы, которые отъ земли до вершины неба слагались въ одинъ неизмѣримый. Никогда не забуду я этого видѣнiя: такъ оно было поразительно.

Замѣтки мои отрывочны и разбросаны, какъ замѣтки всякаго путешественника. Но не смотря на то, всѣ онѣ сходятся около одной главной мысли, которая была путеводною нитью въ моемъ странствiи и будетъ такою же и во всей моей жизни.

СПИСОКЪ

рисунковъ, приложенныхъ ко второй части.

11. Видъ мѣста, называемаго Ивановымъ монастыремъ, во внутреннемъ дворѣ монастыря Кирилло-Бѣлозерскаго..... къ страницѣ 3
12. Изображеніе деревянной келии Св. Кирилла-Бѣлозерскаго, теперь обращенной въ часовню... къ стран. 4
13. Изображеніе тюрьмы-мѣшка, находящагося въ такъ называемой Московской башнѣ монастырской ограды..... къ страницѣ 6
14. Кадило 1668 года, хранящееся въ ризницѣ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, даръ двороваго человѣка Князя И. А. Воротынскаго, Никиты Осипова Неделикопова къ страницѣ 13
15. Изображенія, взятыя изъ Псалтири съ рисунками, данной вкладомъ въ монастырь въ 1594 году Бояриномъ Дмитріемъ Ивановичемъ Годуновымъ..... къ страницѣ 50
16. Изображеніе бердышей и сѣкиры, хранящихся въ монастырской оружейной..... къ страницѣ 52
17. Изображеніе пицали, пистолета и шишаковъ, хранящихся тамъ же къ страницѣ 52
18. Такъ называемый Синеусовъ курганъ на Бѣлозерѣ..... къ страницѣ 60
19. Видъ на соборъ Бѣлозерска, взятый съ древняго городского вала..... къ страницѣ 65

20. Женщина Бѣлозерская въ коронѣ, женскомъ головномъ уборѣ города Бѣлозерска..... къ страницѣ 70
21. Видъ Кирилло-Новозерскаго монастыря на Новомъ озерѣ..... къ страницѣ 86
22. Древняя деревянная церковь въ селѣ Бородавѣ..... къ страницѣ 90
23. Извощикъ Семень, типъ красиваго Русскаго юноши..... къ страницѣ 113
24. Теремъ Св. Дмитрія Царевича въ Угличѣ; къ стран. 124
25. Олтарь церкви Св. Дмитрія Царевича на крови..... къ страницѣ 125

омъ голъ
странѣ
на По-
грамѣ
Боро-
ранцѣ
скаго
анцѣ I
грам. I
кро-
вцѣ I

